

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Страхов Леонид Витальевич

**ВОРОНЕЖСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1867–1917 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор М. Д. Карпачев

Воронеж – 2017

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Становление организационно-правовых основ деятельности Воронежского губернского жандармского управления и обеспечение его функционирования	
1.1. Положение Воронежского губернского жандармского управления в системе учреждений политического сыска Российской империи.....	44
1.2. Личный состав и дислокация на территории губернии	75
1.3. Финансирование и вещевое снабжение.....	96
Глава 2. Формирование основных направлений и методов работы Воронежского губернского жандармского управления	
2.1. Определение направлений и развитие методов наблюдательной деятельности Воронежского ГЖУ.....	115
2.2. Изменение приемов расследования дел о государственных преступлениях.....	144
2.3. Организация наружного наблюдения и работа с секретной агентурой.....	172
Глава 3. Деятельность воронежской жандармерии в условиях меняющейся обстановки в регионе	
3.1. Поддержание правопорядка и защита безопасности губернии в XIX в.....	201
3.2. Борьба с политической преступностью и нейтрализация других угроз стабильности в регионе в 1901–1904 гг.....	227
3.3. Работа воронежской жандармерии в условиях революции 1905–1907 гг.....	247
3.4. ВГЖУ в послереволюционный период 1908–1914 гг.....	280
3.5. Особенности работы жандармской полиции в условиях Первой	

мировой войны.....	301
Заключение.....	327
Список использованных источников и литературы.....	337
Приложения.....	362

Введение

Органы государственной безопасности занимают особое положение в иерархии властных структур любой страны. Их роль в истории Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. подчеркнута тем, что политическая полиция в данный период была особенно сильно загружена работой.

В стране наблюдалось бурное развитие революционно-освободительного движения, воплощением которого стало шокирующее преступление – убийство Александра II 1 марта 1881 г. в результате террористического акта.

Также своеобразной кульминацией этого накала общественной борьбы, высшей точкой противостояния власти и общества стали Революция 1905–1907 гг. и 1917 г., которые по степени серьезности кризиса уступали, пожалуй, только Смутному времени начала XVII в. и превосходили любые другие массовые народные волнения, когда-либо до этого случавшиеся в России.

К тому же до восстания декабристов 14 декабря 1825 г. заговорщики никогда прежде в истории Российской империи не посягали на монархию как форму правления. Страна пережила Эпоху дворцовых переворотов, цареубийство Павла I. Но именно в XIX столетии декабристы впервые выдвинули идею свержения самодержавия как такового и попытались реализовать этот замысел, а уже через несколько десятилетий данную деятельность продолжила революционная интеллигенция.

Эти обстоятельства обусловили необходимость совершенствования полицейского аппарата государства, вложения в его реформирование дополнительных ресурсов. В результате к моменту падения самодержавия в

1917 г. Российская империя обладала современными «спецслужбами¹», не лишенными ряда недостатков, но хорошо организованными и имеющими богатый опыт работы. И тем не менее это не обеспечило стране гарантированной защиты от острого внутривластного кризиса, который привел к ее распаду.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью понимания всего комплекса причин, которые привели к революционным потрясениям в России сначала в 1905–1907 гг., а затем в 1917 г. Одной из них, несомненно, являются ошибки, допущенные при организации политической полиции страны, и недостатки в ее деятельности.

Важность изучения опыта правоохранительных органов, выявления их сильных сторон и недостатков обусловлена тем, что угрозы всплеска преступности, терроризма, возникновения уличных беспорядков являются актуальными для каждого государства, невзирая на его экономическое положение, форму государственного устройства и политический режим.

Также изучение полицейской системы важно для понимания истории государственных учреждений дореволюционной России. Оно раскрывает принципы формирования правительственного аппарата, механизмы взаимодействия различных органов власти: столичных и региональных, руководящих и подчиненных, независимых друг от друга.

Так как по долгу службы сотрудники государственной полиции касались практически всех сфер общественной жизни, в архивах царской политической полиции отложился богатый материал по социальной истории России, истории церкви, армии, института образования и т. д. Однако наиболее подробно документы жандармских управлений и охранных отделений освещают революционно-освободительное движение в стране. Более того, именно по этим архивам советской историографией была

¹ В тексте диссертации данный термин употребляется в кавычках, потому что он не применялся в исследуемое время.

восстановлена фактическая картина борьбы революционеров с царской администрацией.

В наши дни документы, оставшиеся от органов государственной безопасности, позволяют отойти от привычных однобоких оценок деятельности оппозиции и посмотреть на противостояние власти и общества еще и с точки зрения государства – его интересов и ценностей, базовыми из которых выступают поддержание порядка и сохранение стабильности.

Актуальность исследования политической полиции Воронежской губернии XIX – нач. XX в. обусловлена низкой степенью изученности данной темы. К истории правоохранительных органов региона ученые обратились сравнительно недавно – около десяти лет назад, и до сих пор нет ни одной комплексной монографии, раскрывающей в достаточно полной мере аспекты организации, содержания и деятельности хотя бы одного полицейского учреждения Воронежской губернии в царский период. Между тем, исследование воронежских жандармов и органов общей полиции несет в себе богатый краеведческий потенциал, так как раскрывает практически все направления общественной жизни региона.

Степень разработанности проблемы. Существует немало исторических исследований по истории политической полиции Российской империи XIX – начала XX вв. Однако до сих пор не создано ни одной специальной работы, посвященной комплексному изучению Воронежского губернского жандармского управления.

Отечественная историография темы царской политической полиции традиционно разделяется на три периода: труды дореволюционных авторов, историография советских лет и постсоветский период. На наш взгляд, следует согласиться с мнением М. Н. Иванцова, доказавшего в своей диссертации, посвященной отечественной историографии политической

полиции XIX – нач. XX в., что данный подход к периодизации является слишком условным и не отражает основных тенденций в развитии темы¹.

Более корректным является разделение историографии проблемы политической полиции на следующие этапы. Дореволюционный, характеризующийся закрытостью источников, в результате чего над историческими исследованиями преобладали работы юристов. Период 1917–1920-х гг., когда были открыты архивы учреждений политической полиции и началось их изучение профессиональными историками. 1930–1950-е гг., связанные с засекречиванием документов царских «спецслужб» и практически полным отсутствием исследований по данной теме. Период возрождения интереса к правоохранным органам Российской империи (конец 1950-х – сер. 1980-х гг.). Начало современного этапа изучения проблемы, характеризующегося полной открытостью источников, отсутствием идеологических барьеров и многосторонним интересом как к центральным, так и региональным органам царской политической полиции. Рассмотрим указанные периоды более детально.

Историки дореволюционной России уделяли небольшое внимание проблеме политической полиции. Объясняется это в первую очередь закрытостью самих правоохранных учреждений: их архивы оставались в ведомственном распоряжении, а деятельность не подвергалась общественной огласке. К тому же данная проблематика не совсем соответствовала предмету исторической науки. Органы политической полиции в тот момент продолжали свою деятельность. Шло активное противоборство с революционным подпольем. Поэтому ученым, являвшимся современниками и очевидцами этих событий, было сложно выделять причинно-следственные связи между отдельными фактами.

В результате исследованием политического сыска в большей степени занимались не историки, а юристы. Они анализировали теоретические

¹ Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 19.

вопросы полицейского права, в то время как аспекты практической деятельности правоохранительных органов оставались неизученными.

В отношении учреждений государственной полиции историография царского периода за редким исключением ограничивалась публикацией законов и кратких выдержек из официальных документов об органах политического сыска. Этого материала хватало лишь для скупых сообщений в журнальных статьях или учебниках.

Поэтому исследователи в большей степени затрагивали юридическую составляющую проблемы: изучали полицейское законодательство, правовые основы работы «спецслужб» и так далее. Одним из первых стало трехтомное издание Ф. И. Проскурякова¹. Дальнейшие шаги в изучении государственной полиции сделали в своих университетских курсах И. Н. Белявский, В. Ф. Дерюжинский и др.². Ими были охарактеризованы особенности полицейского права.

Первой исторической работой можно назвать краткую справку по истории Отдельного корпуса жандармов для энциклопедии Брокгауза и Ефрона, составленную А. И. Яновским³.

Неоценимую услугу исследователям полиции дореволюционного времени оказала правительственная комиссия, подготовившая и выпустившая в свет в 1902 г. юбилейный сборник «Министерство внутренних дел. 1802–1902 гг.». Составители кратко описали структуру входящих в министерство учреждений, опубликовали ряд важных документов, в том числе статистические материалы, характеризующие работу не только столичных полицейских органов, но и провинциальных учреждений. Однако деятельность III Отделения Собственной Е.И.В.

¹ Проскуряков Ф. И. Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов, составленное старшим учителем законоведения в С.-Петербургской Ларинской гимназии, кандидатом прав Ф. Проскуряковым: [в 3 т.]. СПб., 1856.

² Белявский И. Н. Полицейское право. Конспект лекций. Юрьев, 1904; Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пособие для студентов. СПб., 1908.

³ Яновский А. И. Жандармы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 22. СПб., 1894.

канцелярии, Департамента полиции МВД и их местных подразделений были отражены весьма поверхностно. Материалы сборника далеки от комплексного научного исследования, тем более что его составители и не ставили себе такую задачу.

Тему царской политической полиции, особенно ее юридическую сторону, активно развивали В. М. Гессен, Н. А. Гредескул, И. С. Урысон и др.¹. Проблемой борьбы государственной власти с революционным движением занимался В. Я. Богучарский². Автор опубликовал ценные источники по деятельности революционных народников, материалы политических процессов над ними. Государственная полиция в трудах В. Я. Богучарского представлена исключительно как репрессивный орган.

Первой попыткой осветить отдельные стороны деятельности III Отделения стала книга М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература»³. Ее ценность заключается в том, что автор стал одним из первых российских историков, допущенных к архивам III Отделения, поэтому его исследование основано на глубоком изучении первоисточников.

После разоблачения Е. Ф. Азефа определенный общественный интерес стала вызывать агентурная работа сыскных органов, деятельность осведомителей и проблема провокации. Этим вопросам было посвящено несколько исследований⁴.

Тем не менее наиболее ценной оказалась литература, написанная сотрудниками самих полицейских учреждений⁵. Они имели доступ к

¹ Урысон И. С. Агент-provokator по действующему уголовному праву // Право. 1907. № 32, 33. Стб. 2196–2202; Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908; Он же. О неприкосновенности личности. СПб., 1908; Гредескул Н. А. Террор и охрана. СПб., 1912.

² Богучарский В. Я. Государственные преступления в России в XIX в. (1825–1876 гг.) СПб., 1906; Он же. Из истории политической борьбы в 70–80-х годах XIX века. М., 1912; Он же. Третье отделение о самом себе // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 85–126.

³ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855. Изд. 2-е. СПб., 1909.

⁴ Напр.: Глинский Б. Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы // Исторический вестник. 1912. Т. 127. № 2.

⁵ Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта: Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. Белецкий С. П., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.

источникам, а громадный служебный опыт позволял рассуждать о проблемах правоохранительной структуры царской России. Среди небольшого перечня работ отдельное внимание необходимо уделить исследованию А. А. Лопухина. В отличие от многих своих коллег автор вышел далеко за рамки составления мемуаров. А. А. Лопухин осуществил попытку комплексного анализа документов и материалов, к которым он имел доступ как бывший директор Департамента полиции МВД, что позволяет рассматривать книгу именно как полноценное исследование. Тем более что основные выводы в этом труде были подтверждены историками последующих лет.

Достаточно глубокий анализ царских «спецслужб» был проведен в другой книге полицейских руководителей, которые, как и А. А. Лопухин, выделили основные недостатки существовавших правоохранительных органов и обосновали необходимость их реформирования. С. П. Белецкий и П. Руткевич проследили процесс становления системы органов государственной безопасности, характеризуя их проблемы и недостатки на каждом из этапов формирования.

В целом дореволюционные авторы выделили основные этапы становления и развития полицейских учреждений, проанализировали существующее законодательство, определяющее их компетенцию и организационно-правовую структуру, выявили некоторые недостатки органов власти, отвечающих за борьбу с политической оппозицией. Поэтому можно сказать, что еще в царский период был заложен фундамент в изучении истории полицейских учреждений Российской империи.

После Февральской революции была создана Чрезвычайная следственная комиссия, расследовавшая незаконные действия бывших министров и других должностных лиц. Одним из итогов ее работы стала публикация стенографических отчетов допросов руководителей

политической полиции, которой занимался историк П. Е. Щеголев¹. Параллельно с ней действовала комиссия, занимавшаяся изучением архивов Департамента полиции и обнаружением документов «спецслужб» прежнего режима. Так у исследователей появилась возможность ознакомиться с материалами этих учреждений, что обусловило обогащение историографии проблемы.

Первые попытки проанализировать новые документы предприняли в своих трудах сами члены комиссии². С. Б. Членов и другие авторы занимались в первую очередь изучением тактики агентурной работы политической полиции, приемов вербовки сотрудников и их продвижения по иерархии революционного подполья. Выявлялись личные данные осведомителей с целью их розыска и привлечения к ответственности. Однако эта работа была, конечно, далека от комплексного и объективного изучения системы органов политического сыска царской России.

В советской историографии 1920-х гг. тема политической полиции развивалась как второстепенное направление на фоне изучения истории революционного движения. На объективности исследования правоохранительной системы царской России серьезно сказались идеологические ограничения. Однако большое значение для историографии проблемы имело введение в научный оборот значительного объема источников и то, что впервые к изучению царской политической полиции приступили профессиональные историки³.

Следует отметить книгу И. М. Троцкого «III Отделение при Николае I», которая была опубликована в 1930 г., а затем переиздана в 1990 г. уже

¹ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. В 7 т. Л., 1925–1927.

² Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919.

³ Вельский М. Как «стряпали дела» охранки // Известия Воронежского Губкома РКП(б). 1922. № 8. С. 77–78; Бухбиндер Н. А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926; Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М.–Л., 1928; Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930 и др.

после смерти автора¹. Автор одним из первых обратился к изучению агентурной деятельности и методов политического сыска первой половины XIX в. Не ставя себе задачу всестороннего анализа николаевской государственной полиции, автор достаточно подробно охарактеризовал отдельные стороны работы III Отделения.

Арестованный в 1887 г. и после этого начавший карьеру в политической полиции бывший революционер Л. П. Меншиков после выхода в отставку в 1907 г. вновь перешел в стан оппозиции и передавал подпольщикам имена секретных агентов полиции. В 1920-е гг. он написал книгу об истории тайных политических организаций, существовавших в Царской России².

В 1930-е гг. архивы полицейских учреждений Российской империи были засекречены, поэтому дальнейшая разработка темы политического сыска (в том числе губернских жандармских управлений) осуществлялась незначительным кругом лиц, имевших соответствующий допуск, а результатами их трудов пользовались исключительно сотрудники спецслужб³.

Новый виток интереса к истории политической полиции был связан с «оттепелью» 1950-х гг. В этот период активно разрабатывалась проблематика истории государственных учреждений царской России. В данном контексте изучалась и полиция. Наиболее ценными исследованиями по этой теме являются труды П. А. Зайончковского и особенно его ученика Н. П. Ерошкина⁴. Авторы определили положение «спецслужб» в структуре государственных учреждений страны. Проследили процессы преобразования жандармской полиции в контексте борьбы с революционным движением.

¹ Троцкий И. М. III Отделение при Николае I. Л., 1990.

² Меншиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существующих за время самодержавия. Ч. 1. М., 1925; Ч. 2. М., 1929; Ч. 3. М., 1932.

³ Напр.: Сватиков С. Г. Заграничная агентура Департамента полиции. М., 1941.

⁴ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х – нач. 90-х гг. М., 1970; Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Он же. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

Изучили структуру местных государственных органов и положение ГЖУ в системе местной администрации.

Юридическую сторону деятельности царской полиции активно изучали советские специалисты по истории государства и права¹.

Касаясь органов политического сыска, советские исследователи останавливались на изучении отдельных вопросов, связанных с освещением обстоятельств борьбы социал-демократов с полицией, разоблачением агентов-провокаторов. В целом царские правоохранительные органы (особенно государственная полиция) характеризовались с отрицательной стороны – как репрессивный институт самодержавия².

Однако уже в это время отдельные авторы отходят от привычных схем и вносят новаторские подходы в исследовании истории правоохранительных органов. Например, Д. И. Шинджикашвили в своей монографии «Сыскная полиция царской России в период империализма» переосмыслил традиционные оценки всех полицейских агентов как «провокаторов» и выделил отдельную категорию информаторов – «осведомителей»³. Автор изучил взаимоотношения между различными ветвями правоохранительных органов: общей, сыскной и государственной полицией, сравнил методы борьбы с нарушениями уголовного законодательства и с посягательством на государственный строй. Ценность исследования заключается в том, что оно стало одним из первых, специально посвященных царским правоохранительным органам.

¹ Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, 1974 и др.

² Эренфельд Б. К. Дело Малиновского // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 106–116; Он же. Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью царской тайной полиции // Вопросы истории КПСС. 1979. № 12. С. 84–94; Соловьев М. Е. Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции II Государственной думы // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 124–129; Кознов А. П. Борьба большевиков с подрывной агентурой в период реакции (1907–1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 12. С. 66–70 и др.

³ Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.

Историографию проблемы значительно обогатили исследования И. В. Оржеховского¹. Автор изучил формирование III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, обратил внимание на образование местных учреждений политической полиции, на взаимодействие новых подразделений с региональными властями, раскрыл их штаты и подсчитал общее количество чинов Корпуса жандармов в различные периоды его истории. Подводя своеобразные итоги деятельности политической полиции России до образования ДП МВД, автор проанализировал материалы ревизии члена Верховной распорядительной комиссии И. И. Шамшина, из которых выходило, что III Отделение к закату своей деятельности уже не справлялось со своими обязанностями, пребывало в глубоком кризисе и требовало реформирования.

Н. А. Троицкий посвятил ряд исследований политическим процессам по делам революционеров в 1870-е гг.². Также историк попытался дать оценку законности и эффективности деятельности правоохранительной системы царизма³. Однако в своих выводах автор опирался в основном на позицию радикалов XIX в. и не выходил за рамки господствующей идеологии.

В 1980-е гг. вышли в свет первые диссертации, посвященные системе государственной полиции Российской империи⁴. В большей степени они затрагивали центральные органы ДП МВД и ОКЖ или учреждения столичных городов. Региональный аспект проблемы политического сыска все еще оставался на периферии сферы научных интересов исследователей.

¹ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России, 1826–1880. М. 1982.

² Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы, 1871–1880. Саратов, 1976.

³ Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866–1895 гг. М., 1979.

⁴ Ярмыш А. Н. Политическая полиция Российской империи (1880–1904 гг.): Автореф дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1978; Перегудова З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема): Автореф дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Овченко Ю. Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880–1904 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989 и др.

Своеобразным итогом изучения советскими исследователями аспектов деятельности политической полиции Российской империи стала монография Н. Н. Ансимова, опубликованная под занавес существования Советского союза¹. В рамках традиционного подхода, устанавливающего исключительность роли партии большевиков в борьбе с самодержавием, автор раскрывает методику работы государственной полиции: приемы ведения наружного и секретного агентурного наблюдения, способы осуществления оперативно-розыскных мероприятий, процедуру проведения дознаний, применение научно-технических достижений (фотографирования, дактилоскопии, различных экспертиз). Одним из первых Н. Н. Ансимов обратил внимание на вклад в развитие полицейского дела ярких руководителей, например, С. В. Зубатова.

В целом результаты трудов советских ученых по изучению истории царской политической полиции являются противоречивыми. С одной стороны, на историографию проблемы наложили серьезный отпечаток идеологические установки, цензура и усложненная процедура допуска к архивным материалам. Политическая полиция Российской империи исследовалась исключительно как орган, противостоявший революционному народничеству, затем социал-демократам и подавлявший различные народные выступления. Другие аспекты многогранной деятельности царских «спецслужб» практически не затрагивались исследователями.

С другой стороны, в это время правоохранительная система Российской империи стала предметом изучения профессиональных историков, которые раскрыли ряд важных тем и ввели в научный оборот большое количество источников. Была исследована организационная составляющая дореволюционных органов политической полиции и показано их место в структуре государственных учреждений России. Большое

¹ Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия. Свердловск, 1989.

внимание авторы уделяли приемам и методам деятельности правоохранителей, особенно агентурной работе и наружному наблюдению.

В начале 1990-х окончательно пали все идеологические ограничения, были полностью открыты архивы центральных полицейских ведомств: ОКЖ, III Отделения и ДП МВД. Исследователи политической полиции получили доступ к материалам местных фондов. Это подтолкнуло ученых к дальнейшему изучению правоохранных структур самодержавия. В отличие от советской историографии изучению подверглись все стороны деятельности этих органов, появились различные оценки их эффективности, законности применяемых методов и др.¹. Значительный рост интереса к проблемам политического сыска царской России обусловил появление ряда монографий по данной проблеме в постсоветское время².

Видным из них является труд З. И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917)». Автор подробно осветила структуру ДП МВД, функции его отделов («делопроизводств»), изучила организацию местных органов политической полиции: ГЖУ, ЖПУ ж. д., РОО и охранных отделений. Детально была рассмотрена деятельность заграничного отдела Департамента. З. И. Перегудова осветила основные пути получения полицейскими информации: через секретную агентуру, наружное наблюдению и перлюстрацию. Исследование внесло значительный вклад в развитие историографии проблемы царской политической полиции. В 2013 г. оно выдержало второе издание³.

В книге Санкт-Петербургского исследователя Ф. М. Лурье «Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917» впервые понятие «провокатор» было отделено от термина «полицейский агент». Анализируя сущность первого из этих явления, автор пришел к

¹ Брачев В. С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.

² Жухрай В. М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991; Он же. Провокаторы. М., 1993; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917. СПб., 1992; Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993 и др.

³ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2013.

выводу, что далеко не каждый секретный сотрудник занимался провокацией, а сама она рассматривалась полицейским руководством как серьезное нарушение и соответствующим образом наказывалась.

Исследования этих двух авторов максимально воспроизвели организационно-правовую структуру ДП МВД, полномочия его отдельных делопроизводств. Была показана роль центрального полицейского ведомства в организации и направлении работы провинциальных учреждений. Схожей тематикой занимается Р. В. Очкур¹.

Проблеме полицейской агентуры посвящены исследования Л. Г. Прайсмана². Автор раскрыл всю сложность организации взаимоотношений между полицейскими агентами и их кураторами, показал, что жандармы и сотрудники охранных отделений берегли свою агентуру, предоставляли защиту провалившимся осведомителям и даже оказывали им материальную помощь.

А. Г. Чукарев сделал глубокий анализ структуры III Отделения, опубликовал и изучил первые должностные инструкции, данные жандармам императором Николаем I. Уделил внимание выдающимся деятелем III Отделения, в частности, первому шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, управляющему III Отделением М. Я. Фоку и др. Своеобразным результатом его многолетней исследовательской работы стала публикация монографии по истории III Отделения, являющаяся фундаментальным трудом по этой тематике³.

Г. Н. Бибилов провел детальное исследование деятельности А. Х. Бенкендорфа и первых лет существования III Отделения и Корпуса жандармов⁴.

Комплексное исследование всей полицейской системы Российской империи начала XX в. от министерства до уездной полиции осуществил Ю.

¹ Очкур Р. В. Полиция России. Век XVIII– век XX. М., 2010.

² Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

³ Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. М., 2005.

⁴ Бибилов Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

А. Реент. В ходе работы над монографией ученый применил ряд новаторских подходов. В частности, Ю. А. Реент доказал несовершенство традиционного в историографии подхода к изучению агентурной работы, наружного наблюдения и перлюстрации как методов работы политической полиции. Эти направления деятельности рассмотрены исследователем в качестве способов сбора информации¹.

Изучение царской полицейской системы продолжается отечественными юристами². Значительный вклад в накоплении фактического материала и методологическую составляющую исследований внесли организованные академиями МВД и ФСБ России научно-практические конференции в период с 1997 по 2000 гг.³, а также публикация под редакцией В. С. Измозика сборника «Жандармы России: политический розыск в России XV–XX в.» в 2002 г. В частности, в него были включены воспоминания, которые оставили сотрудники государственной полиции А. М. Поляков и Н. А. Кравец⁴.

Появляются исследования взаимоотношений органов государственной полиции с другими структурами: прокуратурой, армией и др.⁵.

С. М. Казанцев доказал, что органы прокуратуры принимали активное участие в расследовании политических преступлений, оказывая юридическую помощь жандармам при проведении дознаний. Исследование показало достаточно большое количество ошибок, допускаемых

¹ Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.). Рязань, 2001.

² История полиции России: Краткий ист. очерк и основные документы: Учеб. пособие / [под ред. Курицына В. М.]. М., 1998; Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX века: Хрестоматия / Сост. и вступит. ст. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 1999; Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность: Учеб. пособие. М.; Ростов-на-Дону, 1999.

³ Российские спецслужбы. История и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке 1997–2000 гг. / под ред. А. А. Здановича, М. Н. Петрова, В. Н. Хаустова. М., 2003.

⁴ Жандармы России: Полит. розыск в России. XV–XX в. / сост. В. С. Измозик. СПб., 2002.

⁵ Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993; Вязьмитинов М. Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 89–93.; Хутарев-Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

дознателями ГЖУ, которые нередко приводили к невозможности довести дело до суда и необходимости решать его в административном порядке.

Взаимоотношения жандармов и военных в годы Первой мировой войны исследованы в диссертации В. В. Хутарева-Гарнишевского. На основе богатого источникового материала автор убедительно показывает, что военные с большим недоверием, иногда перерастающим в неприязнь, относились к политической полиции. Ее обвиняли во вмешательство во внутренние дела частей, внедрение агентов-provokatorov и шпионство за армией. Однако из тех же материалов диссертации видно, что в годы войны военные и жандармы выполняли огромные объемы совместной работы по обеспечению охраны военнопленных, проведению мобилизаций и защите от деятельности иностранных шпионов.

Также проблемами участия политической полиции в борьбе с военным шпионажем занимаются Б. А. Старков¹, А. А. Зданович² и В. О. Зверев³.

В целом в это время историки обращают внимание на отдельные аспекты полицейской службы: специфические направления работы, например, регулирование религиозных отношений⁴ и даже выходят специальные исследования по истории обмундирования сотрудников правоохранительных органов⁵. Масштабное исследование по истории российской перлюстрации провел В. С. Измозик⁶.

¹ Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи, 1903–1914. СПб., 2006.

² Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004.

³ Зверев В. О. Иностраный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М., 2016.

⁴ Лукьянов С. А. Роль МВД дореволюционной России в регулировании религиозных отношений. М., 2003.

⁵ Горобцов В. И., Гонюхов С. О. Российская полиция в мундире. Учебное пособие. М., 2000.

⁶ Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века: монография. М., 2015.

Перспективной, активно разрабатываемой проблемой является изучение истоков российского политического террора. Особое внимание в ходе исследований, конечно, уделено политической полиции – анализу ее методов и конкретных мер, предпринимаемых против радикалов. Одним из основоположников данного направления в историографии стал О. В. Будницкий¹. Ученый выделил политические, экономические, культурные, социальные предпосылки развития революционного терроризма в России. Прослеживаются различные этапы идеологического обоснования убийства политических противников, показано влияние террора на общество и государственные институты, в первую очередь, политическую полицию.

Со второй половины 1990-х гг. защищаются диссертационные исследования по истории региональных подразделений политического сыска². В результате историография проблемы обогатилась за счет изучения региональных особенностей в организации учреждений политической полиции, тех особых условий, в которых они действовали и проблем, с которыми сталкивались помимо борьбы с революционным движением (необходимостью контролировать большое количество ссыльных в сибирских губерниях, работать с этническим и религиозным меньшинством в национальных окраинах, противостоять аграрному движению в Центральной России и др.). В данный период несколько работ посвящаются отдельным выдающимся деятелям отечественных «спецслужб»³.

¹ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.

² Дорохов В. Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005; Белова А. В. Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры: 1867–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2008; Гончарова, Е. А. Местные органы политической полиции России в 1902–1914 гг.: на материалах Саратовской и Самарской губерний: Автореф. дис. ... канд. ист. наук Саратов, 2008; Бакшт Д. А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2015 и др.

³ Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове. Жизненный путь руководителя личной охраны Николая II. М., 2009; Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX в. и В. Ф. Джунковский. М., 2012 и др.

Со второй половины XX в. интерес к политической полиции Российской империи появляется у иностранных историков. Публикуется несколько исследований под авторством ученых из ближнего зарубежья¹. Западными исследователями российская политическая полиция рассматривалась в общеевропейском контексте, при этом большое внимание уделялось заграничным структурам ДП МВД. Помимо этого авторы посвящали свои труды и базовым проблемам – агентурной работе, организации системы политического сыска в России и взаимодействию друг с другом ее отдельных структурных элементов². Новаторство иностранных исследователей заключается в применении междисциплинарного подхода к изучению истории государственной полиции дореволюционной России. Так, например, через составление социологического и психологического портрета личности, а также применяя методы психоанализа, Н. Шлейфман объяснила мотивы, которыми руководствовались люди, предлагая свои услуги полиции в качестве секретных агентов. Рассматривая деятельность осведомителей, автор обращала внимание на поведенческие особенности людей в условиях необходимости вести скрытный образ жизни, боясь быть разоблаченным.

Общий объем вышедшей литературы оказался достаточным для публикации специальных историографических исследований по изучению полицейской тематики³.

¹ Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска на Украине в конце XIX – начале XX веков. Киев, 1992; Гейфман А. В сетях террора: Дело Азефа и Русская революция. М., 2002; Королев В. И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма. Симферополь, 2007; и др.

² Schleifman N. Undercover agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party 1902–1914. Hong-Kong, 1988; Zuckerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880–1917. New York, 1996; Zuckerman F. The Political Police, War and Society in Russia, 1914–1917 // Authority, Identity and the Social History of the Great War / ed. by F. Coetzee, M. Shevin-Coetzee. Oxford, 1995 и др.

³ Гомонова С. А. Политическая полиция России конца XIX – нач. XX в. в отечественной историографии // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 11. № 6. 2009. С. 84–89; Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – нач. XXв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 и др.

На фоне серьезной разработанности темы политического сыска в ряде регионов и по стране в целом существует небольшое количество публикаций, посвященных Воронежской жандармской полиции, как и в целом правоохранительным органам губернии.

В дореволюционной историографии тема региональных подразделений Корпуса жандармов не изучалась, поэтому в этот период не было написано ни одной работы по истории ВГЖУ.

Советские исследователи активно пользовались жандармским архивом, когда эти документы были доступны. Однако на основе данных материалов авторы занимались изучением проблем революционно-освободительного движения в Воронежском крае, восстанавливали хронику происходивших в регионе важных событий, но не ставили себе задачу исследовать ВГЖУ непосредственно.

В частности, занимаясь реконструкцией событий восстания Воронежского дисциплинарного батальона 18–19 ноября 1905 г., К. А. Сокут использовал депешу начальника ВГЖУ полковника В. З. Тархова от 16 ноября 1905 г., в которой он предупреждал руководство Корпуса жандармов об угрозе мятежа. Этот документ был опубликован автором в приложении¹.

Отдельные документы ВГЖУ по революционному движению в Воронежской губернии в годы первой российской революции были опубликованы в сборнике И. Г. Воронкова и А. А. Шеховой².

В 1960–1980-е гг. стало выходить еще больше исследований по истории освободительного движения в Воронежском крае, выполненных во многом на основе материалов фонда ВГЖУ и документов политической полиции из центральных архивов³. В этих публикациях нет никакой

¹ Сокут К. А. Вооруженное восстание Воронежского дисциплинарного батальона в 1905 г. Воронеж, 1930. С. 15.

² Революционное движение в Воронежской губернии 1905–1907 гг.: Сборник документов и материалов / под ред. И. Г. Воронкова; А.А. Шеховой. Воронеж, 1955.

³ Севастьянова Т. М. Революционерки Воронежа. Воронеж, 1967; Дмитриев Г. М. Организация «Наши» и ее деятельность // История СССР. 1968. № 3. С. 188–193; Дмитриев Г. М., Карпачев М. Д. Революционное движение в Воронежском крае в

информации об организации жандармского управления, его ресурсах и совершенствовании методов работы, а оцениваются правоохранные структуры сугубо отрицательно, в дух советской историографической традиции. Однако фактический материал позволил сделать некоторые выводы об интенсивности деятельности воронежских «спецслужб».

В постсоветский период местная историография обогащается исследованиями деятельности не только народников и социал-демократов, но и других оппозиционных сил Российской империи. В целом общественная жизнь Воронежской губернии стала изучаться более широко. При этом авторы с еще большим интересом стали обращаться к архивным делам ВГЖУ¹.

В этот период некоторые авторы дают свои оценки эффективности жандармской полиции, включая воронежское управление. Прежде всего, необходимо отметить О. Н. Квасова, занимающегося наиболее близкой к политическому сыску проблемой терроризма². Анализируя материалы следственных дел ГЖУ, историк сделал вывод о слабости агентуры жандармской полиции и о поспешности проведения ликвидаций революционных групп, в результате чего лидеры радикалов и наиболее опасные террористы оставались на свободе³.

землевольтский период (вторая половина 1870-х гг.) // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 40–51; Воронежские большевики в трех революциях, 1905–1917 / Г. В. Бердников [и др.]. Воронеж, 1985 и др.

¹ Похороны Н. Ф. Бунакова. Новые материалы [подг. А. Н. Акиншин] // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 3. Воронеж, 1994. С. 144–149; Михалев О. Ю. Воронежская администрация в борьбе против либеральной оппозиции в 1906–1907 г. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 110–114; Квасов О. Н., Разиньков М. Е. Анархисты в Воронежской губернии в начале XX в.: к постановке проблемы // Воронежский вестник архивиста. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 77–86; Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Воронежская губерния в первой российской революции (1905–1907 гг.). Воронеж, 2006 и др.

² Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). Воронеж, 2005; Он же. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс. ... док. ист. н. Воронеж, 2015;

³ Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911). Воронеж, 2005 (далее – Квасов О. Н. Революционный терроризм...). С. 163–164.

В 1996 г. А. Н. Акинъшиным и О. Г. Ласунским был опубликован очерк об агенте ВГЖУ А. Н. Васильеве¹. Авторы дали достаточно негативную характеристику работы политической полиции, показав А. Н. Васильева как в некоторой степени жертву жандармов, втянувших его в агентурную работу.

А. А. Куцеволов негативно оценил деятельность ВГЖУ, так как в Воронежской губернии часто проходили собрания революционеров и в регион незамеченными приезжали многие подпольщики².

Определенную неприязнь воронежского духовенства к жандармам фиксирует в своем исследовании С. А. Иконников, указывающий на то, что ВГЖУ критически оценивало воронежскую церковь, что не всегда было обоснованным³.

М. Д. Карпачев, характеризуя положение воронежского крестьянства накануне падения самодержавия, наоборот, обращает внимание на грамотность офицеров ВГЖУ, правильно и достаточно подробно характеризовавших в своих отчетах обстановку в регионе⁴.

Авторы этих исследований лишь частично касаются проблематики политической полиции, поэтому сделанные ими выводы, посвященные правоохранительным органам Воронежской губернии, требуют определенного уточнения.

¹ Акинъшин А. Н., Ласунский О. Г. Пахарь духовной нивы: Историко-краеведческие этюды. Воронеж, 1996.

² Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии: конец XIX в. – 1918 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

³ Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2015.

⁴ Карпачев М. Д. Архивные свидетельства о настроении населения Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Воронежский вестник архивиста. Вып. 7. 2009. С. 117–131; Он же. Воронежское жандармское управление об общественных настроениях в губернии в годы Первой мировой войны // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Материалы XVIII региональной научной конференции. М., 2014. С. 162–167.

Первые шаги в изучении ВГЖУ непосредственно сделал В. Г. Шамаев¹. Исследователь опубликовал множество интересных архивных документов, ярко отражающих деятельность воронежских «спецслужб», и сопровождал их научными комментариями. Но, к сожалению, автор не ставил цель довести свою работу до комплексной монографии по истории воронежской жандармерии.

С 2010-х гг. проблемы организации и деятельности ВГЖУ и общей полиции² Воронежской губернии входят в сферу научных интересов А. В. Перегудова. Автор раскрыл ряд аспектов организации воронежской жандармерии: изучил материальное положение офицеров и нижних чинов ОКЖ, кадровое обеспечение ВГЖУ, обратился к проблеме восприятия жандармской службы российской общественностью, рассмотрел отдельные обязанности управления политической полиции, например, борьбу со шпионажем в годы Первой мировой войны, проследил процесс разбора документов из жандармского архива после Февральской революции³. Тем не

¹ Шамаев В. Г. На страже государственной безопасности: из истории Воронежского губернского жандармского управления. Воронеж, 2005; Он же. Во имя спокойствия и безопасности державы: страницы истории службы государственной безопасности Воронежского края. Воронеж, 2008.

² Перегудов А. В. Сыскная полиция города Воронежа. Страницы истории. Воронеж, 2016.

³ Перегудов А. В. Критерии отбора нижних чинов на службу в Губернское жандармское управление в начале XX века (на материалах Воронежского управления) // Electronic scientific and educational journal «History», 2012. Вып. 7(15). [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <http://history.jes.su/s207987840000214-4-2-gu> (дата обращения: 17.03.2015); Он же. К вопросу об уровне жизни губернского жандарма в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Школа-конф. мол. ученых ин-та Рос. истории Рос. акад. наук (мат-лы конф.). [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <http://mkonf.igiran.ru/papers.php?id=103> (дата обращения: 2.05.2014); Он же. От осведомителя до провокатора один шаг: из истории борьбы жандармов и революционеров на рубеже 1870–1880 гг. // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. / Под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж, 2012. С. 57–78; Он же. Воронежское губернное жандармское управление: структура, численность, кадровый состав // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2013. Вып. 20. С. 146–158; Он же. Об образовании Воронежского губернского жандармского управления и его первом руководителе // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 145–148; Он же. «... В самое ближайшее время перевести архив и все дела жандармского управления в такое помещение, где они были бы в большей безопасности» // Воронежский вестник архивиста. Научно-информационный ежегодник. Вып. 11–12. Воронеж, 2013–2014. С. 196–201; Он же. Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 109–115; Он же. Санаторий Отдельного корпуса жандармов: необходимость учреждения и

менее автор не занимался другими важными аспектами работы жандармского управления: проблемами агентурной работы и наружного наблюдения, особенностями наблюдательной и следственной деятельности.

Также необходимо отметить краткую информационную статью о ВГЖУ, которую написал В. Л. Елецких¹. В вышедшем в 2016 г. сборнике «Два архивных документа» был опубликован доклад следователя А. Я. Морозова по делу о Воронежской рабочей боевой дружине, в котором упоминается о трагической гибели сына унтер-офицера ВГЖУ В. Малюкова².

Помимо ВГЖУ в Воронежской губернии действовало и другое подразделение Корпуса жандармов – Воронежское жандармское полицейское управление железных дорог. До сих пор аспекты его деятельности почти не отражались в историографии. Практически единственной публикацией по теме является статья В. В. Мыщикова³.

Анализ степени изученности проблемы полицейских органов Российской империи позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на довольно весомый пласт конкретно-исторических исследований, посвященных проблемам функционирования политической полиции государства, эта тема еще не исчерпала себя и является, безусловно, перспективной для будущих поколений историков. На фоне достаточно глубокого освещения проблем центральных правоохранительных органов исследование тех же вопросов на уровне провинции выглядит не достаточно

опыт функционирования // История: факты и символы. 2016. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <https://historic-journal.ru/2016/sanatorij-otdelnogo-korpusa-zhandarmov-istoriya-i-neobxodimost/> (дата обращения: 12.01.2017); Он же. Русские жандармы в Первой мировой войне: от подвига к дискриминации (на примере Воронежской губернии) // Военно-исторический журнал. 2016. № 9. С. 44–49; Перегудов А. В., Страхов Л. В. Уездная полицейская стража Воронежской губернии, формирование и взаимодействие с жандармским управлением // Вестник Воронежского института МВД России. № 1 / 2017. С. 17–22. и др.

¹ Елецких В. Л. Мундиры голубые. Из архивов воронежской жандармерии // Шеф. 2013. № 1. С. 30–32.

² Морозов А. Я. Доклад по делу о Воронежской рабочей боевой дружине // Два архивных документа. М., 2014. С. 51.

³ Мышков В. В. Из истории жандармского полицейского надзора на ЮВЖД // Российская цивилизация: история и современность. Межвуз. сб. науч. ст. Воронеж, 1998. Вып. 1. С. 129–143.

полным. И если в одних регионах история местных ГЖУ и охранных отделений написана, то в других подобных исследований все еще не существует. К сожалению, Воронежская губерния до сих пор относится скорее ко второй категории.

Объектом исследования является система органов политической полиции Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Предмет исследования – организационные основы, кадровое и материально-техническое обеспечение, а также результаты деятельности Воронежского губернского жандармского управления.

Хронологические рамки исследования соответствуют годам существования ВГЖУ и охватывают период с образования жандармских управлений по «Положению о Корпусе жандармов» 9 сентября 1867 г. до ликвидации жандармерии по решению Временного правительства 4 марта 1917 г. Все приводимые даты соответствуют использовавшемуся в исследуемую эпоху стилю, то есть Юлианскому календарю.

Территориальные границы исследования охватывают Воронежскую губернию, которая в пределах изучаемого периода насчитывала 12 уездов. Этим регионом была ограничена зона ответственности ВГЖУ, что обусловило такой выбор.

Цель исследования состоит в выявлении организационно-правовых основ, методов работы ВГЖУ, степени его обеспечения необходимыми кадровыми и материальными ресурсами, а также в определении результатов деятельности политической полиции второй половины XIX – начала XX в. по материалам местного жандармского управления.

Для достижения поставленной цели, в диссертационном исследовании необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) показать место ВГЖУ в полицейской системе России: его подчинение руководящим органам, а также взаимодействие с другими властными структурами;

2) выявить процесс становления нормативно-правовой базы выполнения жандармами их наблюдательных, сыскных и следственных обязанностей;

3) проанализировать уровень финансового, материально-технического и кадрового обеспечения Воронежской жандармерии и его изменений в условиях смены общественно-политической обстановки в регионе;

4) определить основные каналы, по которым в управление поступала информация: работу с наружным наблюдением и секретной агентурой. Рассмотреть изменение методов и интенсивности данной работы, степень ее эффективности и законности;

5) поэтапно проследить главные итоги деятельности ВГЖУ в 1867–1917 гг., выделить основные достижения и недостатки работы политической полиции губернии.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым обобщенным исследованием формирования и функционирования Воронежского губернского жандармского управления, выполненным на основе широкой источниковой базы.

Изучен процесс формирования ВГЖУ и совершенствования методов его деятельности с учетом общероссийских тенденций и изменений местной обстановки. Раскрыт кадровый состав воронежского управления: возрастной уровень сотрудников, их социальное происхождение и степень образованности. Впервые исследована динамика объемов финансирования и выявлено состояние агентурной работы воронежской жандармской полиции с момента образования управления и до его упразднения. На основе исследования составляемых начальниками ВГЖУ политических обзоров впервые изучены оценки офицеров жандармской полиции социального, политического и экономического положения в регионе, а также общественных настроений в Воронежской губернии. Показано, что жандармов интересовал весь спектр протекающих в подконтрольном районе процессов, а не только уровень преступности и состояние революционного

движения. Выделены основные особенности в организации и деятельности ВГЖУ, обусловленные спецификой Воронежской губернии как аграрного региона с частыми крестьянскими беспорядками.

Важным элементом новизны исследования является введение в научный оборот значительного комплекса архивных документов, которые не только разъясняют аспекты организации и деятельности ВГЖУ, но и дополняют представление обо всей системе политической полиции Российской империи. Исследование соответствует специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования ее материалов для написания обобщающих трудов по истории полиции Российской империи второй половины XIX – начала XX в., исследования государственного аппарата страны в целом и для комплексного изучения революционных процессов в России, их предпосылок и конкретных причин. Результаты исследования могут быть включены в образовательные курсы как средних, так и высших учебных заведений (исторические дисциплины «Отечественная история», «История государственных учреждений», «История Воронежского края» и курсы юридических дисциплин). На основе материалов диссертации могут быть составлены тематические экспозиции в музеях, выявленная информация может быть включена в научно-справочные издания, словари и энциклопедии.

Методологическая база исследования основана на фундаментальных принципах исторического познания: историзме и объективности. Логика построения текста исследования базируется на проблемно-хронологическом методе. Применение системного метода позволило изучать ВГЖУ не как обособленную единицу, а как элемент целостной полицейской системы России. Анализируя комплекс нормативно-правовых актов и статистических материалов, автор применил методы юридических наук и социологии, в чем проявился междисциплинарный подход.

В исследовании задействованы общенаучные методы теоретического познания и логики: анализ и синтез, что позволило сделать осознанные выводы из изучаемого материала и установить причинно-следственные связи отдельных аспектов организации и деятельности ВГЖУ. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить отдельные результаты работы политической полиции в разные периоды истории Российской империи: во вторую половину XIX в., в начале XX в., в годы революции 1905–1907 гг., в период относительной стабилизации 1908–1914 гг. и в годы Первой мировой войны.

Положения, выносимые на защиту

1) В результате проведенного исследования было установлено, что жандармское управление являлось ключевым подразделением политической полиции в Воронежской губернии. Полномочия местного жандармского полицейского управления железных дорог не выходили за пределы зоны железнодорожной инфраструктуры, поэтому все действия сотрудников транспортной полиции вне этих границ были обусловлены соответствующими просьбами со стороны начальника ВГЖУ.

2) Анализ источников показал, что при действовавших штатах местные жандармы не могли выполнять свои служебные обязанности исключительно собственными силами. Как во время расследования государственных преступлений, так и в работе по наблюдению за ситуацией в регионе управление нуждалось в помощи со стороны общей полиции и администрации губернатора.

3) В ходе работы над диссертацией было установлено, что расходы ВГЖУ на служебные командировки, агентурную деятельность и наружное наблюдение неуклонно увеличивались с начала XX в. При этом вплоть до 1911–1912 гг. они регулярно превышали размеры отводимого финансирования. Низкое содержание провинциальных управлений являлось фактором, препятствующим жандармам совершать необходимое количество

служебных командировок, увеличивать агентуру, предоставлять своим секретным сотрудникам большее вознаграждение.

4) Из проанализированных материалов видно, что деятельность ВГЖУ в целом носила законный характер. Имевшие место нарушения сроков предварительного заключения под стражей, затягивание расследований, проведение задержаний и обысков без веских оснований носили единичный характер и порицались руководством государственной полиции. При этом прокуратура вела наблюдение за законностью действий правоохранительных органов. Также в России действовали механизмы, позволяющие подать жалобу на сотрудников «спецслужб».

5) В ходе проведения дознаний по политическим преступлениям воронежские жандармы столкнулись с трудностью доказательства вины обвиняемых, поэтому многие дела, даже особенно важные, основанные на ликвидации многочисленных групп местного революционных подполья, не доводились до судов. В результате обвиняемые лица либо выходили на свободу, либо отправлялись в ссылку, где продолжали свою антиправительственную деятельность. В условиях действовавшего законодательства и при имевшейся у сотрудников ВГЖУ юридической подготовке пресечь незаконные действия даже известных властям революционеров удавалось далеко не всегда.

6) На основании изученных источников можно сделать вывод о постоянном совершенствовании жандармами ключевых способов получения информации. Выявлено, что с начала XX в. приоритетным направлением становится агентурная работа. Путем распространения столичных инструкций во всех региональных подразделениях постепенно внедряется передовой опыт вербовки сотрудников, защиты агентов от провалов. Появляются механизмы обеспечения безопасности самой политической полиции от мошенников и двойных агентов из числа революционеров. Воронежским жандармам это позволило сформировать в 1908 г. устойчивую

агентурную сеть, насчитывающую в разные годы от 20 до 50 секретных сотрудников.

7) В ходе исследования было обнаружено, что сотрудники ВГЖУ четко представляли основные угрозы стабильности в регионе, к которым они относили не только деятельность революционеров, но и экономические, социальные проблемы, всевозможные кризисные явления, возникающие по тем или иным причинам. В целом жандармские отчеты и донесения являлись важнейшим каналом, позволяющим правительству отслеживать обстановку в регионах.

8) В условиях Первой мировой войны ВГЖУ смогло приспособиться к возросшей нагрузке в связи с командированием ряда сотрудников на фронт, а также появлением дополнительной работы по ведению военной контрразведки. Жандармы продолжали исполнять свои прямые служебные обязанности по освещению внутривнутриполитической обстановки в регионе и защите государственной безопасности.

Источниковую базу исследования составляет широкий круг материалов, которые можно разделить на неопубликованные и опубликованные.

В основе исследования лежит широкий круг неопубликованных архивных источников. Значительная часть документов представлена материалами Государственного архива Воронежской области (ГАВО) фондами И-1 «Воронежское губернское жандармское управление» (ВГЖУ) г. Воронеж, И-6 «Канцелярия Воронежского губернатора», И-213 «Воронежское жандармское полицейское управление железных дорог», И-277 «Борисоглебское отделение Воронежского жандармского полицейского управления железных дорог. г. Борисоглебск, Тамбовской губернии» и Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области ф. 5 «Историко-партийная комиссия».

Особенностью архивного фонда Воронежского губернского жандармского управления является практически полное отсутствие

документов за 1867–1880-е гг. За первый год после образования управления сохранилось только одно дело, в котором содержатся указания и инструкции штаба ОКЖ и Главного интендантского управления Военного министерства по хозяйственным вопросам, полученные ВГЖУ с 14 ноября 1868 г. по 8 сентября 1891 г.¹. Поэтому первые десятилетия истории ВГЖУ исследованы по материалам центральных архивных учреждений.

Материалы, извлеченные из архивного фонда ВГЖУ, условно можно разделить на несколько категорий. Большую ценность представляют циркулярные указания и инструкции III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, Департамента полиции МВД и штаба ОКЖ. Для местных жандармских подразделений (в том числе для ВГЖУ) это были основные руководящие документы, уточнявшие положения законодательства, направлявшие и объединявшие деятельность правоохранительных органов разных регионов. В ведомственных циркулярах и инструкциях, выходивших под грифом «секретно» и «совершенно секретно», определялась тактика деятельности сыскных органов, раскрывались приемы полицейской работы. Этот материал наиболее достоверно освещает процесс реформирования полицейских органов Российской империи.

В ГАВО указанная категория документов представлена не в полном объеме и систематизирована по тематическому принципу, что потребовало обратиться к материалам, сосредоточенным в Государственном архиве Российской Федерации, где данная документация хранится в хронологическом порядке. В совокупности это позволило подойти к изучению данных источников более системно: выявить хронологический порядок их появления, определить преимущественные направления деятельности государственной полиции.

Не менее ценной является различная отчетная документация по наблюдению за настроениями жителей региона, следственной работе, деятельности наружного наблюдения и секретной агентуры. Эти документы

¹ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1.

содержат сведения о результатах работы воронежской жандармерии, но требуют тщательной проверки материалами внутреннего делопроизводства, так как отчетная документация не всегда отличалась безусловной достоверностью.

Наиболее ценными отчетами являются политические обзоры Воронежской губернии, составляемые начальниками ВГЖУ и направляемые в разное время на имя командира ОКЖ или шефа жандармов. К обзору прилагались подлинные отчеты жандармских офицеров, по материалам которых составлялся итоговый документ. Эта практика просуществовала с 1871 по 1913 гг. До 1877 г. обзоры составлялись 2 раза в год: в январе и в июле, с 1877 по 1887 гг. один раз в год – в январе. После 1887 г. разрешалось подавать годовой отчет до 15 марта¹.

Руководящие циркуляры указывали примерный перечень тем, которые следовало освещать в политических обзорах: общественные настроения, деятельность политически неблагонадежных лиц, экономическое положение губернии, вопросы образования, печати и литературы. Впрочем, в циркулярах делался акцент на то, что жандармские офицеры не должны быть ограничены рамками этих рекомендаций и включать в годовые обзоры любые сведения, которые могут быть важными для столичного руководства в политическом отношении².

Политические обзоры Воронежской губернии являются очень ценным источником, так как позволяют выявить, какие проблемы общественной жизни губернии начальники ВГЖУ считали первостепенными и каким они видели положение региона в целом: в политическом, социальном и

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 14, 54, 54 об.

² Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб., 1903 (далее – Краткий систематический свод...). С. 157.

экономическом плане. Однако в ГАВО, к сожалению, сохранились только три годовых политических обзора за 1884, 1885 и 1886 гг.¹.

Важным источником является переписка ВГЖУ с канцелярией губернатора, Воронежским ЖПУ ж. д., командованием военных частей, расквартированных на территории губернии. Эти документы позволили проследить характер взаимоотношений сотрудников жандармского управления с местными гражданскими и военными властями.

В архивном фонде ВГЖУ отложился значительный объем внутренней делопроизводственной документации: списки лиц, за которыми был установлен гласный и негласный надзор полиции, материалы деятельности филеров и секретных агентов, донесения и рапорты унтер-офицеров ВГЖУ, справки о политической благонадежности и др. Данные материалы не всегда систематизированы, носят неполный характер, но точно и достоверно отражают масштабы непосредственной деятельности политической полиции.

Материалы дознаний (протоколы арестов, обысков, допроса обвиняемых, акты осмотра вещественных доказательств, постановления о заключении под стражу) показывают ход следственной работы, дают возможность оценить ее масштабы и эффективность, проверить законность методов работы политической полиции. В фондах ГАВО сохранился значительный объем подобных документов, систематизированных в хронологическом и тематическом порядке. Это дало возможность в ходе исследования выделить наиболее массовые политические преступления в Воронежской губернии и определить, какие категории населения чаще других были подвержены протестным настроениям.

Особую ценность представляют материалы дознаний по громким политическим преступлениям, совершенным на территории Воронежской губернии (например, покушение на губернатора М. М. Бибикова 23 апреля 1908 г.²), и производства, возбужденные в результате ликвидации крупных

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 15, 20, 22.

² Там же. Оп. 1. Д. 997.

антиправительственных групп в регионе (дело группы «американцев» 1902–1903 гг.¹ и др.).

Деятельность жандармского управления отражает широкий спектр справочной документации: материалы о забастовках рабочих, крестьянских волнениях, деятельности общественных организаций и профсоюзов, сведения о предприятиях региона, выполнявших оборонные заказы в 1915–1917 гг. Представлены списки учеников учебных заведений, отдельных категорий рабочих, личные данные земских деятелей. Материалы о принятии мер против распространения инфекционных болезней, об улучшении санитарного состояния городов, о предотвращении неурожаев и падежей скота указывают на достаточно широкий круг интересов ВГЖУ, выходящих далеко за рамки борьбы с антиправительственным движением.

В фонде ВГЖУ содержатся значительные объемы материалов политических партии и революционных организаций (программы, листовки, переписка). Эти документы дополняют периодические обзоры революционного движения, рассылаемые в ГЖУ из ДП МВД. Данные источники позволили выявить степень осведомленности ВГЖУ в делах местного подполья и российского революционно-освободительного движения в целом.

Информацию о кадровом и финансовом обеспечении ВГЖУ содержат материалы финансовых отчетов (сметы, оправдательная документация на служебные расходы управления, ведомости с указанием жалования сотрудников), личные дела офицеров и нижних чинов ВГЖУ, их послужные и формулярные списки. Данные источники в точности и наиболее полно отражают штаты управления и личные данные сотрудников в конце XIX – нач. XX века. Материалы за 1870–1880-е гг. дополнены источниками из фондов центральных архивов.

Исключительную важность при изучении штата ВГЖУ и его дислокации по территории губернии представляют отчеты по строевой части,

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 198.

направляемые начальниками ВГЖУ в штаб ОКЖ. В них содержатся сведения о личном составе управления. Списки отражают уровень образования офицеров жандармерии, его социальное и семейное положение, в них прослеживается служебный путь офицера, указаны имеющиеся у него государственные награды и др.

В фонде И-6 «Канцелярия Воронежского губернатора» ГАВО наибольшую ценность для изучения ВГЖУ представляют материалы переписки между офицерами жандармерии и канцелярией губернатора. Эти документы использовались при изучении взаимоотношений жандармов и представителей местной администрации по вопросам обеспечения безопасности в регионе, распределения обязанностей между ВГЖУ и общей полицией.

Информация о взаимодействии ВГЖУ с воронежским управлением ЖПУ ж. д. хранится в фонде И-277 «Борисоглебское отделение Воронежского жандармского полицейского управления железных дорог. г. Борисоглебск, Тамбовской губернии». Особая ценность этих материалов заключается в том, что после гибели основного фонда Воронежского ЖПУ ж. д. в годы Великой Отечественной войны эти материалы остаются в местном архиве практически единственным свидетельством об учреждении. На сегодняшний день фонд транспортной полиции губернии насчитывает всего лишь три единицы хранения¹. В этих делах отложились только приказы начальника Воронежского ЖПУ ж. д. по строевой и хозяйственной части, а также ведомости по выдаче жалования за 1914–1916 гг.².

Также необходимо отметить, что в ГАВО сохранилась картотека воронежского жандармского управления. Именно на ее основе сотрудники ВГЖУ выдавали справки о благонадежности. Также она активно

¹ Перегудов А. В. Источники по истории органов политического сыска Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX века (по материалам Государственного архива Воронежской области) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С. 147.

² ГАВО. Ф. И-213. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

использовалась при расследовании политических преступлений. Сами по себе карточки малоинформативны. В них указывается лишь ФИО занесенного в картотеку лица и указан год, когда человек по той или иной причине попадал в поле зрения жандармов. Однако здесь же указываются ссылки на те дела, в которых фигурирует данное лицо.

На сегодняшний момент сохранилось около 30 тыс. карточек. В ходе исследования картотека ВГЖУ позволила проследить судьбу воронежских политических преступников и ход проводимых в их отношении дознаний.

В ф. 5 «Историко-партийная комиссия» Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области содержатся материалы, которые в большей степени посвящены противостоянию революционеров и полиции, рабочим и крестьянским выступлениям. Следует отметить, что в данном фонде отложились копии из архивных дел ВГЖУ, сделанных советскими писателями или политическими деятелями для написания мемуаров, поэтому этот вторичный материал был проверен документацией основного фонда жандармского управления.

Значительный комплекс материалов по ВГЖУ сосредоточен в фондах Государственного архива Российской Федерации. В ф. 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел» и ф. 109 «Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии» содержится отчетная документация: итоговые политические обзоры, сохранившиеся применительно к Воронежской губернии за 1870–1890-е полностью и за определенные годы с 1901 по 1913 г., обзоры по отдельным направлениям, которые подавались с 1913 по 1917 гг. (о грабежах, терактах и других преступлениях, по аграрным и рабочим беспорядкам, о деятельности общественных организаций и профсоюзов), материалы завершенных дознаний, отчеты по агентурной работе и наружному наблюдению, позволившие выявить количество секретных агентов ВГЖУ, их социальные портреты, определить отводимое на агентурную деятельность финансирование.

В ф. 110 «Штаб Отдельного корпуса жандармов» отложились документы по личному составу и хозяйственной части ВГЖУ, позволяющие проследить кадровые изменения в управлении, выявить информацию о налагаемых на чинов ВГЖУ взысканиях, о материально-техническом и финансовом обеспечении. Особое внимание было уделено материалам инспекторских проверок ВГЖУ, которые периодически проводились начальником управления и столичным руководством. В этих документах отмечено, на каком уровне находился личный состав ВГЖУ и какими критериями руководствовались проверяющие из штаба ОКЖ при оценке местных подразделений Корпуса жандармов.

В материалах фонда сохранились приказы по строевой и хозяйственной части ВГЖУ с 1896 по 1915 гг. В этих документах содержатся сведения о награждении и взысканиях с сотрудников управления, материалы осмотра личного состава, о назначениях и смещении со службы, указан порядок проведения занятий с нижними чинами ВГЖУ и др. С учетом материалов ГАВО эти документы позволили детально изучить внутренний распорядок воронежского жандармского управления.

Интересным источником являются жалобы на воронежских жандармов, в разные годы подаваемые в штаб Корпуса жандармов частными лицами и представителями государственных структур. Эти материалы позволяют оценить законность работы ВГЖУ и отношение общественности, а также государственных служащих к политической полиции.

Используемые опубликованные источники классифицируются на документы (нормативно-правовые акты, статистические и справочные издания, прочие документальные материалы, выпущенные в тематических сборниках и исследовательской литературе) и мемуарные повествования.

Правовые основы деятельности ВГЖУ выявлены из официальных собраний нормативно-правовых актов государства («Полное собрание

законов Российской империи», «Свод законов Российской империи»¹) и подзаконных актов, выходявших в специальных ведомственных сборниках². Так как организация Корпуса жандармов носила военизированный характер, в работе использованы акты военного законодательства («Свод военных постановлений»³), «Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск»⁴).

При исследовании следственной деятельности ВГЖУ использованы статьи о политических (государственных) преступлениях сводов уголовного законодательства Российской империи⁵.

Юридические документы наиболее полно и точно отражают правовую базу деятельности царской политической полиции, обязанности и полномочия ее подразделений, дают представление об их финансировании, кадровом и материальном обеспечении.

Многие документы жандармской полиции публиковались исследователями. В этом ключе необходимо отметить материалы стенографических отчетов работы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию незаконных действий бывших министров и других

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., [1830–1884], Собр. 3-е. СПб., [1885–1916]; Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 1.: Устав уголовного судопроизводства.

² Сборник узаконений для руководства чинов полиции и корпуса жандармов: при исследовании преступлений по судебным уставам 20 ноября 1864 года и правилам, высочайше утвержденным 19 мая 1871 года / сост. В. П. Мордухай-Болтовской. СПб., 1872; Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. В. И. Добряков. СПб., 1903; Систематический сборник Циркуляров Департамента Полиции и Штаба Отдельного корпуса Жандармов, относящихся к обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний / сост. С. В. Савицкий. СПб., 1908.

³ Свод военных постановлений 1869 года. Кн. 7. Прохождение службы по Воен. вед-ву. Изд. 2-е (по 1 янв. 1907 г.). СПб., 1907.

⁴ Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск / изд. В. А. Березовский. Изд. 2-е, неофиц. СПб., 1894; Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск изд. В. А. Березовский. Изд. 2-е, неофиц. Варшава, 1904; Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов / сост. И. П. Залесский. СПб., 1910.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 4-е. М., 1872; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-е. СПб., 1904; Уголовное уложение: [Высоч. утвержд. 22 марта 1903 г.] – СПб.: Сенат. тип., 1903. – 144 с.

должностных лиц¹. Публикация документов политической полиции продолжается и в наши дни. В 2000-е гг. вышли сборники, составленные И. Е. Щербаковой и М. В. Сидоровой², и состоялась публикация документов, выполненная Н. Д. Литвиновым³.

Материалы опубликованных справочных и статистических изданий позволили уточнить и проверить данные, выявленные из неопубликованных архивных источников. Большое значение в исследовании штатов ВГЖУ имели ежегодные «Списки общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов⁴» и изданный Главным архивным управлением НКВД СССР в 1940 г. «Справочник-список офицерского и рядового состава, жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России⁵». Издание содержит краткие биографические данные сотрудников царских «спецслужб», что было использовано при уточнении социального портрета чинов ВГЖУ.

Сведения об уровне преступности в Воронежской губернии, информацию о кадровых перестановках в ВГЖУ, адреса, по которым располагались канцелярии управления и другие справочные и статистические данные выявлены из Памятных книжек Воронежской губернии, в которых данная информация отражена наиболее полно⁶.

¹ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. В 7 т. Л., 1925–1927.

² Агентурная работа политической полиции Российской империи: Сб. док. 1880–1917 / сост. И. Е. Щербакова. М., 2006; «Россия под надзором»: Отчеты III Отделения 1827–1869 гг.: Сб. документов / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М., 2006.

³ Террор и агентура в Российской империи. 1861–1917. Сборник документов, материалов, воспоминаний / авт.-сост. Н. Д. Литвинов. Воронеж, 2007.

⁴ Например, список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исп. по 1 июля 1915 г. Пг., 1915.

⁵ Справочник-список офицерского и рядового состава, жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России. М., 1940.

⁶ Памятная книжка Воронежской губернии на 1895. Воронеж, 1894; Памятная книжка ... на 1901 г. Воронеж, 1901; Памятная книжка ... на 1902 г., 1902 и др.

Ценные сведения содержат воспоминания видных офицеров политической полиции. Большинство мемуаров были написаны ими в эмиграции в 1920-е гг. Они выходили небольшими тиражами и оказались недоступными в России вплоть до 1990-х гг. Книги А. П. Мартынова, П. Г. Курлова, П. П. Заварзина и других стали достоянием отечественных исследователей и общественности благодаря публикации их московским исследователем З. И. Перегудовой¹. В 2009 г. она подготовила к публикации воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева².

К сожалению, никто из сотрудников воронежского жандармского управления не оставил своих воспоминаний.

Руководители политического сыска описывают внутреннюю сторону полицейской службы, дают свою оценку преобразованиям правительства в сфере правоохранительных органов, рассуждают о недостатках царских «спецслужб» и о причинах поражения самодержавия в борьбе с революционными силами.

Данные источники, конечно, требуют проверки. Авторы различались по степени осведомленности и на многие вещи имели свой личный взгляд, не совпадающий с другими составителями мемуаров. Каждый из них оценивал полицейское дело со своей стороны. Однако сравнительный анализ всей полноты личных источников позволяет выявить объективную информацию. Воспоминания, оставленные офицерами политической полиции, дополняет мемуарная литература сторонников противоположного лагеря (Е. К. Брешко-Брешковской, В. И. Дмитриевой, Л. Я. Мануйловой, М. А. Спиридоновой и

¹ «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. М., 2004. Т. 1, Т. 2.

² Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания быв. нач-ка Петроград. охран. отд-ния. М., 2009.

др¹). В. И. Дмитриева, кстати, оставила емкие характеристики начальника ВГЖУ П. П. Глобы и его помощника Д. С. Померанцева².

Представленный выше обзор неопубликованных и опубликованных источников показывает, что в целом имеющийся материал позволяет составить целостную картину формирования и деятельности Воронежского губернского жандармского управления с момента его образования до упразднения в 1917 г.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры истории России исторического факультета ФГОБУ ВПО «Воронежский государственный университет». Основные положения работы отражены в 16 публикациях, из которых 7 (из них 1 в соавторстве) напечатаны в рецензируемых изданиях из перечня ВАК, и в докладах на 6 научных конференциях: Историческая память и диалог культур (Казань, 2012), Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция (Воронеж, 2015), Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. (Саратов, 2016), X региональной научной конференции «Власть и общество: история взаимоотношений» (Воронеж 2016), III международной научной исторической конференции «Черноморские чтения» (Симферополь, 2016), XI региональной научной конференции «Личность в социуме, государстве, истории» (Воронеж, 2017).

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав (первая и вторая главы содержат по три параграфа, в третью включены пять параграфов), заключения, списка источников и литературы и семи приложений.

¹ Брешко-Брешковская Е. К. Скрытые корни русской революции: Отречение великой террористки. М., 2006; Дмитриева В. И. Так было (Путь моей жизни). Воронеж, 2015; Мануйлова Л. Я. Печали и радости моей жизни. М., 1922; Спиридонова М. А. Из воспоминаний о Нерчинской каторге. М., 1926.

² Дмитриева В. И. Указ. соч. С. 215–216.

Глава 1. Становление организационно-правовых основ деятельности Воронежского губернского жандармского управления и обеспечение его функционирования

§ 1. Положение Воронежского губернского жандармского управления в системе учреждений политического сыска Российской империи

В истории России, как и любой другой страны, всегда существовали определенные властные структуры, отвечавшие за безопасность государства от внутренних потрясений.

Условно политической полицией Ивана Грозного можно назвать институт опричнины. В XVII–XVIII вв. проводились дознания по «слову и делу государевому»: рассматривались дела об оскорблении царского величества, осуществлялся сыск различных самозванцев, выдвигавших претензии на престол и так далее. В эпоху правления Петра I действовали Преображенский приказ и Тайная канцелярия. Называвшиеся по-другому, но выполнявшие те же функции структуры существовали весь XVIII в. и в начале следующего столетия во времена Александра I¹. Однако по своей силе и влиянию на общественную жизнь они не шли ни в какое сравнение с политической полицией XIX – начала XX вв.

Восстание декабристов в 1825 г. стало той точкой отсчета, с которой началось формирование политической полиции нового образца – хорошо обеспеченной силовой структуры с широкими полномочиями и разветвленной сетью местных подразделений. Главными руководящими органами этой полиции стали образованные по указам Николая I III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Корпус жандармов.

¹ См.: Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. СПб. 1999.

Можно выделить много причин интенсивного развития «спецслужб» в годы правления Николая I и последующих монархов. Но главной из них, несомненно, является образование в Российской империи мощного антиправительственного движения.

Конечно, недовольные в стране были и до этого. Однако бунтовщики прежних веков в истории самодержавной России выступали в основном против «бояр-изменников» или, выдавая себя за «истинных царей», поднимали восстания против «узурпаторов». Но никогда прежде целью мятежников не становилось уничтожение непосредственно самого монархического режима. Первой серьезной попыткой свержения императора и установления другой формы правления в стране стало восстание декабристов в 1825 г.

Власти осознали угрозу, которая исходила с Сенатской площади, и, пожалуй, именно после этих событий стали всерьез относиться к распространению в России революционных идей. С целью уничтожения крамолы в самом зародыше Николаем I была сформирована более эффективная политическая полиция, устроенная аналогично таким же структурам в наиболее развитых европейских странах.

3 июля 1826 г. создается III Отделение во главе с А. Х. Бенкендорфом, которое получает полномочия центрального руководящего органа государственной полиции. Общее представление о нем дает перечисление главных функций ведомства.

Основной обязанностью закономерно стало преследование политических преступников, ведение полицейского надзора, перлюстрация и цензура. В канцелярии решались вопросы по делам раскольников, сектантов и фальшивомонетчиков. III Отделение вело учет пребывающих в России иностранцев и занималось высылкой неугодных режиму подданных за границу. Здесь изучались отчеты из регионов, разбирались уголовные дела по убийствам, крестьянским беспорядкам и другим серьезным преступлениям.

Чтобы исполнять такие широкие полномочия, было недостаточно одной столичной канцелярии со штатом всего лишь 16 человек к моменту создания III Отделения и 40 сотрудников под конец правления Николая I¹. Поэтому в апреле 1827 г. произошло образование Корпуса жандармов – особой военной части, призванной нести полицейскую службу. Его командиром стал А. Х. Бекендорф. Корпус состоял из отделений с губернскими жандармскими командами. Располагались отделения в пяти территориальных округах империи (позже – в восьми) и возглавлялись жандармскими штаб-офицерами². Также в состав входили два жандармских дивизиона, Петербургский и Московский³. В 1836 г. в Корпусе несли службу 12 генералов, 107 штаб-офицеров, 246 обер-офицеров, 4314 нижних чинов и 485 нестроевых⁴.

До образования Корпуса жандармские подразделения также существовали в России, но исполняли другие функции. Первый жандармский полк появился в 1792 г. в составе гатчинских частей наследника престола Павла Петровича. Однако став императором, Павел I расформировал подразделение и включил его личный состав в лейб-гвардии конный полк. В 1815 г. Александр I переименовал Борисоглебский драгунский конный полк в жандармский и рассредоточил его небольшими подразделениями по воинским частям для наблюдения за порядком. С 1 февраля 1817 г. начали действовать части конной городской полиции – жандармы внутренней стражи. Они занимались поддержанием порядка в столицах и припортовых городах, а также в губернских центрах. После волнений в Семеновском полку Александр I указом от 4 января 1821 г. еще больше расширил функции

¹ Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825 – 1855 гг. М. 2005. С. 126.

² Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1997. С. 168.

³ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России, 1649–1917. М. 1998. С. 48.

⁴ Там же. С. 49.

жандармов как военной полиции¹. Именно такую роль играли данные подразделения накануне вхождения в состав Корпуса жандармов.

Развитие революционного движения показало неэффективность «спецслужб», слабость столичных и региональных жандармских подразделений, существовавших при Николае I. Проблему признавало даже руководство политической полиции.

Например, в своем докладе на Высочайшее имя за 1857 г. о плачевном состоянии Корпуса отчитался шеф жандармов В. А. Долгоруков. Сообщалось, что многие жандармские чины плохо знают свои обязанности, бездействуют или даже из соображений личной выгоды не препятствуют нарушению законов. Также указывалось на жалобы многих чиновников по поводу того, что наблюдение за ними со стороны жандармов выглядит как выражение недоверия высших властей и приводит к уменьшению авторитета в глазах местного общества. В. А. Долгоруков акцентировал внимание на крайне слабое содержание своих подчиненных и их зависимость от других властных структур, препятствующую «свободному и безбоязненному отправлению их служебных обязанностей»².

Эти оценки, видимо, были услышаны и приняты к сведению. По крайней мере, по итогам рассмотрения доклада жандармам повысили их жалование. Также были открыты школы грамотности и выданы учебники для всех строевых нижних чинов жандармерии³. Однако отдельные изменения, конечно, не могли кардинально изменить ситуацию в политической полиции. Для этого требовалась комплексная реформа.

Непосредственным поводом к реорганизации аппарата жандармской полиции послужило неудавшееся покушение Д. В. Каракозова на императора. 4 апреля 1866 г. впервые в истории Российской империи подданный осуществил попытку убийства своего государя прямо посреди улицы.

¹ Лурье Ф. М. Указ. соч. С. 47–48.

² Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М. 1982. С. 86.

³ Там же. С. 86.

С учетом пропагандируемого в государственной идеологии тех времен статуса самодержца как практически сакральной особы этот теракт стал настоящим потрясением для правительства. Одной из реакций властей на него и развернувшееся освободительное движение в целом стало образование губернских жандармских управлений (ГЖУ).

Количество ГЖУ превышало любые другие действовавшие в России подразделения государственной полиции. Просуществовали жандармские управления вплоть до Февральской революции 1917 г. – ровно 50 лет, дольше, чем любые другие учреждения политического сыска.

Согласно «Положению о Корпусе жандармов» (с 1875 г. – Отдельный Корпус жандармов, ОКЖ) от 9 сентября 1867 г. и подписанному в тот же день приказу № 128 «О реорганизации Корпуса жандармов» было создано 56 ГЖУ, которые находились в губернских городах и разделялись на разряды в зависимости от уровня развития и количества населения регионов: под отдельным пунктом стояло жандармское управление Московской губернии, далее следовали ГЖУ 10-ти губерний 1-й категории, затем шли управления 43-х губерний 2-й категории (к ним относилось и Воронежское ГЖУ), после которых обособленно стояли ГЖУ Бессарабской области и Астраханской губернии¹. Со временем количество ГЖУ увеличивалось и достигло своего предельного значения – 75 губернских и областных жандармских управлений².

По «Положению...» 1867 г. все подразделения Корпуса находились под управлением шефа жандармов (в 1914 г. был переименован в «главноначальствующего над Отдельным Корпусом жандармов»³), подчиняясь ему: по строевой части – через штаб Корпуса, а по

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

² Список общего состава чинов Отдельного Корпуса жандармов. Пг., 1915. Л. 31–76.

³ Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция в царской России в эпоху империализма. Омск, 1973. С. 29.

наблюдательной – через III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии¹.

«Положение...» 1867 г. упраздняло промежуточные звенья между столичными ведомствами и местными ГЖУ в лице Окружных управлений жандармских округов (кроме Варшавского, Кавказского и Сибирского)².

Такая структура просуществовала до 6 августа 1880 г., когда в результате реформы М. Т. Лорис-Меликова, ставшей одной из реакций властей на устроенный С. Н. Халтуриним взрыв в Зимнем дворце, III Отделение было упразднено. Не последнюю роль в этом решении сыграли неутешительные выводы правительственной комиссии о состоянии государственной полиции. Официальные ее отчеты не сохранились, однако известно мнение одного из участников проверки И. И. Шамшина, позже занимавшего должность председателя Верховного уголовного суда (1906–1911 гг.).

Он указывал на «небрежное» расследование политических преступлений в III Отделении. По мнению И. И. Шамшина, «[дела] начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например, тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Писаны были подобные бумаги большей частью безграмотно и необстоятельно; дознания по ним производились не всегда; если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде, с употреблением общих выражений, неблагоприятно обрисовывающих всю обстановку. Так, например, говорилось, что обвиняемый – человек вредного направления, что по ночам он сходится в преступных видах с другими подобными ему людьми, ведет образ жизни таинственный; или же указывалось на то, что он

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

² Там же.

имеет связи с неблагонадежными в политическом отношении лицами; далее упоминалось о чрезвычайной опасности для государства от подобных людей в нынешнее тревожное время и в заключение испрашивалось разрешение на ссылку в административном порядке тот или иного лица»¹.

Дела расформированного учреждения передавались в Департамент государственной полиции Министерства внутренних дел. 15 ноября того же года к нему был присоединен Департамент полиции исполнительной. В 1883 г. после присоединения Судебного отдела, осуществлявшего надзор за соблюдением законов при проведении дознаний, он стал именоваться Департаментом полиции Министерства внутренних дел (ДП МВД). С 1882 г. Департамент возглавлял директор, подчинявшийся товарищу (заместителю) министра внутренних дел, который одновременно исполнял обязанности командира ОКЖ. Шефом жандармов был сам министр². ДП МВД руководил всей следственной работой жандармских управлений.

Фиксируя рост антиправительственного движения в стране, в конце XIX – в нач. XX в. власти приняли решение о создании в крупных городах охранных отделений – независимых от ОКЖ полицейских учреждений.

Первое охранное отделение было образовано в 1866 г. в Санкт-Петербурге при канцелярии градоначальника. В апреле 1887 г. после предотвращенного покушения на Александра III, которое пытались совершить революционеры из террористической фракции партии «Народная воля», включая старшего брата В. И. Ленина – А. И. Ульянова, оно было реорганизовано и усилено. В 1880 г. в Москве открывается второе охранное отделение. Главной задачей этих органов стал поиск революционеров, пытающихся убить императора Александра II. В дальнейшем сотрудники «охранки» внесли большой вклад в поимку террористов Народной воли, но, тем не менее, политическая полиция допустила провал 1 марта 1881 г.

¹ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 111.

² Ерошкин Н. П. Указ. соч. М., 1997. С. 196.

Третьим по счету стало охранное отделение в Варшаве, образованное в 1900 г.¹.

В первые годы XX в. схожие подразделения возникали в разных губернских центрах. Во время проведенных этих преобразований начальник Особого отдела ДП МВД Л. А. Ратаев констатировал, что политическая полиция «походит на армию, которая перевооружается и занимается обучением новобранцев под огнем неприятеля»².

9 февраля 1907 г. П. А. Столыпин утвердил состоявшее из 45 пунктов «Положение об охранных отделениях», в котором были систематизированы их полномочия и определено место в структуре полицейских органов России. К декабрю 1907 г. существовало уже 27 «охранок». Наряду с ними в начале XX в. в ряде городов были образованы более мелкие структурные единицы – розыскные и охранные пункты³.

Охранные отделения образовывались в городах, в которых революционеры проявляли себя активнее всего. Комплектовались они лучше всего зарекомендовавшими себя чинами Корпуса жандармов и чиновниками Департамента полиции. Финансировались охранные структуры из сумм ДП МВД, но сами сотрудники стояли на довольствии Интендантства или (если человек поступал на службу в «охранку» из Корпуса жандармов) зачислялись в штат местных ГЖУ и содержались за счет ОКЖ. Руководство охранными отделениями осуществлялось исключительно чиновниками ДП МВД. «Охранки» сосредотачивали в своих руках все аспекты политического розыска. Чины местной полиции и ГЖУ не могли производить обыски, выемки и аресты без ведома начальника отделения. С разрешения руководителей ГЖУ в интересах розыска охранные отделения могли пользоваться агентурными сведениями, данными наружного наблюдения и материалами следствий, проводимых жандармами. Начальники «охранок»

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 131–136.

² История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов / под ред. М. С. Мулукаева. М., 2005. С. 79.

³ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 131–136.

могли непосредственно вступать во взаимоотношения с местными властями в лице генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников. Таким образом, в местностях, где действовали охранные отделения, полномочия жандармерии существенно сужались, даже несмотря на то, что офицеры охранных отделений были обязаны осведомлять начальников ГЖУ об обстоятельствах, интересующих их в процессе проведения дознаний и предоставлять в течение 24-х суток после арестов и обысков всю информацию о существовании преступлений¹.

14 декабря 1906 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин утвердил специальное «Положение о районных охранных отделениях» (РОО). РОО создавались «в целях успешной борьбы с революционным движением, выражающимся в целом ряде непрерывно продолжающихся террористических актов, аграрных беспорядков, усиленной пропаганды среди крестьян, в войсках и во флоте». На РОО возлагалась задача объединения всех функционирующих в пределах района, охватывающего несколько губерний, органов политической полиции. Во главе этих подразделений стояли начальники, которым непосредственно подчинялись начальники местных охранных отделений и жандармских управлений, включая железнодорожную жандармскую полицию. Охранные отделения и ГЖУ должны были представлять в РОО все агентурные сведения, по которым составлялись общие обзоры для ДП МВД². Целью этой реформы послужило создание координирующего центра, объединяющего несколько регионов, в который стекались бы все сведения политического сыска.

Воронежская губерния входила в сферу компетенции Юго-Восточного РОО, находившегося в Харькове. Туда же включались Харьковская, Курская, Тамбовская, Черноморская, Екатеринославская губернии и Донская область³.

¹ Положение об охранных отделениях // Перегудова З. И. Указ. соч. С. 438–450.

² Там же. С. 137–138.

³ Положение о районных охранных отделениях. Хронос: [сайт]. – URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19061214polic.html (дата обращения: 22.02.2016).

Однозначно оценить деятельность охранных структур достаточно сложно. С одной стороны, укомплектованные лучшими специалистами розыскного дела охранные отделения гораздо эффективнее выявляли политических преступников и ликвидировали антиправительственные группы. Подчиняясь исключительно Департаменту полиции, они действовали более гибко, чем ГЖУ, имеющие над собой два руководящих органа – ДП МВД и ОКЖ.

Немалую роль в разгроме партийных организаций и координации деятельности местных структур государственной полиции сыграли РОО. Их создание способствовало повышению темпов проведения розыскных мероприятий, уменьшению бумажной работы в столичном руководящем ведомстве, внесло больший порядок в систему органов политического сыска.

С другой стороны, властям так и не удалось добиться слаженной работы между охранными структурами и ГЖУ. Как писал А. П. Мартынов, руководивший за годы своей службы Саратовским и Московским охранными отделениями, с образованием новых подразделений «начальники ГЖУ теряли часть своего престижа и, главное, теряли его у местных властей. Надо согласиться, что немногие были способны перенести это без сопротивления. Такое сопротивление и началось»¹. Недовольство жандармов усиливало частое превышение РОО в отношении к ним своих полномочий². Все это рождало конфликты между жандармами и «охранкой», поэтому, с точки зрения ряда полицейских, ликвидация охранных структур стала единственным «выходом из создавшегося положения» в условиях их явно «ненормальных» отношений с ГЖУ³.

15 мая 1913 г. приказом командира Корпуса жандармов, заведующего полицией В. Ф. Джунковского охранные отделения были ликвидированы. Распоряжениями 22 февраля и 19 июля 1914 г. последовало упразднение

¹ Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 1. С. 126.

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 141.

³ Там же. С. 142.

почти всех РОО. Дела расформированных подразделений передавались в местные ГЖУ¹.

В Воронежской губернии охранные структуры не были созданы, поэтому взаимоотношения ВГЖУ с этими подразделениями не носили системного характера. В основном они сводились к обмену информацией, наведению определенных справок по делам розыска, предоставлению инструкций по определенным аспектам полицейской службы. Например, в 1908 г. руководитель Харьковского РОО ознакомил начальника ВГЖУ полковника В. З. Тархова с положениями «Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» от 10 февраля 1907 г.².

Большими полномочиями обладало Московское охранное отделение, которое командировало в регионы своих филеров из «Летучего отряда» для ведения наружного наблюдения. Например, в 1896 г. в Воронеж были направлены четверо сотрудников для оказания помощи в осуществлении систематического наблюдения за неблагонадежными элементами губернского города, а также с целью поиска нелегальной типографии³. С их помощью в декабре 1897 г. был ликвидирован местный антиправительственный кружок и арестованы его лидеры, в том числе активный подпольщик Е. В. Барамзин, один из составителей эсеровской программы А. О. Сыцялко и др. Подробно это дело будет рассмотрено в § 1 третьей главы.⁴

До 1902 г. практика усиления региональных «спецслужб» московскими филерами носила систематический характер, однако была прекращена, потому что, во-первых, к началу XX в. местные ГЖУ более-менее наладили агентурную работу и наружное наблюдение своими собственными силами, во-вторых, командированные филеры нередко

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 143–144.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 103.

³ Меньщиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Часть 1. Годы реакции (1885–1898 гг.) М., 1925. С. 215.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 3, 193.

проявляли высокомерие по отношению к местным властям, что провоцировало конфликты. Как писал в своей записке «Об условиях деятельности русской политической полиции» от 27 мая 1902 г. заведующий заграничной агентурой П. И. Рачковский, некоторые сотрудники «Летучего отряда» «до крайности избалованы, проникнуты каким-то артельным комунным духом, никого из местных властей не признают, смотрят на начальников ГЖУ свысока, подчас дерзки и заносчивы, при столкновении с местными агентами стараются выставить свое превосходство, хвастаются своими делами и значительными денежными средствами, издеваются над своими провинциальными товарищами и поселяют в них завистливое недоброжелательство»¹. В результате «Летучий отряд» был передан в ведение ДП МВД, а практика командировок его сотрудников в регионы существенно ограничена.

По строевой и хозяйственной части ГЖУ подчинялись шефу жандармов через имевший военную организацию ОКЖ. В строевом, инспекторском, хозяйственном и военно-судовом отношениях шеф жандармов пользовался правами и властью командующего войсками в военном округе. Начальник штаба Корпуса жандармов пользовался правами начальника штаба военного округа. Руководители ГЖУ приравнивались по своему положению к командирам полков. О результатах инспектирования местных подразделений ОКЖ шеф жандармов доносил военному министру². Жандармская полиция комплектовалась личным составом, обеспечивалась материально и финансово по уставным нормам и штатам, предусмотренным в армии. Так, строевые и хозяйственные вопросы регулировались несколько раз переиздававшимся «Положением об управлении хозяйством в отдельных частях войск»³.

¹ Цит. по: Перегудова З. И. Указ. соч. С. 187.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

³ Напр.: Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск / изд. В. А. Березовский. СПб., 1894. С. 2.

По армейским правилам командование ОКЖ проводило инспекционные смотры чинам местных управлений. Например, в сентябре 1897 г. ВГЖУ проверял начальник штаба Корпуса жандармов Д. П. Зувев. Организация жандармской службы в Воронежской губернии произвела на него положительное впечатление. Были отмечены опрятный внешний вид личного состава, хорошая выправка, умелое обращение с оружием и знание полицейского дела¹.

По вопросам политического сыска жандармские управления подчинялись сначала III Отделению, а затем Департаменту полиции МВД. Таким образом, ГЖУ имели над собой два руководящих органа. Это положение обладало рядом серьезных недостатков, на которые указывали сами полицейские руководители. Как писал бывший директор ДП МВД (1902–1905) А. А. Лопухин, при данном положении дел «организация и воздействие на личный состав принадлежат командиру Корпуса жандармов и его штабу, а руководство деятельностью – Департаменту полиции; первым присвоена вся власть без права вмешательства в существо деятельности жандармов, второму – направление этой деятельности без власти»². В таком случае, как показала практика, успешное взаимодействие двух ведомств во многом зависело от взаимоотношений между директором ДП МВД и руководством ОКЖ³.

Противоречивое положение ГЖУ как наполовину военной и наполовину полицейской структуры, пожалуй, наиболее ярко проявлялось при назначении начальников жандармских управлений. Согласно армейской традиции эту должность люди получали по старшинству званий, поэтому, когда ДП МВД продвигал на место начальника ГЖУ какого-нибудь

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 110. Оп. 21. Д. 95. Л. 66.

² Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. С. 16.

³ Лурье Ф. М. Указ. Соч. С. 102.

талантливого офицера вне очереди, это встречало мощное сопротивление со стороны штаба ОКЖ¹.

Во многом по той же причине начальники ГЖУ конфликтовали с охранными отделениями. Подразделения «охранки» возглавляли самые способные офицеры сыска, которые, тем не менее, не всегда обладали высокими воинскими званиями. Например, ротмистр А. П. Мартынов руководил Саратовским охранным отделением и по вопросам сыска ему подчинялся начальник Саратовского ГЖУ (до этого бывший помощник начальника ВГЖУ в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах 1897–1902 гг.²) полковник Д. С. Померанцев³. Может быть, именно это и стало одной из главных причин, почему их взаимоотношения скорее носили характер соперничества, чем сотрудничества.

В ОКЖ входило множество местных подразделений. К 1917 г. действовали 75 губернских и областных жандармских управлений, 33 жандармских полицейских управления железных дорог (ЖПУ ж. д.), в состав которых входило 322 жандармских отделения: 3 дивизиона, 1 конная жандармская команда, 2 пеших жандармских команды, 2 портовых и 21 крепостная жандармская команда⁴.

Создание железнодорожной полиции в 1860-ые гг. (с 1866 г. они стали называться жандармскими полицейскими управлениями железных дорог (ЖПУ ж. д.)) было связано с бурным развитием железнодорожного строительства. Законом 31 декабря 1866 г. транспортная жандармерия была выведена из подчинения министра путей сообщения и переведена в ведение шефа жандармов⁵.

¹ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 123.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 66.

³ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 120.

⁴ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 131, 187.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. Ч. 2. № 44071.

Согласно утвержденному 27 июля 1861 г. «Положению о полицейских управлениях С.-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог» транспортная полиция наблюдала за точным исполнением рабочими и подрядчиками их взаимных обязанностей, обеспечивала сохранность и порядок на станциях, поддерживала «благоочиние и общественную безопасность» в районе действия. Январский приказ 1867 г. по Корпусу жандармов под № 6 расширил права и обязанности ЖПУ ж. д. Им были присвоены полномочия общей полиции, которыми они могли пользоваться в зоне отчуждения железных дорог¹.

С мая 1903 г. начальники ГЖУ получили право при необходимости привлекать чины ЖПУ ж. д. при проведении арестов и обысков по политическим делам². В ноябре 1905 г. транспортные полицейские были наделены обязанностями наблюдения за настроениями железнодорожных служащих и появлением пропагандистов во вверенных им районах. В случае обнаружения революционного агитатора от железнодорожного жандарма требовалось задержать его и передать в ГЖУ. Также чинам ЖПУ ж. д. надлежало сообщать об угрозах антиправительственных выступлений, наличии признаков совершения политического преступления и т. д. Во время забастовок и беспорядков транспортная полиция должна была охранять брошенное имущество и обеспечивать безопасность пассажиров³.

К лету 1906 г. стало ясно, что отводимая железнодорожным жандармам роль не соответствовала общественно-политической обстановке в стране. Для усиления местной политической полиции в августе 1906 г. ЖПУ ж. д. получили право на организацию агентуры в полосе отчуждения железных дорог⁴. Обращает на себя внимание сделанная в циркуляре оговорка, что «Департамент полиции, не считая возможным в виду ограниченности денежных средств ныне же отпустить начальникам

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 130.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 58. Л. 23.

³ Там же. Д. 74. Л. 50 об., 51.

⁴ Там же. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 61. Л. 1, 1 об., 5, 5 об.

управлений и отделений агентурные авансы, предполагает ассигновать денежные средства лишь в случае действительного приобретения секретных сотрудников и в размерах, соответствующих кругу их деятельности»¹. Даже во время революции российские власти сэкономили на ключевом направлении политического сыска – на организации полицейской агентуры.

Офицеры транспортной полиции могли самостоятельно проводить дознания о преступных действиях, совершенных в районах их наблюдения. Однако в вопросах политического сыска ЖПУ ж. д. подчинялись начальникам ГЖУ и предоставляли им всю необходимую информацию².

На территории Воронежской губернии действовало образованное в 1873 г., упраздненное в 1887 г. и воссозданное заново в 1897 г.³. Воронежское ЖПУ ж. д. со своими отделениями, а также подразделения транспортной полиции других регионов. В разное время в губернии существовали Воронежское отделение Козлово-Владикавказского ЖПУ ж. д., Курско-Воронежское отделение Орловского ЖПУ ж. д., Ливно-Воронежское отделение Московско-Киевского ЖПУ ж. д.⁴, Старооскольское, Острогожское и Новохоперское отделения Харьковского ЖПУ ж. д.⁵ и др.

В 1916 г. само Воронежское ЖПУ ж. д., которым руководил полковник Деболи, включало в себя 10 отделений: Орловское, Елецкое, Грязское, Воронежское, Лискинское, Каменское, Новочеркасское, Борисоглебское, Царицынское, Восточно-Донецкое⁶.

Власти предпринимали определенные попытки централизации правоохранительной системы страны и объединения общей и государственной полиции под единым руководством. Проведение такой

¹ Террор и агентура в Российской империи. 1861–1917. Сборник документов, материалов, воспоминаний / авт.-сост. Н. Д. Литвинов. Воронеж, 2007. С. 284.

² Чудакова М. С. Жандармско-полицейские управления железных дорог и их роль в борьбе с оппозицией в конце XIX – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Том I (Гуманитарные науки). С. 39.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8515. Л. 1–8.

⁴ Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 г. Воронеж, 1894. Отд. IV адрес-календарь. С. 22, 25, 46.

⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 12.

⁶ Там же. Ф. И-213. Оп. 1. Д. 3. Л. 7 об.

реформы задумал М. Т. Лорис-Меликов и озвучил эту идею во всеподданнейшем докладе на имя императора от 26 февраля 1880 г., указав на разрозненность полицейских сил как на одну из важнейших причин отсутствия успеха в борьбе с революционерами¹. Тем не менее осуществить задуманное реформатору удалось лишь отчасти. Был создан Департамент полиции как единый руководящий орган для общей и политической полиции, но в регионах подобной централизации не последовало. Губернские жандармские управления не подчинялись администрации губернаторов.

Все же жандармы находились в тесном сотрудничестве с местной полицией и канцелярией глав регионов. Закон 19 мая 1871 г. «О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» наделял ГЖУ правом ведения следственной работы по политическим преступлениям. Он же предусматривал возможность для губернатора или прокурора попросить у начальника ГЖУ помощь в расследовании уголовных преступлений². При этом по мере роста оппозиционного движения назрела необходимость в обратном. В годы наибольшей активности революционеров, в конце 1870-х – в начале 1880-ых, в 1905–1907 гг., поднимался вопрос о возможности привлечения чинов общей полиции к расследованию политических преступлений. К этой проблеме власти подходили по-разному.

В конце 1870-х начальник воронежской жандармерии полковник Э. А. фон-Мезенкампф указывал на несоответствующее требованиям времени количество полицейских в губернии. Также помимо их малочисленности отмечалась слабая подготовка и дисциплинированность сотрудников правоохранительного ведомства³. В политическом обзоре за 1880 г. начальник ВГЖУ полковник А. С. Бехтеев критиковал общую полицию за некомпетентность в розыскных, малочисленность, загруженность излишней

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 33.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 1. № 49615.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 163. Д. 83. Л. 30, 43 об.

канцелярской работой. Поэтому автор считал невозможным привлекать ее к делам политического розыска¹.

Следует отметить, что местные губернские власти также понимали проблему малочисленности правоохранительных органов. Еще в декабре 1879 г., когда Воронеж посетил генерал-губернатор М. Т. Лорис-Меликов, городской Думой было усилено финансирование, позволявшее на несколько единиц усилить штат конно-полицейских урядников². Однако эти изменения, конечно, не могли существенно повлиять на проблему малочисленности полиции.

Подобного мнения о сложности привлечения городских и уездных полицейских к политическому сыску власти придерживались до 1905–1907 гг., когда низкие штаты ГЖУ и серьезность внутривластного положения уже не позволяли обойтись без помощи общей полиции. Столичным циркуляром от 24 июля 1905 г. не только последовало разрешение привлекать чинов общей полиции для проведения арестов и обысков по политическим делам. Теперь полиция получила право самостоятельно пресекать действия государственных преступников при отсутствии рядом жандармов и необходимости быстро предотвратить преступление. Однако следственную работу по таким делам вели исключительно жандармские офицеры. Всю переписку о задержанных и обысках было необходимо направлять в местные ГЖУ³.

8 мая 1907 г. после соответствующего приказа ДП МВД Воронежский вице-губернатор С. А. Шидловский практически продублировал распоряжение почти двухлетней давности, согласно которому чинам общей полиции не дозволялось производить следственные действия по политическим преступлениям без санкций со стороны жандармерии. Разрешалось лишь предотвращать или пресекать явное политическое

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 53. Л. 15, 16.

² Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710 – 1917: Историко-биографические очерки / ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж., 2015. С. 295.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 58. Л. 53.

преступление, передавая все материалы и арестованных в ГЖУ. Однако в том же году начальник ВГЖУ В. З. Тархов пожаловался губернатору на то, что местная полиция старается отгородить себя от политического розыска, перекладывая всю полноту работы на жандармерию. Полковник обратил внимание на то, что штатов ВГЖУ не хватает для работы в Воронеже и Острогожске (втором по величине городе губернии), а уезды и вовсе остаются без жандармского наблюдения. Поэтому глава воронежской политической полиции предложил, чтобы чины общей полиции самостоятельно арестовывали и обыскивали тех, кто открыто совершает преступления, а затем передавали материалы в ВГЖУ¹.

К 1910 г. полицейские все чаще стали превышать свои полномочия при расследовании политических дел, что заставило В. З. Тархова просить вмешательства губернатора. 29 сентября 1910 г. глава региона потребовал от общей полиции строго придерживаться циркуляра 8 мая 1907 г. и не проводить самостоятельно розыскных мероприятий, обысков и арестов по государственным преступлениям².

В революционные 1905–1907 гг. от полицейских властей требовалась особая мобильность и слаженность совместных действий. Между тем, отсутствие у правоохранительных органов достаточного количества личного состава заставляло обращаться за содействием к общей полиции, что значительно замедляло скорость исполнения отдельных действий, вносило дезорганизацию и мешало руководящим органам объективно оценивать качество исполнения сотрудниками своих обязанностей.

Например, по установленному порядку 6 июня 1906 г. начальник ВГЖУ В. З. Тархов уведомил губернатора М. М. Бибикова о том, что в ряде мест в окрестностях Воронежа (на Лысой горе за Ботаническим садом, на Чугуновском и других кладбищах, за Архиерейской рощей, на лугу около ст. Отрожка между железнодорожными мостами и др. – всего в 11 местах)

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 154.

² Там же. Л. 318.

постоянно собираются революционеры, проводят там митинги, раздают агитационные материалы. Жандармский полковник указал, что штатов его управления недостаточно, чтобы препятствовать этому, поэтому попросил главу региона организовать конные патрули по 10–12 человек¹. Позже В. З. Тархов неоднократно передавал М. М. Бибикову сведения о намечающихся сходках. Однако 14 июля 1906 г. губернатор получил письмо из Особого отдела ДП МВД, в котором от главы региона потребовали разъяснений, почему, несмотря на заблаговременное предупреждение ВГЖУ, 14 и 15 июня 1906 г. в лесу за Курским вокзалом и за Ботаническим садом состоялись две сходки рабочих и интеллигентов. По этому поводу начальник губернии запросил отчет у воронежского уездного исправника. В результате разбирательства оказалось, что, действительно, накануне 14 июня В. З. Тархов сообщил губернатору о месте и времени планирующейся революционной сходки. Исправником туда был отправлено несколько отрядов полиции во главе со становыми приставами, а сам он лично патрулировал окрестности Курского вокзала с конными стражниками. Тем не менее из рапорта исправника следовало, что никакие подозрительные личности им не встретились. Также к отчету прилагались расписки местных бахчевников в том, что на их участках не проводилось никаких сходок².

Подобные ситуации повторялись в 1906–1907 гг. неоднократно, и всякий раз в ходе разбирательства со стороны ДП МВД устанавливалось, что после сигнала от жандармерии полицейские команды направлялись в районы предполагаемых сходок, но ничего там не обнаруживали. При всей медлительности и необходимости ведения большой переписки главный недостаток данной организации заключался в том, что не было ясно, кто виноват в произошедшем: то ли жандармы, дававшие неверные сведения о сходках, то ли нерасторопные полицейские, которые не смогли обнаружить

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 79, 79 об.

² Там же. Л. 125–127.

революционеров. В результате путем переложения вины друг на друга как ВГЖУ, так и полиция избегали ответственности за свои просчеты.

Жандармерия прибегала к помощи общей полиции при исполнении обязанностей по наблюдательной части. Уездные исправники служили основным источником информации ГЖУ о настроениях в уезде, во время проверок политической благонадежности отдельных лиц и т. д. Даже агентурной работой жандармерия занималась в тесном взаимодействии с уездными исправниками. Это объяснялось тем, что агентура сельской полиции была на порядок сильнее жандармской.

Напрямую начальники ГЖУ подчинялись губернаторам законом 18 февраля 1906 г. по обязанностям губернских инспекторов полицейской стражи. Они должны были руководить строевой подготовкой, обучением верховой езде и обращению с оружием, проводить регулярные смотры личного состава стражников и докладывать по этим вопросам главам регионов¹.

Одной из удивительных на взгляд современного человека обязанностей инспектора стражи являлась выдача офицеру полиции разрешения на вступление в брак. 12 декабря 1907 г. с такой просьбой к В. З. Тархову обратился поручик Ермоленко, однако два с половиной месяца не получал ответа, что заставило его составить новое прошение 28 февраля 1908 г. 2 марта поручику ответили из канцелярии ВГЖУ, что все еще собирают необходимые сведения. В результате свою заветную бумагу жених получил только 28 апреля 1908 г.². С момента первого обращения, таким образом, прошло четыре с половиной месяца!

Взаимодействие региональных властей и политической полиции осуществлялось в том числе и путем различных межведомственных комиссий. Решением Государственного совета от 7 июня 1899 г. под председательством губернатора учреждались губернские по фабричным и

¹ ПСЗРИ. Собр. 1881–1913. Т. 26. Ч. 1. № 27418.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 521. Л. 122, 123, 180.

горнозаводским делам присутствия, в состав которых входил и начальник ГЖУ¹. В июне 1904 г. были образованы губернские особые совещания, состоявшие из губернатора, прокурора окружного суда и начальника ГЖУ. В их компетенцию входило обсуждение некоторых категорий политических дел и решение вопроса, давать ход дознаниям, прекращать или решать вопрос в административном порядке².

Таким образом, в отсутствии единого руководства чины общей и политической полиции не всегда действовали слаженно. При этом, особенно в годы активной деятельности антиправительственных сил, жандармы были сильно зависимы от общей полиции. Эта зависимость проявлялась, прежде всего, в сельской местности, где силы ГЖУ всегда оставались незначительными. Поэтому, несмотря на то, что формально политическая полиция являлась практически полностью независимой от местной администрации, в интересах начальников ГЖУ было поддерживать тесные взаимоотношения с главами регионов. А они были хорошими далеко не всегда.

Если обратиться к примеру Воронежской губернии, то здесь не найдется документальных подтверждений каким-либо конфликтам между начальниками ВГЖУ и губернаторами. Однако известно о неприязненном отношении к жандармам со стороны начальника воронежского сыскного отделения Г. М. Бережицкого. Сотрудников политической полиции он называл «сволочью» и предупреждал своих подчиненных, что «синих мундиров нужно бояться». Более того, по всей видимости, Г. М. Бережицкий выражал свое отношение к жандармерии не только словом, но и делом. В январе 1910 г. начальник ВГЖУ полковник В. З. Тархов в письме губернатору указывал на «противодействие Бережицкого успешному ведению политического розыска и требование того же от чинов сыскного

¹ Перегудов А. В. Воронежское губернское жандармское управление: структура, численность, кадровый состав // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2013. Вып. 20 (далее – Перегудов А. В. Воронежское губернское жандармское управление...). С. 153.

² Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 187.

отделения, что не только затрудняет правильное и нормальное ведение политического розыска чинами ВГЖУ, но в некоторых случаях ведет к полному провалу как филеров, так и оказывающих Управлению услуги сотрудников». Также В. З. Тархов добавил, что «о подобной вредной деятельности» Г. М. Бережицкого им было сообщено в Санкт-Петербурге командиру ОКЖ П. Г. Курлову и вице-директору ДП МВД по заведыванию сыскными отделениями С. Е. Виссарионову. Таким образом, конфликт даже вышел за пределы Воронежской губернии. Впрочем, Г. М. Бережицкий плохо зарекомендовал себя на службе в сыском отделении, поэтому в феврале 1910 г. его сняли с занимаемой должности¹.

Столичные власти понимали недостатки системы правоохранительных органов, поэтому правительство постоянно занималось ее совершенствованием, в частности, власти неоднократно возвращались к идее окончательного объединения общей и политической полиции.

2 февраля 1902 г. заведующий Особым отделом ДП МВД Л. А. Ратаев составил «Записку о революционном движении в Империи», в которой писал, что «потребности настоящего времени, казалось бы, вызывают необходимость сосредоточения разнородных полицейских функций в одних руках. Таким объединяющим центром должен явиться, несомненно, губернатор как лицо, несущее ответственность за сохранение в губернии общественного спокойствия и порядка». Однако директор ДП МВД А. А. Лопухин не дал ход этому документу².

В 1908 г. была создана комиссия сенатора Макарова по реформе полиции, которая подготовила проект переподчинения правоохранительных органов начальникам ГЖУ по должности вице-губернаторов. Однако эти планы подверглись резкой критике со стороны губернаторов, увидевших в этом ограничение своих полномочий при сохранении всей полноты

¹ Перегудов А. В. Сыскная полиция города Воронежа. Страницы истории. Воронеж, 2016 (далее – Перегудов А. В. Сыскная полиция...). С. 72, 73.

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 79.

ответственности за положение в регионах, в том числе и за криминальную обстановку. Поэтому эта реформа так и не состоялась¹.

Несмотря на то, что ОКЖ являлся армейским подразделением, отношение военных к жандармской полиции было сложным. Особенно сильные нарекания вызывала агентурная работа в частях и негласное освещение сыскными органами положения в воинской среде. Военные офицеры воспринимали деятельность полиции как вмешательство в их внутренние дела, шпионство за ними.

Невысокого мнения о жандармах был военный министр В. А. Сухомлинов, считающий их людьми «далеко не высокой нравственной марки». Работу жандармерии генерал называл «особенно вредной и унижительной», потому что, наблюдая за деятельностью чиновников и офицеров, они «совали свой нос в жизнь частных лиц»². Генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» указывал на то, что политический сыск в армии создавал нездоровую атмосферу³. Даже генерал-майор ОКЖ, начальник императорской дворцовой охраны А. И. Спиридович брезгливо относился к агентурной составляющей работы «спецслужб», характеризуя ее деятельность как «предательство и спекуляцию на товариществе», чуждую офицерству Царской России, единственной среде, которая, по его мнению, не давала секретных сотрудников⁴.

Полицейские признавали, что между органами политического сыска и военными существуют напряженные отношения. Директор Департамента полиции А. Т. Васильев в своих мемуарах писал, что «как правило, военные власти с недоверием относились к полиции, что часто затрудняло расследование и уменьшало надежды на успех»⁵.

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 380–396.

² Цит. по: Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. М., Л., 1926. С. 129.

³ Цит. по: Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 9.

⁴ Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 47.

⁵ Цит. по: Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 1. С. 405.

Яркий пример конфликта воронежских жандармов и военных произошел в октябре 1907 г., когда помощник начальника ВГЖУ в Острогожском и других уездах ротмистр Егунов поссорился с острогожским уездным воинским начальником. Поводом к ссоре послужило недоразумение. Циркуляром ДП МВД ВГЖУ получило информацию об усилении эсеровской пропаганды в воинских частях. Также столичное ведомство потребовало узнать у военных, какие меры принимаются ими для недопущения проникновения агитации в казармы. На запрос Егунова острогожский уездный воинский начальник ответил просьбой указать ему нормативно-правовой акт, по которому он обязан отчитываться в своих действиях перед жандармами. Так началась ссора, которая переросла в полный разрыв взаимоотношений двух офицеров. Помирить стороны смогло только вышестоящее начальство¹.

Уменьшение взаимоотношений военных и государственной полиции, хотя и выглядело очевидным способом снижения противоречий между двумя институтами, но не могло стать решением проблемы. Объективно ГЖУ с большим вниманием подходили к разбирательству нарушений в частях. Жандармами эта работа проводилась более объективно, так как они в отличие от воинского начальства не несли никакой ответственности за подобные нарушения.

Тем не менее политическая полиция и военное ведомство выполняли большие объемы совместной работы. Государственная полиция проводила дознания по политическим преступлениям в частях. Жандармы проверяли благонадежность призывников и вольноопределяющихся, собирали сведения о дислокации войск, предупреждали о различных угрозах².

Вступление Российской империи в Первую мировую войну еще больше усилило взаимодействие полицейского и военного ведомств. 14 июля 1914 г. в регионы был разослан приказ министра внутренних дел, согласно

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 881а. Л. 263, 263 об., 300, 322–323 об.

² Там же. Д. 5. Л. 2; Примеры подобной работы см. в Приложении 1.

которому губернаторы, начальники общей и политической полиции должны были исполнять все требования командующих войсками¹. В годы Первой мировой войны жандармская полиция содействовала созданным в 1911 г. контрразведывательным отделениям в поимке шпионов². Руководствуясь циркулярами ДП МВД военного времени, ГЖУ следили за настроениями тыловых частей, в госпиталях, контролировали численность и наблюдали за тщательностью охраны военнопленных³.

Жандармерия находилась в тесном контакте с органами прокурорского надзора. Согласно судебным уставам 1864 г. III Отделение и подразделения ОКЖ не имели права принимать участие в следствии по каким-либо, в том числе политическим делам. Руководство расследованием государственных преступлений принадлежало прокуратуре.

Это положение соблюдалось в точности. Когда начальник III Отделения Н. В. Мезенцов обратился к товарищу министра юстиции А. П. Перцову с просьбой разрешить присутствие депутата от III Отделения при предварительном следствии и в составе суда в ходе разбирательства по делу получения воззваний С. Г. Нечаева, М. А. Бакунина и других в г. Череповце в конце 1860-х гг., ему было отказано со ссылкой на действующее законодательство. А. П. Перцов предлагал обратиться за необходимыми сведениями по данному делу к товарищу прокурора судебной палаты, который имел на это соответствующие полномочия⁴.

По закону 19 мая 1871 г. жандармские офицеры стали проводить дознания по государственным преступлениям, то есть предварительное следствие. Чины прокурорского надзора должны были присутствовать при проведении обысков, арестов, допросов обвиняемых и других следственных действий. Законченные дознания начальники ГЖУ передавали в

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1371. Л. 2, 42 об.

² См. Перегудов А. В. Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1 (далее – Перегудов А. В. Военный шпионаж...). С. 109–115.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1371. Л. 77, 95; Д. 1547. Л. 3.

⁴ Казанцев С. М. Указ. соч. С. 172.

прокурорское ведомство для проведения проверок, чтобы при рассмотрении в судебном порядке дела не разваливались по причине допущенных жандармскими следователями процессуальных ошибок¹.

Если по той или иной причине офицеры жандармерии не сообщали в прокуратуру о начале дознания или проведении каких-либо следственных мероприятий, то прокуроры жаловались на это руководству ОКЖ. Столичное полицейское ведомство неизменно требовало от своих подчиненных соблюдать это условие. Такое внушение за проведение нескольких расследований в 1875 г. без ведома прокуратуры получил начальник ВГЖУ Э. А. фон-Мезенкамф².

Сотрудничество ГЖУ с другими ведомствами – с учреждениями образования, фабрично-заводскими инспекциями и др. – основывалось на служебной необходимости. Государственные органы были обязаны оказывать содействие полиции, но это вовсе не давало жандармам прав на неограниченное вмешательство. Например, по циркуляру ДП МВД от 11 ноября 1900 г. жандармы могли допрашивать учеников за редким исключением только в самом учебном заведении и обязательно в присутствии представителя администрации³.

Такой была структура государственных органов Российской империи, в которой приходилось действовать Воронежскому губернскому жандармскому управлению. Взаимоотношения ВГЖУ с руководящими органами регулировались правилами отчетности, которые несколько раз подвергались существенному пересмотру.

19 июня 1871 г. местным органам было разослано распоряжение главного начальника III Отделения генерал-адъютанта графа Н. В. Левашева. Документ предписывал сообщать в III Отделение обо всех важных происшествиях, которые по усмотрению ГЖУ заслуживали внимания

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 58. Л. 101.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 80. Л. 1–20.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 58. Л. 16.

правительства в виду особой важности. О самом важном следовало сообщать в телеграммах, обо всем прочем в письмах¹.

Циркулярные распоряжения III Отделения от 14 февраля 1875 г. и 31 мая 1877 г. устанавливали порядок составления политических обзоров. Начальники ГЖУ направляли их в разное время командиру ОКЖ и шефу жандармов, прилагая подлинные отчеты жандармских офицеров, по которым составлялись обзоры. Эта практика просуществовала с 1875 по 1913 гг. До 1877 г. обзоры составлялись 2 раза в год: в январе и в июле, с 1877 по 1887 гг. один раз в год – в январе. После 1887 г. разрешалось подавать годовой отчет до 15 марта².

В 1881 г. министр внутренних дел распорядился, чтобы отчеты о делах политического характера начальники ГЖУ подавали сами, минуя посредничество губернаторов. При этом руководителям губерний предоставлялись копии документов³. Это был серьезный шаг в сторону повышения самостоятельности ГЖУ от местной администрации.

С целью увеличения скорости принятия решений с 9 июня 1881 г. помощники начальников ГЖУ о наиболее важных происшествиях должны были сообщать телеграммой напрямую в ДП МВД, передавая своим непосредственным руководителям копии этих донесений⁴.

К 1890-м гг. сложилось положение, при котором ГЖУ направляли отчеты по политическому сыску в ДП МВД, не ставя в известность штаб Корпуса жандармов. Руководство ОКЖ усматривало в этом принижение своих полномочий по управлению жандармской полицией. В сложившейся ситуации командир Корпуса жандармов узнавал о выдающихся событиях политической жизни страны из газет или посторонних источников. Определенное равновесие было восстановлено в 1896 г., когда начальников ГЖУ обязали передавать копии направляемых ДП МВД донесений в штаб

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

² Там же. Д. 2. Л. 54, 54 об.

³ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 36 об.

⁴ Там же. Л. 49.

ОКЖ, однако многие начальники ГЖУ забывали это делать. Поэтому 1 апреля 1898 г. был разослан еще один циркуляр с тем же требованием¹.

По циркуляру от 11 ноября 1901 г. местным органам было предписано доносить о чрезвычайных происшествиях политического характера по телеграфу непосредственно министру внутренних дел – шефу жандармов. Более подробные сведения, а также разного рода отчеты по следственным мероприятиям начальники ГЖУ должны были присылать почтой на имя товарища министра внутренних дел – командира ОКЖ, а отчеты по беспорядкам разного рода в ДП МВД. Донесения, касающиеся внутренней службы полиции, должны были быть адресованы в штаб Корпуса жандармов².

Исполнение данных распоряжений иногда приводило к затруднениям, когда сотрудники жандармских управлений не могли понять, какое из произошедших событий заслуживает того, чтобы о нем было сообщено телеграммой непосредственно в МВД, а какое – нет.

Приказом по ОКЖ от 4 ноября 1904 г. был объявлен выговор помощнику начальника ВГЖУ в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уезде полковнику В. Д. Самойлову за то, что он о случившемся 1 октября пожаре в рамонском имении принцессы Ольденбургской и о произошедшем на ее сахарном заводе взрыве парового котла сообщил лишь в письме в ДП МВД от 13 числа, хотя в деле сразу были замечены признаки умышленного поджога и об этом следовало проинформировать в тот же день телеграммой³.

30 апреля 1905 г. были разосланы новые «Правила о порядке донесений о происшествиях и по делам о государственных преступлениях», подписанные шефом жандармов министром внутренних дел А. Г. Булыгиным. Эти правила внесли окончательную ясность в вопрос о порядке донесений. Теперь об особо важных делах предписывалось сообщать

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 7. Л. 7.

² Там же. Л. 21, 21 об.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1156. Л. 4.

телеграммой командиру Корпуса жандармов с копией в ДП МВД. О менее важных делах политического характера (ежемесячные отчеты, списки арестованных лиц и т. д.) доносить письмом командиру ОКЖ без копий в Департамент, шефу жандармов и в штаб Корпуса. Всю информацию по текущим дознаниям предписывалось предоставлять в распоряжение ДП МВД¹.

Определенную путаницу вносило составление отчетов по одним и тем же событиям местной жизни губернаторами и начальниками ГЖУ. Часто получалось, что факты, цифры и другие сведения в этих документах отличались друг от друга, хотя и описывали одни и те же события. Указывая на это в августовском циркуляре 1905 г. командующий ОКЖ Д. Ф. Трепов обязал глав регионов и начальников жандармских управлений согласовывать данные отчетов². А для того, чтобы они не направляли два одинаковых донесения, в декабре 1906 г. было предложено начальникам ГЖУ и губернаторам выбрать, кто из них будет сообщать сведения в Санкт-Петербург³.

Столичное руководство устанавливало сроки хранения документов в полицейских архивах. Циркуляром ДП МВД от 26 ноября 1912 г. помимо соблюдения 10-летнего срока хранения всех материалов, бессрочного хранения служебных инструкций, розыскных циркуляров и сведений, которые могут быть использованы для выявления политической благонадежности человека, устанавливалось сохранять в архиве все дела и листы, «представляющие местный или общий исторический интерес»⁴. Так полицейское ведомство проявляло заботу о будущих исследователях.

Нормативными документами устанавливалась и хозяйственная сторона жандармской службы. Канцелярия управления размещалась, как правило, в одном двухэтажном здании, где на втором этаже проживал

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 9–10 об.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Д. 33. Л. 41.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 74. Л. 144.

начальник ГЖУ с семьей. Однако здесь могли быть и исключения. Например, возглавлявший местное жандармское ведомство с 1904 по 1913 гг. В. З. Тархов, выходец из потомственных почетных граждан Воронежской губернии¹, имел свое собственное жилье и в здании управления не ночевал².

В разные годы Воронежское ГЖУ располагалось на ул. Нееловской (дом Рощупкиной № 7), на углу Большой Девицкой и 1-й Острогожской (дом № 38), на Мясной площади (дом № 12), Большой Богоявленской (дом Степанова № 12), Большой Девицкой (дом Черемисиновой № 54), Кольцовской (дом Томилина № 50). Последние годы ВГЖУ провело в доме № 26 по Большой Девицкой³.

По установленным законодательством требованиям канцелярия располагалась в спокойном районе, вблизи от городских учреждений. Площадь помещений должна была равняться 20 квадратным сажням (90 м²) (площадь канцелярии помощников начальника ГЖУ была ровно в два раза меньше и равнялась 10 квадратным сажням (45 м²)⁴.

ГЖУ подразделялись на несколько территориальных отделений или пунктов, распределенных по уездам и группам уездов по усмотрению начальников управлений⁵. Пункты разделялись на те, в которых находилась канцелярия офицера ВГЖУ в должности помощника начальника управления, и унтер-офицерские без присутствия офицеров ОКЖ. Согласно служебным инструкциям пунктовые унтер-офицеры ГЖУ размещались не менее чем по два человека в каждом уездном пункте и не собирались в местах пребывания офицеров без крайней необходимости. Для того чтобы штаб Корпуса располагал информацией о дислокации частей, по распоряжению шефа жандармов, начальники ГЖУ представляли к 1 мая каждого года подробные расписания о размещении подведомственных им чинов по пунктам, а в

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 33. Л. 1 об., 2.

² Перегудов А. В. Воронежское губернское жандармское управление... С. 148.

³ Там же. С. 148.

⁴ Перегудов А. В. Об образовании Воронежского губернского жандармского управления и его первом руководителе // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 146.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

случае каких-либо изменений об этом полагалось доносить отдельно¹. Однако в целом штат жандармских управлений был небольшим. Например, в Воронежской губернии он никогда не превышал 37 сотрудников (подробнее о штатах ВГЖУ будет в следующем параграфе)².

Офицеры ГЖУ должны были быть всегда готовыми к выполнению своих служебных обязанностей. В 1890 г. из штаба ОКЖ поступило распоряжение, в котором указывалось на то, что «некоторые начальники ГЖУ и подчиненные им офицеры проживают в летнее время на дачах, расположенных не в ближайших окрестностях от постоянного их квартирного расположения, но удаленные от них на значительные расстояния и даже таких, которые находятся в других уездах или губерниях». Командир корпуса жандармов генерал-лейтенант Н. И. Шебеко приказал обратить особое внимание на недопущение подобного в будущем и о строгой ответственности виновных лиц. Впредь выезд разрешался только в том случае, если это не наносило ущерба службе или если дача располагалась вблизи квартиры управления³.

Таким образом, российская политическая полиция постоянно реформировалась в зависимости от изменения внутривнутриполитической обстановки в стране. С 1867 г. ее важным звеном становятся губернские жандармские управления. Начиная свою деятельность как контролирующие органы, ГЖУ постепенно превратились в базовые подразделения политического сыска с широкими следственными полномочиями и с достаточно обширным кругом обязанностей в целом. При этом они оставались самыми массовыми учреждениями политического сыска на местах, которые просуществовали до падения царского режима в 1917 г.

§ 2. Личный состав и дислокация на территории губернии

¹ Краткий систематический свод... С. 22–23.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1242. Л. 32.

³ Перегудов А. В. Воронежское губернское жандармское управление... С. 149.

Первоочередной задачей властей при образовании сети ГЖУ стояло укомплектование штатов компетентными сотрудниками, получившими необходимую подготовку и способными выполнять поставленные задачи. Немаловажным было и то, чтобы количество жандармов соответствовало требованиям времени и позволяло управлениям в нормальном режиме без авралов исполнять свои обязанности.

Жалобы на недостаточное количество сотрудников прослеживаются через всю историю императорской политической полиции. Еще в 1829 г. А. Х. Бенкендорф докладывал императору Николаю I о том, что III Отделение «не получило штата, приличного своего звания и соразмерного с трудами, в то время как дела весьма умножились, а из хода дел явствует, что со временем умножатся еще более»¹. Император согласился с этими доводами, и штат был увеличен. При этом со всеми изменениями к 1842 г. он составлял лишь 30 человек².

Что касается Корпуса жандармов, то по состоянию на 1 января 1873 г. его общий штат составлял 486 офицеров и 5186 унтер-офицеров. Из числа офицеров 17 человек имели высшее образование, 277 человек – среднее (11 – неполное среднее), у 55 из них было начальное образование, у 126 – домашнее. Из числа рядовых 4578 человек умели читать и писать, 309 – только читать, при этом 1309 нижних чинов научились грамоте, находясь на службе³. По мере роста революционного движения состав ОКЖ увеличивался. В 1880 г. Корпус насчитывал 521 офицера и 6187 унтер-офицеров⁴. В 1903 г. в него уже входило 12113 чинов⁵, а в октябре 1916 г. – 14667 человек. Данный показатель требует пояснения. В общее число 14667

¹ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 30.

² Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 131.

³ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 157.

⁴ Лурье Ф. М. Указ. соч. С. 78.

⁵ Перегудов А. В. Критерии отбора нижних чинов на службу в Губернское жандармское управление в начале XX века (на материалах Воронежского управления) // Electronic scientific and educational journal «History», 2012. Вып. 7(15) [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <http://history.jes.su/s207987840000214-4-2-ru> (дата обращения: 17.03.2015) (далее – Перегудов А. В. Критерии отбора...).

человек входили: сотрудники 75 жандармских управлений, 33 управления железнодорожной жандармерии (в каждом от 120 до 300 сотрудников¹), 3 жандармских дивизиона с примерным личным составом по 500 человек), конная и 2 пеших жандармских команды (577 человек во всех трех вместе взятых), 2 портовых и 21 крепостная жандармская команда, несущих пограничную службу (максимум 20-25 человек в каждой²)³.

Общие цифры кажутся внушительными, однако на самом деле личный состав ГЖУ в большинстве провинциальных регионов оставался небольшим. Штат сотрудников Воронежского губернского жандармского управления также не был исключением и за все годы своего существования не превышал 37 человек.

До 1898 г. в офицерский состав ВГЖУ входил начальник управления, его помощник и адъютант⁴. Нижние чины управления объединялись в наблюдательный состав ОКЖ в Воронежской губернии, переименованный 28 августа 1870 г. в дополнительный штат ВГЖУ. На 11 мая 1868 г. наблюдательный состав насчитывал 16 унтер-офицеров и двух писарей второго и третьего разрядов (нестроевые должности)⁵.

В 1898 г. была введена должность второго помощника, одного вахмистра и две унтер-офицерские ставки⁶. С этого времени вплоть до 1906 г. в ВГЖУ служило четыре офицера (начальник управления, двое помощников и адъютант), два писаря (старший и младший), трое вахмистров (входили в дополнительный штат ГЖУ с 1885 г.) и 23 унтер-офицера. В

¹ Кустов В. История транспортной полиции России до 1919 года. // Восточно-Сибирское линейное управление МВД России на транспорте [сайт]. Режим доступа: https://вслу.мвд.рф/struktura/istoriya/istoriya_transport_policii (дата обращения – 27.11.2016).

² Качкин А. Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 1. 2013. С. 64.

³ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 129–131.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 11–34.

⁵ Перегудов А. В. Воронежское губернное жандармское управление... С. 147.

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 4. Л. 5 об.; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 95. Л. 41.

итоге, кадровый состав управления составлял на всю Воронежскую губернию 4 офицера и 28 нижних чинов (26 строевых и 2 нестроевых писаря)¹.

В 1906 г. офицерский состав был усилен должностью третьего помощника начальника ВГЖУ по городу Воронежу², а дополнительный штат ставками четырех унтер-офицеров³. В таком виде он просуществовал до 1917 г. и не превышал 37 человек⁴. При этом с началом Первой мировой войны 9 унтер-офицеров ВГЖУ были откомандированы на фронт по распоряжению руководства ОКЖ⁵.

Дополнительно при управлении могли числиться несколько инструкторов и ночных сторожей, однако эти ставки не были обязательными и существовали не всегда⁶.

Еще следует отметить, что штаты ВГЖУ далеко не всегда заполнялись полностью. Например, практически весь 1915 г. вакантными оставались две унтер-офицерские ставки и место адъютанта управления. Причем в то же время по причине болезни отсутствовал начальник ВГЖУ, а 11 нижних чинов находились в командировке на фронте. Отсутствие в губернии практически половины личного состава управления крайне отрицательно влияло на его деятельность⁷.

При подсчете количества сотрудников жандармской полиции не были учтены филеры, ведущие наружное наблюдение, и секретные сотрудники. Это связано с тем, что и филеры (за исключением 1907–1914 гг., когда обязанности по наружному наблюдению выполняли штатные унтер-офицеры управления), и тем более тайные осведомители никогда не входили в штаты ВГЖУ и не получали содержания по военному ведомству.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 81. Л. 18, 19; Д. 206. Л. 69.

² Там же. Оп. 3. Д. 51. Л. 6 об., 7.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 104. Л. 26 об.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1242. Л. 32.

⁵ Перегудов А. В. Военный шпионаж... С. 115.

⁶ Перегудов А. В. Критерии отбора...

⁷ Перегудов А. В. Русские жандармы в Первой мировой войне: от подвига к дискриминации (на примере Воронежской губернии) // Военно-исторический журнал. 2016. № 9 (далее – Перегудов А. В. Русские жандармы...). С. 45, 47.

Вольнонаемные филеры всегда относились к вспомогательным сотрудникам, а их количество в губернии никогда не превышало 8 человек. Непосредственно работе наружного наблюдения и агентурной деятельности ВГЖУ, количеству агентов и их содержанию посвящен отдельный параграф во второй главе.

Отдельного внимания заслуживают лица, занимающие гражданские должности писарей и машинистов. Труд писаря был очень тяжелым, так как жандармские управления вели внушительную по объемам бумажную работу. Например, в течение 1912 г. ВГЖУ получило 20206 и отправило 18649 сообщений по производству дознаний и наблюдательной части¹. Конечно, значительная часть бумаг обрабатывалась самими офицерами и нижними чинами управления, однако все равно писари выполняли колоссальную по объемам работу. Именно поэтому им в помощь обычно назначались унтер-офицеры жандармерии².

Несмотря на то, что писари не являлись строевыми чинами, им приходилось соблюдать воинский распорядок и правила чинопочитания. Например, в 1899 г. начальник ВГЖУ Н. В. Васильев отправил писаря управления на трое суток на городскую гауптвахту за неотдание ему чести³.

Жандармские писари были в курсе всех дел управления, так как до 1912 г. имели доступ к секретным бумагам, перепиской которых они занимались, и теоретически могли выдавать полицейские секреты преступникам. Удивительно, но только с 1909 г. после распоряжения из штаба ОКЖ кандидатов на писарскую должность стали проверять на политическую благонадежность⁴. Циркуляром 5 декабря 1912 г. начальникам начальникам ГЖУ было запрещено поручать писарям вести переписку по особо секретным делам и вопросам агентуры⁵.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 993. Л. 5 об., 6.

² Там же. Д. 986. Л. 8–13.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 97. Л. 2 об.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 528. Л. 17.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 700. Л. 174, 174 об.

О том, что штаты ВГЖУ не соответствуют задачам жандармской полиции, начальники управлений стали заявлять задолго до революции 1905 г. В политическом обзоре Воронежской губернии за 1880 г. начальник ВГЖУ полковник А. С. Бехтеев указывал, что при имеющихся штатах в крупных городах губернии, находящихся от Воронежа более чем за 200 верст, – в Богучаре, Боброве и Павловске жандармы отсутствовали полностью, а в тех уездах, где они находились, по 2–3 унтер-офицера не могли обеспечить должное наблюдение за 350–400 населенными пунктами¹.

О «совершенной недостаточности штата ВГЖУ в условиях переживаемого времени» и отсутствии жандармского надзора в уездах в связи с необходимостью унтер-офицеров выполнять второстепенные обязанности начальник управления полковник В. З. Тархов уведомлял столичное руководство в 1907 г.².

В том же году он писал, что делопроизводство ВГЖУ оставалось «без надлежащего движения, так как с непомерно большой работой, выпавшей на долю управления за последние полтора года, не было никакой физической возможности управляться своевременно вследствие полного несоответствия штата управления нынешним условиям службы»³.

Дислокация ГЖУ осуществлялась с учетом необходимости установить жандармское наблюдение за всей территорией губернии. Для этого и так скудные силы приходилось дробить между основной канцелярией, уездными управлениями и унтер-офицерскими пунктами. Согласно «Положению о Корпусе жандармов» 1867 г. учреждение пунктов происходило с учетом местных особенностей по усмотрению начальника ГЖУ с единственным условием, чтобы в них находилось как минимум по двое унтер-офицеров (на практике это правило не соблюдалось и было отменено в 1914 г.)⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп.77. Д. 53. Л. 16 об., 17.

² Там же. Оп. 116. Д. 14ч. 9. Л. 11.

³ Там же. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1610. Л. 1 об.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

Практически сразу вслед за образованием основной канцелярии в губернском центре жандармское представительство появилось в Острогожске – в одном из наиболее крупных уездных городов региона. Его возглавлял помощник начальника ВГЖУ. В разные годы ему подчинялось от четырех до пяти уездов с преобладающим числом малороссийского населения: Острогожский, Валуйский, Павловский, Богучарский и Бирюченский уезды¹.

Появление в 1898 г. должности второго помощника начальника ВГЖУ позволило выделить в самостоятельную единицу губернский центр и Воронежский уезд. В 1906 г. с появлением третьего помощника образовалось уездное жандармское управление в г. Боброве². Непродолжительное время оно действовало и контролировало обстановку в Новохоперском, Бобровском, Задонском, Землянском, Нижнедевицком и Коротоякском уездах с подавляющим числом проживающего на этих территориях великорусского населения. Затем канцелярия помощника начальника ВГЖУ была возвращена обратно в основное воронежское управление.

В 1897 г. в Воронеже проходили службу помимо начальника, его помощника и адъютанта вахмистр и 7 унтер-офицеров. При этом унтер-офицеры должны были размещаться в разных частях губернского города по двое, чтобы «иметь наблюдение за тою неблагонадежною частью населения, которая обыкновенно группируется по городским окраинам» (оба этих правила постоянно нарушались)³.

Вместе с ними в Воронеже находились вахмистр и 2 унтер-офицера, приписанные к пункту помощника по Воронежскому, Задонскому, Землянскому и Нижнедевицкому уездам⁴.

По 2 унтер-офицера размещались в Боброве, Богучаре, Валуйках, Задонске и Новохоперске. Один – в сл. Россошь Острогожского уезда. В

¹ Перегудов А. В. Воронежское губернское жандармское управление... С. 150.

² Там же. С. 150.

³ Краткий систематический свод... С. 22.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 95. Л. 41, 42.

Острогожске при пункте помощника начальника ВГЖУ служили сам помощник, вахмистр и 3 унтер-офицера¹. В неизменном виде данная дислокация нижних чинов по унтер-офицерским пунктам сохранялась до 1902 г.².

В циркуляре от 19 октября 1907 г. директор ДП МВД М. И. Трусевич указывал, что уездные жандармские пункты не приносят никакой пользы, поэтому он предложил их упразднить, а освободившихся унтер-офицеров использовать в качестве агентов наружного наблюдения³. Однако введение данной практики местными органами политической полиции не достигло ожидаемых столичным начальством результатов. Уже 2 мая 1908 г. М. И. Трусевич отчитывал начальников ГЖУ за пассивное использование новоиспеченных филеров. В циркуляре указывалось, что вместо того, чтобы направлять филерские отряды в уезды губерний для собирания негласным путем сведений и наружного наблюдения, унтер-офицеры ведут безрезультативную слежку за неблагонадежными в губернских городах, а уезды полностью лишены жандармского надзора и предоставлены общей полиции⁴. В итоге эксперимент по использованию в качестве филеров унтер-офицеров был признан неудачным. В январе 1914 г. ДП МВД потребовал снять их с наружного наблюдения, объясняя это отсутствием у последних необходимых умений и нежеланием выполнять данную работу⁵. Освободившиеся унтер-офицеры вновь распределялись по уездам.

В пользу этого решения сыграло еще и то, что после упразднения унтер-офицерских пунктов помощники начальников ГЖУ перестали объезжать уезды. Делали они это по циркулярному распоряжению ДП МВД от 12 декабря 1886 г. Документ обязывал инспектировать уездные унтер-офицерские пункты (не менее 6 раз в год) в районе, подведомственном

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 95. Л. 41, 42.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 81. Л. 18, 19.

³ Там же. Д. 96. Л. 38 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 227. Л. 100, 101.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 700. Л. 193.

офицеру жандармерии. С упразднением этих пунктов отпала и необходимость таких поездок. В результате офицеры ГЖУ крайне редко покидали свои кабинеты и не знали подконтрольных им районов, что уменьшало эффективность агентурной работы и политического розыска. Во многих регионах подобные поездки вовсе были прекращены, в виду их дороговизны и отсутствия уверенности в положительных результатах. На данную проблему, в частности, обратил внимание начальник ВГЖУ М. А. Конисский, ставший одним из инициаторов возвращения к практике учреждения уездных жандармских пунктов. На необходимость подобного он неоднократно указывал в переписке со штабом ОКЖ¹.

С осени 1913 г. чины ВГЖУ дислоцировались следующим образом. Территория губернии разделялась на 3 района наблюдения. Воронеж и Воронежский уезд находились в ведении одного помощника начальника ВГЖУ. В главной канцелярии также размещался помощник начальника в Задонском, Землянском, Нижнедевицком, Коротоякском, Бобровском и Новохоперском уездах. В Острогожске неизменно находился пункт помощника начальника ВГЖУ в Острогожском, Валуйском, Бирюченском, Павловском и Богучарском уездах².

Из офицерского состава в Воронеже находились начальник управления, адъютант и два помощника. Вместе с ними служили 2 вахмистра и 12 унтер-офицеров. В Острогожске при канцелярии помощника начальника ВГЖУ служили вахмистр и 2 унтер-офицера³.

В это время в основном управлении ВГЖУ в Воронеже было три отдела: агентурный, справочно-секретный, а также строевой и хозяйственный. Сотрудники первого отдела занимались перепиской по агентурному розыску и наружному наблюдению, ведением денежной отчетности по секретным авансам ДП МВД. В состав отдела входили старший филер и заведующий филерской командой. Команда агентов

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 1–2.

² Там же. Л. 4–6.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 112. Л. 108.

наружного наблюдения состояла из 10 человек. На тот момент двое из этих филеров постоянно дежурили на железнодорожном вокзале, один находился в имении Ольгино Воронежского уезда, когда там отдыхали Высочайшие особы, и охранял их покой. Остальные агенты выполняли текущие задания. Также в канцелярии отдела служили филер, ведущий агентурную переписку, унтер-офицер – наборщик на печатающей машинке и унтер-офицер, собирающий справки в городских полицейских управлениях.

В справочно-секретном отделе трудились 6 унтер-офицеров: один наводил справки, трое вели канцелярию, двое заведовали архивом управления. Эти шесть сотрудников ежегодно составляли около 15 тыс. документов и справок, не считая входящих сообщений.

В последнем отделе работали унтер-офицер, унтер-офицер – машинист, два нестроевых писаря и вахмистр, который заведовал строевой частью команды нижних чинов, отоплением, освещением и исполнял различные другие хозяйственные поручения.

В целом канцелярию ВГЖУ обслуживал достаточно большой круг лиц. Начальник ВГЖУ полковник М. А. Конисский объяснял это тем, что «продуктивность работы унтер-офицеров и отсюда количество их в канцелярии находится в прямой зависимости от степени интеллигентности унтер-офицеров и знания ими грамоты, но в этом отношении в ВГЖУ чувствуется ущерб. Унтер-офицеры в большинстве недостаточно грамотны, как вообще все полковые строевые унтер-офицеры, к канцелярской работе особой способности они не имеют и малограмотны»¹.

С осени 1914 г. возобновляют свою деятельность уездные жандармские пункты. По одному унтер-офицеру представляли жандармерию в с. Касторное (Землянского уезда), Боброве, Бутурлиновке (Бобровского уезда), Новохоперске, с. Пески (Новохоперского уезда), Валуйках, сл. Россошь (Острогожского уезда), Павловске и Калаче (Богучарского уезда)².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 8–13.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 112. Л. 108.

Составляя последнюю дислокацию, начальник ВГЖУ М. А. Конисский руководствовался тем, что включение всех 12 уездов губернии в сферу наблюдения кого-либо из офицеров управления повысит общую эффективность жандармского надзора за этими местностями, усилит интенсивность агентурной работы и повысит скорость проведения розыскных мероприятий. Объединение Воронежа и Воронежского уезда объяснялось тем, что уезд имеет тесные связи с городом, поэтому, например, воронежская агентура, занимаясь городским подпольем, не раз освещала и события в уезде¹. Пункт в с. Касторном учреждался М. А. Конисским, исходя из того, что это крупное село Землянского уезда с населением до 3000 жителей находится в центре района, в котором свирепствует банда знаменитого и неуловимого разбойника И. И. Голощапова (известного революционера и в будущем члена ВЦИК)². В Бобровском и Новохоперском уездах проявлялось недовольство крестьян, происходили определенные брожения, перерастающие в беспорядки. Эти уезды являлись одними из самых беспокойных в губернии в 1905–1908 гг. В Новохоперске даже был убит унтер-офицер ВГЖУ Ф. Каверин, а в 1913 г. в уезде сосредоточилась основная масса воронежских сектантов, особенно баптистов. Остальные унтер-офицерские пункты были образованы в тех местностях, в которых в 1905–1907 гг. находились наиболее опасные очаги революционных и аграрных беспорядков (подробнее об этом см. в Приложении 4)³.

Таков был штат Воронежского жандармского управления. Как видно, он не являлся постоянным и подвергался корректировке с учетом обстоятельств времени. В зависимости от общественно-политической ситуации менялась дислокация уездных управлений и унтер-офицерских пунктов. Однако вплоть до 1917 г. правительство так и не провело кардинальных изменений в сторону увеличения количества жандармов на

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 3.

² См. Квасов О. Н. «Истинный сын революции Иван Голощапов», или судьба «анархиста-мстителя» // Воронежский вестник архивиста. Вып. 7. Воронеж, 2009. С. 223–233.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 3–6, 14–18.

местах, хотя офицеры политической полиции не раз предупреждали столичное руководство о том, что имеющееся у них количество сотрудников не соответствует обязанностям ГЖУ.

Помимо количества жандармов также требует к себе внимания и изучение их характеристик – возраста чинов, уровня профессиональной подготовки, их социального состава и т. д. «Положение о Корпусе жандармов» и ведомственные нормативные акты («Правила для определения в Корпус жандармов вновь поступающих лиц» от 17 мая 1871 г., «Правила» о приеме в жандармерию от 23 июля 1903 г. и «Положение о приеме в Отдельный корпус жандармов» от 24 декабря 1913 г.) определяли процедуру приема в жандармскую полицию и требования к кандидатам.

По «Положению...» 9 сентября 1867 г. начальников ГЖУ назначал шеф жандармов¹. Должность начальника ГЖУ занимали офицеры в звании не ниже полковника, при этом они пользовались правами командира полка. Если кандидат носил погоны подполковника, то при назначении на пост ему присваивалось звание полковника. Однако циркуляром 1890 г. было запрещено присваивать полковничьи погоны лицам после 55 лет, чтобы начальниками ГЖУ не становились пожилые люди, которые могли исполнять свои обязанности слишком пассивно².

С момента учреждения в Воронеже жандармского управления и до падения самодержавия в 1917 г. пост его начальников занимали 13 человек³. Дольше всех жандармским управлением руководили с 14 января 1868 г. по 3 июня 1880 г. харьковский дворянин Эдуард Александрович фон-Мезенкамф и с 19 февраля 1904 г. (с 19 февраля по 28 марта в качестве исполняющего обязанности) по 5 июня 1913 г. Виктор Захарович Тархов, выходец из потомственных почетных граждан Воронежской губернии. Последние

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

² Перегудов А. В. Воронежское губернское жандармское управление... С. 152.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 158. Л. 4, 5 об.; Д. 185 Л. 1 об.; Их список с краткими биографическими данными опубликован В. Г. Шамаевым: Шамаев В. Г. На страже государственной безопасности: из истории Воронежского губернского жандармского управления. Воронеж, 2005 (далее – Шамаев В. Г. На страже...). С. 200–201.

месяцы в Воронеже перед переводом в Калужское ГЖУ В. З. Тархов носил звание генерал-майора¹.

М. М. Завьялов занимал свой пост с 18 февраля 1886 г. по 5 февраля 1891 г., вступив в обязанности в возрасте 61 года. Михаилу Михайловичу сильно повезло. 6 мая 1888 г. ему (63-х летнему офицеру) было присвоено звание полковника, а уже через два года после этого, как известно, столичные власти установили возрастной ценз присвоения чинам ОКЖ полковничьих погон. Средний возраст последних 8 начальников ВГЖУ равнялся 48 годам². Таким образом, в основном воронежское жандармское управление возглавляли зрелые люди, находящиеся на пике своей карьеры.

Некоторые начальники ВГЖУ участвовали в боевых действиях. Ветеранами военных кампаний были М. М. Завьялов (руководил управлением с 1886 по 1891 г.) и В. М. Бельский (1881–1882), которые участвовали в Крымской войне 1853–1856 гг., П. П. Глоба (1901–1903) и А. Н. Рыковский (1903–1904), сражавшиеся с турками в 1877–1878 гг.³.

Как и полагается армейским офицерам, все они имели высшее военное образование. Вместе с тем кандидаты на должность в Корпусе жандармов проходили специальные полицейские курсы. Оценивая их, в будущем начальник Саратовского и Московского охранных отделений А. П. Мартынов писал, что в курсах отсутствовало изучение вопросов полицейского сыска. «Ни один из наших лекторов этого дела не знал, и мы все вместе обходили вопрос несколько таинственным молчанием. Выходило

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1302. Л. 3, Оп. 2. Д. 995. Л. 50.

² Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 11 об., 12, 19 об., 20; Д. 4. Л. 5 об., 6; Д. 7. Л. 41 об., 42; Д. 17. Л. 45 об., 46; Д. 33. Л. 1 об., 2; Д. 158. Л. 4, 5 об.; Д. 185. Л. 1 об.

³ Там же. Д. 1. Л. 11 об., 12; Д. 7. Л. 41 об., 42; Д. 17. Л. 45 об., 46; Перегудов А. В. Санаторий Отдельного корпуса жандармов: необходимость учреждения и опыт функционирования // История: факты и символы. 2016. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <https://historic-journal.ru/2016/sanatorij-otdelnogo-korpusa-zhandarmov-istoriya-i-neobxodimost/> (дата обращения: 12.01.2017) (далее – Перегудов А. В. Санаторий...).

так, что это – такая отрасль службы, узнать о которой мы сможем только на практике»¹.

В разные годы офицеры политической полиции предлагали свои идеи по усовершенствованию подготовки жандармов. Среди них был и начальник ВГЖУ Н. В. Васильев (1895–1901), который указал в своем труде «Обзор современных условий служебного положения губернского жандармского управления и ряд соображений относительно изменения их организации и порядка деятельности» на необходимость открытия полицейской академии с преподаванием в ней общих и специальных предметов в объеме высших учебных заведений, делая упор на юридических дисциплинах и истории².

Однако усовершенствование системы подготовки новых кадров для «спецслужб» последовало только после приказа командующего Корпусом жандармов П. Г. Курлова от 19 октября 1909 г., который утвердил новую инструкцию «О порядке ведения учебных занятий на офицерских курсах при штабе Корпуса жандармов». Курсы были рассчитаны от 3 до 6 месяцев и подразумевали не менее 100 занятий, за которые офицеры должны были ознакомиться с устройством корпуса и функциональными обязанностями его служащих. Отдельное внимание уделялось истории революционного движения (и российского и мирового). Помимо этого слушатели курсов получали минимум правовых знаний и знакомились с приемами политического розыска. В конце будущих офицеров ждало испытание, причем во главе комиссии стоял начальник штаба ОКЖ. Экзамен оценивался по 12-бальной шкале, а положительным результатом считался средний бал от шести и выше³.

Столичное руководство заботилось о наличии наглядных учебных пособий, по которым можно было изучать полицейское дело. 22 ноября 1907 г. в ГЖУ был разослан циркуляр с просьбой отправлять в Регистрационный отдел ДП МВД обезвреженные бомбы террористов с их чертежами и

¹ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 57.

² Перегудова З. И. Указ соч. С. 127.

³ Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 826–828.

фотографиями для учебного музея при Департаменте, чтобы молодые офицеры сыска могли с ними ознакомиться во время учебных курсов¹.

В октябре 1912 г. при ДП МВД были учреждены дополнительные 2–3-х месячные курсы для офицеров ОКЖ, предназначенных к службе на должностях помощников начальников ГЖУ и уездных жандармских управлений. Цель их заключалась в повышении познаний в области розыска².

В годы Первой мировой войны было введено «Временное положение об офицерских жандармских курсах», по которому срок обучения был сокращен до 8 недель и отменены некоторые предметы³.

Возвращаясь к Н. В. Васильеву, следует сказать, что составленный им «Обзор...» характеризует его как широко развитого офицера, способного мыслить, прогнозировать. По поводу освободительного движения начальник ВГЖУ писал: «Убить идею нельзя. Эволюция человеческой мысли совершается безостановочно, неудержимо трансформируя взгляды, убеждения, а затем и социальный строй жизни народов. История революционных движений учит нас, что остановить ход крупных исторических событий невозможно, как невозможно человеку остановить вращение Земли. Но та же история приводит на своих страницах слишком полновесные доказательства того, что пионеры революции, полные энергии и увлечения, всегда бывали утопистами и в своей борьбе с общественной косностью, в своем стремлении воссоздать новые формы жизни, обыкновенно не только не содействовали прогрессу своей родины, но нередко служили тормозом правильному ходу развития общественного самосознания. Роль пионеров в истории осуждена самой историей. Человечеству свойственно заблуждаться, и передовики-теоретики, как бы ни были, по-видимому, идеальны их стремления, не были и не будут истинными вождями народа...»⁴.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 129. Л. 20.

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 372.

³ Там же. С. 371.

⁴ Цит. по: Перегудова З. И. Указ. соч. С. 127.

Сохранились некоторые характеристики начальников и офицеров ВГЖУ, данные им полицейским начальством или революционерами.

Врач в молодости, затем писательница В. И. Дмитриева, например, оценивала П. П. Глобу как «очень добродушного человека, больше занимавшегося домашним хозяйством, чем борьбой с крамолой». Она познакомилась с ним, так как, являясь свидетельницей по делу Северного рабочего союза, просила разрешения на выдачу заграничного паспорта. Полковника ВГЖУ В. И. Дмитриева застала во дворе жандармской канцелярии, в которой он проживал, «в обществе двух курносых розоватых поросят». Еще одной характеристики писательницы удостоился помощник начальника ВГЖУ Д. С. Померанцев. Он показался ей представителем «самого противного типа жандарма, делающего карьеру, с хищной физиономией борзого пса, нетерпеливо скалящего зубы в ожидании, когда его спустят со своры»¹.

В материалах Особого отдела ДП МВД имеется уничижительная характеристика, данная полковнику В. З. Тархову в 1906 г.: «Малодеятельный, совершенно не умеет организовать и вести наблюдение, а также приобретать сотрудников и занимается только перепиской и представительством»².

Со 2 половины 1906 г. у В. З. Тархова возникли претензии к своему помощнику в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах ротмистру А. А. Кравцову, который, по мнению начальника ВГЖУ, «стал проявлять индифферентное отношение как к своим прямым служебным обязанностям по вверенному ему наблюдению району, так равно и к даваемым ему лично поручениям». В. З. Тархов вменял А. А. Кравцову «не только на полное неведение о политическом движении в его районе наблюдения, но даже и совершенное незнание лиц, причастных к этому движению». Поэтому, как рапортовал в штаб ОКЖ жандармский полковник,

¹ Дмитриева В. И. Так было. (Путь моей жизни). Воронеж, 2015. С. 215–216.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 828 ч. 12. Л. 5 а.

«деятельность Кравцова нельзя считать продуктивной, что не только осложняет производственную работу управления, но затрудняет до некоторой степени и восстановление общественного порядка и спокойствия во вверенных его наблюдению уездах по делам политического характера»¹.

Заслуживает внимания, что после данной уничижительной характеристики В. З. Тархов не требовал отправления ротмистра в отставку, а только просил убрать его из ВГЖУ «с переводом в другое более спокойное управление в виду его многодетности» на ту же должность. В итоге приказом по ОКЖ от 28 марта 1907 г. временно командующий Корпусом генерал-майор С. С. Саввич перевел А. А. Кравцова на должность помощника начальника Владимирского ГЖУ во Владимирском и Покровском уездах².

Кстати, уже летом 1907 г. очередной помощник начальника ВГЖУ в тех же уездах ротмистр Каннабих также обратил на себя внимание своей некомпетентностью и инертностью в служебных делах. С 20 июня по 10 июля 1907 г. он находился в командировке в с. Пески Новохоперского уезда с целью оказания помощи общей полиции в поиске экспроприаторов. По итогам этой командировки воронежский губернатор М. М. Бибииков отметил «совершенно безучастное отношение к делу ротмистра Каннабиха». «Он не только не оказывал никакого содействия со своей стороны, но даже вступал в пререкания, и бывали случаи, когда полученные от чинов полиции сведения, выдавал за сведения, добытые будто бы им иными путями»³.

В. З. Тархов также выразил недовольство работой своего подчиненного и обратился в штаб ОКЖ с просьбой убрать его из управления. В своем рапорте полковник ВГЖУ указал, что «к возложенному на него в Новохоперском уезде весьма серьезному поручению [Каннабих] отнесся крайне легкомысленно и служебную командировку свою превратил в отдых. Находясь в командировке, ... он ничего не сделал и своею бестактностью

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1610. Л. 6–7 об.

² Там же. Л. 8, 11.

³ Там же. Д. 1645. Л. 7–8 об.

возбудил сильное неудовлетворение против себя Новохоперским уездным исправником»¹.

Все перечисленные характеристики офицеров ВГЖУ показывают их с отрицательной стороны. Лучшими качествами отличается, пожалуй, только Н. В. Васильев, о широком кругозоре которого свидетельствует написанный им текст. Тем не менее ошибочным будет мнение о поголовной некомпетентности сотрудников воронежской жандармерии. Их успехи отражены в других архивных материалах, а отсутствие большого количества положительных характеристик можно объяснить тем, что руководство политической полиции воспринимало высокие качества своих подчиненных как нечто само собой разумеющееся для офицера жандармского управления.

К тому же положительные оценки ВГЖУ также сохранились. Находясь в Воронеже в 1914 г., император Николай II изволил пригласить и. о. начальника ВГЖУ подполковника Долгова и начальника Воронежского ЖПУ ж. д. полковника Деболи на обед в императорском поезде, во время которого похвалил работу подчиненных им ведомств².

По Положению о Корпусе жандармов помощники начальников ГЖУ и адъютанты управлений пользовались правами эскадронных командиров. При этом адъютанты, заведовавшие канцелярией управлений, выполняли обязанности начальников ГЖУ и их помощников в случае отсутствия офицеров на местах³. С 1880-х по 1917 г. средний возраст помощников начальника ВГЖУ насчитывал 35 лет⁴. Средний возраст адъютантов ВГЖУ за этот же период равнялся 29 годам⁵. Так что, несмотря на то, что данная должность рассматривалась в качестве начала офицерской карьеры в Корпусе жандармов, ее занимали уже далеко не юнцы.

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1645. Л. 10 об.

² ГАВО. Ф. И-213. Оп. 1. Д. 1. Л. 121 об.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 11 об., 12; Д. 10. Л. 32 об., 33; Д. 51. Л. 6 об., 7.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 20; Д. 5. Л. 10; Д. 7. Л. 42; Д. 85. Л. 2 об., 3.

Среди указанных категорий офицеров также были участники военных кампаний. Помощник начальника ВГЖУ Н. К. Байков воевал с турками в 1877–1878 гг. Помощник начальника ВГЖУ в Острогожском и других уездах потомственный дворянин Воронежской губернии В. А. Панфилов, окончивший Воронежский Михайловский кадетский корпус, получил ранение в ходе дальневосточной кампании 1900–1901 гг. Адъютант ВГЖУ Н. В. Хорошилов в 1901 г. воевал в Китае и получил там орден св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», был участником русско-японской войны 1904–1905 гг. и удостоился награждения орденами св. Станислава III ст., св. Анны III ст. и св. Владимира IV ст. (все с мечами и бантом)¹.

В годы Первой мировой войны хорошо себя проявили и унтер-офицеры ВГЖУ, командированные на фронт. В 1915 г. за участие в боевых действиях в составе гарнизона крепости Ивангород четверо нижних чинов: С. Ермольев, В. Малюков, Г. Захаркин и И. Тарнакин, – были удостоены наградами².

Помимо наблюдения за служебными качествами офицеров политической полиции, их обучением и подготовкой командование ОКЖ следило даже за личной жизнью подчиненных. В одном из приказов командир Корпуса П. Г. Курлов потребовал, чтобы его офицеры не заводили сожительниц и имели в виду, что поскольку «отношение общества к Корпусу жандармов не всегда бывает доброжелательное, каждый поступок жандармского офицера, который может быть истолкован не в его пользу, будет всегда служить поводом для различных обвинений»³.

Нижними чинами ГЖУ комплектовались, согласно «Положению о Корпусе жандармов» 1867 г., из числа отслуживших в воинских частях. Кандидаты должны были иметь крепкое телосложение. Неблагонадежные в каком-либо отношении лица в ряды жандармов не допускались. По личному заявлению в Корпус могли принять отставных военных нижних чинов с

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 11 об., Д. 51. Л. 6 об., 7; Д. 85. Л. 2 об., 3.

² Перегудов А. В. Русские жандармы... С. 46.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 74. Л. 36.

обязательством прослужить в жандармах 5 лет. При этом за ними сохранялась положенная им в отставке пенсия¹.

Источники показывают, что недостатка желающих служить в политической полиции не было. Наоборот, начальники ГЖУ были вынуждены отвечать просителям отказом «...в виду неимения в настоящее время свободных унтер-офицерских вакансий»². Так что малочисленный состав политической полиции связан не с низким престижем этой профессии, а с совершенно другими соображениями, касающимися, прежде всего, вопросов материального обеспечения и финансирования.

Можно предположить, что место жандармского унтер-офицера пользовалось определенным престижем, так как попасть на него часто пытались по протекции. Например, в 1908 г. запасной унтер-офицер И. Фисенко пытался поступить в Воронежское ГЖУ, заручившись покровительством камергера Высочайшего двора князя Б. Д. Сидамон-Эристова, однако даже на просьбу от такого высокого лица начальник управления В. З. Тархов ответил отказом по причине отсутствия вакантных мест³.

Помощники начальника ГЖУ, адъютанты и вахмистры осуществляли общий контроль за деятельностью унтер-офицерских чинов. При этом с нижними чинами проводились систематические занятия. В 1896 г. начальник ВГЖУ Н. В. Васильев поручил офицерам управления обучать нижних чинов – один раз в неделю проводить занятия с находящимися в Воронеже и ежемесячно с пунктовыми унтер-офицерами, для чего они должны были приезжать в губернский центр⁴. По всей видимости, эти занятия не прошли даром, так как в сентябре 1897 г. во время инспекционного смотра ВГЖУ

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

² Перегудов А. В. Критерии отбора...

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 94. Л. 26.

начальник штаба ОКЖ полковник Д. П. Зуев похвалил чинов управления за форму, выправку, обращение с оружием и знание полицейского дела¹.

По распоряжению начальника ВГЖУ М. А. Конисского² от 19 сентября 1913 г., занятия с унтер-офицерами проводились ежедневно с 11 до 16 часов за исключением воскресных и праздничных дней. Адъютант обучал нижних чинов 3 раза в неделю с 9 утра: по вторникам чины изучали устройство оружия, выполняли необходимые для оттачивания навыка стрельбы упражнения и занимались словесностью, по четвергам – диктантом и чистописанием, по субботам проводились строевые занятия³.

Унтер-офицеры осуществляли ночные дежурства в управлении, охраняя сон квартировавших в здании канцелярии жандармских начальников. При полковнике В. З. Тархове, жившем в другом месте, отдельные дежурные водили в управление своих знакомых, знакомя их в том числе и с содержанием секретных бумаг. Узнав об этом, В. З. Тархов настрого запретил подобные экскурсии⁴. Подобные нарушения показывают, что у многих нижних чинов было слабое представление о таких необходимых для политической полиции вещах как соблюдение секретности, поддержание строго порядка и дисциплины.

Таким был штат ВГЖУ. Как и в остальных провинциальных регионах страны, он не являлся большим, комплектовался в основном военными (как офицерами, так и нижними чинами). Нельзя говорить о том, что в ГЖУ служили престарелые, безынициативные, серые личности. Многие офицеры

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 95. Л. 66.

² Исполняя обязанности начальника Вологодского ГЖУ, М. А. Конисский готовил арест находившегося в вологодской ссылке И. В. Сталина, однако в интересах следствия и по просьбе начальника Московского охранного отделения П. П. Заварзина Джугашвили было позволено под наблюдением филеров выехать в Санкт-Петербург: Ф. Я. Коновалов. Совершенствование методов работы провинциальных органов российской политической полиции после революции 1905 – 1907 гг. (на примере Вологодского губернского жандармского управления) // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 3 апреля 2014 г.). Вологда, 2014. С. 83.

³ Перегудов А. В. Воронежское губернское жандармское управление... С. 155.

⁴ Там же.

Воронежского управления имели боевые ордена и другие служебные награды за участие в военных кампаниях, отличались неординарными идеями и предложениями.

Обучение службе в политической полиции строилось на непродолжительных офицерских курсах при штабе ОКЖ и позже при ДП МВД, а занятия с нижними чинами проводились на местах жандармскими офицерами, если это позволяла загруженность работой. Однако такая ускоренная система обучения не могла подготовить высококвалифицированных полицейских, наделяя слушателей лишь общими базовыми знаниями.

§ 3. Финансирование и вещевое снабжение

Финансирование жандармских управлений осложнялось тем, что они находились на обеспечении сразу двух руководящих органов. Оплата труда штатных сотрудников, их предметно-вещевое обеспечение, покрытие расходов на хозяйственные нужды осуществлялось из сумм Военного министерства, а финансирование полицейских нужд ГЖУ (на содержание секретной агентуры и наружного наблюдения, на служебные командировки, снятие с подозреваемых отпечатков пальцев и фотокарточек и др.) шло из Министерства внутренних дел.

«Положение о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г. не предполагало каких-либо особенных норм хозяйственного обеспечения ГЖУ по сравнению с общими армейскими правилами¹. По свойственному воинским подразделениям порядку велась часть бухгалтерии управлений. Расходы на проведение дознаний, агентуру и другие полицейские нужды подсчитывались и обеспечивались согласно циркулярным нормам ДП МВД.

Деньги из Военного министерства составляли образной (сумма пожертвований на украшение образа подразделения, покупку лампадного

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

масла, а также на требы священнослужителям) и экономический капитал (резервный фонд на случай перерасхода средств), хозяйственные (сюда входили и расходы на амуницию), канцелярские, а также переходящие суммы (фонд заработной платы ВГЖУ). Определенные представления об объемах этих средств отражает таблица:

Таблица 1. Объемы денежных средств ВГЖУ, полученных из сумм Военного министерства, на февраль – ноябрь 1912 г.¹.

месяц	канц. сумм.	хоз. суммы	образной кап.	экономич. кап.	переходящ. сумм.	всего на балансе
к 1 февраля	2.93 руб.	нет данных	45.18 руб.	423.90 руб.	нет данных	472.01 руб.
к 1 марта	1.94	нет данных	45.18	423.90	1569.99 руб.	2041.01
к 1 апреля	0.93	1 руб.	45.18	312.28	1261.33	1620.72
к 1 мая	0.41	665.14	45.18	287.28	1062.55	2060.56
к 1 июня	0.91	663.55	45.18	287.28	576.77	1573.69
к 1 июля	0.45	636.12	45.18	287.28	492	1461.03
к 1 августа	0.31	630.42	45.18	287.28	383.94	1347.13
к 1 сентября	0.74	587.19	45.18	287.28	106.78	1027.17
к 1 октября	15.18	567.99	45.18	253.28	167.27	1048.90
к 1 ноября	23.14	578.23	45.18	253.28	402.04	1301.87

Для сравнения можно привести суммы финансирования Воронежского ЖПУ ж. д. К 1 января 1914 г. в распоряжении управления находилось 412 руб. 58 коп. экономического капитала, 105 руб. 89 коп. образной суммы и 53 руб. 85 коп. переходящих денег. 1 июля на счету жандармов имелось 4628 руб. 66 коп. на хозяйственные расходы и выплату месячного жалования. К 1 мая 1916 г. канцелярия располагала 2121 руб. 31

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 902. Л. 13–134 об.

коп. хозяйственной, 1019 руб. 78 коп. образной суммы, 1860 руб. 58 коп. экономического капитала и 1078 руб. 36 коп. переходящих денег¹.

По отпускаемым интендантством предметам в готовом виде жандармские управления вели особую документацию (инвентарную книгу и протокол освидетельствования). Адъютанты ГЖУ готовили проекты приказов о приеме таких предметов на баланс управлений².

Начальник ВГЖУ как командир части не менее двух раз в год должен был проверять денежные суммы по книгам и кладовым запискам, казенное имущество по книгам и описям, а также действия чинов по хозяйственной части. Ежемесячно (по возможности не позднее 4 числа) комиссией в составе трех офицеров проводилась поверка сумм по денежному журналу, приходно-расходной книге и по кладовым запискам³.

Жалование жандармских офицеров согласно общим для военных правилам состояло главным образом из трех основных видов выплат: жалованья (по званию), столовых денег (по занимаемой должности) и квартирного довольствия (в зависимости от чина, города и семейного положения)⁴.

В 1902 г. годовое жалование начальника ВГЖУ (без учета квартирных денег) составило 3695 руб. В эту сумму вошли не менявшиеся в течение XX в. 1200 руб. жалования по званию (в момент образования ВГЖУ оно насчитывало 750 руб.⁵) и 2100 руб. столовых денег⁶.

¹ ГАВО. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 2. Л. 32; Д. 3. Л. 2.

² Бакшт Д. А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880 – 1917 гг.) Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Красноярск. 2015. С. 108.

³ Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск / изд. В. А. Березовский. СПб., 1894. С. 2, 17.

⁴ Перегудов А. В. К вопросу об уровне жизни губернского жандарма в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Школа-конф. мол. ученых ин-та Рос. истории Рос. акад. наук (мат-лы конф.). [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=103> (дата обращения: 2.05.2014) (далее – Перегудов А. В. К вопросу...).

⁵ Там же.

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 26. Л. 1 об., 2.

Дополнительная ежегодная компенсация транспортных расходов назначалась по прошению начальника ГЖУ в штаб Корпуса. Сумма этой компенсации указывалась самим просителем. Например, В 1902 г. П. П. Глоба запросил 315 руб. 20 коп.¹. В 1912 г. на эту статью расходов ушло лишь 95 руб. Также начальнику ГЖУ полагалась компенсация на секретные расходы в размере 500 руб.².

Государство возмещало жандармам расходы на служебные командировки. Для этого устанавливались нормы выдачи суточных денег: с декабря 1903 г. генералам – по 3 руб., штаб-офицерам – по 2.25 руб. и обер-офицерам по 1.50 руб. в сутки³. В учет этой статьи расходов вносило значительную путаницу то, что она компенсировалась как Военным министерством (в случае разъездов по хозяйственным делам), так и из сумм ДП МВД (на командировки по вопросам розыска).

Дополнительно к компенсации расходов сотрудники жандармской полиции во время служебных разъездов могли рассчитывать на казенных лошадей, своевременно предоставлять которых были обязаны уездные власти. К удивлению, некоторые представители местной администрации просто отказывались исполнять законные требования жандармов на этот счет. Например, рапортом от 16 июня 1914 г. вахмистр ВГЖУ Сиволапов уведомил помощника начальника управления, что новохоперский земский почтосодержатель Т. С. Паршин неоднократно под разными предлогами отказывал ему в казенной лошади даже при наличии таковой. Заслуживающей наибольшее внимание была следующая причина отказа: Т. С. Паршин объявил вахмистру Сиволапову, что послал ему лошадь с пьяным ямщиком, который, видимо, куда-то заехал и опоздал. Таким образом, неоднократно и совершенно безнаказанно почтосодержатель саботировал требования сотрудника государственной полиции⁴.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 26. Л. 1 об., 2.

² Там же. Оп. 2. Д. 820. Л. 33.

³ Перегудов А. В. К вопросу...

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1447. Л. 51 об.

Еще более вопиющий случай произошел в июле 1906 г., когда выполнявший обязанности по наружному наблюдению в селе Мартыне Мартинской волости Бобровского уезда унтер-офицер ВГЖУ Г. Минаков был задержан урядником Савченко и удерживался в полицейском участке несколько дней, несмотря на предъявление жандармского удостоверения. При этом у Минакова, вопреки его протестам, была изъята записная книжка с секретными заметками по наружному наблюдению, а сам он оказался заключен в грязную одиночную камеру с закрытыми окнами, в которой от предыдущего задержанного осталось неубранным ведро с испражнениями¹.

За допущенные нарушения прав арестованного и сам факт взятия под стражу сотрудника жандармской полиции 10 июля 1907 г. Савченко был отдан под суд по 411 статье Уложения о наказаниях, предусматривающей ответственность вплоть до увольнения со службы².

Помимо собственного содержания на имя начальника ВГЖУ приходила и необходимая сумма для оплаты труда нижних чинов управления. Например, в январе 1910 г. В. З. Тархов получил 1100 р. 7 коп., из которых ему полагалось 100 руб. по званию, 175 столовых, 57 р. 42 коп. квартирных, 16 на оплату прислуги, 25 за обучение полицейской стражи. Остальные деньги шли на жалование нижним чинам управления: 535 р. оклада и 191 р. 65 коп. квартирных³.

В 1912 г. начальник ВГЖУ получил 4181 руб. годового жалования: 1200 оклада по званию, 2100 столовых денег, 689 квартирных, 192 на наем прислуги⁴.

Основное жалование помощников начальника ВГЖУ также состояло из оклада по званию (1080 руб. у подполковника, 900 руб. у ротмистра), столовых денег (720 руб.), компенсации на наем прислуги (по 96 руб.

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1503. Л. 1–4.

² Там же. Л. 17.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 711. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 820. Л. 24.

ротмистрам, по 192 руб. подполковнику и полковнику ВГЖУ), писаря (120 руб.) и квартирных расходов¹.

В целом в 1902 г. годовое жалование помощника начальника ВГЖУ в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах составило 2293 руб. А доход помощника по Острогожскому, Богучарскому, Павловскому и др. уездам насчитывал 1782 руб. В 1905 г. они получили соответственно 2990 руб. и 2575 руб.². Жалование трех помощников начальника ВГЖУ в 1912 г. составляло 2047.50, 2175 и 2480 руб. в год. Разница в доходах получалась за счет компенсаций за наем жилья (в Воронеже оно стоило больше, чем в уездах) и разницы зависящих от звания окладов и надбавок³.

«Положением...» 9 сентября 1867 г. предусматривалась выдача помощникам начальника ГЖУ подъемных при зачислении на службу единовременно в размере 200 руб. женатым и 150 руб. холостым (или, как разъяснял закон от 2 августа 1894 г., при переводе на ту же должность в другую местность с необходимостью переезда⁴). Также им полагалось 400 руб. единовременно и по 300 руб. ежегодно на заведение и в дальнейшем содержание брички с парой лошадей для разъездов по служебным делам⁵. На канцелярские расходы помощники начальника ВГЖУ получали по 100 руб., а сам начальник 300 руб.⁶.

Годовое жалование адъютанта ВГЖУ в 1902 г. составляло 1142 руб., а в 1905 г. – 1346 руб. из них оклад содержания составлял 900 руб. и 240 руб. столовых денег⁷. В 1912 г. адъютант получил 1466 руб. (900 по званию ротмистра, 240 столовых, 230 на наем квартиры, 96 на прислугу)⁸.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 820. Л. 24.

² Там же. Д. 81. Л. 27; Д. 206. Л. 4, 5.

³ Там же. Д. 820. Л. 24.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1881–1913. Т. 14. Ч. 3. № 10510.

⁵ Там же. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 820. Л. 28.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 34. Л. 33 об. – 36.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 820. Л. 24.

Офицеры Корпуса жандармов как военные чины пользовались казенной прислугой. В 1893 г. Военное министерство провело монетизацию предоставления прислуги в размере 96 руб. в год за одну единицу (в Средней Азии и Польше – 120 руб.). Обер-офицерам полагалась выплата на 1 единицу прислуги, штаб-офицерам – на 2, генералам – на 3¹. «Положение о Корпусе жандармов» предусматривало выплату прогонных сумм из расчета генералам на 6, штаб-офицерам на 4, обер-офицерам на 3 лошади (при командировках по особым случаям, например, для прекращения беспорядков деньги на прогоны выдавались в двойном размере)².

Помощникам начальника ГЖУ полагались фуражные деньги. В 1912 г. в Воронеже эта графа расходов составила на троих офицеров 936 руб.³.

Офицеры ОКЖ при увольнении с должности по причине потери трудоспособности не теряли в течение года своего жалования, которое выплачивалось семье. Такое несчастье произошло с начальником ВГЖУ полковником В. М. Бельским в 1882 г. 12 декабря он был отрешен от занимаемой должности, так как сошел с ума и вскоре скончался от размягчения головного мозга⁴.

В качестве причины болезни и наступившей из-за нее смерти пациента врач-консультант А. А. Каспари указал на «служебную деятельность [В. М. Бельского], требовавшую чрезмерного расхода физических и душевных сил без соответствующего отдыха»⁵.

Одной из форм материальной помощи являлись офицерские заемные капиталы. Ежемесячно из зарплат офицеров удерживался определенный процент, который шел в наполнение фонда. Из этого фонда можно было взять ссуду на хороших для заемщика условиях. Помимо этого в Российской империи действовало специальное жандармское общество взаимопомощи

¹ Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов / сост. И. П. Залесский. СПб., 1910. С. 13.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Ч. 2. № 44956.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 820. Л. 26.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5968. Л. 1.

⁵ Перегудов А. В. Санаторий...

офицеров ОКЖ, позже появилось и общество взаимопомощи нижних чинов Корпуса¹.

При образовании ВГЖУ унтер-офицеры получали месячный оклад 8.40 руб., с 1871 г. – 10 руб., с 1885 г. – до 15 руб. При учреждении должности вахмистра ему полагалось месячное жалование 20 руб.². Оклады нижних чинов ВГЖУ в 1902 г. насчитывали: у вахмистра 240 руб. в год, у писарей 36 руб. – у младшего и 46-50 руб. – у старшего. Унтер-офицеры получали 180–198 руб. в год. В 1905 г. годовое жалование вахмистра составляло 360 руб., писари получали 36 руб. – младший и 60 руб. – старший, унтер-офицеры 180 руб. (низшего оклада), 240 руб. (среднего разряда) и 300 руб. (высшего разряда)³. После приказа по ОКЖ от 8 мая 1906 г. годовое жалование вахмистра достигло 540 руб., а унтер-офицеры в зависимости от разряда стали получать по 300, 360 и 420 руб. в год⁴. По праздникам нижним чинам ГЖУ выдавались небольшие премии. Например, в 1911 г. писари воронежского управления получили по 2 руб. к празднику Св. Пасхи⁵.

Нижние чины ВГЖУ (в том числе и нестроевые) обеспечивались провиантскими и приварочными деньгами. Эти суммы не были большими. Например, годовое провиантское довольствие двух писарей ВГЖУ в 1912 г. составило 72 руб., а приварочные деньги – 125 руб.⁶. На квартиры унтер-офицерам ГЖУ (здание в черте города, на человека не менее 4 квадратных сажень или 18.2 кв. м. без учета сеней, лестниц, коридоров и пространств с высотой потолков до 4-х футов или 1.22 м.) с отоплением и освещением также выделялись деньги⁷. На это в 1912 г. каждому из 23-х находившихся в

¹ Перегудов А. В. К вопросу...

² Там же.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 81. Л. 27; Д. 206. Л. 4, 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 103. Л. 40.

⁵ Перегудов А. В. К вопросу...

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 820. Л. 29.

⁷ Бакшт Д. А. Указ. соч. С. 119.

Воронеже нижних чинов ВГЖУ выдавалось по 7.5 руб. в месяц, а тем, кто служил в Острогожске – по 5 руб.¹.

Для сравнения в 1913 г. средний заработок воронежского железнодорожного мастерового за одну рабочую смену равнялся 1 руб. 50 коп. В апреле 1915 г. чернорабочий на предприятии за сутки получал около 80 коп., а слесарь кузнечного цеха – 2 руб. 76 коп. Рессорщик, работающий в Отрожке, зарабатывал 3 руб. 66 коп. в день².

Чтобы эти цифры не казались абстрактными, следует указать цены на некоторые товары первой необходимости. Согласно обязательному постановлению губернатора от 19 февраля 1915 г. «О продаже съестных припасов воинским чинам на местах, прилегающих к станции Лиски», фунт ржаного хлеба стоил 3 копейки, одна французская булка весом 60 золотников – 5 коп. Фунт свиного сала можно было приобрести за 25 коп., а вареного или жаренного мяса – за 20 коп. Десяток куриных яиц продавали за 15 коп. Столько же стоил десяток соленых огурцов или один лимон. 20 папирос продавались за 5 коп., а коробок спичек – за 2.5 коп.³.

В те времена, когда Россия вела войны, в стране осуществлялся добровольный сбор средств на армию (см. Приложение 3). ОКЖ также участвовал в этих благотворительных акциях. Например, с 15 октября 1904 г. по 7 февраля 1905 г. чинами Корпуса было пожертвовано 7317 руб. 98 коп. на усиление флота. В апреле 1905 г. сборы составили 3104 руб. 31 коп. на нужды флота и помощь раненым. За май удалось собрать 3656 руб. 58 коп.⁴.

В условиях Первой мировой войны размер жалованья жандармов оставался неизменным. Наоборот, добавились вычеты на нужды военного времени, что не могло в совокупности не усугубить материальное положение служащих жандармерии и их семей, особенно если учесть повсеместный рост

¹ Перегудов А. В. К вопросу...

² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2037. Л. 1, 29

³ Там же. Д. 1991. Л. 175.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 103. Л. 9 об., 24, 32.

цен. Однако это была общероссийская тенденция экономии средств на содержание правительственного аппарата¹.

Руководство Корпуса жандармов не забывало о мерах материального стимулирования и поощрения своих сотрудников. Приказом по ОКЖ от 1 марта 1877 г. нижние чины жандармерии по истечении двухлетнего срока службы в ОКЖ получали единовременное пособие в размере 150 руб. По истечении 10 летнего срока службы и после увольнения с нее отставник получал 1000 руб., а за 15 лет в жандармах – помимо 1000 руб. еще и ежегодную пенсию 95 руб.². Согласно приказу от 9 октября 1906 г., если человек после отставки возобновлял свою службу в ОКЖ, по истечении 10 лет он снова мог рассчитывать на 1000 руб., однако уже не имел права претендовать на 150 руб. пособия за 2 года службы³.

В случае отставки из-за ран или увечий, полученных при исполнении служебных обязанностей, унтер-офицер получал 250 руб. (разового пособия при условии 7-летнего стажа), 1000 руб. единовременно или 96 руб. в год (при условии нахождения на службе в течение 15 лет). В выслугу лет засчитывалось время прохождения воинской службы до поступления в жандармерию. С 1912 г. правила пенсионного обеспечения жандармов изменились. Теперь они могли рассчитывать на ежегодное пособие в размере от 30 до 216 руб. в зависимости от трудоспособности⁴. На определенные пособия и льготы имели право вдовы погибших унтер-офицеров и их дети.

Для восстановления здоровья офицеров политической полиции в 1911 г. в станице Ессентукской Терской области был учрежден санаторий ОКЖ. В разные годы его посещали и воронежские жандармы: помощник начальника управления ротмистр В. А. Панфилов и начальник ВГЖУ М. А. Конисский⁵.

¹ Перегудов А. В. К вопросу...

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 103. Л. 111 об.

⁴ Бакшт Д. А. Указ. соч. С. 122.

⁵ Перегудов А. В. Санаторий ...

На 1880 г. боевое оружие жандармских управлений включало револьверы системы «Смит-Вессон» или «Нагана» и драгунские шашки. В 1906 г. было принято решение об оснащении ГЖУ трехлинейными винтовками Мосина, однако уже в 1910 г. ОКЖ вернулся к пистолетно-шашечному вооружению губернских управлений. Вместо прежних револьверов могли выдаваться автоматические пистолеты системы «Браунинга»¹.

По состоянию на январь 1907 г. вооружение ВГЖУ составляло 30 наганов образца 1895 г., 30 шашек драгунского образца 1881 г., 24 казачьих трехлинейки. Помимо основного оружия воронежская жандармерия располагала одним запасным и тремя учебными наганами². О степени вооруженности ВГЖУ в 1909 г. и о форме ведения ведомости о вооружении можно судить из Приложения 5.

К 1 января 1911 г. в распоряжении чинов ВГЖУ находились 35 револьверов Смита и Вессона 2-го образца, не считая запасной и учебные, и 30 шашек образца 1881 г. без гнезд для штыка³.

Нижние чины управления постоянно совершенствовали свои навыки обращения с оружием. Однако изучение результатов стрельб показывает, что далеко не каждый унтер-офицер ВГЖУ мог похвастаться хорошими результатами. Например, по результатам проверки владения револьвером 13 августа 1909 г. из положений фигура во весь рост с 25 шагов стоя с руки, во весь рост с 40 шагов стоя с руки и во весь рост с 25 шагов в 30 секунд стоя с руки оказалось, что И. Тарнакин попал в 5 из 20 мишеней, Д. Юркин выбил 6 из 20, Г. Вавилин 9 из 20. Больше половины выбили 11 унтер-офицеров, меньше половины – пятеро. На стрельбах 6 сентября 1910 г. из тех же положений больше половины мишеней выбили также 11 сотрудников, а меньше половины – двое. Г. Вавилин попал ровно в 10 из 20. Удивительные навыки владения револьвером показал гражданский писарь С. Чекменев,

¹ Бакшт Д. А. Указ. соч. С. 134.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 348. Л. 3.

³ Там же. Д. 820. Л. 15.

выбивший 18 из 20 мишеней. С худшей стороны себя проявили Д. Иванов и К. Буров, попавшие соответственно 7 и 9 раз из 20 попыток¹.

На основании ряда циркуляров 1880–1885 гг. расходы на агентурные розыски и наружное наблюдение по делам о государственных преступлениях, на служебные телеграммы, снятие фотографических карточек, наем извозчиков, конвоирование и кормовое довольствие арестованных возмещались из отпускаемого ДП МВД аванса². Позже в этот список добавились расходы по найму конспиративных квартир, на разъезды жандармов по сыскным делам и др.

В 1896–1901 гг. в среднем в год ВГЖУ получало примерно по 3500 рублей на секретные расходы. Из этих средств оплачивалось годовое жалование вольнонаемных стражников управления, выполняющих функции агентов наружного наблюдения. В 1896–1897 гг. таких агентов было четверо с окладами 480 руб. годовых, в 1898 г. – трое с окладами 480 руб., один с окладом 300 руб., в 1899–1901 гг. – один получал 360 руб., трое по 300 руб. Из секретных сумм свои неизменные 300 и 600 руб. в год получали два воронежских тайных агента³. Таким образом, значительная часть секретных расходов уходила на филерскую работу и только около четверти средств затрачивалось на агентуру.

Циркуляром от 15 января 1903 г. ДП МВД установил ВГЖУ норму месячного аванса на секретные расходы в размере 150 руб. Об использовании этих средств начальники ГЖУ отчитывались ежемесячно. Перерасход сверх сметы допускался, и в следующий раз управление получало столько денег, чтобы с учетом покрытия всех предыдущих расходов на балансе оставались 150 руб. Однако только с февраля по ноябрь 1903 г. воронежские жандармы израсходовали 3151 руб. 06 коп. Причем с февраля по июль было потрачено 2174 руб. 35 коп. или по 434 руб. 87 коп. в среднем в месяц. Такие расходы в ДП МВД посчитали чрезмерными, на что в июле было указано начальнику

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 654. Л. 44 об. – 45; Д. 655. Л. 67 об.

² Краткий систематический свод... С. 387, 391.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 12 об., 31 об., 61, 70 об., 81–97, 106 об., 137, 218.

ВГЖУ. Замечание не осталось без внимания, и воронежские жандармы стали относиться к авансу на секретные расходы более экономно. С августа по ноябрь было потрачено только 976 руб. 71 коп. или по 244 руб. 18 коп. в среднем в месяц¹.

В целом за февраль – ноябрь 1903 г. на наружное наблюдение из секретных сумм было потрачено 469 руб. (в эту сумму не вошли затраты на зимнее и летнее статское платье, которое приобреталось также в счет секретных сумм) или 52 руб. 11 коп. в среднем в месяц (15% затрат). Значительная доля расходов агентов наружного наблюдения приходилась на оплату транспортных издержек – от одной трети до половины. Филеры много ездили, сопровождая лиц, за которыми велось наблюдение. На агентуру за тот же период пришлось потратить 2064 руб. 80 коп. или 229 руб. 42 коп. в среднем в месяц (65.5% затрат). Причем если до июльского предупреждения среднемесячные траты на наружное наблюдение составили 65 руб. 48 коп., то с августа на это уходило уже 35 руб. 40 коп. На секретную агентуру соответственно было потрачено сначала 290 руб. 76 коп., затем только 152 руб. 75 коп.².

Приведенные цифры показывают, что отводимых по указанию ДП МВД на секретные расходы 150 руб. в месяц не хватало. Каждый раз ВГЖУ выходило за рамки этих сумм, а годовые затраты приблизительно остались на уровне 1896–1902 гг. Понимая это, 8 марта 1905 г. столичное руководство увеличило размеры месячного аванса до 250 руб. Еще раз было указано на необходимость «предоставления надлежащих отчетов и оправдательных документов» по затраченным суммам (пример см. в Приложении 2)³.

В 1905 г. на секретные надобности ВГЖУ израсходовало 3375 руб. 68 коп., что ненамного выходило за рамки отведенного аванса в 3000 руб. На наружное наблюдение и секретную агентуру оказалось потрачено примерно по одной трети средств, соответственно 1005 руб. 20 коп. (не включая 110

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 432. Л. 2–25.

² Там же.

³ Там же. Д. 739. Л. 6.

руб. филерам на летнее и зимнее статское платье) и 1042 руб. 50 коп. Из общего ряда выходят расходы за декабрь. Они явно увеличились: потрачено 744 руб. 90 коп. (146 руб. 15 коп. на наружное наблюдение и 245 руб. на агентуру)¹.

С 1906 г. в условиях внутривосточной нестабильности органы государственной безопасности старались усилить свою агентуру. Этому требовали и столичные циркуляры. Было увеличено финансирование и введены новые правила отчетности, в результате чего начальники ГЖУ подавали уже двухнедельные ведомости. В результате только с января по июль 1906 г. расходы на секретную агентуру в 31 губернии России достигли 69655 руб. 35 коп. или в среднем в месяц по 374 руб. 50 коп. на одну губернию².

С декабря 1906 по декабрь 1907 г. среднемесячные расходы ВГЖУ на секретные нужды составили 784 руб. 25 коп., из которых на наружное наблюдение было потрачено 233 руб. 60 коп. (30 %), а на агентуру – 387 руб. 50 коп. (49.4%)³. На секретные расходы в 1909 г. ВГЖУ получило 16977 руб. 52 коп. Годовые затраты составили 15813 руб. 96 коп.⁴. Выходит, что среднемесячные поступления в ВГЖУ равнялись 1414 руб., из которых расходовалось 1317 руб. В 1912 г. в Воронеж поступило 9900 руб. 46 коп., а потрачено было 9606 руб. 31 коп. или 800 руб. 50 коп. в среднем в месяц⁵.

В 1909 г. на исполнение унтер-офицерами полицейских обязанностей в том числе и по наружному наблюдению было израсходовано 10115 руб. 55 коп. (843 руб. в мес.) В 1912 г. – 2199 руб. 82 коп. (183 руб. 50 коп. в мес.) На агентуру израсходовано соответственно 2641 руб. 40 коп. (220 руб. в мес.) и

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 739. Л. 7, 12, 16, 20, 26, 30, 34, 37, 42, 45, 51, 61.

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 214.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 873. Л. 2, 7, 20, 31 об., 34 об., 109, 142, 164 об., 228–230 об.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 572. Л. 16, 37, 87, 119, 160, 190, 204, 226, 245, 266, 298, 308, 341, 370, 394, 422, 459, 481, 498, 525, 540, 563, 586, 603.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 65. Л. 8, 30, 50, 74, 103, 126, 155, 177, 194, 219, 242, 263, 286, 310, 337, 357, 375, 394, 437, 455, 468, 474, 494, 518.

4149 руб. 51 коп. (346 руб. в мес.)¹. Если смотреть в процентном соотношении, то получается, что в 1909 г. на филерские расходы (следует учесть, что данные обязанности исполняли унтер-офицеры ВГЖУ, которые расходовали средства еще и на свои служебные разъезды, не связанные с наружным наблюдением) ушло 64 % средств, а в 1912 – только 23 %. На агентурные надобности в 1909 г. – 17 %, в 1912 г. – уже 43 %. Для большей наглядности секретные расходы управления за 1909 г. отражены в таблице:

Таблица 2. Секретные расходы ВГЖУ за 1909 г.².

израсходовано на:	руб. коп.	%
отправку служебных телеграмм	911 руб. 61 коп.	5.76 %
полицейское фотографирование	390 руб. 40 коп.	2.47 %
секретную агентуру	2641 руб. 40 коп.	16.7 %
наружное наблюдение и разъезды унтер-офицеров	10115 руб. 55 коп.	63.97 %
наем конспиративных квартир	652 руб.	4.12 %
статское платье для наружного наблюдения	950 руб.	6.01 %
проведение экспертиз	88 руб.	0.56 %
оплату телефонного аппарата	65 руб.	0.41 %

В течение всего XX в. руководители политического сыска Российской империи указывали на слабое ведение агентурной работы, прежде всего, местными жандармскими управлениями. В очередной раз в циркуляре от 7 октября 1912 г. ДП МВД констатировал, что «за последние 4 года, не смотря на рекомендации и требования Департамента, агентура на местах остается крайне слабой, неосведомленной и, за редким исключением, неспособной осветить не только грядущие события партийной революционной жизни, но даже и уже совершенные выступления». В циркуляре сообщалось, что ГЖУ

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 65. Л. 8, 30, 50, 74, 103, 126, 155, 177, 194, 219, 242, 263, 286, 310, 337, 357, 375, 394, 437, 455, 468, 474, 494, 518.

² Там же. Оп. 2. Д. 572. Л. 16–603.

расходуют на агентуру лишь 10–20% секретных сумм, что признавалось в столице слишком малой долей¹.

Однако, как показывают цифры, воронежские жандармы в 1901 г. потратили на агентуру 25.5 %, в 1903 г. – 67.5 %, в 1905 г. – 31%, в 1907 г. – 49.5 %, в 1909 г. – всего лишь 17 %, в 1912 г. – 43 % от суммы на секретные расходы. Получается, что за исключением 1909 г. доля расходов ВГЖУ на секретную агентуру соответствовала требованиям циркуляра ДП МВД от 7 октября 1912 г.

Циркулярным распоряжением от 7 января 1913 г. столичное ведомство провозгласило новую систему финансирования, по которой жандармским управлениям была установлена определенная годовая смета с указанием четких статей расходов. Причем расходы местных управлений должны были оставаться не только в рамках общей сметы, но и не превышать выделенной суммы на отдельные категории. По новой системе финансирования в январе поступала сумма за два месяца, затем ассигнование проходило ежемесячно с предоставлением обязательных отчетов. Если по итогам месяца управление не расходовало весь кредит, остаточные суммы переводились на указанный счет в Санкт-Петербурге. Объясняя причины отказа от системы авансов, руководство ДП МВД приводило примеры ситуаций, когда при исчерпании аванса до окончания месяца жандармы оставались без денег на секретные расходы, что вредило делу розыска. Также по старой системе без четко определенных границ финансирования столичному полицейскому управлению было трудно контролировать секретные расходы².

Смета на 1913 г. выглядела следующим образом. Всего на секретные нужды Воронежскому жандармскому управлению было выделено 12000 руб. или по 1000 руб. в месяц. На секретную агентуру полагалось 4800 руб., на наружное наблюдение – 2160 руб., 600 руб. на наем конспиративных квартир,

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 167.

² Там же. Оп. 1. Д. 991. Л. 22, 23.

864 руб. на покупку статского платья агентам наружного наблюдения, 300 руб. на разъезды офицеров и нижних чинов по делам сыска, 900 руб. на дополнительные канцелярские средства и служебные помещения, 2376 руб. на все прочие расходы (отправку телеграмм, фотографирование преступников, проведение экспертиз, иногородние командировки по делам сыска и др.)¹.

Всего же в 1913 г. на секретные надобности ВГЖУ потратило только 6763 руб. (чуть больше половины сметы). На агентуру ушло 2138 руб. 75 коп. (44.5% заложенной на данную категорию суммы), на наружное наблюдение – 1770 руб. 76 коп. (82%)².

В следующем году после запрета на исполнение унтер–офицерами обязанностей агентов наружного наблюдения и введения штата вольнонаемных филеров смета ВГЖУ была увеличена до 14400 руб. или 1200 руб. в месяц³.

Смета секретных расходов на 1916 г. позволяла затратить по 4800 руб. на содержание секретной агентуры и жалование филеров, 1440 руб. на служебные расходы агентов наружного наблюдения, 2700 руб. на разъезды по делам сыска и другие расходы, 600 руб. на наем конспиративных квартир. За этот год ВГЖУ израсходовало всего 7800 руб. (650 руб. в мес.), из которых 1040 руб. ушло на оплату труда двух филеров (95 руб. в мес.), около 400 руб. на их служебные расходы и 2000 руб. на вознаграждение секретной агентуры (166 руб. 50 коп. в мес.)⁴. Цифры показывают, что ВГЖУ освоило лишь 54 % из отведенной сметы, из которых было потрачено 41.5 % заложенных расходов на агентуру и 21.5 % на наружное наблюдение.

В целом, как видно из приведенных цифр, секретные расходы не были очень большими. До конца 1905 г. годовые поступления из сумм ДП МВД соответствовали лишь жалованию начальника губернского жандармского

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 991. Л. 24.

² Там же. Д. 1216. Л. 17, 26, 41, 55, 69, 82, 92, 98, 108, 116, 128, 136.

³ Там же. Д. 991. Л. 38, 39.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1241. Л. 20, 36, 38, 48, 60, 70, 231.

управления. Вплоть до падения монархии они ни разу не превысили «фонд заработной платы» ВГЖУ.

Таким образом, обращают на себя внимание ограниченные суммы секретных расходов, предоставляемые провинциальным жандармским управлениям, тем более что далеко не все эти средства уходили на вознаграждение секретных агентов и оплату издержек по наружному наблюдению. На наш взгляд, ограниченные ресурсы вполне можно считать одним из факторов, негативно влияющим на эффективность политического сыска в провинции, конечно, далеко не единственным, однако также сыгравшим свою роль.

В документах ВГЖУ встречаются отдельные сведения о нецелевом расходовании финансирования и о прочих злоупотреблениях. Не раз на попытках сэкономить выдаваемые им средства и положить остаток в карман попадались жандармские унтер-офицеры. 27 мая 1909 г. начальник ВГЖУ полковник Тархов сообщил своему помощнику ротмистру Гоголеву, что подчиненный ему унтер-офицер при конвоировании политических арестантов не покупает им билет, а возит в поездах «зайцами», в результате чего возникают жалобы со стороны контролеров и самих заключенных¹.

Провинциальные жандармские управления слабо оснащались техническими новинками. Там, например, не было своих аппаратов для фотосъемки, что требовало при необходимости снятия карточки преступника обращаться к услугам частных фотографов. Это было опасно с точки зрения конспирации, но гораздо дешевле и проще, чем оснащать каждое ГЖУ собственной фотолабораторией и обучать жандармов этому искусству. К тому же сотрудники «спецслужб» могли обращаться за помощью к общей полиции. В Воронежской губернии, например, жандармы стали размещать заказы на изготовление фотографических карточек преступников в образованном в 1908 г. сыскном отделении².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 44. Л. 22.

² Перегудов А. В. Сыская полиция... С. 38.

С точки зрения организации, кадрового, финансового и материального обеспечения ВГЖУ являлось типичным управлением Центральной России. В нем служило не так много сотрудников, как иногда требовали обстоятельства времени. Это ставило жандармерию в зависимость от органов местной общей полиции. Несмотря на определенную подготовку и окончание специальных курсов, офицеры ГЖУ оставались военными людьми, не всегда представляющими себе особенности полицейской службы. То же самое касается и нижних чинов жандармерии.

Оплата труда сотрудников политической полиции несколько превышала достаток их коллег на смежных должностях в других правоохранительных органах (в основном за счет компенсации на служебные расходы), что позволяет судить об определенном достатке защитников государственной безопасности. Но в целом снабжавшееся по военным нормам жандармское управление не имело чрезмерно высокого финансирования и материального обеспечения. Медленными темпами в ВГЖУ шло проникновение различных технических новинок: фотоаппаратов, телефонов и т. д. Из средств ДП МВД жандармерия тоже не получала огромных сумм.

По этой причине, в результате сложной запутанной организационной структуры, в условиях которой жандармские управления подчинялись сразу двум руководящим ведомствам, определенной инертности кадровых сотрудников, в связи с другими обстоятельствами интенсивность и качество работы ГЖУ часто вызывало нарекания у полицейского руководства. Воронежское управление, к сожалению, в этом случае не стало исключением.

Глава 2. Формирование основных направлений и методов работы Воронежского губернского жандармского управления

§ 1. Определение направлений и развитие методов наблюдательной деятельности Воронежского ГЖУ

Обязанности офицеров и младших чинов жандармерии определялись различными инструкциями, положениями и циркулярами. Первоначальной основной функцией жандармских органов являлось осуществление контроля за деятельностью местных властей по исполнению столичных указов, законов и положений, изучение экономического положения населения и наблюдение за настроениями в различных общественных слоях¹.

По закону 19 мая 1871 г. «О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» жандармы получили полномочия ведения следственной деятельности по политическим преступлениям. По ст. 21–29 этого нормативного акта дознания проводили офицеры Корпуса жандармов при содействии нижних чинов Корпуса, на которых могут возлагаться отдельные следственные действия. Начать дознание можно было самому начальнику ГЖУ или по представлению прокурора судебной палаты. При проведении следственных действий работу жандармов должны были контролировать чины прокурорского надзора, а завершённые дознания представлялись прокурорами судебных палат лично министру юстиции, который вместе с шефом жандармов выносил решение о производстве предварительного следствия, либо испрашивал Высочайшего разрешения о прекращении дела или его решении административным порядком².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 1. № 49615.

В течение трех десятилетий ГЖУ постепенно получали различные циркулярные распоряжения, дававшие им дополнительные обязанности и наделявшие новыми полномочиями. В 1904 г. они были объединены в общую инструкцию, согласно которой в обязанности ГЖУ входило наблюдение «за населением и за направлением политических идей общества, доведение до высших властей сведений о беспорядках и злоупотреблениях, производство дознаний по делам о государственных преступлениях, производство расследований в порядке Положения о государственной охране, осуществление негласного полицейского надзора, наблюдение за лицами, проезжающими через границу, наблюдение за иностранными разведчиками, розыск и наблюдение за лицами, укрывающимися от преследований властей, оказание помощи общей полиции в восстановлении нарушенного порядка, конвоирование арестантов»¹.

Как указывал офицер штаба Корпуса жандармов полковник В. И. Добряков, специальные обязанности чинов ГЖУ заключались главным образом в производстве дознаний и в осуществлении негласного наблюдения за местным населением с целью предупреждения и обнаружения, прежде всего, государственных, но также и общеуголовных преступлений².

Исходя из данного достаточно условного разделения, в этом параграфе будут раскрыты главные направления наблюдательной деятельности ВГЖУ. Затем речь пойдет об аспектах следственной работы жандармерии, развитию ее методов на основе изменений в законодательстве и рассылаемых в ГЖУ столичных инструкций. Третий параграф посвящен важному элементу работы политической полиции – организации наружного наблюдения и деятельности секретной агентуры. Цель главы заключается в том, чтобы проследить добавление новых направлений и совершенствование приемов работы политической полиции.

¹ Цит. по: Перегудова З. И. Указ соч. С. 128.

² Краткий систематический свод... С. 5.

До издания закона 19 мая 1871 г., по которому жандармские управления получили полномочия проводить дознания по государственным преступлениям, главным направлением деятельности ГЖУ было всестороннее наблюдение за положением дел в регионах.

Политическую полицию интересовали любые проблемы местной жизни. Например, в донесении III Отделению от 25 января 1869 г. начальник ВГЖУ Э. А. фон-Мезенкампф отмечал сильное распространение карточной игры и кулачных боев в Воронежской губернии. Это привело к разорению нескольких семей, поэтому жандармский полковник предлагал запретить азартные игры и подобные развлечения¹.

По распоряжению главного начальника III Отделения генерал-адъютанта графа Н. В. Левашева от 19 июня 1871 г. ГЖУ информировали столичное руководство обо всех общественных бедствиях: преступлениях, в том числе и святотатствах, сильных пожарах, эпидемиях и т. д., если это усматривалось заслуживающим внимания правительства². Важной составляющей деятельности жандармов было «секретное наблюдение за точным исполнением изъявленной Высочайшей воли» местными властями³.

Пожалуй, наиболее полно сферу наблюдения жандармской полиции 1870–1880-х гг. характеризуют правила составления годовых политических обзоров губерний от 14 февраля 1875 г. и 31 мая 1877 г. Согласно этим документам, в отчеты помещалась информация о настроениях в губернии, особенно среди образованных слоев населения. Жандармы наблюдали за земскими органами (их составом и деятельностью), за политически неблагонадежными лицами, фиксировали настроения крестьянства. В поле зрения ГЖУ попадали и воинские части: жандармы следили за образом мыслей офицерства и за тем, чтобы в армии не велась революционная пропаганда. Также в отчетах указывалась информация о настроениях среди

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 44. Д. 5ч. 41. Л. 2, 16 об.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

³ Там же. Д. 1. Л. 15.

духовенства, о том, чему они учат паству и как проявляется влияние священников на общество в целом¹.

Пристальному вниманию со стороны жандармов подлежало и экономическое положение в регионах. Начальники ГЖУ фиксировали уровень благосостояния губерний, изучали положение в промышленности. Обращалось внимание на взаимоотношения промышленников и рабочих, на возникающие стачки, указывались сведения о крестьянских хозяйствах, о недоимках и переселениях. В отчеты помещалась информация о материальном положении рабочих, их социальном составе и распределении по промышленным объектам.

Отдельное внимание уделялось образованию. Жандармы следили «за духом учащейся молодежи в гимназиях, семинариях, университетах, на женских курсах, и в прочих учебных заведениях, а также за профессорами и преподавателями, которые навлекают на себя сомнения в политической благонадежности»². Указывались сведения о содержании публичных лекций и чтений для народа.

Наблюдению подвергалась печать и литература. В отчеты помещалась информация о составе редакций журналов, средствах, на которые финансируются издания, количестве подписчиков, содержании номеров и влиянии печати на общество. Подробная информация указывалась о книжной торговле, особенно о той литературе, которая с политической точки зрения вредно влияет на население³.

Таким образом, ГЖУ наблюдали за широкими сферами общественной жизни регионов. Являясь независимыми от местных властей органами, они предоставляли сначала в III Отделение, а после его упразднения в 1880 г. в Министерство внутренних дел альтернативные губернаторским отчетам сведения. Это позволяло правительству изучать положение дел в стране

¹ Краткий систематический свод... СПб., 1903. С. 157.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 54, 54 об.

³ Там же.

более точно и объективно хотя бы потому, что оно могло пользоваться разными источниками информации.

С другой стороны, в условиях необходимости заниматься следственной работой, особенно во время острых политических кризисов, при достаточно ограниченном штате сотрудников, и слабой агентуре жандармы иногда упускали из виду важные события общественной жизни.

Например, в сентябре 1907 г. через Воронежскую губернию пролегал путь архиерея Владимира – представителя Санкт-Петербургского духовенства. 22 числа он был приглашен местным священником Лукиным остаться на ночлег у него дома в с. Рыкань Воронежского уезда. Ночью усадьбу подожгли, что было охарактеризовано журналистами Петербургских биржевых ведомостей в номере от 24 сентября 1907 г. как покушение на архиерея. Узнав о происшествии из газеты, чиновники ДП МВД поинтересовались у В. З. Тархова, почему ВГЖУ не сообщило об этом. Начальнику воронежских жандармов пришлось оправдываться «совершенной недостаточностью штата ВГЖУ в условиях переживаемого времени» и полным отсутствием жандармского надзора в уездах в связи с необходимостью унтер-офицеров выполнять второстепенные обязанности. После того как воронежские жандармы разобрались в ситуации, они отрапортовали в столицу о том, что это преступление не было покушением на петербургского архиерея. Недовольные жители села подожгли дом, желая свести счеты именно с местным священником Лукиным¹. Однако это не может оправдывать сотрудников ведомства, обязанных контролировать общественную обстановку, за то, что они оказались менее осведомлены о достаточно важном событии, чем журналисты.

Иногда пресса работала быстрее, чем даже столичная политическая полиция. Как пишет И. П. Тарадин, после убийства Александра II воронежский губернатор А. В. Богданович прочитал в газетах о том, что народовольцы перед покушением сделали подкоп на Малой Садовой, где

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 14ч. 9 (1907 г.). Л. 4, 6–8, 11.

император должен был проезжать 1 марта, из квартиры, хозяином которой был крестьянин Землянского уезда Воронежской губернии Е. Е. Кобозев. После этого губернатор навел справки и 10 марта 1881 г. сообщил министру внутренних дел, что указанный крестьянин никуда из уезда не выезжал. Позже полиция выяснила, что революционеры наняли здание по поддельным документам. Однако примечательно, что губернатор узнал о такой важной детали из обычных газет, а не правительственного секретного циркуляра¹.

Важным объектом внимательного наблюдения ГЖУ служили воинские части. Очень важно было не допускать в казармы пропагандистов и предотвращать любые проявления недовольства солдат и офицеров, так как возмущения в воинских частях были особенно опасными для правительства. Во-первых, потому что солдаты носили оружие и могли применить его против властей, во-вторых, потому что армия использовалась как главная сила при подавлении беспорядков.

Одним из первых документов, обязывающих политическую полицию осуществлять наблюдение за воинскими частями, стало июльское распоряжение 1836 г., подписанное Николаем I, согласно которому жандармы следили, чтобы офицеры не вели антиправительственных разговоров и не читали запрещенную литературу². По указанию III Отделения от 28 апреля 1875 г. жандармы выявляли проникающих в части революционных агитаторов, информируя об их обнаружении армейское начальство³.

ГЖУ следили за благонадежностью пополнения. Эта деятельность осуществлялась совместно с чинами общей полиции и губернской администрации. Выявлением нежелательных с точки зрения поведения и личных взглядов призывников занимались в уездах. О результатах проделанной работы исправники подавали отчеты начальнику ГЖУ.

¹ Тарадин И. П. Отголоски 1 марта 1881 года в Воронежской губернии (к 45-летней годовщине) // Известия Воронежского краеведческого общества. 1926. № 7–9. С. 5.

² Чукарев А. Г. Указ. соч. М., 2005. С. 357.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

В 1909 г., например, коротоякский уездный исправник указал на девять человек, неблагонадежность которых проявилась в следующем: шестеро попали в поле зрения властей как подверженные пьянству, двое за буйный характер и склонность к воровству, а один в момент призыва находился под следствием по подозрению в краже¹.

Благонадежность призывников, попадавших в Воронежскую губернию из других регионов, проверялась в ходе письменных запросов в нужное ГЖУ. Это рождало обширную переписку между начальниками управлений². В результате проверок составлялись списки подозрительных солдат, которые полиция передавала командирам воинских частей. По представлению жандармов, согласно ст. 470 Военно-Судебного устава, они попадали под «ближайший надзор военного начальства»³.

В кризисные 1905–1907 гг. начальник ВГЖУ В. З. Тархов рапортовал руководству о неутешительных сведениях, полученных им в ходе тайного наблюдения за частями местного гарнизона. Жандарм предупреждал, что воронежские полки все больше и больше подпадают под влияние революционной пропаганды и в случае революционных беспорядков они могут перейти на сторону бунтовщиков. Отмечалось, что «в части проникают посторонние лица, а нижние чины во время выхода в город посещают различные сборища»⁴.

С новой силой работа полиции по наблюдению за воинскими частями активизировалась в 1909–1912 гг. Это было вызвано рядом обстоятельств. В октябре 1910 г. состоялась конференция в Цюрихе, на которую съехались все революционные силы России. По ее итогам было принято решение об активной пропаганде в войсках совместными усилиями по общей программе без идеологических и партийных различий с упором на офицерскую среду и

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 675. Л. 25.

² Там же. Оп. 1. Д. 768. Л. 550–579.

³ Там же. Д. 348. Л. 5.

⁴ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 250. Л. 30, 32.

с расчетом на подготовку вооруженного восстания в 1912 г., о чем стало известно ДП МВД. Дополнительные опасения властей вызвали революции в Турции в 1908–1909 гг. и Португалии в 1910 г., активно поддержанные войсками. Также в 1911 г. и в 1912 г. заканчивались сроки ссылки участников событий 1905–1907 гг., значительную часть которых составляли молодые люди призывного возраста, чье появление в армии порождало благоприятные условия для пропаганды¹. Вызванные этими обстоятельствами циркуляры с требованием приложить особые усилия для обеспечения безопасности в воинских частях поступали в местные управления политического сыска в течение 1910–1912 гг.

В начале Первой мировой войны ДП МВД разослал секретные циркуляры с требованием к местным органам политической полиции установить тщательное наблюдение за всеми тыловыми частями и госпиталями, за настроениями нижних чинов². Жандармы в соответствии с требованиями циркуляра от 15 января 1916 г. контролировали численность и следили за тщательностью охраны военнопленных, так как наблюдались частые побегии последних³. Также ГЖУ следили за участвовавшими к концу войны случаями самовольного ухода рядовых из частей и докладывали руководству о принимаемых в связи с этим мерах военным начальством⁴.

Жандармские органы осуществляли секретное наблюдение за тюрьмами и сообщали губернаторам о нарушении тюремных порядков заключенными или администрацией, об объявлении голодовок и прочих экстраординарных ситуациях. С сентября 1907 г. ДП МВД санкционировал деятельность жандармской агентуры в тюрьмах, которая следила не только за заключенными, но и за их надзирателями. Эта мера устанавливалась для того, чтобы в необходимый момент изымать агитационный материал, оружие

¹ Хутарев-Гарнишевский В. В. «Осиное гнездо провокации». Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10. С. 122.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1371. Л. 77, 95.

³ Там же. Д. 1547. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 1371. Л. 100–101.

и другие запрещенные предметы¹. Иногда ГЖУ допускали прямое вмешательство во внутренние порядки тюрем, что вызывало справедливые жалобы со стороны начальства этих учреждений².

Власти пристально следили за настроениями рабочих. В циркулярах ДП МВД постоянно упоминалось о важности данной работы. Полицейским властям ставилась задача не допускать любые рабочие выступления, забастовки, манифестации, маевки и т. д. Например, в 1901 г. за месяц до 1 мая командир Корпуса жандармов С. Э. Зволянский предупредил начальников ГЖУ о возможных беспорядках и необходимости их предотвращения. Обращалось особое внимание на то, что революционеры готовят различные воззвания к рабочим, учащимся и прочим сочувствующим оппозиционному движению, предполагая привлечь к манифестациям возможно большее число людей. При этом власти были обеспокоены сведениями о том, что участники демонстраций предполагают заготовить ножами, кастетами и палками со свинцовыми наконечниками на случай насильственных действий со стороны полиции и войск. Для недопущения массовых сходок ГЖУ была поставлена задача выявить в районах наблюдения все революционные кружки, занимающиеся пропагандой среди рабочих, определить состав их участников и ликвидировать как можно ближе к 1 мая, чтобы неблагонадежные не смогли организовать вновь³.

Эти распоряжения стали реакцией на волну крупных забастовок в промышленных центрах России, которая началась с выступлений столичных текстильщиков в 1896 г. Ситуацию осложнил начавшийся в 1900 г. экономический кризис, вызвавший спад промышленного производства и сокращения рабочих на предприятиях. В некоторых случаях стачки рабочих приобретали характер политических манифестаций. Например, в 1900 г.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 71.

² Там же. Д. 66. Л. 13.

³ Шамаев В. Г. Во имя спокойствия и безопасности державы: страницы истории службы государственной безопасности Воронежского края. Воронеж, 2008 (далее – Шамаев В. Г. Во имя спокойствия...). С. 174.

состоялась первомайская демонстрация в Харькове, а в 1901 г. – в Казани, Варшаве, Санкт-Петербурге и в ряде других городов.

Согласно циркуляру III Отделения от 14 мая 1877 г. жандармы должны были «учредить самое бдительное наблюдение за появлением во вверенном им районе всех тех лиц, которые действиями своими будут навлекать подозрение в революционной пропаганде, книжной или устной». Документ требовал при обнаружении подобных лиц подвергать их задержанию и проводить дознания¹.

Столичное руководство подсказывало, как лучше всего организовать в регионах поиск революционеров и агитаторов. В различных циркулярах 1870–1890-х гг. рекомендовалось делать это путем наблюдение за широкими категориями местных жителей.

Во-первых, за непосредственной целевой аудиторией пропагандистов. Негласному полицейскому наблюдению подлежали рабочие на фабриках, заводах и разных мастерских, «куда могут наниматься злонамеренные лица с целью книжной или устной пропаганды». Причем содержатели этих заведений были обязаны давать подписку чинам общей полиции, что они будут следить за появлением занимающихся пропагандой или ведущих любую другую антиправительственную деятельность и выдавать их властям.

Во-вторых, наблюдению подлежали торговцы в лавках, трактирах, постоянных дворах и питейных домах, больничные служащие и др., то есть сотрудники заведений, где было бы удобно вести революционную пропаганду.

В-третьих, в сфере полицейского внимания находились потенциальные пропагандисты – земские и выборные служащие, лица, занимающиеся публичными чтениями, проводящие лекции, заведующие библиотеками и читальнями. Иными словами – широкие слои интеллигенции².

¹ Краткий систематический свод... С. 25–26.

² Там же. С. 51, 72–73.

Позже данные категории были дополнены. Негласному наблюдению подверглись лица, возвращающиеся из-за границы, депутаты Государственной думы, в том числе и бывшие¹. Например, в конце июня 1907 г. жандармы следили за находившемся в Воронежской губернии депутатом II Государственной думы А. И. Шингаревым².

Такое пристальное внимание к народным избранникам со стороны политической полиции было связано с «Выборгским воззванием», составленным в июле 1906 г. группой депутатов после роспуска Государственной думы I созыва. Этому способствовал тон документа, в котором содержались призывы к гражданскому неповиновению властям (неуплате налогов, отказу от воинской службы и т. д.). Не малую роль сыграло и, в общем, вызывающее поведение депутатов, конфронтация распущенной Государственной думы с царской администрацией на фоне тяжелого внутривластного кризиса, а также радикальные взгляды, которые многие народные избранники выражали открыто, пользуясь депутатской неприкосновенностью.

С конца марта 1905 г. губернаторы сообщали в столицу сведения о лицах, состоящих на государственной службе и участвующих в противоправительственных выступлениях и агитации. Главам регионов эти сведения предоставляли жандармы³. С сентября 1906 г. по распоряжению П. А. Столыпина такие лица подлежали увольнению не только за совершение конкретных деяний, но и в том случае, если за ними обнаруживалась лишь приверженность революционным идеям⁴.

Любые проявления антиправительственных настроений со стороны чиновников пресекались на корню. Примером может послужить гонение на издаваемый в Киеве журнал «Спутник чиновника» под редакцией бывшего

¹ Тем не менее специальный циркуляр ДП МВД требовал «проявления вежливого, предупредительного и осторожного отношения к членам Государственной Думы» со стороны местных властей.

² Шамаев В. Г. На страже... С. 96; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 149.

³ Там же. Оп. 2. Д. 74. Л. 31, 31 об.

⁴ Там же. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 23. Л. 18 об. – 19.

служащего киевской казенной палаты коллежского секретаря А. И. Мирецкого. Гонения на издание и его редактора начались после того, как полиция выявила, что журнал во время предвыборной кампании в IV Государственную думу стал пропагандировать идею необходимости сплочения чиновников ради цели «освобождения русского чиновничества от тяжелого материального положения и бесправия»¹.

Реакцией на массовые беспорядки революционного 1905 г. стала активизация «патриотического» общественного движения. Черносотенные и другие радикальные монархические организации попали под пристальное внимание ДП МВД. 15 апреля 1905 г. из Петербурга в местные жандармские органы было разослано сообщение об этих организациях, их создании, количестве членов, идейной платформе.

Перечень начинался с «Тайного общества террористов-консерваторов «Белый Передел», воззвания которого были обнаружены в Санкт-Петербурге. Называя себя «консервативными элементами», они призывали к сплоченной борьбе с революционерами, отвечая «прокламациями на их прокламации, смелым вызовом на их угрозы и бомбами на их бомбы». В воззвании прозвучал призыв к властям изгнать евреев из России. В Уфимской губернии было обнаружено обращение «К рабочим и народу и ко всем православным христианам», призывающее к насильственным действиям против евреев и «крамольников», под которыми подразумевались представители свободных профессий, учащая молодежь и даже обедневшие помещики». В Двинске появился ряд гектографированных воззваний «Первой русской партии в защиту самодержавия», призывающих сплотиться общественности, властям и духовенству против ополчившейся на царя и русскую веру «жидовской смуты» и ее русских сторонников. При этом предлагалось дать вооруженный отпор революционерам².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 148, 148 об.

² Там же. Д. 438. Л. 4, 4 об.

Реакция столичного полицейского ведомства на появление «патриотически» настроенных радикальных организаций была однозначной. «Распространение подобных воззваний в настоящее тревожное время представляет собой явление, несомненно, нежелательное и даже весьма опасное, так как рассчитанная на возбуждение одних слоев общества против других подобная агитация может вызвать в невежественных массах серьезное брожение и повести к разгромам. В виду сего само издание и распространение таких листовок не может быть трактуемо иначе, как проявление деятельности членов тайных, недозволенных организаций, могущих вызвать опасность не менее серьезную, чем и деятельность организаций противоправительственного характера». Тем не менее ДП МВД признавал, что с такими организациями следует вести себя более деликатно, не арестовывать их участников, как обычных радикалов, чтобы подобные действия не вызвали обиду со стороны патриотов, которыми движет желание помочь властям. Поэтому в случае столкновения с деятельностью такого рода начальники местных органов политической полиции должны были запрашивать дополнительные инструкции в ДП МВД, хотя агитационную деятельность «патриотических» радикальных групп требовалось пресекать немедленно¹.

В начале XX в., выполняя наблюдательные обязанности, «спецслужбы» часто получали информацию о подготовке политических убийств. Далее офицеры немедленно сообщали тревожную информацию тем лицам, которым угрожала расправа. Однако после того как один человек, получивший официальное сообщение от политической полиции о готовящемся на него покушении, настолько испугался, что умер от инфаркта, январским циркуляром 1910 г. ДП МВД потребовал от местных органов сообщать подобные сведения максимально мягко и деликатно². К

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 5, 5 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 74. Л. 117.

сожалению, в тексте распоряжения, полученного начальником Воронежского ГЖУ, имя погибшего не сообщалось.

Важной наблюдательной функцией полиции являлось осуществление надзора, который регулировало «Положение о полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г. Так называемый гласный надзор устанавливался в качестве предупредительной меры совершения преступлений против государственного порядка и учреждался над лицами, вредными для общественного спокойствия. Данная мера применялась к ссыльным, политически неблагонадежным, отбывшим срок своего наказания и другим лицам, представляющим общественную опасность. Но закон 12 марта не регулировал полицейский надзор как меру судебного наказания и негласный надзор как вид секретного наблюдения¹.

Гласный надзор осуществлялся общей полицией, которая при необходимости информировала жандармов о количестве поднадзорных. Сроки его не должны были превышать пяти лет. Министр внутренних дел своим распоряжением мог лишить поднадзорного права на получение писем и почты. В таком случае все письма передавались в губернских городах начальникам ГЖУ, в уездах – исправникам, которые либо направляли их по принадлежности, либо при обнаружении предосудительного содержания задерживали и передавали начальникам ГЖУ. Если поднадзорному не запрещалось получать почту, он сам был обязан предоставить свою корреспонденцию на просмотр указанным лицам².

Циркуляром ДП МВД от 9 апреля 1882 г. было объявлено утвержденное 1 марта 1882 г. министром внутренних дел графом Н. П. Игнатьевым «Положение о негласном полицейском надзоре», которое систематизировало ранее изданные на этот счет законодательные акты и служебные инструкции. Первый пункт документа устанавливал, что негласный (секретный) полицейский надзор является одной из мер

¹ ПСЗРИ. Собр. 1881–1913. Т. 2. 1882. № 730

² Там же.

предупреждения государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной благонадежности. Эта мера осуществлялась в строго секретном порядке, поэтому негласно поднадзорный не должен был подозревать о наблюдении и, следовательно, не ограничивался в своих правах¹.

Устанавливался негласный надзор по решению ДП МВД или по представлению в столичное ведомство местных органов политической полиции. Секретному надзору подлежали отбывшие гласный надзор², возвращающиеся из ссылки за антиправительственную деятельность лица, политические преступники, чьи сроки заключения подходили к концу³. Этот перечень дополнялся циркулярами ДП МВД в зависимости от изменения общественно-политической ситуации в стране.

О появлении в регионе жандармского наблюдения данных лиц общая полиция должна была оповещать офицеров ГЖУ. Однако полицейские не всегда предоставляли нужные сведения жандармам, что вызвало необходимость издания 11 марта 1883 г. еще одного циркуляра с обращением к местным властям⁴. Как указывало Положение, секретный надзор входил в круг обязанностей как общей, так и жандармской полиции. При этом подчеркивалось, что общая полиция также выступает в качестве органа государственной охраны⁵.

Списки лиц, за которыми устанавливался негласный надзор по Положению от 1 марта 1882 г. начальники ГЖУ направляли губернаторам. Также жандармы снабжали списками поднадзорных все заинтересованные ведомства. По распоряжению от 19 июня 1882 г. ГЖУ и полиция были

¹ Положение о негласном полицейском надзоре, утвержденное 1 марта 1882 Министром внутренних дел генерал-адъютантом Игнатьевым // Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: Документы. Воспоминания / сост. А. В. Литвинов, Н. Д. Литвинов, А. Л. Мазуренко. Воронеж, 2000. С. 25–31 (далее – Положение о негласном полицейском надзоре...).

² Например, соучастники польского восстания 1863 г.

³ Положение о негласном полицейском надзоре...

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 7. Л. 67, 74.

⁵ Положение о негласном полицейском надзоре...

обязаны сообщать начальникам воинских частей о том, что лицо сомнительной политической благонадежности, состоящее под негласным наблюдением, поступало во вверенные им войска. С 12 октября 1884 г. жандармы предоставляли начальству учебных заведений списки поднадзорных, способных оказывать дурное влияние на учащихся¹.

В случае выезда негласно поднадзорного в другую местность начальник ГЖУ направлял жандармам той губернии извещение с указанием имени, сословия человека, обстоятельств, вызвавших учреждение негласного надзора, времени выезда и места, куда он направляется. Туда же передавались сведения, обнаруженные наружным наблюдением при переездах².

В зависимости от конкретных условий местные власти (начальники ГЖУ и губернаторы) сами решали, кто будет в большей степени осуществлять негласный надзор: жандармерия или чины общей полиции. При этом требовалось, чтобы общая полиция содействовала жандармам, а те снабжали правоохранителей списками поднадзорных и всей требующейся информацией. Однако подчеркивалось, чтобы чины ГЖУ и сами собирали нужные сведения о поднадзорных, а не ограничивались регистрацией фактов, предоставленных местной полицией³.

Так устанавливали руководящие документы, однако на практике зачастую выходило иначе. В соседней Тамбовской губернии негласный надзор осуществлялся силами полицейских чинов, регулярно отчитывавшихся перед ГЖУ о количестве поднадзорных и их поведении, на основании чего управление составляло сводные ведомости для ДП МВД⁴.

Воронежские жандармы также оставляли общей полиции право осуществлять негласный надзор за явными, потенциальными и

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 7. Л. 62, 79, 80.

² Там же. Л. 65.

³ Положение о негласном полицейском надзоре...

⁴ Белова А. В. Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры: 1867–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов., 2008. С. 123.

предполагаемыми политическими преступниками. Непосредственно ВГЖУ занималось лишь крупными группами, входящими в воронежское революционное подполье. Так со второй половины 1895 – начала 1896 г. ВГЖУ организовало наблюдение за воронежским центральным кружком¹.

За пределами Воронежа негласный надзор осуществляли в большей степени чины общей полиции. В определенных обстоятельствах это могло серьезно навредить делу борьбы с преступностью. В июне 1914 г. землянский исправник уведомил начальника ВГЖУ, что заведующий полицией помощник исправника Ильинский ведет учет находящихся под негласным надзором крайне небрежно. Выяснилось, что он скрыл материалы, на основании которых данная мера была учреждена за его дальней родственницей С. С. Ростовцевой. Более того, он передавал ей определенные секреты из канцелярии полицейского управления².

Жандармерия не имела необходимого штата сотрудников, чтобы вести наблюдение в сельской местности и зачастую лишь разрабатывала получаемые от правоохранителей сведения. Например, в 1895 г. богучарский уездный исправник получил донесение станового пристава об установлении негласного надзора за видным толстовцем Н. Н. Ивановым. По всей видимости, полицейского увлекло занятие политическим сыском. Отрапортовав о выявлении подпольного толстовского кружка под руководством В. Г. Черткова, он написал о революционном характере их деятельности, активной революционной агитации путем распространения книг Л. Н. Толстого. В конце своего донесения становой сделал вывод, что поскольку толстовское учение стремится к ниспровержению православной церкви, оно, следовательно, ставит и цель уничтожения государства, а потому является революционным³.

Пользуясь в том числе и этими данными, ВГЖУ провело формальную переписку о толстовцах. Было признано, что идеи Л. Н. Толстого достаточно

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–3, 193.

² Там же. Оп. 2. Д. 986. Л. 82 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 42.

сильно распространены в Воронежской губернии, благодаря деятельности близкого друга графа – В. Г. Черткова¹. При этом предъявить им можно было лишь обвинения за незначительные правонарушения, например, за отказ от присяги на верность Николаю II. Сведения против толстовцев не дотягивали до возбуждения дознания, поэтому, дожидаясь удобного момента, ВГЖУ продолжало за ними наблюдение в основном посредством чинов общей полиции. На основании полученных сведений 15 июля 1896 г. в росошанском имении В. Г. Черткова был произведен обыск, в ходе которого у проживающего там сына священника И. М. Трегубова была обнаружена антиправительственная литература, что позволило возбудить дознание по 252 ст. Уложения о наказаниях за преступную агитацию².

Сроки осуществления негласного надзора также устанавливались инструкциями. За теми, за кем надзор учреждался по распоряжению ДП МВД, наблюдение велось бессрочно до особого распоряжения столичного ведомства. Циркуляром 16 октября 1894 г. срок наблюдения ограничивался 2 годами. Воспитанники учебных заведений, исключенные за беспорядки, подвергались данной полицейской мере до того момента, пока не найдут работу или как-нибудь по-другому устроятся в жизни. О всяком лице, освобожденном из-под надзора, в ДП МВД направлялось уведомление с указанием причин прекращения наблюдения. Списки поднадзорных отсылались в ДП МВД каждые полгода³. Всего в 1900 г. под негласным надзором полиции находилось 59 человек постоянно и 26 временно⁴.

В целом к началу XX в. в ДП МВД пришли к выводу о малой эффективности работы в порядке «Положения...» 1 марта 1882 г. Циркуляром от 12 марта 1903 г. было серьезно сокращено общее количество находившихся под негласным надзором людей. Тем не менее в преддверии революции 1905–1907 гг. и после нее количество поднадзорных все же

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 16.

² Там же. Л. 18, 210–278.

³ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 86, 87.

⁴ Там же. Л. 16, 17.

увеличивалось. В 1904 г. под наблюдением воронежской полиции состояло 190 неблагонадежных. В 1909 г. – 103 человека¹.

10 января 1904 г. «Положение...» 1 марта 1882 г. было полностью отменено, а работа осуществлялась уже по другим руководящим документам². Одной из главных причин неэффективности негласного полицейского надзора было признано его ведение чинами общей полиции. Поэтому после 10 января 1904 г. осуществлять негласный надзор могла только политическая полиция³.

Исходя из всего вышесказанного, следует, что с 1880-х гг. ДП МВД преследовал цель организации в стране всестороннего полицейского наблюдения, результатом которого должно было стать предотвращение антиправительственной агитации и других политических преступлений, обнаружение подпольных революционных ячеек желательно до налаживания ими активной деятельности, неотступная слежка за подозрительными в политическом отношении личностями. Все это могло принести ощутимую пользу при условии активного участия в данной работе органов жандармской полиции. Однако все эти циркуляры не были подкреплены необходимым усилением штатов сотрудников ГЖУ, в результате чего жандармы могли организовать данную работу непосредственно в губернских городах, исключительно путем концентрации всех наличных сил на одной или нескольких ключевых подпольных группах. В остальном роль ГЖУ сводилась к фиксации данных наблюдения общей полиции, некомпетентной в делах политического сыска, и передачи их в ДП МВД.

В представленной директору Департамента А. А. Лопухину записке в 1902 г. начальник особого отдела ДП МВД Л. А. Ратаев указывал, что 9 из 10 ГЖУ «вовсе не имеют агентуры и совершенно незнакомы с самыми элементарными приемами наружного наблюдения». «Департамент полиции,

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 173. Л. 66, 67; Д. 719. Л. 6 об., 7.

² Об отмене Положения о негласном надзоре. 10 января 1904 г. // Документы XX века: [сайт]. – URL: <http://doc20vek.ru/node/216> дата обращения: (29.02.2016).

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 96. Л. 3–4.

поручая им собрать безусловно негласным путем необходимые сведения, только создает себе лишнюю инстанцию для переписки, так как, в сущности, наведение этих справок начальники Жандармских управлений поручают все тем же чинам общей полиции, т. е. в конце концов околоточным и станovým. Даже этот способ доступен жандармам только при условии личных хороших отношений их к губернаторам. Если же их не существует (весьма заурядный случай), то они лишаются и этой поддержки. Словом, Губернские жандармские управления в большинстве случаев представляют собою ничто иное, как канцелярии для переписки по хозяйственной и строевой части и для бумажной, а не фактической регистрации негласно поднадзорных»¹.

Конечно, Л. А. Ратаев несколько преувеличивает бесполезность жандармской полиции, но все же верно отражает проблемы, свойственные деятельности ГЖУ.

Жандармская полиция предоставляла необходимую информацию в ходе процедуры выдачи справок о политической благонадежности, которые играли важную роль в жизни подданных царской России. Данную работу курировали отдельные делопроизводства ДП МВД и созданный с 1 января 1907 г. регистрационный отдел внутри Департамента. В нем хранилась картотека на всех лиц, обращавших на себя внимание политической полиции (1.5 млн. карточек к моменту создания)².

Обязательную проверку на политическую благонадежность проходил достаточно широкий круг лиц: кандидаты на государственную и земскую службу, желающие открыть школу или мастерскую, издавать книги, журналы, читать лекции³. Без специальной справки было невозможно поступить в высшее учебное заведение⁴. Со временем списки проверяемых на благонадежность только расширялись.

¹ Цит. по: Перегудова З. И. Указ. соч. С. 416.

² Там же. С. 46, 48, 50, 57, 58.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 528. Л. 42–44.

⁴ Краткий систематический свод... С. 147.

Например, с июня 1913 г. такой проверке помимо рядовых воинов подвергались желающие служить вольноопределяющимися в гвардейских частях¹. В октябре 1914 г. Николай II утвердил положение об ускоренной подготовке офицеров в учебных заведениях в течение четырехмесячных курсов. Прием теперь осуществлялся каждые два месяца, а абитуриенты должны были предоставлять свидетельства о политической благонадежности. Такие же свидетельства должны были иметь выпускавшиеся юнкера перед зачислением их в офицерский состав. Июньским циркуляром 1915 г. ДП МВД распорядился проверять благонадежность волостных старшин, сельских старост и писарей, так как они пользовались авторитетом среди крестьянства и могли распространять среди них антиправительственные слухи².

Справки о благонадежности отдельных категорий россиян жандармам приходилось собирать после специальных распоряжений ДП МВД. Например, в октябре 1915 г. ВГЖУ было поручено проверить степень политической благонадежности каждого рабочего оборонных заводов губернии. К декабрю жандармерия проделала огромную работу, собрав справки о 1200 мастеровых³.

Политическая полиция проверяла на благонадежность государственных чиновников других ведомств. Это было вменено ей в обязанность в сентябре 1906 г. циркуляром П. А. Столыпина, в котором отмечалось, что в «возникшей... политической борьбе партий и в открытой критике правительства, подчас даже прямо в противогосударственной агитации, заметное участие приняли ... не только частные лица, но и служащие государственных учреждений», и что «противодействие правительству со стороны самих его агентов представляет собою такое

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 528. Л. 90.

² Там же. Л. 101 об., 123.

³ Там же. Д. 1515. Л. 1–1384.

вопиющее зло, которое в большей или меньшей степени присуще самым разнообразным отраслям государственной службы»¹.

При необходимости исследования благонадежности определенного человека государственные учреждения и учебные заведения направляли запрос в местное ГЖУ. Если жандармы не находили никаких порочащих наблюдаемое лицо сведений, они давали положительное заключение. Если же человек оказывался неблагонадежным, то есть привлекался к дознанию по ст. 1035 Уст. Уг. Суд. или находился под надзором полиции, об этом также извещался запрашивавший орган, но без детальных подробностей. В случае наличия каких-либо трудностей окончательное решение о благонадежности выносил ДП МВД². При этом, как разъяснял циркуляр от 29 ноября 1891 г., жандармы только собирали информацию и передавали ее губернаторам, от имени которых выдавались справки о благонадежности³. Выдача свидетельств о благонадежности от лица начальника ГЖУ была признана циркуляром от 8 августа 1903 г. превышением полномочий⁴.

По мере изменения политической обстановки вносились определенные ограничения в правила выдачи таких свидетельств. Например, во время русско-японской войны 1904–1905 гг. действовал запрет на проживание на Дальнем Востоке всем тем, кто когда-либо отбывал наказание по политической статье, подвергался административной высылке или даже просто подозревался в политическом преступлении⁵.

От жандармов требовалось не только предоставление точных сведений о благонадежности или неблагонадежности определенного лица, но и проведение проверки в сжатые сроки. При поступлении кандидата на земскую службу по закону властям отводилось лишь 14 дней на

¹ Цит. по: Перегудова З. И. Указ. соч. С. 56.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 5 об.

³ Если до начала XX в. окончательное решение о выдаче справки о политической благонадежности могло быть вынесено Департаментом полиции, то с началом нового столетия последнее слово оставалось исключительно за губернаторами, которые несли всю полноту ответственности за принятое решение; Там же. Оп. 2. Д. 96. Л. 43.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 34.

исследование его лояльности режиму. Если губернатор не успевал подписать запретительную резолюцию за этот срок, кандидат автоматически зачислялся на испрашиваемую им должность, даже если потом обнаруживались сведения о его политической неблагонадежности.

Воронежские власти не всегда успевали в срок. И, по всей видимости, это происходило по вине ВГЖУ. В марте 1910 г. воронежский губернатор С. И. Голиков пожаловался В. З. Тархову на то, что в результате несвоевременно предоставленных жандармами справок на земскую службу поступали неблагонадежные, особенно в богучарскую и валуйскую управы¹.

Жандармы сверяли фамилии проверяемых со списками известных им политических преступников или обвиняемых. Если изучаемое лицо не проходило по базам данных, ВГЖУ запрашивало местную полицию через уездных исправников, чины которой должны были непосредственно проверять человека. Эта работа только приводила к потере времени. В 1912 г. губернатор попросил начальника ВГЖУ В. З. Тархова при проверке благонадежности не запрашивать уездных исправников, потому что они и так отчитываются начальнику губернии, а предоставлять только сведения, имеющиеся у него в управлении. Интересно, что в 1916 г. уже другой губернатор М. Д. Ершов обратился к начальнику ВГЖУ В. И. Дацевичу с точно такой же просьбой².

Таким образом, к проверке политической благонадежности жандармы подходили слишком формально, чтобы эта мера гарантированно пресекала попадание нелояльных режиму людей на важные должности. Исполнять эти обязанности более качественно, опять же, не позволяли низкие штаты ВГЖУ и загруженность другой работой.

В условиях, когда окончательное решение о подтверждении политической благонадежности стояло за губернаторами, а не столичными властями, руководители губерний действовали по своему усмотрению, тем

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 528. Л. 42–44.

² Там же. Л. 63, 112.

более что нормативные документы не всегда определяли строго, какие категории лиц являются благонадежными, а какие – нет. Если в одном регионе учитывалась только судимость по политической статье, то в другом губернатор мог не выдать свидетельство о благонадежности даже за факт задержания. В результате человек, долгое время занимавший определенную должность в одной губернии, мог не получить себе такое же место в другой по причине отсутствия свидетельства о благонадежности. Конечно, такие примеры порождали сильное недовольство режимом. Это замечали и в ДП МВД, но все равно упор делался на самостоятельность принятия решений отдельными начальниками губерний. Парадоксально, но столичное руководство поддерживало тех глав регионов, которые принимали решения в зависимости от целесообразности, даже когда это противоречило циркулярным распоряжениям ДП МВД и другим нормативно-правовым актам. Если губернатор при проверке благонадежности строго опирался на нормы права, ему в вину могли поставить излишнюю формальность.

Например, с февраля 1910 г. власти перестали при проверке политической благонадежности учитывать сведения пятилетней давности, если проверяемый не совершал серьезных политических преступлений. Так была проведена своего рода амнистия рядовых участников событий 1905–1907 гг.¹ Несколько позже ДП МВД подверг критике тех глав регионов, которые «слишком пунктуально» выполняли правило пятилетнего срока давности учета политических преступлений. Из столицы поступали рекомендации, что «нужно иметь в виду немаловажное соображение, что продолжительное лишение лиц, проявивших свое незаконное направление в незначительной степени и при том уже в более или менее отдаленном прошлом, возможности получить соответственное их образованию или роду занятий служебное положение и материальное обеспечение, при отсутствии положительных указаний на непосредственную опасность их для государственного порядка в настоящее время приводит к

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 96. Л. 62.

совершенно нежелательному озлоблению и недовольству действиями правительственных властей не только лиц, непосредственно заинтересованных, но и всех окружающих и близких». Что только приводит к росту антиправительственных настроений и порождению новых оппозиционеров. Поэтому рекомендовалось удовлетворять ходатайства людей, даже если до положенного «амнистией» 1910 г. пятилетнего срока им оставалось несколько месяцев¹. В результате, с одной стороны, из столицы пришло четкое распоряжение, с другой стороны, руководство не рекомендовало местным властям нарушать его в небольших пределах, руководствуясь соображениями целесообразности.

Таким образом, проверка политической благонадежности была важным направлением работы полиции. Однако жандармерия не имела достаточного штата сотрудников, чтобы осуществлять более тщательные проверки. Общая полиция не обладала нужной компетентностью в розыскных делах. В совокупности это приводило к печальным последствиям – неблагонадежные проходили сквозь полицейские фильтры незамеченными.

Еще одним направлением наблюдательно деятельности политической полиции была перлюстрация частной переписки. Следует обратить внимание на то, что под перлюстрацией понимается только секретное вскрытие частных писем с целью копирования их содержания. Законами данная деятельность не регламентировалась, хотя высшие власти ее санкционировали устно и секретными циркулярами. При этом законной полицейской мерой являлся просмотр частной корреспонденции арестованных и лиц, находящихся под полицейским надзором.

Перлюстрация осуществлялась в «черных кабинетах» при почтовых управлениях, и по циркулярам МВД жандармы не могли принимать прямого участия в этой деятельности.

С 1876 г. жандармы получили право лишь направлять запрос шефу жандармов, чтобы он обратился к министру внутренних дел за разрешением

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 96. Л. 62 об.

получения сведений о «политически преступной корреспонденции» того или иного лица. Министр после этого мог предписать управляющим почтовой частью в губерниях устно сообщить начальнику ГЖУ те сведения, которые ему необходимы относительно частной корреспонденции, не касаясь ее содержания, «долженствующего оставаться неприкосновенным». При этом задержка корреспонденции и ее передача жандармам допускалась «лишь относительно тех лиц, которые арестованы»¹.

Также шеф жандармов передавал в перлюстрационные пункты через Главное управление почт и телеграфов списки политических преступников, переписку которых следует просматривать в «черных кабинетах».

Ценность перлюстрации была понятна жандармам. Еще начальник III Отделения А. Л. Потапов доказывал «необходимость быстрого и своевременного задержания корреспонденции лиц, привлекаемых к делам политического характера, так как часто эта корреспонденция служит единственным вещественным доказательством преступных замыслов авторов ее и указывает на их соучастников»².

В начале XX в. эта процедура была упрощена, так как в условиях развития революционного движения и роста числа политических преступлений руководство ОКЖ и МВД уже не могло обрабатывать столь большие потоки запросов.

В мае 1903 г. министр внутренних дел В. К. Плеве позволил начальникам ГЖУ и охранных отделений самостоятельно без разрешения полицейского руководства производить осмотр и выемку телеграфной корреспонденции по особым открытым листам, выданным Главным управлением почт и телеграфов. Осмотр и выемка почтовой корреспонденции чинами ОКЖ должны были производиться «по соглашению с лицом прокурорского надзора на основании ст. 1035 Устава

¹ Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века: монография. М., 2015. С. 169.

² Там же. С. 69.

уголовного судопроизводства», то есть в качестве меры только в отношении подследственного¹.

В годы революции 1905 – 1907 гг. и в последующее время перлюстрацией стали заниматься сами жандармы и сотрудники охранных отделений, делая это фактически с одобрения ДП МВД, но при условии отсутствия явных следов вскрытия писем. Это подтверждает пример из Саратовской губернии².

Там бывший филер политической полиции устроился на почту, где вместе с двумя коллегами разбирал корреспонденцию, выписывая из писем «то, что заслуживает интереса» и доставляя сведения в охранный отдел и жандармское управление. За это три почтальона и начальник почтово-телеграфной конторы, при необходимости передававший на время интересующие жандармов письма в управление ГЖУ, по 50 рублей в месяц³.

Политическая полиция имела давние традиции осуществления цензурной деятельности. Еще начиная с 1828 г. III Отделение получало из типографий по одному экземпляру всех издаваемых в России газет, журналов, альманахов и подчинило себе цензуру драматических спектаклей⁴.

На пограничных пунктах империи жандармские чины проводили досмотры и осуществляли изъятие нелегальной литературы. При этом запрещалось изымать рукописи. Однако если содержание ненапечатанного текста носило явно преступную направленность или имелись подозрения на провоз тиража прокламаций в рукописном виде (обнаруживалось множество одинаковых экземпляров), эти материалы осматривали чины пограничного жандармского надзора и в случае подтверждения подозрений направляли копию в столичное полицейское ведомство, в котором собиралась библиотека преступной литературы с целью ознакомления полиции с

¹ Измозик В. С. Указ. соч. С. 70–71.

² Там же. С. 273.

³ Там же. С. 232.

⁴ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 53.

политическими партиями и развитием общественного движения¹. Также на основании циркуляра от 23 февраля 1901 г. жандармы фиксировали любые факты попадания в Россию иностранной печати и информировали об этом ДП МВД. При этом офицеры Корпуса жандармов сами имели право ввозить в Россию запрещенную литературу. Это право им было предоставлено приказом командира Корпуса жандармов от 22 марта 1905 г. Однако оговаривалось, что пользоваться подобной литературой дозволялось исключительно в служебных целях².

С помощью агентуры жандармы могли получать доступ к антиправительственной литературе, которая доставлялась непосредственно в управления. Например, в 1910 и 1911 гг. завербованная ВГЖУ жительница Воронежа М. П. Ищенко выписывала для жандармов революционные газеты³.

Согласно Высочайшим указам от 24 ноября 1905 г. и 26 апреля 1906 г. в России была отменена предварительная цензура выходящих в империи произведений печати. Арест на отдельные номера изданий или штраф мог налагаться в судебном порядке при наличии признаков состава уголовного преступления. Перечень этих признаков содержался во Временных правилах о повременных изданиях 24 ноября 1905 г.⁴.

По новым правилам губернаторы и начальники почтового ведомства получали из Главного управления по делам печати «Алфавитные указатели книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утверждался судебными установлениями» и циркуляры о наложении и снятии арестов, а также уничтожении тиражей по приговорам судов. Эти алфавиты составлялись по мере накопления материалов, а срочные циркуляры направлялись 2 раза в неделю. К 31 марта 1914 г. подобный порядок был признан затруднительным, по причине увеличения объемов

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 403.

² Там же. Оп. 2. Д. 74. Л. 7, 29, 29 об.

³ Там же. Оп. 3. Д. 394. Л. 10.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1881–1913. Т. 25. Ч. 1. № 26962; Т. 26. Ч. 1. № 27815.

выпускаемой печатной продукции. По новому распоряжению с 15 апреля 1914 г. еженедельно губернаторам направлялся «Алфавитный перечень запрещенных изданий» (как отдельно издаваемое приложение к журналу «Книжная летопись»), ежемесячно рассылался «Алфавитный список сочинениям, просмотренным иностранною цензурой». Раз в году должны были выходить сводные алфавитные указатели, а 2–3 раза в год «Общий каталог изданий, запрещенных в судебном порядке, со времени отмены предварительной цензуры»¹.

Считалось, что местные розыскные органы должны иметь жесткие ограничения в доступе к частной корреспонденции. Согласно циркулярному распоряжению от 28 мая 1901 г. жандармские чины могли изымать почтово-телеграфные книги только в присутствии и с разрешения почтового начальства². На практике это правило часто нарушалось. Наряду с письмами перехватывались телеграммы. В мае 1903 г. по соглашению с Главным управлением почт и телеграфов начальники охранных отделений получили «открытые листы», дающие право на осмотр и изъятие телеграмм³.

Политическая полиция наблюдала и за ходом научно-технического прогресса, желая предотвратить использование его достижений во вред правительству. В частности, внимание ДП МВД было привлечено первыми успешными запусками летательных аппаратов. В августе 1909 г. вышел циркуляр, предписывавший жандармам сообщать обо всех полетах, состоявшихся на вверенной им территории, а также о членах аэроклубов, которые должны были подлежать обязательной регистрации и проверке на политическую благонадежность⁴.

Подводя итоги, следует заметить, что наблюдательные обязанности чинов ГЖУ были настолько широкими и многосторонними, что при действующих штатах в несколько десятков человек максимум и

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 73, 74.

² Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 18, 18 об.

³ Рууд Ч. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 116.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 90. Л. 78.

необходимости заниматься следственной работой по политическим преступлениям, исполнять их качественно они не могли. Отсюда массовым явлением стало привлечение даже к сугубо жандармскому негласному надзору чинов общей полиции. Часто жандармское наблюдение сводилось исключительно к формальной бумажной работе, переписыванию отчетов уездных исправников по интересующим ГЖУ вопросам.

§ 2. Изменение приемов расследования дел о государственных преступлениях

Жандармское наблюдение давало необходимые сведения о положении в Воронежской губернии, в том числе информацию о предполагаемых антиправительственных группах и отдельных неблагонадежных элементах. Однако все равно с конца XIX в. основной функцией политической полиции оставалось преследование государственных преступников. Эту работу ВГЖУ стало исполнять после издания высочайше утвержденных 19 мая 1871 г. «Правил о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений». Закон поручал жандармским офицерам при содействии нижних чинов, на которых могли возлагаться отдельные следственные действия, расследование государственных преступлений. При этом отмечалось, что по особо важным делам дознания производились специально назначаемыми высшей властью лицами¹. Органы прокуратуры (а в особо важных случаях непосредственно министр юстиции) осуществляли наблюдение за ходом следствия.

От общей полиции правила требовали немедленно сообщать начальникам ГЖУ или их помощникам об обнаружении признаков государственного преступления, хотя «в случае отсутствия чинов ОКЖ полиция не должна была останавливаться принятием всех мер по

¹ Позже министр внутренних дел получил право назначать чиновника особых поручений ДП МВД для проведения дознания. Его командировали в ГЖУ, в зоне ответственности которого произошло преступление.

исследованию сих преступлений, предоставленных ей Уставом уголовного судопроизводства». Произведенные дознания жандармы предоставляли прокурорам судебных палат, которые направляли их министру юстиции. Последний по сношению с шефом жандармов распоряжался о производстве предварительного следствия или испрашивал высочайшего разрешения о прекращении дела с оставлением без последствий или с разрешением в административном порядке¹.

«Правила...» 1871 г. позволяли прокурорам и их заместителям поручать ГЖУ проведение дознаний по общеуголовным преступлениям. В этом случае приступать к следствию по своей инициативе жандармы не имели права. Их полномочия сводились к принятию необходимых мер к «предупреждению уничтожения следов преступления и пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия»².

Таким образом, впервые жандармская полиция получала следственные полномочия, что требовало от сотрудников определенной юридической подготовки, которой на тот момент не могло быть у представителей в большей степени военной структуры. Для предоставления жандармам необходимых правовых консультаций при шефе жандармов учреждалась должность юрисконсульта, а в III Отделении особые курсы по изучению уголовного и уголовно-процессуального права³.

Первоначально общественность выразила сомнение по поводу этих событий. Наиболее ярко скептическое отношение к способности жандармов осуществлять следственную работу проявил сатирик П. В. Шумахер, эпиграмма которого пользовалась широкой популярностью в 1870-е гг.:

У Цепного моста видел я потеху;
Черт, держась за пузо, помирал со смеху.
«Батюшки, нет мочи! – говорит лукавый, –
В Третьем отделенье изучают право!

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 46. Ч. 1. № 49615.

² Там же.

³ Там же.

Право на бесправье!.. Этак скоро, братцы,
Мне за богословье надо приниматься»¹.

Наделение чинов Корпуса жандармов правом ведения следственной работы не решало другую проблему, связанную со спецификой политического сыска. В условиях разработки террористической группы, какого-либо революционного кружка заговорщиков иногда требовалось немедленное проведение арестов или обысков без соблюдения установленных законом формальных процедур, а часто и в отсутствии необходимых улик. Однако по «Правилам...» 1871 г. офицеры ГЖУ на это прав не имели.

Закон 4 июня 1874 г. «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участия в оных» давал жандармам возможность по письменному предложению прокурора судебной палаты «заключать под стражу обвиняемых и в таких преступлениях, которые не влекут за собою лишения всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ, если означенная мера представляется необходимою для предупреждения сношений обвиняемых между собою или сокрытия следов преступления». Теперь ГЖУ получали, по сути, возможность производить административные аресты².

Наращение социально-политической напряженности, развитие революционного движения в России, выразившееся уже не только в чтении и обсуждении нелегальной литературы, но и в организации крестьянских беспорядков, рабочих выступлений, брожения в воинских частях и даже политических убийств, причем целью номер один для радикалов был сам император Александр II, обусловило принятие в конце 1870-х – в начале 1880-х ряда чрезвычайных законов. Изначально они декларировались правительством как временные положения, но просуществовали вплоть до 1917 г. Более того, с учетом обстоятельств начала XX в. чрезвычайное

¹ Шумахер П. В. Стихотворения. Л., 1968. № 247. Режим доступа – URL: http://az.lib.ru/s/shumacher_p_w/text_0010.shtml. (дата обращения – 17.08.2016).

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 49. Ч. 1. № 53606.

законодательство совершенствовалось и дополнялось новыми нормативными актами.

Высочайше утвержденные 1 сентября 1878 г. «Временные правила» впервые позволили жандармерии проводить расследование политических преступлений и завершать их административным порядком в тех случаях, когда виновность подозреваемого была для офицеров ГЖУ очевидной, но не имелось необходимых улик, чтобы ее доказать (например, если обвинение строилось исключительно на агентурных данных, которые судами не учитывались как доказательства). «Временные правила» позволяли политической полиции, не тратя времени на сбор требующихся свидетельств, изолировать явного преступника от общества и уже затем проводить необходимые следственные действия, тем более что административное производство всегда можно было переквалифицировать в формальное дознание¹. Сразу после издания этот нормативный акт был раскритикован оппозиционной общественностью как открывающий возможность для полицейского произвола, однако следует учитывать, что правительство пошло на такой шаг на волне мощного революционного движения и череды громких политических преступлений. Непосредственным поводом для утверждения «Временных правил» стало убийство землевольцем С. М. Кравчинским начальника III Отделения Н. В. Мезенцова.

С одной стороны, этот документ открывал широкую возможность для полицейского произвола. С другой стороны, в разъяснительном циркуляре шефа жандармов генерал-лейтенанта Н. Д. Селивестрова указывалось, что превышение жандармами своих полномочий, предоставленных им «Временными правилами», «тяжело отзовется на людях, неосновательно подвергнутых преследованию и лишенных свободы хотя бы на короткое время» и, в конце концов, только возбудит против правительства общественное мнение. По мнению А. В. Беловой, эти слова еще раз подчеркивают определенный гуманизм и заботу о репутации жандармского

¹ Белова А. В. Указ. соч. С. 76, 77.

руководства, однако, как указывает исследователь, офицеры ГЖУ не всегда придерживались данных рекомендаций¹.

Следующим законом, регламентирующим следственную деятельность ГЖУ, стало высочайше утвержденное «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Оно давало право министру внутренних дел (или генерал-губернаторам с одобрения министра) объявить какую-либо местность на положении усиленной охраны сроком на один год. Положение чрезвычайной охраны сроком на шесть месяцев могло быть установлено только с санкции Комитета министров после запроса министра внутренних дел. Закон стал одной из первых «контрреформ» и, конечно, был спровоцирован антиправительственными выступлениями и революционными атаками на правительство, главной из которых стало убийство террористами «Народной воли» Александра II 1 марта 1881 г. взрывом на набережной Екатерининского канала в Санкт-Петербурге.

Распространение исключительного положения на губернию давало ГЖУ большие полномочия и облегчало им ведение следственной работы. Офицеры жандармерии, а также начальники полиции получали право предварительно задерживать до двух недель всех лиц, «внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам». Вместе с тем дозволялось проведение обысков в любое время и в любых помещениях, в том числе и служебных с правом наложения ареста на имущество, «указывающего на преступность действий или намерений заподозренного лица. После этих мероприятий в обязательном порядке составлялись постановления, предоставляемые прокурорскому надзору и губернаторам (градоначальникам). Затем по письменному распоряжению глав регионов срок предварительного ареста мог быть продлен до одного месяца со дня задержания.

¹ Белова А. В. Указ. соч. С. 78.

Также законодатель распространил полномочия ГЖУ и на регионы, где исключительное положение не вводилось, за одной лишь разницей, что в тех местностях жандармы могли подвергать аресту до семи дней¹.

В результате данных законодательных актов ГЖУ превращались в полноценное полицейское учреждение, обладающее комплексом наблюдательных, розыскных и следственных полномочий.

Даже в условиях формальной независимости ГЖУ от местных властей циркуляром 7 декабря 1874 г. III Отделение обязало начальников ГЖУ сообщать губернаторам о причинах проведения дознаний по политическим делам и их результатах². Так в очередной раз власти подчеркивали необходимость тесного сотрудничества политической полиции и администрации губернатора, а также необходимость предоставления главам регионов нужной им информации как должностным лицам, несущим всю полноту ответственности за положение дел в зоне их ответственности.

Проведение формального дознания регулировалось ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства, которая объединяла правовые нормы, регламентирующие эту работу. Те самые, о которых уже было сказано выше. Единственно, четвертый пункт статьи позволял жандармам объединять дела нескольких управлений в единое производство, которое велось выбираемым Санкт-Петербургом ГЖУ. Эта поправка была введена 7 июня 1904 г., когда власти убедились в том, что зачастую местные антиправительственные ячейки координировали свою деятельность из единых центров³.

Формальные дознания проводились по материалам полицейского наблюдения, при наличии весомых улик или по факту очевидного совершения преступления. Если поводом к началу следствия по политической статье служил исключительно донос, то полученные таким сомнительным способом сведения тщательно проверялись по распоряжению

¹ ПСЗРИ. Собр. 1881–1913. Т. 1. № 350.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.

³ Свод законов Российской Империи. Т. 16. Ч. 1.: Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1035. С. 470.

ДП МВД от 6 июня 1891 г. и только потом по результатам наблюдения принималось решение о возбуждении производства¹.

Например, с 16 августа по конец октября 1902 г. ВГЖУ вело переписку о священнике хутора Богачевки Валуйского уезда Автономове, который, согласно заявлению псаломщика Васильева, неоднократно допускал оскорбительные слова в отношении царской особы. А это по законам Российской империи было одним из политических преступлений, предусматривающих реальные сроки заключения и отправления на каторжные работы. В ходе проверки оказалось, что прежде псаломщик жил у священника, но стал ухаживать за его женой. Заметив это, Автономов выгнал псаломщика из дома и, желая его оговорить, заявил в полицию как на государственного преступника. Из чувства мести Васильев написал донос на священника². Конечно, производство по данному факту было прекращено за отсутствием состава преступления.

Началом следственной работы ГЖУ зачастую являлось выяснение местонахождения подозреваемого и его задержание. Разыскиваемые политические преступники вносились в специальный розыскной циркуляр, который ДП МВД регулярно рассылал в местные полицейские органы. В документе фиксировалось имя, сословие, возраст, желательны приметы, родственные и другие связи разыскиваемого, а также его фотокарточка³. По распоряжению 9 ноября 1895 г. запрещалось передавать циркуляр жандармским унтер-офицерам. С полным содержанием списков могли ознакомиться начальники ГЖУ и их помощники, а младшим чинам направлялись выписки по тем лицам, которые предположительно находились в районах их наблюдения⁴.

С одной стороны, подобная процедура предотвращала утечку информации. С другой, создавала дополнительную бумажную работу, что,

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

² Там же. Д. 181. Л. 1, 8, 9.

³ Там же. Оп. 2. Д. 267. Л. 4; Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

конечно, увеличивало сроки поиска преступников и серьезным образом усложняло работу, если разыскиваемое лицо даже просто переезжало в соседний уезд (что и говорить о тех случаях, когда предполагаемое место нахождения преступника изначально оказывалось неверным). С 1895 г. за близкими и родственниками находившихся в списках устанавливалось негласное наблюдение с целью возможного обнаружения скрывающихся у них подозреваемых¹. До декабря 1914 г. в циркуляре вперемешку указывались как политические преступники, так и уголовники. Эту работу решили упорядочить, и с начала 1915 г. рассылались уже 3 списка: разыскиваемых политических, уголовных преступников и общий список тех лиц, розыск которых по каким-либо причинам прекращен².

Розыск преступников осложняли не только объективные технические проблемы: отсутствие телефонной связи между столичными полицейскими ведомствами и провинцией, долгая доставка примет и чаще всего единственной фотографии разыскиваемого из Петербурга в губернии, а потом из губернских городов по уездам и др., – но и организационные недочеты. Вплоть до лета 1902 г. начальники ГЖУ сообщали о побеге политического преступника, находящегося в зоне их ответственности, в ежемесячных отчетах в ДП МВД. За это время те успевали перебраться в другой регион, обзавестись новыми документами или сбежать за границу. Поэтому с лета 1902 г. в случае побега политического преступника начальники ГЖУ немедленно сообщали об этом в ДП МВД телеграфным путем³.

Первичной мерой большинства политических расследований являлся обыск по месту жительства подозреваемых. Постановления на обыски выдавал начальник ГЖУ или его помощник. Проводились они чаще всего поздним вечером или в ночное время, чтобы, во-первых, застать

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 85.

² Там же. Оп. 2. Д. 267. Л. 15.

³ Там же. Д. 74. Л. 11.

подозреваемое лицо врасплох, а, во-вторых, чтобы оно находилось на месте, так как вламываться в закрытые дома без хозяев жандармам не позволялось.

Проведению самой процедуры должна была предшествовать долгая подготовительная работа по составлению примерного круга подозреваемых, поиска адресов и др. Однако власти иногда допускали излишнюю торопливость. 2 апреля 1880 г. М. Т. Лорис-Меликов в письме Петербургскому градоначальнику А. Е. Зурову просил приступать к производству обысков у политически неблагонадежных «с надлежащей осмотрительностью и в то время, когда предварительное наблюдение и негласный обстоятельный розыск выяснит необходимость обыска»¹. 5 апреля 1907 г. начальник ВГЖУ отчитал своего помощника ротмистра А. А. Кравцова за то, что тот провел ликвидацию революционной ячейки, не предупредив об этом начальника управления. Как написал В. З. Тархов, лучше проводить ликвидацию сразу всей группы, заранее подготовившись и согласовав свои действия с другими офицерами ГЖУ. При этом проводить стремительные аресты разрешалось при необходимости предотвратить крупное преступление или для защиты агентуры².

С 1907 г., когда уже наметился спад революционного движения и общественно-политическая ситуация была менее напряженной, жандармам было запрещено проводить обыски без достаточных к тому оснований. Циркуляром ДП МВД от 18 июня 1907 г. был дан перечень поводов к применению данной меры: а) наличие сведений о неблагонадежном поведении лиц, внушающих основательные подозрения к совершению государственных преступлений или причастности к ним, а также участия их в революционных организациях; б) при имеющихся данных о готовящемся преступлении (убийстве, грабеже и т. д.); в) при наличии информации о

¹ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX-начало XX вв.). Сборник документов / отв. ред. Е. И. Щербакова. М., 2001 (далее – Политическая полиция и политический терроризм...). С. 97.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д 58. Л. 80.

совершаемом в данный момент преступлении (работа нелегальной типографии, например); или г) об уже совершившемся преступлении¹.

Поскольку чаще всего обыски проводились одновременно у большой группы лиц, штаты ГЖУ не позволяли посылать на них исключительно чинов ОКЖ. Поэтому к обыскам часто привлекались чины общей полиции. Высшее руководство понимало пагубность подобного решения, поэтому 16 мая 1903 г. из штаба Корпуса поступило распоряжение привлекать к обыскам сотрудников ЖПУ ж. д., так как было признано, что использование не знающих специфики расследования государственных преступлений и не подчиняющихся напрямую жандармам полицейских снижало эффективность политического сыска². В условиях революции 1905–1907 гг. ОКЖ уже не мог обойтись собственными силами, поэтому вновь пришлось прибегать к помощи общей полиции и даже войск, что было санкционировано министром внутренних дел П. А. Столыпиным 15 сентября 1906 г.³.

При проведении обысков жандармы должны были руководствоваться полицейскими инструкциями: составлять ордера, приглашать понятых, заполнять протокол. И все же есть примеры пренебрежения этими требованиями закона.

В ночь с 18 на 19 февраля 1904 г. помощник начальника ВГЖУ в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах ротмистр Федоренко проводил обыск на квартире дочери генерал-майора Марии Кароницкой. Подлежащие досмотру лица: ученицы воронежской земской фельдшерской школы сестры Л. и Э. Грушко, А. Сафронова, фельдшер Родионов и другие, – написали жалобу на действия жандарма и подали ее в штаб ОКЖ. Ротмистр Федоренко обвинялся в грубости, неуважительном отношении к обыскиваемым и, самое главное, в том, что он отказался предъявить ордер на обыск⁴.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 180.

² Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 23, 23 об.

³ Там же. Д. 198. Л. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1083. Л. 1, 2, 4, 8.

В ходе проведенного внутреннего расследования Федоренко был полностью оправдан по обвинениям в грубости, так как присутствовавшие понятые показали, что он вел себя корректно. В отчете по этому делу начальник ВГЖУ полковник А. Н. Рыковский указал: «Очевидно, что все присутствовавшие в обыскиваемой квартире воспользовались именно тем, что их много (9 человек), чтобы предъявлять свои неосновательные требования и своим назойливым поведением, доходившим до глумления, умышленно старались заставить ротмистра Федоренко потерять должное самообладание при исполнении им долга службы»¹.

Интересно, что руководство ОКЖ практически проигнорировало важный пункт жалобы об отсутствии ордера на обыск. В штабе Корпуса приняли объяснения ВГЖУ на этот счет, заключающиеся в том, что Федоренко действовал по устному распоряжению своего руководителя, а тот якобы не успел составить ордер, так как обстоятельства дела требовали проведения срочного обыска. Таким образом, в этом случае обвинению в грубости было уделено гораздо больше внимания, чем нарушению установленной законом процедуры².

В начале обыска у подозреваемого спрашивалось о наличии у него запрещенных предметов. Затем осуществлялся личный досмотр всех находящихся в помещении. При этом государственная полиция соблюдала определенные нормы приличия. Например, мужчина не имел права досматривать женщину (в таком случае прибегали к помощи понятых).

В начале XX в. в ходе проведения очередного обыска адъютант Тамбовского ГЖУ поручил досмотр жены подозреваемого одной из понятых, но сам во время процедуры оставался на пороге спальни, стоя спиной к женщинам. Это послужило поводом к подаче жалобы на нетактичное поведения офицера, после чего началось служебное расследование. Конечно, жандарм не понес никакого наказания, потому что оправдался тем, что не

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1083. Л. 3.

² Там же. Л. 4, 8.

доверял понятой, однако сам факт возможности пожаловаться на действия властей даже в таком случае говорит об определенных проявлениях гуманизма со стороны государственной полиции¹. В Воронежской губернии также при обыске подозреваемых досмотр В. И. Дмитриевой проводил не жандарм, а приглашенная специально для этого женщина².

Часто ввиду своей беспечности полицейские вовсе не прибегали к личному досмотру или проводили его настолько невнимательно, что даже упускали из виду наличие у подозреваемых оружия, за что потом расплачивались своим здоровьем, а то и жизнями. О таких примерах не раз сообщалось в направляемых местным подразделениям циркулярах ДП МВД и штаба ОКЖ³.

Тему жалоб на действия жандармов можно продолжить еще одним воронежским примером. В сентябре 1903 г. прокурор Харьковской судебной палаты пожаловался в штаб ОКЖ на помощника начальника ВГЖУ ротмистра Федоренко. Сообщалось, что он «производил допросы обвиняемых с громкими на них криками, оскорбительными для них выражениями и угрозами содержать их в тюрьме до тех пор, пока не скажут всего, что им известно по делу». Ротмистру ставилось в вину ведение допроса одного человека в течение 4–5 часов без перерывов⁴.

На все эти вещи в прокуратуру пожаловались фигуранты политического дела «О преступном сообществе, организованном в Воронеже мещанином Константином Гольбертом». За допущенные злоупотребления харьковский прокурор требовал перевести офицера ВГЖУ в другое жандармское управление с вынесением ему выговора⁵.

Из-за этой жалобы было проведено внутреннее расследование, по результатам которого ротмистр Федоренко был оправдан. В то же время

¹ Белова А. В. Указ. соч. С. 81.

² Дмитриева В. И. Указ. соч. С. 215.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 74. Л. 67, 67 об., 90, 90 об; Д. 198. Л. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 979. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 4 об.

начальник ВГЖУ полковник В. З. Тархов договорился с надзорным ведомством и указал в переписке с руководством ОКЖ, что «личные объяснения с прокурором Харьковской судебной палаты ... привели к принятию по взаимному соглашению некоторых мер, благодаря которым отношения ротмистра Федоренко к местному прокурорскому надзору ныне можно считать восстановленными»¹.

Данные события, конечно, подтверждают стремление полицейского руководства и прокуратуры к соблюдению прав политических преступников. При этом не допускалось не только насилие, но даже и такие вещи, как невежливое отношение к задержанным, нарушения в ходе обысков и затягивание допросов.

В ходе обыска от полицейского требовалось наличие специальных навыков, которые могли быть только у жандармов. Например, было необходимо просматривать все даже легальные книги подозреваемых и обращать внимание на загрязненные более других страницы или пометки, которые могли оказаться тайным шифром подпольщиков. Жандармы должны были знать эти шифры, так как столичное руководство в секретной переписке знакомило сотрудников охранных отделений и ГЖУ с используемыми революционерами методами конспирации. Общая полиция этих тонкостей не знала².

В архивных материалах и литературе встречается несколько примеров достаточно небрежного отношения к обыскам со стороны даже сотрудников ВГЖУ. В ночь на 31 марта 1902 г. во время обыска на квартире, где собирались участники кружка Л. Я. Карпова, в кармане у В. И. Дмитриевой не была обнаружена революционная брошюра. Это, конечно, можно объяснить тем, что личный досмотр проводила женщина-понятая. Однако в той же квартире жандармский вахмистр не смог обнаружить целый шкаф, заполненный тиражом «Искры». В результате полицейские довольствовались

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 979. Л. 3, 6, 9–11 об.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 141.

только пачкой писем и фотографиями, которые были изъяты для дальнейшего изучения¹.

В феврале 1908 г. секретная агентура ВГЖУ донесла в управление, что в доме № 32 по Логовой улице квартируют анархисты Г. и А. Огарковы, скрывающие у себя склад с оружием. За зданием было установлено наружное наблюдение и после того, как филеры подтвердили, что указанные лица, действительно, приносят домой подозрительные свертки, в ночь на 28-е число жандармы устроили обыск по данному адресу. Тем не менее с первого раза полицейские так и не смогли обнаружить секретный тайник революционеров, хотя еще в донесении секретного агента было достаточно подробно указано его местоположение – сообщалось, что в полу однокомнатной квартиры «устроен люк, подняв который легко можно заметить лестницу, ведущую в погреб, где тщательно сохраняются какие-то предметы, предназначенные на случай вооруженного восстания». Только со второй попытки жандармы смогли выявить склад с оружием, около 1000 экземпляров прокламаций Лиги красного шнура и другие документы подпольщиков².

При правильном проведении обыск давал необходимые следствию доказательства, поэтому проводить его нужно было тщательно и соответствующим образом готовиться. Важность предварительной работы заключалась и в том, чтобы максимально сузить круг подозреваемых и не вызывать лишний раз у невиновных людей недовольство жандармами. На самом деле провинциальные управления задумывались об этом не всегда.

Например, в ночь с 30 на 31 марта 1902 г. ВГЖУ провело 18 обысков по делу воронежского революционного кружка. Несмотря на результаты обысков, по предварительно собраным данным было принято решение задержать троих – Л. Я. Карпова, А. И. Любимова и Д. В. Кастеркина. По собранным в ходе обысков материалам под стражу поместили еще четверых

¹ Дмитриева В. И. Указ. соч. С. 215.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–2, 4.

– В. А. Рутковского (Александрова), Н. Н. Кардашева, Ю. П. Махновец и Н. И. Губареву¹.

Таким образом, из 18 обысков 11 можно было бы не проводить и соответственно не привлекать к этой работе общую полицию. Разумеется, задержанные заявили, что нелегальную литературу им предоставили неизвестные лица. Позже при дополнительном исследовании улик оказалось, что изъятые материалы у Карпова, Кастеркина, Любимова и Рутковского не несли в себе состав преступления, потому что являлись политико-экономическими трактатами теоретического характера или были посвящены изучению революционного движения во Франции. По отобранным материалам у Кардашева, Махновец и Губаревой можно было проводить дознание по 4 ч. 251 ст. и 4 ч. 252 ст. Уложения. Однако власти не смогли довести дело до суда. Оно было решено в административном порядке 6 августа 1903 г. Из семи первоначально задержанных преследованию подверглись Губарева (была выслана из губернии на 3 года) и Махновец (попала под административный арест)².

В ночь с 14 на 15 марта 1903 г начальник ВГЖУ П. П. Глоба провел 18 обысков, в результате которых задержанию подверглись лишь пятеро подозреваемых. А к концу марта после тщательной проверки улик под стражей остался и вовсе только один задержанный³.

Таким образом, результаты проводимых ВГЖУ обысков и расследований в целом часто оказывались достаточно скромными.

Успех обыска зависел от того, удавалось полицейским застать революционеров врасплох или нет. Однако нередко информация о жандармских операциях просачивалась в преступные круги, и подпольщики успевали подготовиться к «внезапной» облаве. Так перед обысками 31 марта 1902 г. Л. Я. Карпов ходил по квартирам участников своего кружка и предупреждал о скором визите полицейских. Это дало возможность сжечь

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 487 об.

² Там же. Л. 488 об., 489, 548.

³ Там же. Д. 247. Л. 35, 72, 72 об.

компрометирующие письма, уничтожить или спрятать прокламации и другие улики¹.

В целом жандармские офицеры считали проведение обысков наиболее тяжелой частью своей работы. Как указывал в своих мемуарах бывший руководитель ряда учреждений политической полиции П. П. Заварзин, это являлось «самой неприятной стороной жандармской службы, оставляя тяжелый осадок у руководителя обыска...»².

На основании распоряжения министра внутренних дел П. Н. Дурново от 14 февраля 1906 г., при задержании подозреваемого в совершении политического преступления ему в течение 24-х часов должны были сообщить суть обвинений, допросить и преступить к осмотру вещественных доказательств, полученных в ходе обыска³. При этом обязательно проводилась проверка удостоверяющих личность документов. Циркуляр ДП МВД от 12 октября 1910 г. требовал при проверке документов запрашивать у властей по месту прописки задержанного его фотокарточку. Дело в том, что в паспортах не было фотографий, поэтому революционеры просто пользовались украденными документами и таким образом скрывали свою личность⁴.

Как было указано выше, жандармы не должны были превышать установленные законами сроки задержания (7 дней в обычное время и 14 дней в местностях, объявленных на исключительном положении), которые могли быть увеличены главами регионов до двух и четырех недель со дня взятия под стражу соответственно. С ростом оппозиционного движения в стране сроки были пересмотрены в сторону увеличения. Эта мера являлась необходимой, так как полиция не успевала собрать необходимые улики в срок, после чего приходилось выпускать арестованных из-под стражи.

¹ Дмитриева В. И. Указ. соч. С. 215.

² Заварзин П. П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 26.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 58. Л. 67.

⁴ Там же. Д. 267. Л. 13, 13 об.

Согласно циркуляру от 14 июля 1910 г. срок предварительного ареста был увеличен до двух месяцев и мог быть продлен еще на столько же после ходатайства к министру внутренних дел. По мере снижения антиправительственных выступлений «репрессивные» меры правительства смягчались. С 28 февраля 1913 г. срок продленного ареста сократили до 1 месяца, после чего либо дело должно было быть передано в судебные органы, либо подозреваемого отпускали на свободу¹.

Из-за резкого увеличения количества совершаемых политических преступлений в начале XX в. ГЖУ не справлялись с объемами следственной работы. Поэтому часто допускалось превышение сроков ареста, особенно во время революции 1905 г. и в последующие годы.

Например, в феврале 1907 г. по распоряжению ВГЖУ был помещен под стражу Т. С. Кривкин, обвиненный по 21 ст. «Положения о государственной охране». Вплоть до июня он так и содержался в воронежской тюрьме, пока не написал прошение на имя начальника жандармского управления об ускорении расследования его дела. Это прошение осталось безответным. После ряда безуспешных попыток связаться с ВГЖУ Т. С. Кривкин в знак протеста объявил голодовку и только после этого его делом занялись дознаватели. В конце августа производство было завершено и разрешилось в административном порядке². 22 июля 1909 г. в Воронеже был задержан сын псаломщика И. С. Таиров и освобожден за отсутствием против него улик только через 5 месяцев – 24 декабря 1909 г. Эти случаи происходили нередко, несмотря на то, что по каждому подобному факту из ДП МВД приходило строгое требование соблюдать рамки установленных сроков содержания под предварительным арестом³.

Переписка между начальником ВГЖУ и чиновниками ДП МВД показывает, что, несмотря на строгие требования соблюдения законов и циркулярных инструкций, они не подкреплялись фактическим наказанием

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 306, 306 об., 396 об.

² Там же. Д 932. Л. 28–34, 57.

³ Там же. Оп. 2. Д 58. Л. 136, 137.

нарушителей. На наш взгляд, это связано с тем, что, во-первых, в столице прекрасно понимали, что в сложившихся условиях и при имевшей место следственной нагрузке ГЖУ (например, в течение 1904 г. к формальным дознаниям при Воронежском управлении было привлечено ежемесячно в среднем по 68 чел., при этом дознания по государственным преступлениям вели 4 офицера¹) они физически не могли успевать проводить дознания в установленные законом сроки, а, во-вторых, ДП МВД не имел никаких рычагов воздействия на жандармских офицеров, которые назначались на свои места и получали зарплату в ОКЖ.

В исключительных случаях применялись особые правила арестов и содержания под стражей. Например, циркуляр от 13 января 1906 г. предписывал местным органам удерживать обвиняемых в агитации армейских частей под стражей в течение всего срока проведения дознания². Особые правила ареста применялись для членов Государственной думы, задержание которых могло быть проведено только с санкции судебных органов, однако разрешение самой думы на это не требовалось³.

Точно такое же двойное отношение вызывает вопрос этики поведения жандармских полицейских при проведении допросов. С одной стороны, циркуляр ДП МВД за подписью министра внутренних дел Н. А. Маклакова требовал от офицеров и нижних чинов «при исполнении своих высоких и ответственных обязанностей по охранению общественной безопасности и спокойствия ... предъявлять свои требования нарушителям закона твердо и настойчиво, но, безусловно, в спокойной, вежливой и корректной форме, не допуская грубых и оскорбительных выражений и не прибегая к физической расправе, так как те исключительные случаи, когда чины полиции могут применять силу, строго определены и вполне ясно указаны в законе». «...Я ни в каком случае не могу допустить, – писал министр, – чтобы вверенные моему высшему надзору чины Имперской полиции, при исполнении своих

¹ ГАВО Ф. И-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 392–499.

² Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 65.

³ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 148, 148 об.

служебных обязанностей, прибегали к незаконным и позорящим честь полиции насильственным действиям. Такие приемы, как при производстве розыска, так и при охране общественного порядка представляются совершенно не терпимыми и должны быть преследуемы и искореняемы самыми решительными мерами». С другой стороны, Н. А. Маклаков признавал, что в отдельных регионах допускаются побои и грубости в отношении арестованных¹. Иными словами правительство строго запрещало подобные нарушения, но на практике на местах они были настолько частыми явлениями, что потребовалось циркулярное распоряжение по этому поводу со стороны министра внутренних дел.

Задержанные политической полицией подвергались обязательной регистрации. С февраля 1903 г. жандармы фотографировали и регистрировали преступников по системе Бертильона. В связи с ростом количества политических преступлений и для ускорения делопроизводства 7 мая 1904 г. был отменен обязательный осмотр с фотографированием всех обвиняемых и задержанных по государственным преступлениям. Было замечено, что фотокарточки «случайных лиц» мертвым грузом лежат в жандармских управлениях. Теперь фотографированию подлежали только опасные преступники, которые с большей вероятностью продолжают заниматься незаконной деятельностью даже после отбытия срока наказания². При этом местным жандармским офицерам предоставлялось право самим определять степень опасности конкретного задержанного лица.

По циркуляру от 29 декабря 1906 г. в учреждения политической полиции вводились правила и стандарты судебно-полицейского фотографирования и систематического описания примет, нарушать которые не позволялось. Фотокарточки преступников и их описание начальники ГЖУ направляли в ДП МВД с копиями в Регистрационный отдел Департамента.

¹ ГАВО Ф. И-1. Оп. 2. Д. 74. Л. 166.

² Там же. Д. 58. Л. 28, 31.

Описание преступника на карточке особого образца составлялось незамедлительно после задержания. На нее наклеивались снимки в фас, в профиль и в полный рост. При этом арестованного фотографировали в той одежде, в которой он находился в момент задержания. В циркуляре указывались достаточно интересные тонкости полицейского исследования примет преступника. Жандармы должны были с особым вниманием относиться к описанию ушей, так как их нельзя исказить гримасой. При определении роста задержанного полицейские руководствовались шкалой: рост мужчины до 155 см. считался низким, от 155 до 165 см. – ниже среднего, от 165 до 175 см. – выше среднего, более 175 см. – высоким¹. Циркуляр от 26 сентября 1907 г. обращал внимание начальников жандармских управлений на метод дактилоскопии как эффективное средство регистрации преступников².

В 1914 г. регистрационная система в органах политической полиции подверглась изменениям: порядок составления словесного портрета как сложный и трудоемкий был заменен на более быструю регистрацию по дактилоскопии, а как дополнение к ней были введены классификации в алфавитном порядке и по родам преступлений. В алфавитную карточку заносились ФИО преступника, его кличка, звание, возраст, род преступления, отпечатки пальцев, дата и место задержания или составления карты. Хранились карточки в ГЖУ в специальных шкафах в алфавитном порядке, причем если карточка заводилась на уголовного преступника, то использовался бланк, отпечатанный черным шрифтом, если на политического – красным³.

Революционный 1905 г. принес с собой резкий рост политических преступлений, с потоком которых полицейским органам справляться было

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 129. Л. 3–4, 10 об.

² В местные органы периодически направлялись руководства по использованию новых приемов и методов регистрации задержанных. Например, 45-страничная брошюра правил дактилоскопии: пособие для чинов полиции при регистрации и установке личности преступника была издана в Петрограде в 1916 г. и стоила 1 руб.: Там же. Л. 51.

³ Белова А. В. Указ. соч. С. 108.

все труднее и труднее. Систематически нарушались допустимые сроки задержания подозреваемых. Не помогало привлечение чинов общей полиции к расследованию государственных преступлений. Решению проблемы загруженности ГЖУ было посвящено несколько столичных распоряжений. В октябре 1905 г. из штаба ОКЖ был направлен запрос в подведомственные органы с просьбой указать соображения, как ускорить ход канцелярской работы¹. Циркуляром от 31 октября 1905 г. было определено возбуждать формальное дознание по тем государственным преступлениям, по которым предусматривалось наказание в виде реальных сроков заключения под стражу². 31 июля 1906 г. поступило требование завершить все дознания и формальные переписки, не обещающие положительных результатов, то есть расследования, улики в которых недостаточно для рассмотрения в судах³.

Производство дел по политическим преступлениям проводилось в порядке формальных дознаний или охранных переписок. Завершенные дознания начальники ГЖУ передавали лицам прокурорского надзора для привлечения обвиняемых к суду или для прекращения в порядке ст. 1035 Уст. Уг. Суд. Также материалы можно было направить в другое следственное учреждение для продолжения дознания. Охранные переписки передавались губернаторам (генерал-губернаторам или градоначальникам), по которым обвиняемые либо подвергались административной ответственности, либо освобождались от преследования⁴. По закону 7 июня 1904 г. все формальные дознания подлежали судебному рассмотрению и не могли быть переквалифицированы в производства в порядке чрезвычайных законов с возможностью завершения в административном порядке⁵. Однако обратная замена законами не возбранялась.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 43.

² Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 63.

³ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 75, 76.

⁴ Там же. Д. 44. Л. 56, 56 об.

⁵ Там же. Д. 66. Л. 23, 23 об.; ПСЗРИ. Собр. 1881–1913. Т. 24. Ч. 1. № 24733.

Прокурорские органы указывали на процессуальные ошибки, допускаемые политической полицией. Происходило это не редко. 7 января 1908 г. прокурор Воронежского окружного суда попросил начальника ВГЖУ В. З. Тархова при проведении дознаний консультироваться с ним на предмет недопущения таких недочетов, способствующих иногда полному развалу дела на судебном заседании¹.

Даже на примере одного Воронежского ГЖУ можно выделить целый ряд примеров небрежного отношения к составлению следственных материалов. В мае 1903 г. прокурор Харьковской судебной палаты просил начальника ВГЖУ указывать точные сведения о служебном и общественном положении обвиняемых на момент окончания дознания и передачи прокурорскому надзору. Эти сведения играли важную роль на судебном заседании, влияли на степень наказания (например, при совершении одинакового преступления студента, рабочего и военнослужащего ожидали разные сроки наказания по разным частям уголовных статей². Часто в материалах, передаваемых в суды, содержались секретные агентурные сведения, оглашение которых на заседании приводило к провалам секретных сотрудников и наружного наблюдения. Поэтому 25 октября 1904 г. прокурор воронежского суда попросил начальника ВГЖУ подшивать секретные сведения в отдельный том в качестве приложения к дознанию³. В 1911 г. при производстве переписки в порядке Положения о государственной охране помощник начальника ВГЖУ подполковник Арцыбашев при расследовании политического преступления допросил филера в качестве свидетеля, хотя агентурные донесения и результаты наружного наблюдения следовало прилагать в виде справок за подписью начальника ВГЖУ⁴.

В сентябре 1903 г. во время проведения дознания помощник начальника ВГЖУ ротмистр Федоренко без санкций прокуратуры убрал из

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 58. Л. 101.

² Там же. Д. 287. Л. 3 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 23, 23 об.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 58. Л. 177.

материалов дознания информацию о своем секретном сотруднике Гридине¹. Эта мера защиты агентуры была предусмотрена, но допускалась только с разрешения прокурорского надзора по устному или письменному заявлению жандармского дознавателя. Однако самостоятельное исключение чего-либо из материалов дознания являлось грубым нарушением законодательства.

Таким образом, подобного рода ошибки были типичным явлением для жандармских управлений, что говорит о слабой юридической подготовке сотрудников.

Производства в порядке чрезвычайных положений решались административным путем, при этом главной мерой преследования являлась высылка из мест проживания. Следует отметить, что помимо административной высылки существовала установленная приговором суда мера наказания – ссылка. Выслать могли не обязательно в северные регионы России или Сибирь. Зачастую определенному лицу вменялось в обязанность покинуть место нахождения и поселиться хотя бы в соседней губернии. В результате даже в Центральной полосе России находилось большое количество высланных. Противоречивость данного взыскания стала понятна жандармам еще в XIX в.

Содержание ссыльных ложилось на плечи государства, так как из бюджета оплачивался их переезд, устройство жилья и определенное материальное пособие. Для сокращения государственных расходов в октябре 1881 г. губернаторам было предложено ознакомиться с решениями Особого совещания по вопросам ссылки. На нем было принято решение направлять ссыльных политически неблагонадежных лиц под надзор полиции в губернии Азиатской части России. Однако ради экономии бюджета предлагалось не перемещать высланных ранее. Свои замечания по данному поводу столичные власти пожелали выслушать от губернаторов.

Воронежский губернатор А. В. Богданович поинтересовался мнением начальника ВГЖУ полковника В. М. Бельского, который настоятельно

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 979. Л. 4 об.

рекомендовал удалить всех ссыльных из Воронежского края как представляющих реальную угрозу для безопасности региона. Указывалось, что неблагонадежные не отрекаются от своих революционных взглядов и агитируют при любой возможности, несмотря на преследования со стороны властей¹.

С одной стороны, удаление неблагонадежных в дальние области страны препятствовало им вести незаконную деятельность в центральных регионах. С другой стороны, там они вели себя более свободно, продолжали агитировать против правительства или сбегали из-под надзора полиции. Может быть, именно поэтому практика административной ссылки в губернии Европейской России сохранялась и в XX в.

С развитием революционного движения многие регионы оказались переполненными высланными, поэтому время от времени по запросу местных властей ДП МВД воспрещал направлять неблагонадежных в определенные местности. Например, 26 июня 1902 г. было запрещено ссылать в Таврическую и Курскую губернии. Там к тому моменту скопилось много ссыльных, к тому же наблюдался рост антиправительственных выступлений и аграрных беспорядков². 2 мая 1907 г. одесский генерал-губернатор просил больше не направлять ссыльных в Одессу³. Данные ограничения не носили постоянного характера и снимались, как только ситуация приходила в норму.

На увеличение количества высланных влияло и то, что местные власти часто превышали свои полномочия, высылая административным путем тех людей, деятельность которых не подпадала под статьи чрезвычайных положений. С 1 февраля 1906 г. министр внутренних дел дал право губернаторам высылать за казенный счет в порядке ст. 34 Положения о государственной охране зачинщиков и участников аграрных беспорядков, выдаваемых по приговорам сельских сходов.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 7. Л. 26, 28 об.

² Там же. Д. 287. Л. 2.

³ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 147.

В циркуляре от 25 февраля 1909 г. был проанализирован трехлетний опыт данной деятельности. Было замечено, что губернаторы, превышая свои полномочия, стали высылать по этому праву «всяких вообще порочных крестьян», об удалении которых просили сельские сходы или местная полиция. В результате в отдаленных местностях Европейской и Азиатской частей России скопилось большое количество ссыльных, которые создавали неудобства местному населению, а их содержание (вместе с семьями) ложилось тяжелым бременем на бюджет страны¹.

Поэтому категории лиц, в отношении которых возможно применение административной высылки, были уточнены циркуляром от 25 февраля 1909 г. Административной высылке подлежали «активные революционные деятели и выдающиеся нарушители государственного порядка и общественного спокойствия»². Конкретнее – члены революционных и террористических организаций, антиправительственные агитаторы, экспроприаторы, зачинщики и участники аграрных беспорядков, поджигатели (если доказаны политические мотивы), подстрекатели к экономическим забастовкам (если они сопровождались насилием и грубым нарушением общественного порядка), лица, занимающиеся нелегальным перевозом людей через границу и те, кто препятствует проведению аграрной реформы 9 ноября 1906 г.³.

В целом административная высылка была очень удобной мерой для региональных властей. От них не требовалось доказывать вину подозреваемого. В достаточно быстрые сроки опасную личность можно было отправить в другую губернию, где она становилась головной болью уже для местных правительственных сил. Например, 17 декабря 1905 г. по агентурным данным жандармами был арестован И. Я. Жилин, который на фиктивное имя получал в Воронеже нелегальную литературу из-за границы. Из тех же агентурных данных стало известно, что с весны 1905 г. он

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 329.

² Там же. Л. 249.

³ Там же. Л. 329 об.

руководил «Союзом борьбы», в который входили рабочие железнодорожных мастерских Юго-Восточной железной дороги и частных воронежских заводов. Однако И. Я. Жилин отказался давать показания, других улик против него не было, поэтому начальнику ВГЖУ В. З. Тархову не оставалось ничего лучшего, чем ходатайствовать губернатору о высылке революционера на 5 лет в одну из сибирских губерний¹.

Конечно, власти понимали, что эта мера не может парализовать деятельность революционеров, которые, находясь в ссылке, достаточно быстро налаживали связи с местным подпольем и продолжали работу. Однако в условиях революции 1905 г. даже непродолжительная изоляция неблагонадежных и расстройство связей в подполье имело неопределимое значение для правительственных сил. После того как в стране был наведен порядок власти уже не могли мириться с постоянными побегамы ссыльных, которые только усиливались даже несмотря на то, что сбежавших можно было в случае поимки выслать еще дальше на более длительные сроки².

22 сентября 1914 г. заведующий полицией В. Ф. Джунковский запретил губернаторам применять административную высылку, потому что в связи с началом Первой мировой войны все регионы России были объявлены на военном положении, а закон запрещал высылать административным порядком в такие местности³. Так был найден формальный повод к упразднению этой противоречивой меры.

Осуществление жандармскими управлениями следственной деятельности по государственным преступлениям было их главной задачей с 1870–1880-ых гг. Однако ряд обстоятельств препятствовал проведению этой работы. Прежде всего, это децентрализация российской полицейской системы. Координирующий сыскную и следственную деятельность жандармов ДП МВД не мог непосредственно взыскивать с виновных за нарушения их обязанностей. Подобные вещи можно было делать только с

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250. Л. 14–16.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 990. Л. 46.

³ Там же. Д. 1991. Л. 100.

помощью штаба ОКЖ с учетом того, что не всегда у руководителей двух этих ведомств были хорошие отношения.

Нечеткость законодательства иногда приводила к тому, что разные начальники ГЖУ по-разному трактовали определенные нормы права. Эта проблема с особой силой проявилась в 1905–1907 гг. Данные затруднения, например, вызвала правовая оценка выкриков «Долой самодержавие!» и пения революционных гимнов. Некоторые начальники ГЖУ по таким фактам возбуждали формальные дознания в порядке ст. 1035 Уст. Уг. Суд., некоторые приступали к расследованию в порядке «Положения об усиленной охране», некоторые вовсе не реагировали на подобное, считая, что факт выкриков и пения оппозиционных песен не носил в себе состава преступления. Решение проблемы потребовало разъяснений со стороны командующего ОКЖ Д. Ф. Трепова. Циркуляром от 2 сентября 1905 г. он признал верным по каждому такому факту возбуждать формальное дознание и проводить проверку на наличие состава преступления, рассматривая факты пения гимнов и выкрики в качестве улик. Их нельзя было оставлять полностью без внимания, но и запрещалось строить обвинение исключительно на основании этих незначительных нарушений¹.

Недовольство организацией работы жандармских управлений неоднократно высказывалось столичными полицейскими руководителями. Причем в совершенно разное время.

1 августа 1880 г. главный начальник Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликов составил «Всеподданнейшую записку о преобразовании полиции». В ней был подведен итог работы ГЖУ с 1867 г. Автор, в частности, обратил внимание на частые отступления от законов в работе полиции, что объяснялось необходимостью для достижения успеха использовать «смелые и решительные приемы», которые нередко заменяют указания закона и инструкции (а иногда и противоречат им)².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 58. Л. 58, 59.

² Политическая полиция и политический терроризм... С. 99–102.

В течение 1910–1912 гг. чины Особого отдела ДП МВД проводили инспекции учреждений политической полиции на местах. При этом отмечалась недостаточная подготовка офицеров региональных управлений (или ее полное отсутствие), частые злоупотребления, подлог. Как сообщалось в одном из отчетов, проверки «привели к самым грустным выводам»: «офицеры были бездеятельны в деле политического розыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно сознательно относились к нему...». Деятельность многих учреждений была признана «не приносящей пользу, а иногда приносящей вред государственным интересам, поскольку они не освещали в должный момент действительного положения вещей». Одной из причин слабости ГЖУ, ЖПУ ж. д. и других местных структур, по мнению ДП МВД, явилось несоответствие начальников учреждений своим должностям. Указывалось, что они «достигли престарелого возраста, утратили энергию», применение новых приемов розыска, требовавшее «живого, подвижного исполнения», было им физически «не под силу»¹.

В течение 1911–1912 гг. со службы были уволены 14 начальников ГЖУ, еще 13 руководителей были намечены к увольнению. Одним из них стал начальник ВГЖУ В. З. Тархов². Еще четверо были перемещены в другие регионы³.

Большой проблемой Корпуса жандармов, особенно проявившей себя в годы революции 1905 г., но далеко не только в это время, были низкие штаты ГЖУ и слабое материально-техническое обеспечение при наличии громадного перечня обязанностей и необходимости освещать практически все стороны жизни общества. Нередко жандармы физически не успевали завершать дознания по политическим делам вовремя, в результате чего нарушались сроки арестов. Не было возможности осуществлять тщательное наблюдение, из-за чего аналитические отчеты офицеров жандармерии

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 112.

² Однако в итоге он до 1913 г. сохранял свою должность в Воронеже, а после был переведен начальником Калужского ГЖУ.

³ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 112.

строились на материалах обзоров уездных исправников и городских полицейских чинов.

Тем не менее процесс расследования офицерами ГЖУ политических преступлений претерпел целый ряд трансформаций, совершенствовались приемы обыска, внедрялись новые методы учета преступников (фотографирование, бертильонаж, дактилоскопия), что в конечном итоге повышало эффективность политического сыска.

§ 3. Организация наружного наблюдения и работа с секретной агентурой

Деятельность секретной агентуры давала политической полиции необходимую информацию, позволявшую выявлять преступников, быть в курсе дела их замыслов, предотвращать антиправительственные выступления и, в конце концов, проводить аресты. Работу агентуры по сбору сведений дополняло наружное наблюдение. При этом полицейскими циркулярами строго запрещалось использовать секретных сотрудников для наружного наблюдения, хотя подобное практиковалось отдельными ГЖУ¹. Филеры и секретные сотрудники не входили в штаты жандармерии, хотя первые действовали на правах нестроевых чинов. Либо обязанности по наружному наблюдению выполнялись жандармскими унтер-офицерами. Опыт организации этого направления работы оттачивался политической полицией России с начального периода ее существования. Однако долгое время местные полицейские органы не располагали какими-либо регламентирующими данную деятельность инструкциями.

С 1871 г. нижние чины ГЖУ стали привлекаться офицерами для наблюдения за подозреваемыми. Формальным препятствием выполнению этой работы служил статус унтер-офицеров как военных чинов, требовавший от них постоянного ношения формы при исполнении служебных

¹ Агентурная работа политической полиции Российской империи. М. – СПб., 2006 (далее – Агентурная работа...). С. 109.

обязанностей. Поэтому штабу ОКЖ пришлось утвердить право начальников ГЖУ отдавать приказы унтер-офицерам о временном переодевании в штатское¹.

Положение о негласном надзоре от 1 марта 1882 г. не давало жандармам никаких рекомендаций о тактике наружного наблюдения, однако требовало, чтобы секретный надзор осуществлялся способами, «которые должны исключать возможность лицу поднадзорному знать о существовании установленного за ним наблюдения»².

С созданием в 1894 г. при Московском охранном отделении «Летучего отряда» филеров служба наружного наблюдения вышла на новый организационный уровень, так как появилось специальное подразделение, сотрудники которого готовились и постоянно совершенствовали свои навыки именно для выполнения этой работы. В октябре 1902 г. была разработана «Инструкция филерам «Летучего отряда», а также филерам розыскных и охранных отделений». Она состояла из 21 пункта, ее авторами были глава Особого отдела С. В. Зубатов и заведующий наружным наблюдением ДП МВД Е. П. Медников³.

Своей успешной деятельностью 4 московских филера отметились и в Воронеже, когда по запросу начальника ВГЖУ вели здесь наблюдение за участниками местного революционного кружка. Именно их деятельность во многом способствовала ликвидации воронежской революционной группы в декабре 1897 г.⁴.

В феврале 1907 г. столичное полицейское ведомство признало наружное наблюдение вспомогательной мерой по сравнению с агентурной работой. В частности, в одном из циркуляров сообщалось, что «при отсутствии попутного освещения со стороны внутренней агентуры не следует допускать чрезмерного развития наружного наблюдения, так как

¹ Бакшт Д. А. Указ. соч. С. 169.

² Положение о негласном полицейском надзоре...

³ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 186–187.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 3, 194.

будучи весьма растяжимо, оно может давать весьма обширный, непонятный материал, крайне затрудняющий работу филеров и отделения»¹.

20 февраля 1907 г. П. А. Столыпин утвердил «Инструкцию по организации наружного (филерского наблюдения)», которая стала основным руководящим документом для этого направления деятельности политической полиции. В ней наиболее детально вплоть до мельчайших подробностей были отражены вопросы выбора кандидатов на филерскую службу, их обучения, деятельности и порядок составления отчетов.

Согласно требованиям к кандидатам на филерскую службу агент наружного наблюдения должен был быть строевым запасным нижним чином, предпочтительно унтер-офицерского звания, не старше 30 лет, но желательно зачисленным в полицию сразу после окончания военной службы. При выборе кандидатов преимуществом обладали кавалеристы, разведчики, бывшие в охотничьих командах, имевшие какие-либо награды: ордена, за отличную стрельбу, за разведку. При выборе кандидатов изучались и личные качества соискателей: филер должен был быть политически и нравственно благонадежным, твердым в своих убеждениях, трезвым, выносливым, с крепкими ногами, не иметь особых примет, чтобы не выделяться из толпы, и т. д. В инструкции указывалось, что филером не могут быть лица польской и еврейской национальности².

Большое внимание уделялось подготовке филеров на специальных курсах, которые были организованы в Санкт-Петербурге. Их слушатели посещали занятия по теории и тактике сыска, но основное внимание уделялось совершенствованию приемов наружного наблюдения. На практических занятиях рассматривались, например, такие вопросы, как «наблюдение из укрытия», работа при нестандартных обстоятельствах. Инструкторы объясняли, как сыщику, наблюдающему за домом под видом извозчика, нужно разговаривать с любопытным швейцаром или дворником,

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 451–452.

² Там же. С. 456.

как правильно отказать потенциальному пассажиру и др. В последнем случае, например, филеру следовало отвечать, что он ждет врача, осматривающего пациента¹. В обязательном порядке новички изучали населенные пункты, в которых им предстояло вести наблюдение, настолько детально, чтобы знать все проходные дворы, закоулки и т. д.².

В работе филерам помогали и определенные справочные пособия. Одно из них подготовил жандармский офицер М. Ф. фон Коттен (занимал должности начальников Московского, Санкт-Петербургского охранных отделений). В том числе он составил строгую классификацию внешности человека по форме его носа и ушей, с помощью которой агент наружного наблюдения мог обнаружить наблюдаемое лицо даже под гримом³.

Таким образом, подготовка столичных филеров проводилась на высоком уровне, чего не скажешь об основной массе агентов провинциальных ГЖУ. Бывали случаи, когда филер, выходя на задание в штатской одежде, забывал снять шпоры. Много нарушений допускалось агентами при составлении суточных рапортов по наблюдению, не соблюдались правила конспирации (например, некоторые филеры приходили с отчетами в здание самого охранного отделения или ГЖУ, а не на конспиративные квартиры)⁴.

Неправильное обращение с агентами наружного наблюдения допускали и офицеры политической полиции. 16 сентября 1911 г. начальнику ВГЖУ Тархову поступила жалоба из ДП МВД на его помощника Арцыбашева, который допросил филера в качестве свидетеля, хотя это было категорически запрещено специальным циркуляром еще в 1903 г.⁵.

¹ Рууд Ч. А. Указ. соч. С. 95.

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 456.

³ Рууд Ч. А. Указ. соч. С. 95.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 1 об.

Показания филеров следовало приобщать к дознаниям в виде заверенных начальниками ГЖУ справок¹.

Для прикрытия агентов наружного наблюдения жандармы обращались за помощью к общей полиции. Там филерам выдавались документы, в которых агенты фигурировали под вымышленными фамилиями, получали право на работу извозчиками, приказчиками и т. д.

В ходе ведения наружного наблюдения за одним объектом должны были следить как минимум два филера². Это правило инструкции не всегда соблюдалось провинциальными ГЖУ по причине отсутствия необходимого количества сотрудников.

Каждый день агенты наружного наблюдения заносили получаемые ими сведения в рапортчики, которые подавались офицерам ГЖУ. Эти данные жандармы записывали в дневники наружного наблюдения, где объединялись сведения по лицам из одной революционной организации³. При этом офицеры политической полиции для сохранения своей агентуры могли исключать из сводок по наружному наблюдению некоторые сведения, касающиеся секретных сотрудников. Такое, например, практиковалось в Московском охранном отделении⁴.

Регулярно сводки, состоящие из данных наружного наблюдения, направлялись в ДП МВД. Именно в нем сосредотачивалась вся информация, полученная в ходе филерской работы, и при необходимости сведения рассылались Департаментом в региональные учреждения политической полиции.

До 1906 г. обязанности агентов наружного наблюдения выполняли вольнонаемные стражники управления⁵. В 1882 г., например, при ВГЖУ

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 359.

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 460.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 107.

⁴ Овченко Ю. Ф. Безопасность империи. Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880–1917 гг. М., 2012. С. 164.

⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 12 об., 31 об., 61, 70 об.

находилось два агента «для разведок и наблюдений за негласно поднадзорными». Каждый из этих филеров получал по 10 руб. в месяц¹.

В декабре 1906 г. было утверждено «Положение о районных охранных отделениях», в параграфе 14 которого жандармских начальников обязали назначать на филерские задания унтер-офицеров ГЖУ. Причем, если унтер-офицерский состав ГЖУ превышал 10 человек, филерами назначали не менее половины нижних чинов².

В циркуляре от 19 октября 1907 г. директор ДП МВД М. И. Трусевич еще больше увеличил количество унтер-офицеров жандармерии, которым поручались задания по наружному наблюдению. Было указано, что уездные жандармские пункты не приносят никакой пользы, поэтому он предложил их упразднить, а освободившихся унтер-офицеров использовать в качестве филеров. Предлагалось чередовать унтер-офицеров между уездами, так как, находясь при пунктах, они были хорошо известны местному населению. Также была введена практика командирования нижних чинов большими отрядами для осуществления наблюдения в отдельные уезды по необходимости³.

Между прочим, данное распоряжение было воспринято в ОКЖ как вмешательство ДП МВД в поле деятельности Корпуса, который руководил кадровой работой жандармерии. Поэтому в приказе начальника штаба ОКЖ Д. К. Гершельмана было оговорено, что назначение унтер-офицеров на филерские должности могло быть осуществлено только на добровольной основе⁴.

Однако не подготовленные к работе филеров унтер-офицеры слабо справлялись с новыми для себя обязанностями. В мае 1908 г. директор ДП МВД М. И. Трусевич отчитал начальников жандармских управлений за

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. Д. 16ч. 7. Л. 2.

² Положение о районных охранных отделениях от 14 декабря 1906 г. Русская национальная философия в трудах ее создателей: [сайт]. – URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19061214polic.html/ (дата обращения: 14.03.2015).

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 96. Л. 38 об.

⁴ Бакшт Д. А. Указ. соч. С. 174.

неэффективное использование филеров. Вместо того чтобы направлять агентов в уезды, где они, неизвестные местному населению, могли бы вести скрытое наблюдение, филерам поручалось безрезультативное наблюдение за неблагонадежными в губернских городах, а уезды оставались предоставленными общей полиции. Такой порядок дел был признан ошибочным, и в новом циркуляре еще раз поручалось начальникам ГЖУ командировать филеров из числа жандармских унтер-офицеров в уезды для наблюдения за политической обстановкой, слежки за неблагонадежными и разработки агентурных данных¹.

По имеющимся данным в 1909–1910 гг. в Воронежском управлении служило от 10 до 13 унтер-офицеров, исполнявших филерские обязанности².

В циркуляре от 18 ноября 1910 г. заведующий Особым отделом ДП МВД полковник Еремин А. М. проанализировал двухлетний опыт применения данной практики. Было указано на следующее: вопреки ожиданиям, что среди унтер-офицеров, исполняющих обязанности филеров, найдутся «люди и способные, и развитые, секретные командировки которых ... могут принести серьезную пользу делу политического розыска», практика показала обратное. Многие начальники ГЖУ пытались этими командировками заменить деятельность агентуры в сельской местности. Однако, не имея никакой информации, агенты наружного наблюдения лишь безрезультативно перемещались по населенным пунктам или вовсе составляли ошибочные формальные донесения о полном отсутствии революционеров в районе наблюдения. Поэтому в циркуляре еще раз сообщалось, что главный упор следует делать на агентурное наблюдение, а деятельность филеров должна рассматриваться как вспомогательное средство³.

Окончательно практика использования в качестве филеров унтер-офицеров была признана неудачной в январе 1914 г. Отдельным циркуляром

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 100–101 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 573. Л. 10, 11, 107, 250.

³ Агентурная работа... С. 209.

ДП МВД потребовал снять строевых чинов с наружного наблюдения, объясняя это отсутствием необходимых умений и нежеланием выполнять данную работу у большинства унтер-офицеров ГЖУ. Беспокойство столичного руководства вызывала склонность данной категории филеров к пьянству, что приводило к их провалу, поэтому по указу от 3 мая 1913 г. уже сами агенты подвергались наблюдению со стороны жандармов, и увольнялись, если за ними обнаруживались какие-либо проступки¹.

С 1914 г. жандармам было предложено набирать штат вольнонаемных агентов наружного наблюдения с окладом 65 руб. в месяц². По новым штатам центральный филерский отряд состоял примерно из 30 человек. В губернских городах должно было действовать от 8 до 30 агентов наружного наблюдения. Таким образом, по всей империи было не более тысячи филеров³.

В Воронежскую губернию по новому порядку полагалось 8 человек⁴. Однако к 1 октября 1914 г. штат филеров ВГЖУ укомплектовать не удалось. В управлении числилось лишь четыре агента: отставной унтер-офицер Васильев, бывшие околоточные надзиратели Устинов, Коваль и Кобылев. Их жалование составляло 50 руб. в месяц, не считая сумм на служебные расходы⁵. Служебные расходы филеров на разъезды, квартиры и питание покрывались по представляемым ими счетам из отпускаемых на каждого филера 15 рублей «суточных» денег⁶. Ровно через год на службе остались только Васильев и Коваль⁷. Недобор сотрудников был связан с низким жалованием, тяжелыми условиями и неблагодарностью филерской работы. Многие сотрудники покинули службу наружного наблюдения и ушли на фронт в Первую мировую войну.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 193.

² Там же. Л. 223.

³ Рууд Ч. А. Указ. соч. С. 97.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 224.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 56. Л. 6.

⁶ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 452.

⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 164. Л. 2, 2 об., 10.

Несмотря на то, что к началу XX в. способ получения информации посредством агентурной работы приобрел первостепенное значение по сравнению с наружным наблюдением, деятельность филеров оставалась важнейшим средством политического сыска и постоянно совершенствовалась. В провинциальных ГЖУ эта работа осложнялась слабой подготовкой агентов, необходимостью привлекать к ней кадровых чинов управлений, которые могли быть хорошо известны местному населению (особенно, если это касалось пунктовых унтер-офицеров) или выдавать себя несоблюдением конспирации. Тем не менее наружное наблюдение давало дознавателям важные данные, позволявшие в совокупности с донесениями агентуры раскрывать политические преступления с большей эффективностью.

В начале XX в. наружное наблюдение постепенно становится вспомогательным средством на фоне агентурной работы, которая приобрела значение первостепенного по важности способа получения информации. В 1905–1907 гг. после ряда успешных полицейских операций, осуществленных на основании агентурных данных, этот способ получения информации окончательно стал считаться основным.

Как написал в своих мемуарах имевший 20-и летний опыт службы в политической полиции П. П. Заварзин: «Ничем секретную агентуру заменить нельзя, а потому она необходима и существует во всех без исключения странах мира»¹. Видный деятель политического сыска П. И. Рачковский в записке «Об условиях деятельности русской политической полиции», составленной в 1902 г., отводил секретной агентуре «первенствующее место», считая, что при ее правильной постановке она будет не только сообщать те сведения, что происходят в революционных организациях, но и «влиять на них в желательном смысле». Он доказывал, что «во всех смыслах» это важное и нужное дело, а результаты дознаний будут более

¹ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 421.

продуктивными, когда дело «внутренней агентуры станет на надлежащую высоту»¹.

В XIX в. работа с агентами велась бессистемно, и не регламентировалась четкими инструкциями. Хотя уже в 1832 г. шеф Корпуса жандармов А. Х. Бенкендорф предлагал штаб-офицерам узнавать, «где есть должностные люди бедные или сирые, служащие бескорыстно верой и правдой, не могущие сами снискать пропитание одним жалованием». Подчеркивалось, что это даст возможность приобрести «многочисленных сотрудников и помощников», готовых «содействовать полезными своими советами»².

Первые сведения об осведомителях ВГЖУ касаются 1880-х гг. В 1881 г. задонская полиция задержала местного мещанина М. Измайлова, который заявил, что желает раскрыть жандармам важные сведения о революционном сообществе. С целью допросить задержанного в Задонск приехал начальник ВГЖУ полковник А. С. Бехтеев, которому М. Измайлов ««в собственноручном показании открыл много личностей, участвовавших в преступлениях против ниспровержения в государстве порядка, написав стихи возмутительного содержания против государя и членов императорского дома и убедительно настаивал, чтобы ему, Измайлову, дали возможность разыскать в С. Петербурге некоторых из указанных личностей, принимавших участие во всех преступлениях, но находящихся еще на свободе». Жандармский полковник пообещал забрать М. Измайлова в канцелярию ВГЖУ в Воронеж, а до этого освобожденный доносчик оставался в Задонске. Через некоторое время уездный исправник ходатайствовал перед губернатором о его аресте, так как М. Измайлов постоянно предавался пьянству и нарушал общественный порядок. Вскоре жандармы потеряли интерес к этому осведомителю, потому что данные им сведения не подтвердились. Желая вернуться на свободу, задержанный, возможно, их

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 211.

² Чукарев А. Г. Указ. соч. С. 137–138.

просто придумал и потом некоторое время безнаказанно вел разгульный образ жизни¹.

С середины 1890-х гг. и до 1901 г. услуги воронежским жандармам оказывали два осведомителя, получавших за это 25 и 50 руб. в месяц соответственно². В 1903 г. в среднем месячные агентурные расходы ВГЖУ насчитывали уже 206 руб.³. А за весь 1905 г. они составили всего 1042 руб. 50 коп.⁴. Так что можно предположить, что количество одновременно действующих секретных сотрудников ВГЖУ в 1905 г. не превышало 2–4 человек. Увеличение агентурных расходов в 1903 г., на наш взгляд, связано с прокатившейся по Воронежской губернии в 1902 г. волной крестьянских беспорядков, имевших место и во многих других регионах России. Власти считали, что выступления носят организованный характер и спровоцированы радикалами.

Революционные события 1905–1907 гг. подстегивали местных жандармов к усилению агентурной работы. В августе 1906 г. право на организацию секретного наблюдения получили ЖПУ ж. д. Тайные осведомители транспортной полиции действовали в полосе отчуждения железных дорог, а получаемые ими сведения направлялись в ГЖУ⁵.

В 1906 г. ДП МВД последовательно направил ряд циркуляров в местные розыскные органы с требованием усиления агентурной работы в крестьянской среде. В том же году вышло распоряжение министра внутренних дел П. А. Столыпина, который в одном из пунктов указывал на необходимость приобретения агентуры не только в революционных организациях и профессиональных союзах, но и среди крестьян, в учебных заведениях, благотворительных организациях, редакциях газет и журналов, в

¹ Тарадин И. П. Отголоски 1 марта 1881 года в Воронежской губернии (к 45-летней годовщине) // Известия Воронежского краеведческого общества. 1926. № 10–12. С. 2, 6.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 32. Л. 12 об., 31 об., 61, 70 об., 81 – 97, 106 об., 137, 218–219 об.

³ Там же. Д. 432. Л. 2–25.

⁴ Там же. Д. 739. Л. 7–61.

⁵ Там же. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 24. Л. 1; Д. 61. Л. 5, 5 об.

книгоиздательствах. Ключевыми объектами наблюдения признавалась крестьянская среда, армия и террористические организации¹.

С целью создания теоретической базы агентурной работы 10 февраля 1907 г. в ДП МВД была разработана «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения». Что удивительно, в Департаменте запретили отсылать инструкцию начальникам ГЖУ. Нарушая запрет, жандармов с ее положениями знакомили руководители охранных отделений². Например, в ВГЖУ инструкция поступила в 1908 г. от начальника Харьковского охранного отделения³.

Первый параграф документа закрепил приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры («единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность») как первостепенную обязанность заведующего розыском лица. В инструкции предлагались способы вербовки агентов, обработки и проверки получаемых сведений, категорически запрещалось использование провокаторских приемов⁴.

Было указано на безусловную недопустимость раскрытия личных данных агентов посторонним лицам. Подобное происходило в провинциальных ГЖУ при составлении отчетов о деятельности осведомителей, черновики которых с указанием имен агентов попадали писарям управлений. Инструкция еще раз требовала либо шифровать личные данные агентуры, либо впечатывать имена уже непосредственно самим начальникам ГЖУ на собственных печатных машинках⁵.

В февральской инструкции отмечалось, что «лица, заведующие агентурой, должны руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних». Потенциальных агентов документ характеризовал как

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 215, 216.

² Там же. С. 226.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 103–107.

⁴ Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения от 10.02.1907 г. // Российский правовой портал: библиотека Пашкова: [сайт]. – URL: <http://constitutions.ru/?p=6403> (дата обращения: 20.01.2015).

⁵ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 218.

«слабохарактерных, недостаточно убежденных революционеров, считающих себя обиженными в организации, склонных к легкой наживе и т. п.»¹.

В циркуляре ДП МВД от 16 мая 1908 г. был очерчен круг лиц, из которого могут вербоваться сотрудники. «Лучшим» элементом для «вспомогательной агентуры», исходя из инструкции, являлись содержатели чайных и лавок; они «отлично знают, что делается кругом на 20–30 верст, и, получая небольшое постоянное вознаграждение, могут быть очень полезны». Вторым подходящим элементом были «крестьяне – лентяи, проводящие все время в чайных». Указывалось, что содержание таких вспомогательных агентов обойдется недорого – от 5 до 10 руб. в месяц, а пользу они могут принести большую. Отмечалось, что определенное содействие полиции могут оказать волостные и сельские писари, содержание которых, однако, могло обойтись дороже, да и «население относится к ним не с полным доверием и много от них скрывает»².

Столичные циркуляры призывали местных жандармов настороженно относиться к данным, получаемым от «штучников»³ и в любом случае отдавать предпочтение сведениям от постоянных агентов. Признавалось необходимым вербовать только действительных членов революционных организаций, а не «местных старожилов», которые вместо проверенной информации, как было указано в документе, снабжали полицию слухами и домыслами, только запутывая следствие⁴. Обращалось внимание и на политические убеждения агентов: «в сотруднике, начавшем работу по материальным соображениям», надлежало «создавать и поддерживать

¹ Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения...

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 220.

³ Категория секретных агентов, предоставляющих нерегулярно определенные сведения и получающих за это нефиксированный доход в зависимости от важности информации. Офицер политической полиции С. В. Зубатов называл их «продажными шкурами»; Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903-1917 гг.). Свердловск, 1989. С. 18.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 103–104.

интерес к розыску, как орудию борьбы с государственным и общественным врагом – революционным движением»¹.

В 1914 г. вышла в свет новая «Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры». Она включала в себя пересмотренные положения инструкции 1907 г., все дополняющие ее циркулярные распоряжения ДП МВД и основывалась на глубоком анализе опыта ведения агентурной работы учреждениями государственной полиции. В документе была дана классификация типов секретных сотрудников: агенты внутреннего наблюдения (или секретные сотрудники), вспомогательные агенты и штучники. Указывалось, что в деле розыска не стоит пренебрегать никакими источниками информации (в т. ч. доносами и анонимными заявлениями), однако относиться к ним следует критически и тщательно проверять сведения. Большое внимание в инструкции уделялось способам вербовки секретных сотрудников, в том числе указывалось, что «весьма полезно заинтересовать приобретением секретной агентуры чинов полиции, начальников тюрем, жандармских унтер-офицеров и других лиц, которым, по роду их служебной деятельности, приходится сталкиваться с разнообразным элементом населения». В очередной раз было сказано о недопустимости провокаторских приемов: «сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и, таким образом, подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению»².

Сложно сказать, что повлияло в большей степени на воронежских жандармов: то ли инструкции и требования департаментского начальства, то ли условия революционного времени, но с 1907 г. на ВГЖУ работало гораздо больше секретных сотрудников, чем в прошлые годы. В документах за

¹ Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения...

² Агентурная работа... С. 344–358.

период с 1907 г. по 1912 г. содержится информация о 139 агентах, содействовавших в разное время жандармам¹.

В 1907 г. только военная агентура ВГЖУ насчитывала 10 человек. Например, в воронежском дисциплинарном батальоне сведения жандармерии предоставлял командир I роты капитан Давыдов². Нельзя не упомянуть и о мещанине Е. Е. Пеле (псевдоним «Петр Семенов»), который освещал деятельность воронежского комитета РСДРП в 1906 г. Благодаря его донесениям жандармам удалось разгромить воронежскую военную организацию, целью которой являлась подготовка массового солдатского мятежа в регионе. 22 декабря 1906 г. Е. Е. Пель был убит революционерами, уличившими его в сотрудничестве со «спецслужбами»³.

К 1 июня 1908 г. агентура ВГЖУ составляла 35 человек (14 в Воронеже, 21 в уездах). Половина воронежских и все уездные агенты освещали эсеровские группы и крестьянские братства. 10 сотрудников получали регулярный оклад, не превышающий 50 руб. в месяц. Вознаграждение остальным (штучникам) выдавалось по мере получения информации и зависело от ее важности⁴.

В январе 1909 г. ВГЖУ получало сведения от 14 агентов, из которых 7 человек были штучниками. Половина секретных сотрудников предоставляли информацию о деятельности эсеров. Только два агента сотрудничали с ВГЖУ на протяжении длительного времени: «Третьяков» с 1 апреля 1904 г. и «Острогжский» с 1 ноября 1905 г. Остальные были завербованы в 1907–1908 гг. «Третьяков» получали самое большое вознаграждение – 50 руб. в месяц⁵.

К 1 января 1911 г. агентура ВГЖУ насчитывала 8 человек в Воронеже, 12 в уездах. В течение года она увеличилась до 25 человек. Почти все агенты

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 52. Л. 1–31.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 395ч. 27 (1898 год). Л. 20.

³ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Воронежская губерния в первой российской революции (1905–1907 гг.). Воронеж, 2006. С. 131.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 63. Л. 111, 111 об.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 572. Л. 17, 38.

осведомляли о деятельности революционных партий, большая часть фокусировалась на эсерах. Эти силы не впечатляли ДП МВД, откуда в адрес начальника ВГЖУ в январе и в августе 1911 г. поступали требования усилить агентуру, особенно освещающую крестьянские братства¹.

В 1912 г. на ВГЖУ работало 27 постоянных агентов и 5 штучников. 15 освещали деятельность эсеров, двое следили за семинарским союзом, трое информировали жандармов о военной организации, один о социал-демократах. Остальные предоставляли разную информацию. Из всех находящихся в 1912 г. в распоряжении ВГЖУ агентов 12 человек были завербованы в 1912 г., 14 – в 1911 г., по 3 – в 1909 г. и в 1910 г.². Таким образом, относительно опытными кадрами можно назвать лишь каждого пятого сотрудника.

Но тем не менее вряд ли можно согласиться со словами О. Н. Квасова о том, что «практически весь контингент агентурных сотрудников губерний состоял из случайных «штучников», инициативных обывателей или малоинформативных, самостоятельно пошедших на контакт с полицией, «псевдо-революционеров». Также далеко не всегда «удачная вербовка и последующие контакты агента с полицией становились известными революционерам уже на 3-4 месяц работы»³.

В течение 1915 г. информацию ВГЖУ предоставляли 47 агентов (среди них были и постоянные агенты и лица, доставлявшие сведения раз в несколько месяцев). Агентура ВГЖУ освещала положение на оборонных и железнодорожных заводах, настроения студенчества, рост цен и деятельность спекулянтов. С февраля 1916 г. и до последних дней существования ВГЖУ агентура управления насчитывала всего 17 человек как постоянных, так и штучников⁴. Таким образом, по сравнению с довоенным 1912 г. количество агентов сократилось в 2 раза.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 869. Л. 3, 4, 98; Д. 21, Л. 83, 105, 215, 287, 304.

² Там же. Оп. 3. Д. 65. Л. 10–502.

³ Квасов О. Н. Революционный терроризм... С. 163–164.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 16 л. Д. (1915 год). Л. 3–9, 60–107.

По подсчетам З. И. Перегудовой, общее количество постоянных агентов политической полиции, которые получали ежемесячное жалование в период с октября 1916 г. по январь 1917 г., составило 1579 человек¹. Эти цифры подтверждают вывод Ч. Рууда и С. А. Степанова, о том, что в последние несколько лет до падения самодержавия количество агентов насчитывало от 1500 до 2000 человек². Если судить по данным ВГЖУ, которые в принципе представляют собой типичную картину, до Первой мировой войны политическая полиция Российской империи обладала еще большим количеством секретных агентов.

Осведомительская сеть уездной полиции была на порядок сильнее жандармской. В июне 1908 г. в Острогожском уезде действовало 8 агентов ВГЖУ³. В феврале 1909 г. на общую полицию в том же уезде работали 88 осведомителей⁴. Острогожск – это второй после Воронежа населенный пункт, в котором находилось управление жандармского офицера. В других уездах ситуация с секретным наблюдением была несопоставимо хуже. Поэтому офицеры политического сыска вместо самостоятельных поисков часто обращались за информацией к уездным исправникам. Например, в течение 1909–1910 гг. ВГЖУ ликвидировало 8 крестьянских братств, арестовав 150 человек. Только в двух случаях жандармы пользовались данными своей агентуры, в четырех случаях сведения предоставили осведомители общей полиции⁵. Слабость жандармской агентуры в сельской местности можно объяснить малочисленностью сотрудников ВГЖУ, штаты которого не превышали 37 человек, а в отдельных уездах насчитывали не более 2 унтер-офицеров⁶.

Тем не менее в 1908–1909 гг. из-за участившихся случаев нападения на банки и казенные кареты, перевозящие крупные денежные суммы, в ДП

¹ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 251.

² Рууд Ч. А. Указ. соч. С. 104.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 63. Л. 111, 111 об.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 662. Л. 17.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 16 л. Д. (1910 год). Л. 16 об.

⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1242. Л. 42.

МВД поручили жандармам подключить секретную агентуру к поиску совершающих экспроприации. Однако поскольку этими нападениями зачастую занимались обычные бандиты, агентура фактически стала предоставлять информацию по неполитическим преступлениям. В ДП МВД это посчитали неправильным, и 28 февраля 1909 г. был издан циркуляр, предписавший органам государственной полиции использовать агентуру только для расследования политических преступлений¹. Хотя очередным циркуляром – от 28 февраля 1910 г. – Особый отдел ДП МВД все же позволил жандармам узнавать об экспроприаторах и бороться с ними при помощи предоставляемых агентурой сведений².

Анализ социального состава агентуры ВГЖУ показал, что жандармы вербовали сотрудников во всех слоях населения: среди рабочих, крестьян, служащих, студентов, солдат, офицеров, духовенства и т. д. В воронежских материалах упоминаются как минимум три женщины-агента. Например, с ноября 1911 г. на ВГЖУ работала служащая воронежской земской управы вдова капитана Н. И. Ларионова («Кротов»)³.

В 1907 г. несколькими циркулярами ДП МВД потребовал от начальников местных учреждений раз в три месяца присылать отчеты с указанием данных об агентах: их псевдонимы, в какой партии состоят, сколько получают и др.⁴ С одной стороны, передача информации с личными данными сотрудников и подробным описанием их деятельности часто приводила к провалу агентов, с другой это было необходимо для осуществления контроля и борьбы со злоупотреблениями местных жандармских управлений и охранных отделений.

Строгой отчетности подлежали и сведения, предоставляемые агентами. На каждого секретного сотрудника ГЖУ заводило отдельную тетрадь, в которую заведующий агентурой офицер вносил всю получаемую

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 22.

² Бакшт Д. А. Указ. соч. С. 196.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 16 л. Д. (1915 год). Л. 5.

⁴ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 224.

от осведомителя информацию. На полях оставлялись пометки о том, что предприняло ГЖУ после получения сведений от агента (например, произведена ликвидация, арестованы и обысканы такие-то лица и др.). В конце тетради создавался алфавитный список всех лиц, фигурирующих в агентурных донесениях с указанием страниц, на которых об этих лицах имеются сведения. Затем жандармский офицер делал сводный отчет, в который помещались все данные по одному наблюдаемому лицу. Эти сводки нанизывались на дугу, причем каждая дуга соответствовала одной подпольной организации. Так достаточно быстро и удобно можно было найти любые интересующие полицейских сведения по политическим преступникам¹.

По новой отчетности, введенной ДП МВД в 1908 г., начальники местных розыскных учреждений должны были немедленно по получении сведений от секретного сотрудника отправлять их на особом листе в Департамент. В этом листе отмечалась дата получения сведений, агентурный псевдоним сотрудника, их сообщившего, и подпольная организация, деятельности которой эти сведения касались. Далее излагались сведения, поступившие от агента (именно в том виде, в котором они были сообщены секретным сотрудником). В отдельной графе начальник розыскного учреждения делал разъяснительные отметки по поводу включенных в сведения личностей и указывал на планируемые им дальнейшие действия по разработке этих данных².

Последнее решение имело как положительные, так и отрицательные стороны. Его плюсы заключались в том, что с введением новой отчетности столичные органы могли объективно оценивать эффективность работы местных учреждений государственной полиции с агентурой. Обратная сторона медали заключалась в резком возрастании объемов бумажной работы, с которыми многие местные органы просто физически не

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 227. Л. 106.

² Мартынов А. П. Указ. соч. С. 142–143.

справлялись, особенно в то время, когда революционное движение еще не спало. К тому же «сырые» часто ошибочные агентурные данные лавиной заваливали ДП МВД. Более того, новые правила составления отчетов создавали угрозу провала секретных сотрудников в случае утечки информации¹.

Ревизии ГЖУ показывали, что многие начальники управлений не знали своей агентуры – партийного положения сотрудников, той роли, которую они играли в партии, не знали даже, в каких организациях они состояли. Зачастую ГЖУ вовсе не имели у себя никакой агентуры и не занимались этой работой. Слабее всего организация секретного наблюдения была у ЖПУ ж. д.² Иногда допускались серьезные нарушения инструкций по ведению агентурной работы, вплоть до курьезных примеров, когда офицеры политической полиции снабжал своих секретных сотрудников удостоверениями в том, что эти лица оказывают услуги полиции (неоднократно ДП МВД направлял местным органам циркулярные распоряжения о недопустимости снабжения агентов какими-либо удостоверениями, однако это все-равно практиковалось³), причем с указанием той пользы, какую эти лица приносят розыскному делу⁴. В циркуляре от 29 ноября 1908 г. ДП МВД отмечал случаи, когда местные розыскные органы переманивали секретных сотрудников друг у друга, предлагая им большее жалование или даже угрожая агентам провалом или арестами⁵.

О качестве агентурной работы в Воронеже можно судить по судьбе секретного сотрудника «Сокола». В августе 1909 г. агент был разоблачен в том, что долгие годы обманывал своих полицейских руководителей, выдавая себя за эсера. Однако после этого от услуг «Сокола» не отказались. Ему

¹ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 142–143.

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 226.

³ Агентурная работа... С. 69, 170, 294, 343.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 179.

⁵ Там же. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 24. Л. 48.

понижили с 25 руб. до 15 руб. ежемесячное жалование и оставили при жандармерии. Только в мае 1911 г. с «Соколом» разорвали отношения по причине «большой склонности к спиртным напиткам»¹. Пьянство – «профессиональная болезнь» секретного агента – погубило и сотрудника «Большакова», который в 1910 г. в состоянии опьянения проговорился о своей полицейской деятельности, после чего жандармам пришлось отказаться от его услуг². Этот пример можно дополнить многими другими.

После разоблачения Е. Ф. Азефа за полицейскими осведомителями развернулась настоящая охота со стороны революционеров. Ярким примером чему может послужить деятельность В. Л. Бурцева, искавшего в партийных кругах полицейских агентов³. В это время многие секретные сотрудники из страха разоблачения по своей инициативе прекращали взаимоотношения с полицией. Новые люди перестали предлагать свои услуги сыщикам. Ситуация потребовала реакции со стороны ДП МВД. Циркуляром от 5 февраля 1909 г. начальникам ГЖУ и охранных отделений предлагалось успокаивать свою агентуру и начинающих осведомителей тем, что провал Е. Ф. Азефа произошел после шестнадцатилетнего сотрудничества и был связан, прежде всего, с экстраординарным случаем предательства со стороны высшего полицейского командования (имелось в виду интервью, данное В. Л. Бурцеву бывшим директором Департамента А. А. Лопухиным, в котором он фактически признал принадлежность Е. Ф. Азефа к числу полицейских агентов). При этом жандармам и охранникам еще раз напомнили о том, что агентурное освещение является главным инструментом политического сыска, а провокация рассматривается как тяжкое должностное преступление и будет караться жестко и неукоснительно⁴.

7 октября 1912 г. директор ДП МВД С. П. Белецкий на основании поступающих в течение четырех лет отчетов констатировал слабость

¹ ГАВО. Ф. И-277. Оп. 1. Д. 24. Л. 79–84, 159.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 16 л. Д. (1910 год). Л. 2, 5.

³ См.: Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами: репринтное издание. М., 1989.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 449. Л. 23.

агентуры на местах, ее неосведомленность и «за редким исключением неспособной осветить не только грядущие события партийной революционной жизни, но даже и уже совершенные выступления». Главной причиной этому была названа инертность офицеров ГЖУ¹.

В жандармских документах прослеживается стремление столичного руководства не только подстегивать ГЖУ к усилению агентуры, но и задавать направления этой деятельности. Подобное вмешательство не всегда оказывало положительное влияние, а иногда просто отвлекало местные власти от более важной работы. Например, в 1915 г. ДП МВД потребовал от начальника ВГЖУ перечислить предпринятые меры по усилению агентуры в среде революционных партий, хотя из Воронежа уже не раз поступали отчеты об отсутствии подпольщиков в регионе. В ответ на очередное требование начальник ВГЖУ В. И. Дацевич написал, что «отсутствие как конкретных проявлений партийной работы, так и наличности местных революционных организаций, не останавливает настойчивую работу чинов управления в особо трудном при современных условиях деле подыскания соответствующей партийной агентуры»².

Между тем, уже с 1911 г. начальники ВГЖУ рапортовали об отсутствии в губернии активной деятельности со стороны местных комитетов революционных партий³. Агентура и наружное наблюдение фиксировали проживающих в регионе неблагонадежных, являвшихся в прошлом активными подпольщиками. Однако никакой организационной работы они не вели и не вызывали беспокойства у воронежских жандармов⁴.

Типичным выглядит сообщение агента ВГЖУ «Кротова» (Н. И. Ларионовой) от 25 сентября 1913 г. по воронежскому комитету РСДРП. Она указывала на «абсолютное спокойствие» в Воронеже и отсутствие какой-либо партийной работы. При этом «Кротов» констатировала проживание в

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 166.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 16 л. Д. (1915 год). Л. 3, 4.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1150. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 1217. Л. 8 об., 9.

губернии отдельных лиц «крайнего направления», почти все из которых, по мнению агента, являлись социал-демократами. Эти лица были представителями либеральных профессий. Например, в их круг входили почти все служащие губернской земской управы кроме ее председателя В. Н. Томановского. Агент сообщала, что указанные лица не объединены на почве какого-либо партийного дела, но периодически собираются у бывшего члена Государственной думы III созыва С. А. Петровского. Позже ВГЖУ проверило политическую благонадежность последнего и убедилось в отсутствии за ним чего-либо предосудительного¹.

В целом у столичного руководства было весьма подозрительное отношение к подобным донесениям. Инструкция по ведению агентуры 1914 г. рекомендовала «относиться весьма осторожно к сведениям об отсутствии революционных организаций в данном месте, так как нередко таковые являются или результатом добросовестного заблуждения со стороны сообщавшего их, или же намерения отвести розыск на ложный путь»². С другой стороны, настойчивые требования усиления агентуры в партийной среде могли рождать только забавные формальные отписки, если местные комитеты революционных партий, действительно, отсутствовали в конкретном регионе.

Несмотря на строгие инструкции, требовавшие проверять потенциальных агентов, жандармы периодически становились жертвами аферистов. С 22 по 26 июля 1904 г. в Казани находился потомственный почетный гражданин Г. М. Слоницкий, который пришел на прием к начальнику местного охранного отделения Кулакову и дал ему, по словам самого полицейского офицера, «весьма ценные указания о преступной деятельности различных организаций, отдельных лиц, а также относительно некоторых террористических фактах, выполненных «Боевой организацией» партии социалистов-революционеров в минувшем 1903 г.», на основании

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1303. Л. 21 об.

² Агентурная работа... С. 349.

чего был зачислен в агентуру, а по получении аванса из секретных сумм Казанской охранки сбежал из города. По мнению Кулакова, он мог отправиться в Воронеж, поэтому начальнику ВГЖУ В. З. Тархову было отправлено письмо с описанием произошедшего. По установленному порядку о недобросовестном агенте были предупреждены другие органы политической полиции, а о самом Г. М. Слоницком собраны справки. Оказалось, что он ранее служил околоточным надзирателем в Киеве, однако в 1885 г. был привлечен местным ГЖУ за попытку ограбления казенной почты и сослан на 4 года в Тобольск. В 1901 г. Г. М. Слоницкий некоторое время предлагал себя в качестве секретного агента Полтавскому ГЖУ, но только получал жалование, не принося никакой пользы.

До 14 сентября 1904 г. он работал в органах земской статистики Воронежской губернии и находился под негласным надзором ВГЖУ, затем с него сняли наблюдение, но оставили в списках неблагонадежных как мошенника (эти списки велись на случай того, если человек пожелает вновь обратиться к жандармам с предложением своих услуг, и рассылались по полицейским учреждениям страны)¹.

По всей видимости, эта история сыграла не последнюю роль в издании циркуляра ДП МВД от 4 сентября 1904 г., в котором от начальников охранных отделений требовалось сообщать директору Департамента и начальникам других охранок об увольнении по политической или нравственной неблагонадежности секретных агентов². При этом циркуляр не требовал делиться информацией с начальниками ГЖУ. Однако со временем жандармские структуры тоже стали получать предупреждения о недобросовестных агентах. В архиве ВГЖУ сохранилась подобная переписка, начиная с 1908 г.

В целом с 6 мая 1908 г. по 2 октября 1914 г. за дачу ложных сведений, провокаторство и за профессиональную непригодность по всей стране

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 447. Л. 145–148, 164.

² Агентурная работа... С. 70.

государственная полиция отказалась от услуг как минимум 300 секретных агентов. Из них 11 человек сотрудничали с ВГЖУ¹.

В январе – феврале 1910 г. ДП МВД разослал ряд циркуляров, требовавших от местных «спецслужб» тщательно проверять вербуемых агентов, чтобы избежать проникновения в тайны политического сыска членов преступных организаций и им сочувствующих². Особый отдел Департамента полиции получал отчеты от начальников охранных отделений и ГЖУ по состоянию агентуры и регулярно рассылал в органы политического сыска списки проваленных и неблагонадежных агентов. Если в полицейских архивах были фотокарточки таких лиц, их тоже отправляли в регионы, чтобы бывший агент не мог выдать себя за другого человека.

В случае разоблачения секретного агента революционерами, по установленному циркуляром ДП МВД от 15 ноября 1908 г. порядку полицейские кураторы помогали ему устроиться в жизни на легальном положении (предпочтительно в другом регионе) и даже до устройства человека на службу по профессии сохраняли за ним прежнее содержание в течение 1–3 месяцев. До этого существовала практика, по которой разоблаченные агенты обращались с ходатайством в столицу напрямую в ДП МВД с просьбой об оказании помощи³. Таким образом, своего рода социальная адаптация бывших агентов проводилась политической полицией и до 1908 г.

Несмотря на принимаемые меры защиты секретных сотрудников, их личные данные иногда становились известны революционерам. Особенно сильный удар по агентам нанесла Февральская революция. В ходе разбора полицейских архивов в первую очередь предавались огласке имена секретных сотрудников, которым после этого, конечно, приходилось скрываться. Например, в «Воронежском телеграфе» от 24 марта 1917 г. № 66

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 449. Л. 1–510.

² Там же. Д. 700. Л. 9, 23.

³ Агентурная работа... С. 171, 172.

оказались указаны 12 имен жандармских осведомителей¹, а в номере воронежской газеты «Социалист-революционер» от 25 июля 1917 г. был опубликован список из 34 бывших секретных агентов ВГЖУ². Не меньшей опасности подвергались бывшие штатные сотрудники политической полиции и их семьи. 27 мая 1918 г. бойцами Воронежской боевой дружины «из политической мести» без суда и следствия был убит сын унтер-офицера ВГЖУ С. В. Малюков³.

Касаясь моральной стороны агентурной работы, следует отметить, что именно эта часть деятельности политической полиции вызывала самую острую критику общественности, государственных чиновников, не связанных с политическим сыском и даже некоторой части «либеральных» полицейских. Краеугольным камнем критики служила провокация.

Изучая работу полиции с секретной агентурой, необходимо отделять понятия «наблюдение» от понятия «провокация». Как написал в своих мемуарах полицейский руководитель П. Г. Курлов: «Под словом «провокация» нельзя понимать необходимость осведомленности о готовящемся преступлении, а нужно раз и навсегда установить, что провокация есть организация или пособничество к преступлению в целях личного успеха или выслуги перед начальством. Нельзя считать провокацией случаи, когда член революционной партии, ставший сотрудником розыскных учреждений, выдает только часть преступного плана, скрывая иногда очень многое, – иначе он действовать не может, так как будет немедленно разоблачен и убит. Пользование сотрудником являлось бы преступным только тогда, когда без его участия революционеры отказались бы от всех своих преступных намерений»⁴.

¹ Воронежский телеграф. 1917. № 66. 24 марта.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 234. Л. 1–2.

³ Морозов А. Я. Доклад по делу о Воронежской рабочей боевой дружине // Два архивных документа. М., 2014. С. 51.

⁴ Симбирцев, И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. М., 2006. С. 129.

По словам А. П. Мартынова, «такое возмущающее общественное мнение представление о провокации ... ослабляло волю и иногда парализовало действия даже наиболее активной и способной части жандармской полиции, ибо пропустить без внимания подпольное начинание было для многих представителей жандармской полиции безопаснее и спокойнее, чем пуститься в розыски и быть заподозренным в провокации»¹.

Таким образом, сами жандармы отлично понимали разницу между агентурной работой, целью которой является предотвращение политических преступлений, выявление и разоблачение подпольщиков, и провокацией, когда агент намеренно совершал преступление с целью вовлечь в него других людей и потом выдать их полиции и получить за это материальное вознаграждение. Руководители ДП МВД осуществляли непрерывную борьбу с этим злом, тем не менее, следует признать, что агентурная деятельность и провокация шли неразрывно друг с другом вплоть до падения монархии. Желая выслужиться перед начальством, получить прибавку к жалованию, а то и руководствуясь своими политическими взглядами, недобросовестные агенты вели двойную игру, сами провоцировали людей на политические разговоры, разбрасывали оппозиционные прокламации, создавали фиктивные группы и даже выдавали себя за организаторов терактов для того, чтобы потом заявить на завлеченных в свои сети властям.

С каждым годом общественное мнение все хуже и хуже относилось к полицейским агентам. Особенно острой критике подвергалось наличие секретной агентуры в армии и в учебных заведениях. Все это создавало нездоровое отношение общественности к стражам закона, поэтому В. Ф. Джунковский после своего назначения на посты товарища министра внутренних дел, заведующего полицией и командира ОКЖ запретил вербовать рядовых воинских частей. Но, тем не менее, этот запрет не означал прекращения слежки за армией со стороны полиции. Циркуляр ДП МВД по Особому отделу от 13 марта 1913 требовал следить за посещениями

¹ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 218.

военнослужащих каких-либо сборищ и собраний, а также пресекать попадание антиправительственного элемента в казармы. Однако полицейским запрещалось вмешиваться во внутренние дела части, а обнаруженные сведения теперь следовало передавать не только жандармам, но и командирам частей¹.

Циркуляром 1 мая 1913 г. В. Ф. Джунковский запретил набирать секретных агентов из воспитанников средних учебных заведений и потребовал постепенно избавиться от тех, кто был завербован ранее². Однако этот запрет не коснулся студентов высшей школы³. Прежние порядки В. Ф. Джунковский характеризовал как «чудовищное развращение учащейся молодежи». С этих же позиций оценивалась деятельность секретной агентуры в армии. К тому же имелись факты того, что сами агенты распространяли в воинских частях революционные прокламации, пытаясь таким путем обнаружить сочувствующих революционному движению⁴.

Подводя итоги, заметим, что, количество секретных агентов ВГЖУ и финансовые расходы на их деятельность были небольшими. Средние размеры «жалования» агентов не превышали 20–30 руб. в месяц, что соответствовало оплате труда унтер-офицеров ГЖУ. По-настоящему серьезный размах агентурная работа ВГЖУ приобрела после 1906–1907 гг. и, достигнув своего пика в 1912 г., пошла на спад в годы Первой мировой войны.

Изучение основных направлений и методов работы ВГЖУ показало, что жандармская полиция рассматривалась правительством не только как правоохранительный орган, но и в качестве важного источника аналитических обзоров, на основе которых столичные власти могли контролировать обстановку на местах. Поэтому в наблюдательные обязанности ГЖУ входил очень широкий перечень объектов для изучения.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 181.

² Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 15.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 187–188.

⁴ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 16.

Фактически жандармы следили за всем, что происходило в подконтрольном регионе.

Совершенствование механизмов следственной работы жандармских управлений шло с учетом изменений внутривнутриполитической обстановки. При этом чем ощутимее становились кризисные явления, чем больше проявляли себя государственные преступники, тем чаще жандармы допускали различные нарушения: правил арестов и обысков, сроков на проведения дознаний, – а также начинали тяготеть к административным мерам воздействия на деятелей оппозиции.

Руководство постоянно упрекало жандармов в слабости агентуры, особенно в сельской местности, требовало приобретать новых сотрудников и достаточно строго регулировало агентурную работу местных ГЖУ. В целом качество агентурной работы Воронежского управления соответствовало общему уровню провинциальной политической полиции и оценивалось столичным начальством как невысокое.

Глава 3. Деятельность воронежской жандармерии в условиях меняющейся обстановки в регионе

§ 1. Поддержание правопорядка и защита безопасности губернии в XIX в.

Анализ деятельности Воронежского ГЖУ предполагает необходимость выяснения, в какой степени политическая полиция владела информацией о настроениях в различных сферах местного общества, на какие стороны жизни обращала особое внимание, насколько адекватно жандармы выделяли факторы, угрожающие стабильности государственного порядка. Как быстро ВГЖУ выявляло антиправительственные группы, насколько доказательств, собранных жандармами, хватало для успешного завершения дознаний по политическим преступлениям.

Жандармские управления были образованы в 1867 г. на фоне набирающего силу оппозиционного движения, кульминацией которого на тот момент стало первое покушение на Александра II. Однако помимо столичных регионов революционная деятельность затронула и провинцию.

Одним из наиболее ярких событий в деятельности народников 1870-ых гг. стало так называемое «хождение в народ» – целенаправленное движение интеллигентов в сельскую местность с целью революционной агитации.

Известно, что столичные полицейские власти заблаговременно готовились к подобным акциям. Целый ряд распоряжений III Отделения 1870–1873 гг. требовал следить за молодыми людьми, особенно студентами, за попытками агитации среди низших классов населения. Под подозрения полицейского ведомства попадала любая активность студентов в сельской среде: организация ссудных касс, образовательная и медицинская деятельность. 19 ноября 1873 г. из III Отделения поступило уже прямое предупреждение о запланированном интеллигенцией «хождении в народ».

Также по распоряжению от 28 апреля 1875 г. местным органам политической полиции было приказано осуществлять наблюдение за тем, чтобы возвращающиеся с заработков рабочие не распространяли среди крестьянства услышанное в городах от революционных агитаторов¹.

Несмотря на предупреждения, ВГЖУ не смогло полностью пресечь появление и деятельность революционеров в сельской местности Воронежской губернии. С 1874 по 1876 гг. в селах Новохоперского уезда осуществляла агитационную деятельность народническая организация «Наши», которая действовала еще и на территории Хоперского округа Области Войска Донского, а также имела связи с подпольем ряда соседних регионов, Москвы и Петербурга. В условиях разгрома «хождения в народ», который произошел во многом благодаря крестьянам, выдававшим властям интеллигентов, пропагандисты под руководством В. П. Зубрилова и П. Г. Мозгового смогли войти в доверие к местным жителям и около двух лет вели оседлую агитацию, как это потом делали революционеры второй половины 1870-х².

Первые следы кружка политических преступников ВГЖУ обнаружило весной 1876 г. после изъятия в Новохоперске 400 экземпляров запрещенных книг³. С 1 апреля того же года начались аресты, которые проходили помимо Воронежской губернии в Москве, Санкт-Петербурге, Липецке, Харькове, Ростове и Новочеркасске⁴. Всего по делу организации «Наши» под стражу попали более 50 человек. При этом большая часть обвиняемых отделались административным наказанием. До суда дошло только четыре производства. После рассмотрения дела в Харьковской судебной палате, согласно приговору от 2 мая 1879 г., В. Зубрилов, П. Мозговой и А. Дубровин

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 19, 21, 26.

² Дмитриев Г. М. Организация «Наши» и ее деятельность // История СССР. 1968. № 3. С. 188.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 686. Л. 1.

⁴ Дмитриев Г. М., Карпачев М. Д. Революционное движение в Воронежском крае в землевольческий период (вторая половина 1870-х гг.) // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 41.

получили по четыре года каторжных работ в Сибири. Туда же был выслан на поселение В. Муранов¹.

Судя по опубликованному в статье Г. М. Дмитриева жандармскому отчету, сотрудники ВГЖУ признавали, что «идеи, проводимые злоумышленниками, уже успели произвести некоторые впечатления на умы» хоперских крестьян и даже казаков. Также исследователь приводит выдержку из воспоминаний революционера М. Г. Попова, который указал, что во время ареста П. Мозгового, служившего волостным писарем, собрались местные крестьяне и попытались отбить его у жандармов. Этого не произошло только потому, что сам П. Мозговой попросил народ разойтись².

Хотя уже в составленном 20 июля отчете за первое полугодие 1876 г. начальник ВГЖУ Э. А. фон-Мезенкампф констатировал отсутствие какой-либо антиправительственной агитации и следов деятельности организации «Наши»³. В следующем обзоре за вторую половину 1876 г. полковник и вовсе заключил, что «преступная деятельность Зубриловых не имела никакого влияния на умы населения и не оставила после себя ни малейших следов»⁴.

В 1876–1879 гг. народники предприняли вторую попытку проведения массовой агитационной работы. Для того чтобы войти в доверие к крестьянам, лучше понять их мировоззрение, революционеры надолго поселялись в сельской местности, занимались организацией школ, больниц и прочей легальной деятельностью. В конце мая 1878 г. в Воронежскую губернию приехали работать фельдшерицами Н. Н. Оловенникова и Е. С. Геронимус. Позже здесь появляются М. Н. Ошанина, А. А. Квятковский и М. Г. Попов⁵. В тот момент ВГЖУ не смогло их изобличить.

¹ Дмитриев Г. М. Указ. соч. С. 191–192.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 161. Д. 129. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 55.

⁵ Очерки истории Воронежского края. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1961 (далее – Очерки истории Воронежского края...). С. 276.

Активность подпольщиков проявлялась и в распространении нелегальных листовок. В ночь на 8 мая 1880 г., например, было разбросано более 120 прокламаций возле воронежских железнодорожных мастерских и на прилегающих улицах¹.

В целом интересно мнение жандармского полковника по поводу распространения в народе социалистических идей. В годовом обзоре за 1878 г., составленном 11 января 1879 г., он указал, что «умственное настроение [крестьян Воронежской губернии] не способствует тому, чтобы вредные идеи современной пропаганды могли иметь среди них особенный успех»².

Конечно, со словами офицера ВГЖУ сложно согласиться. Дальнейшая история России показала, насколько сильным было влияние агитаторов. Часто крестьяне даже воспринимали революционные прокламации как распоряжения правительства, поэтому пропаганда порождала нежелательные для правительства слухи, а иногда и напрямую провоцировала начало беспорядков.

На фоне определенных затруднений с поиском и нейтрализацией некоторых сельских подпольщиков, а также прибывавших в губернию инкогнито революционеров ВГЖУ гораздо быстрее выявляло другие революционные группы, особенно организованные жителями Воронежа.

Воронежская учащая молодежь, местные жители, настроенные против правительства, следили за развитием общественно-политической жизни в России. Образование в 1876 г. второй «Земли и воли», вызвавшая широкий общественный резонанс демонстрация на площади у Казанского собора, громкое дело В. И. Засулич 1878 г., новые покушения, совершаемые революционерами: убийство главы III Отделения Н. В. Мезенцова, выстрелы А. К. Соловьева в Александра II – все это мотивировало местных революционеров к объединению в подпольные кружки.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 78. Д. 11ч. 2. Л. 1.

² Там же. Ф. 109. Оп. 163. Д. 83. Л. 42.

Образовывались тайные общества в основном семинаристами и учениками светских учебных заведений Воронежа. Помощь молодежи оказывали ссыльные. Именно эти категории населения губернии находились под особым наблюдением у жандармов, что чаще всего обеспечивало быстрое разоблачение подпольных организаций.

В январе 1873 г. из города Кемь Архангельской губернии в Воронеж был переведен под надзор полиции в качестве ссыльного будущий историк церковного раскола А. С. Пругавин¹. Убежденные в его политической неблагонадежности жандармы осуществляли за ним пристальное наблюдение, что позволило в том же году пресечь деятельность организованного им пропагандистского кружка². За это А. С. Пругавин был выслан из Воронежа в Коротояк, где поступил на службу в земскую управу. В 1877 г. он был отправлен на родину в Архангельскую губернию³.

В 1874–1875 гг. ВГЖУ проводило дознание, в ходе которого было выявлено участие некоторых воронежских семинаристов и гимназистов в «хождении в народ»⁴.

В мае 1879 г. был арестован земледелец В. И. Тулисов, через которого проходили связи между воронежским подпольем и столичными революционерами. В октябре того же года III Отделение возбудило дознание «О революционной организации в Воронежской губернии», во время которого были обнаружены опорные пункты подпольщиков: в с. Верхний Карачан Новохоперского уезда, действовавший с 1874 по 1879 гг., в с. Склеяво Землянского уезда, кружки врачей Федяевского и Пенчевского, фельдшеров Камнева и Бондаренко⁵.

¹ Пругавин А. С. Раскол сверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909; Пашков А. М. А. С. Пругавин: от революционных кружков до изучения старообрядчества (1869–1881 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: история, филология, культурология, востоковедение. 2010. № 7 (50). С. 45.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 161. Д. 129. Л. 98 об.

³ Пашков А. М. Указ. соч. С. 45.

⁴ Дмитриев Г. М., Карпачев М. Д. Указ. соч. С. 45.

⁵ Там же. С. 49.

В октябре 1877 г. жандармерия раскрыла революционный кружок в Воронежской духовной семинарии. Его участники хранили у себя и распространяли запрещенную литературу. Однако этим брожения в семинарии не ограничились. Осенью 1879 г. неоднократно проводились демонстрации против инспектора Н. И. Ляборинского. Во второй половине 1870-х в его спальне несколько раз били стекла¹. Одним из воплощений недовольства стал взрыв 3 ноября 1879 г. брошенной в печь инспекторской квартиры коробки с порохом. В то же время в семинарии распространял прокламации студент И. Панкратов, который был арестован жандармами².

Известия о беспорядках в Воронежской семинарии беспокоили даже высшие духовные власти. По распоряжению обер-прокурора святейшего Синода К. П. Победоносцева в 1879 г. в Воронеж был командирован вице-директор канцелярии ведомства действительный статский советник И. А. Чистович. А по распоряжению харьковского генерал-губернатора М. Т. Лорис-Меликова в Воронеж отправился действительный статский советник В. М. Юзефович. Комиссии под руководством чиновников обнаружили наличие недовольства среди семинаристов, но как-то повлиять на положение дел они не смогли³.

В декабре 1880 г. воспитанник Г. Яковлев попался с брошюрой революционного содержания. 7 мая 1881 г. уже в квартире ректора семинарии Д. Ф. Певницкого произошел взрыв печи. На следующий день в учебном заведении были расклеены и разбросаны прокламации, призывающие к бунту против начальства⁴.

В 1879 г. жандармы разгромили народнический кружок в воронежской гимназии, возглавляемый С. Ф. Рудневым. В том же году был изобличен гимназист П. Хворостянский, который рассылал крестьянам

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1475. Л. 1.

² Очерки истории Воронежского края... С. 278.

³ Дмитриев Г. М., Карпачев М. Д. Указ. соч. С. 47.

⁴ Очерки истории Воронежского края... С. 278.

антиправительственные прокламации¹. По сведениям А. Д. Халимонова, в 1879 г. ВГЖУ разгромило кружок учителя Иванова в Острогожске, в который входили несколько сельских учителей и учительниц, а также сыновья бывших дворовых людей. Было обнаружено, что они хранили запрещенную литературу².

Таким образом, местному подполью удавалось вести агитационную деятельность на территории губернии. Большое беспокойство у ВГЖУ вызывало поведение учащейся молодежи. Однако многие пропагандисты, тем более ссыльные быстро попадали в поле зрения полиции и подвергались аресту в случае осуществления ими преступной деятельности.

Положение ВГЖУ и местных властей значительно усложняли участвовавшие случаи массовых крестьянских беспорядков. В 1874–1875 гг. произошли крупные выступления в Валуйском уезде. Там по закону 13 июня 1873 г. шло размежевание лесной Казаче-Писцовой дачи, в ходе которого на каждую мужскую душу бывших государственных крестьян отводилось по десятине леса, а остальное (около трети) отходило в казну. Крестьяне не допускали землемеров и противились распоряжениям властей. В донесении губернатору от 10 августа 1875 г. помощник начальника ВГЖУ А. П. Страхов признавал свое бессилие и сообщал, что крестьяне не только не хотят повиноваться полиции и жандармам, но и дерзят и угрожают насилием. Только в конце сентября 1875 г. выступления были подавлены при помощи военной силы. Наведением порядка занимался специально посланный из столицы в Воронежскую губернию сенатор П. Н. Клушин, за что был удостоен благодарности императора Александра II³. Тем не менее определенные крестьянские брожения не прекращались в губернии и в 1879–1882 гг.

¹ Куцеволов А. А. Эсеры в Воронежской губернии. От зарождения партии до 1905 г. // Общественное движение и культурная жизнь центральной России. Воронеж, 2006 (далее – Куцеволов А. А. Эсеры в Воронежской губернии...). С. 229–230.

² Халимонов А. Д. Острогожск. Воронеж, 1978. С. 28.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2085. Л. 5; Очерки истории Воронежского края... С. 268–270.

Исполняя наблюдательные обязанности, царские жандармы пристально следили за отношением населения к православной церкви, ведь православие было одной из важнейших идеологических основ Российской империи. При этом в организации церковной жизни существовали острые проблемы, на которые политическая полиция обращала внимание в своих донесениях.

В частности, широко известно, что российское приходское духовенство, особенно в сельской местности, не обладало высокими доходами. У священников не было фиксированного жалования, а жили они тем, что получали от прихожан за совершаемые требы. Подобный порядок породил конфликтные ситуации и злоупотребления.

В 1873 г. ВГЖУ провело совместное с епархиальными властями расследование о поборах со стороны священнослужителей сел Острогожского и соседствующих с ним населенных пунктов Бирюченского, Павловского и Валуйского уездов. Жандармами было обнаружено, что некоторые священники вступили в сговор и отказываются совершать требы без предварительной оплаты. Так, например, за венчание требовалось внести от 25 до 40 рублей, за отпевание взрослого человека – от 7 до 10 руб., а ребенка – от 3 до 7 руб. Крестины стоили 1–3 рубля. Если у просителя не было достаточной суммы, священники брали «натуральной повинностью и разным хлебным зерном»¹.

В жандармской переписке по этому делу, начиная с осени 1871 г., было зафиксировано 14 эпизодов вымогательства. В частности, 11 мая 1873 г. в слободе Ольховатке одноименной волости Острогожского уезда умерла крестьянка А. Жукова. Местный протоиерей Константин Устиновский отказывался отпевать тело, пока ему не будет выплачено 14 рублей серебром. Лишь на шестые сутки усопшая была похоронена после вмешательства земского врача, обеспокоенного возможностью начала эпидемии из-за

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 48. Д. 33. Л. 9, 9 об.

разлагающегося трупа, и сотрудников полиции, уговоривших священника провести обряд без оплаты¹.

Начальник ВГЖУ полковник Э. А. фон-Мезенкампф заметил, что фигурирующие в расследовании примеры «составляют только небольшую часть действительности», потому что «крестьяне неохотно высказывают все факты, боясь мести священников или же потому, что большинство крестьян, особенно бедные, не имеют никаких столкновений с духовенством, а наученные опытом, обходятся на всех случаях без всякого участия духовных лиц»².

По итогам расследования были собраны улики против благочинного Ольховатского округа К. Устиновского и священников А. Карпова, В. Карманова, И. Сланского и Е. Базалевского, а материалы дела направлены в Священный Синод.

В целом начальник ВГЖУ сделал пессимистичный вывод по поводу отношения населения к церкви. По его мнению, «благодаря насилиям, вымогательствам, и вообще сильнейшей эксплуатации крестьян приходским духовенством, авторитет его в среде населения подорван повсеместно»³.

Важную информацию о деятельности ВГЖУ в 1870–1880-е гг. дают политические обзоры Воронежской губернии, составляемые начальниками управления, согласно циркулярным распоряжениям III Отделения от 19 июня 1871 г., 14 февраля 1875 г. и 31 мая 1877 г., а также циркуляра ДП МВД от 21 мая 1887 г.⁴.

В целом все политические обзоры за 1870-е годы начинались с фразы: минувший год «прошел тихо, и никаких случаев, выдающихся из общего порядка частной и общественной жизни, не замечено»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 48. Д. 33. Л. 11–12.

² Там же. Л. 14 об., 22.

³ Там же. Л. 22.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 54, 54 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 44. Д. 5ч. 41. Л. 9.

В обзорах за эти годы внимание воронежских жандармов было обращено на поведение ссыльных в губернии, прежде всего, поляков. Отмечалось, что большинство из них не проявляют своей политической неблагонадежности, но некоторые допускают высказывания против властей и сеют среди местного населения нежелательные слухи. Также «спецслужбы» следили за земскими служащими, которые, согласно данным ВГЖУ, ведут свои дела «спокойно», «не выходя границ, законом определенных»¹.

Из проблем в 1870-е гг. отмечалась грязь на улицах Воронежа, трудности с водоснабжением и освещением. В городе жандармы слышали «ропот на чрезвычайную дороговизну в покупке съестных припасов»².

Определенные трудности вызвало размещение в Воронеже солдат 141 пехотного Можайского полка. Жандармами отмечалось, что нижние чины ходят пьяными и устраивают драки друг с другом и местными жителями. Полковник Э. А. фон-Мезенкампф объяснял падение дисциплины слабостью губернского воинского начальника генерала Маркова, который «до такой степени слаб вообще со своими подчиненными, что всякое отдаваемое им приказание почти не выполняется»³.

Достаточно критично жандармский офицер отзывался о влиянии церкви на воронежцев и жителей уездов. Отмечалось, что «в народе заметна праздность и безнравственность в высшей степени», так как люди во время богослужений вместо церкви ходят в питейные дома⁴. Обозревая общественные настроения жителей губернии в 1872 г., Э. А. фон-Мезенкампф заметил, что «религиозные обряды исполняются чрезвычайно слабо, большая часть низшего слоя не соблюдает даже важных годовых постов, жизнь ведут нетрезвую и разгульную»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 44. Д. 5ч. 41. Л. 18, 19.

² Там же. Л. 16; Оп. 161. Д. 129. Л. 32 об.

³ Там же. Оп. 44. Д. 5ч. 41. Л. 19–20.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Оп. 158. Д. 218. Л. 11 об.

Серьезное внимание жандармы уделяли проблемам городской полиции. Во-первых, в летнем полугодичном обзоре за 1 половину 1878 г. указывалось, что ее количество не соответствует требованиям времени. Во-вторых, начальник ВГЖУ докладывал в III Отделение, что «деятельность воронежской городской полиции заслуживает внимания ... по сумме мелких злоупотреблений и неряшеств, ускользающих от судебного преследования, но, тем не менее, составляющих осязаемое зло для ближайших интересов каждого обывателя»¹.

Лейтмотивом отчетов за 1880-е гг. также служили заверения жандармов о том, что исследуемый год в Воронежской губернии прошел спокойно, а население оставалось «вполне преданным законной власти и порядку».

Согласно жандармскому отчету 1880 г. в регионе прошел спокойно. В этом году в Воронежской губернии не было зафиксировано ни одного политического преступления или случая пропаганды, поэтому ВГЖУ занималось прошлогодними делами, которых насчитывалось целых 42. Правда, почти все эти дознания проводились по 248 ст. Уложения о наказаниях (по фактам заочного оскорбления представителя царской семьи) и, по словам самого составителя обзора начальника ВГЖУ полковника А. С. Бехтеева, эти дела по большей части не имели в себе состава преступления и не могли считаться мерилем политических настроений в губернии, так как совершались они в основном пьяными лицами².

Статьи за оскорбление особ царской фамилии предусматривали смягчение наказания, когда преступление совершалось в состоянии алкогольного опьянения. В таком случае подсудимый мог попасть за решетку – в смиренный дом – сроком от 4 до 8 месяцев. Однако если преступник

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 163. Д. 83. Л. 30, 43 об.

² Там же. Ф. 102. Оп. 77. Д. 53. Л. 8, 8 об.

был трезв и в твердой памяти, согласно ст. 246 Уложения о наказаниях 1866 г. его ожидало от 6 до 8 лет каторги¹.

Составляя политический обзор, начальник ВГЖУ охарактеризовал воронежских крестьян как «глубоко преданных власти», но отметил тяжелое экономическое положение губернии из-за климатических условий и неурожая. Вместе с тем А. С. Бехтеев обратил внимание на недобросовестность разбогатевших крестьян, закабаляющих рядовых общинников. Эту категорию он недвусмысленно охарактеризовал «мироедами». Острой критике в политическом обзоре подверглась деятельность сельской администрации и самоуправления. Полковник указывал на «злоупотребления волостных правлений и судов, прикрываемые бездействием уездных по крестьянским делам присутствий и неспособностью большинства земских представителей». В 1880 г. ВГЖУ не имело претензий к земским органам, не выходявшим, по сведениям жандармов, за рамки своих полномочий. Отмечалось спокойствие в учебных заведениях губернии². Однако, учитывая поведение воронежских семинаристов в данное время, этот вывод вызывает определенные сомнения.

Далеко не лестными словами полковник А. С. Бехтеев охарактеризовал воронежское духовенство в обзоре за 1880 г. Он указал на тяжелое материальное положение священников, которые от этого начинают пить и совершенно теряют уважение у местного населения. В этом жандармский полковник увидел основную причину распространения сектантства в регионе, особенно иудействующих и духоборцев в Валуйском, Острогожском и Павловском уездах³.

К таким сведениям власти должны были относиться с крайней степенью внимания, потому что, являясь основной частью государственной идеологии, православие выступало одним из главных факторов, обеспечивающих объединение русского общества в единую нацию. Так что

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. Изд. 4. М., 1872. С. 61.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 53. Л. 9–10, 13.

³ Там же. Л. 13 об. – 14 об.

духовенство должно было быть примером нравственности и патриотизма для местного населения. Любые сведения, дающие основания сомневаться в соответствии священнослужителей этому высокому статусу, требовали незамедлительной реакции и исправления положения. «Спецслужбы» понимали это, поэтому вели постоянное наблюдение за духовенством.

Начальник ВГЖУ указывал на некомпетентность общей полиции в делах розыска преступников, ее малочисленность и загруженность излишней канцелярской работой. В результате офицер констатировал: «Сельская полиция в том виде, в котором она существует, не только не приносит никакой пользы населению, но, напротив, служит бременем сельских обществ и причиной разных пререканий и злоупотреблений». Поэтому автор считал невозможным привлекать общую полицию к делам политического розыска¹.

Несомненно, важнейшим событием оппозиционной жизни Воронежской губернии 1870–1880-х стал съезд «Земли и воли» 18–21 июня 1879 г. По всей видимости, для местных властей, в том числе и для ВГЖУ, оно осталось неизвестным. По крайней мере, в отчете за 1880 г. воронежский губернатор А. В. Богданович буквально оправдывался в том, что местные силы правопорядка упустили из виду собрание революционеров, и в качестве аргументов в свою защиту указывал на непродолжительность пребывания землевольцев в Воронеже, а также на то, что все основные решения они приняли до этого в г. Ельце (Орловской губернии). Поскольку А. В. Богданович сообщил о событиях Липецкого съезда как на происходившие в Ельце и ссылался исключительно на показания арестованного ранее и содержавшегося в Санкт-Петербурге Г. Д. Гольденберга, можно предположить, что воронежские власти узнали о посещении города видными социалистами только после того, как им на это указало столичное полицейское ведомство².

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 53. Л. 15–17.

² Там же. Л. 23–24.

В целом же отчет губернатора повторяет выводы начальника ВГЖУ о спокойствии местных жителей в политическом отношении. Интересно, что А. В. Богданович объяснял лояльность населения отсутствием в губернии развитой промышленности. Определенные тревоги вызывало только поведение отчисленных семинаристов (в отличие от А. С. Бехтеева губернатор обратил на это внимание), которые, как указывается в отчете, не могли найти себе места, и поэтому служили главной почвой для социалистической пропаганды¹.

В следующем году губернатор также отчитывался в том, что «нравственная сторона населения по-прежнему не представляет особо выдающихся проступков или преступлений, а главной причиной, порождающей преступления, как и прежде, является пьянство». Глава региона А. В. Богданович сообщил, что убийство Александра II 1 марта 1881 г. стало настоящей трагедией для крестьянства, однако вместе с тем появилась масса слухов о том, что власти планируют отобрать землю у помещиков и передать общинникам. Слухи эти, по данным губернатора, распространяли паломники к мощам святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского². В отчете не упоминалось о майских событиях в Воронежской духовной семинарии: о взрыве печи в квартире ректора и о распространении прокламаций среди семинаристов с призывами бунтовать против начальства³.

В обзоре губернии за 1883 г. начальник ВГЖУ генерал-майор А. В. Комаров указал на хождение в начале года среди крестьян слухов о предстоящей в виду коронации Александра III раздаче земли, к которым они, по мнению жандарма, относились скептически. В целом начальник ВГЖУ охарактеризовал положение в регионе как спокойное при полном отсутствии рабочих и крестьянских выступлений. Все имевшие место государственные преступления в регионе сводились к заочным оскорблениям членов царской

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 53. Л. 23–24.

² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 3. Д. 78. Л. 5–6.

³ Очерки истории Воронежского края... С. 278.

семьи и не могли, по мнению начальника ВГЖУ, считаться мерилом политических настроений населения Воронежской губернии. А теракты, цареубийство и вообще революционную деятельность крестьяне воспринимают с отвращением.

Опасения А. В. Комарова, как и его предшественников, вызывало положение воронежского духовенства, его «крайняя распущенность». В обзоре указывалось на то, что губернские священники играют в карты, обирают местное население. «В самых монастырях, где покоятся мощи, – по словам жандарма, – монахи скорее походят на торгашей, старающихся как можно больше собрать денег с проходящих богомольцев». После этих слов генерал-майор сделал закономерный вывод о том, что положительного влияния как на общество, так и на паству такое духовенство иметь не может¹.

Характеризуя положение в войсках, жандармский офицер указал на вольноопределяющихся как наиболее склонную к политической пропаганде категорию военнослужащих². Они имели определенные привилегии. Например, могли ночевать вне казарм, чем активно пользовались революционные агитаторы, передававшие через них в части пропагандистские листовки и брошюры.

Интересно рассуждение А. В. Комарова о природе нигилизма: «Разночинцы с образованием не могут найти себе применения и сидят без средств, благодаря чему развивается зависть, недовольство своим положением, нервность, общая скука и апатия, процветают разгул и дебоширство. Эта часть интеллигенции всем недовольна и все отрицает»³.

Подобные взгляды на одну из причин антиправительственных выступлений нашли широкую поддержку в историографии. Действительно, развитие высшего образования в России шло быстрыми темпами, иногда опережающими остальные модернизационные процессы в стране. Поэтому некоторым выпускникам не удавалось найти себе должность по

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 80. Д. 88ч. 31. Л. 2–9.

² Там же.

³ Там же. Л. 4, 6 об.

специальности в крупных городах. Многие из них уезжали в сельскую местность и приобщались к земской работе. Однако подобный дисбаланс приводил и к маргинализации отдельной части молодых специалистов, на что обратил внимание А. В. Комаров.

Тем не менее исследователи никогда не абсолютизировали этот фактор. Не меньшей причиной радикализации молодежи было распространенное среди студенчества убеждение в отсталости политических институтов России, несправедливости большей части населения и отсутствии свобод. Вряд ли опасениями по поводу карьерной перспективы можно объяснить то, что А. И. Ульянов, блестящий студент, 8 февраля 1886 г. получивший золотую медаль за студенческую научную работу по зоологии, молодой человек, отмечаемый Д. И. Менделеевым и А. М. Бутлеровым за свое отношение к учебе, вошел в состав революционной организации и закончил жизнь на виселице после неудачной попытки покушения на Александра III в 1887 г.¹

Кстати на суде старший брат В. И. Ленина четко сформулировал причину радикализации части населения, в том числе студенчества и выпускников университетов. Он заявил, что «при отношении правительства к умственной жизни, которое у нас существует, невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная; даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна». По его мнению, «в стране дается возможность развивать умственные силы, но не дается возможности употреблять их на служение родине»².

Данная позиция была широко распространена среди молодых людей, поэтому взгляд А. В. Комарова на природу радикализма следует считать несколько односторонним.

¹ Трофимов Ж. Старший брат Ильича: Документальное повествование об Александре Ульянове. М., 1988. С. 105.

² Полный текст речи см.: Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.-Л., 1927. С. 289–293.

В 1884 г. ВГЖУ провело до 10 дознаний по 246–248 ст. Уложения о наказаниях, подразумевающих ответственность за заочное оскорбление члена императорской семьи. Как в очередной раз указал начальник управления, преступления эти совершались в пьяном виде и не представляли опасности для государственного порядка¹. Около 20 дел по тем же статьям были расследованы в 1885 г., что не помешало и. д. начальника ВГЖУ подполковнику Д. С. Померанцеву признать политическое положение в губернии в целом благонадежным².

Вообще, заочное оскорбление личности императора предусматривало серьезное наказание – от 6 до 8 лет каторги³. Однако, фактически эти дела не рассматривались политической полицией как действительная угроза государственной безопасности, так как основывались они в основном на фактах бессодержательной матерной ругани, которую чаще всего крестьяне позволяли себе в состоянии алкогольного опьянения или в запальчивости.

В политическом обзоре за 1886 г. начальник ВГЖУ М. М. Завьялов обращает внимание на непослушание отцам, «пьянство, воровство и разврат» крестьянской молодежи, на то, что они не желают пахать землю и стремятся в города. При этом политические настроения жителей сельской местности не вызывали опасений у сотрудников государственной полиции. Наоборот, полковник отметил прекращение циркуляции нежелательных слухов в 1886 г. по сравнению с прежними годами. Касаясь материального положения населения, М. М. Завьялов указал на ухудшение уровня жизни крестьян в связи с имевшими место падежами скота в губернии. Автор сообщил о сильной загруженности сельских судов и «безобразном» поведении местного духовенства, которое потеряло уважение со стороны населения⁴.

Отчитываясь об отсутствии в 1886 г. политических преступлений, начальник ВГЖУ указал на завершение в апреле дознания о социально-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 81. Д. 59ч. 21. Л. 2 об.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. Изд. 4. М., 1872. С. 61.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 83. Д. 9ч. 5. Л. 2, 4, 6.

революционном кружке в Воронеже, в который входили С. Ф. Руднев, К. Н. Вентцель¹ и его жена Н. А. Вентцель (Ростовцева), А. Н. Лебедев, В. П. Иваншин и бывшая гимназистка дочь купца Л. Ф. Мартынова. Этот кружок был организован в первой половине 1880-х гг. и занимался агитацией среди рабочих пока не был разгромлен полицией в 1884 г.²

Также в 1886 г. по ходатайству Московского ГЖУ был арестован прослуживший 2 месяца в статистическом отделе земской управы подпоручик запаса армии И. И. Попов. Помимо этого чины ВГЖУ осуществляли наблюдение за четырьмя неблагонадежными лицами в уездах³.

В политическом обзоре за 1888 г. начальник ВГЖУ М. М. Завьялов характеризовал положение в регионе в общем для 1880-х гг. русле как не вызывающее беспокойства. Было указано, что «все население губернии глубоко предано Государю императору и настоящему правительству», а год прошел «совершенно спокойно». «Среди крестьян не было распространяемо никаких ложных слухов, и можно с уверенностью сказать – никаких антиправительственных идей в народе не существует». В обзоре упоминался только один случай неповиновения крестьян властям, который произошел в Валуйском уезде и касался нежелания земледельцев подчиняться решению суда о возврате незаконно распаханых 800 десятин другой крестьянской общины. Какой-либо политической составляющей ВГЖУ в этом деле не обнаружило и потому не вмешивалось в разыгрывающийся конфликт⁴.

Достаточно подробно в обзоре описана история травли в местной прессе директора Воронежской мужской классической гимназии В. И. Гаека (1886–1889)⁵. На него была составлена жалоба, дошедшая до министра народного просвещения И. Д. Делянова. Министр направил в Воронеж проверяющего, который не нашел в действиях директора ничего

¹ Подробнее о нем см.: Ласунский О. Г. Педагог К. Н. Вентцель в Воронеже // Воронежский вестник архивиста. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 95–100.

² Куцеволов А. А. Эсеры в Воронежской губернии... С. 228–229.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 83. Д. 9ч. 5. Л. 3 об.

⁴ Там же. Оп. 87. Д. 43ч. 1. Л. 2, 5–6.

⁵ Пыльнев Ю. В. Воронежская губернская (1-я мужская) гимназия. Воронеж, 2009. С. 3.

предосудительного. Параллельно негласную проверку осуществило ВГЖУ и выявило следующее: незадолго до начала этой истории В. И. Гаек развелся с супругой и женился во второй раз на «девице самого благопристойного поведения». Из чувства мести обиженная бывшая жена, пользуясь своими связями и влиянием на местное общество, устроила эту кампанию¹.

Последние два листа обзора были посвящены «задушевному празднованию 10-летия нахождения на службе» губернатора А. В. Богдановича: перечислялись приглашенные гости, описывалось то, как проходило торжество². Вряд ли эта информация характеризовала политическое положение в Воронежской губернии, однако, даже несмотря на циркулярные рекомендации от 21 мая 1887 г., требовавшие помещать в обзоры только сведения по существу жандармской работы, начальник ВГЖУ М. М. Завьялов счел необходимым сообщить об этом событии в Санкт-Петербург.

Таким образом, в 1870–1880-х гг. воронежские жандармы помещали в свои отчеты совершенно разнообразную информацию, характеризующую все стороны местной жизни и максимально широкий спектр общественных проблем. При этом иногда офицеры допускали рассуждения на довольно общие темы о падении нравственности, непослушании родителей детьми или рассказывали о праздновании десятилетнего нахождения на службе губернатора. Во многом это свидетельствует о наличии времени на такие вещи у сотрудников политической полиции в условиях слабой активности революционеров по сравнению с последующими годами.

Из политических обзоров за 1880-е гг. видно негативное отношение жандармской полиции к воронежскому духовенству, даже несмотря на наличие достаточно тесных связей между воронежской епархией и ВГЖУ. Например, согласно распоряжению Главного штаба от 1869 г., начальники ГЖУ регулярно собирали со справки за подписью священнослужителей о

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 87. Д. 43ч. 1. Л. 4–7.

² Там же.

прохождении жандармскими чинами исповеди и принятии святого причастия. Данные сведения затем отсылались в штаб ОКЖ¹.

По мнению С. А. Иконникова, к жандармским оценкам воронежского духовенства не стоит относиться «как к аксиоме», так как полицейские слабо понимали специфику священнического служения, традиций вознаграждения за совершенные требы (что жандармы несправедливо называли поборами) и т. д. Свои слова исследователь подкрепляет мнением архиепископа Анастасия (Добрадина), который занимал воронежскую кафедру. Архиерей писал, что власти, в том числе и жандармские чины, совершенно необъективно, с искусственно завышенной долей недоверия относились к духовенству².

С трудом удается объяснить наличие какого-либо предвзятого отношения к священникам у сразу нескольких начальников ВГЖУ – православных русских дворян. Возможно, жандармские оценки воронежского духовенства выглядят несколько преувеличенными, но, судя по достаточно четкой характеристике недостатков, вряд ли их можно назвать бесосновательными. С другой стороны, полиция вовсе не пыталась уязвить духовенство. Данные сигналы были адресованы, в том числе и епархиальному начальству, чтобы указанные отрицательные моменты были своевременно исправлены и не отталкивали людей от церкви – одного из идеологических столпов политического режима.

Сложным остается вопрос о том, насколько эффективно ВГЖУ боролось с политической преступностью региона в 1880-е гг. В обзорах, действительно, не замечается следов многих действовавших в Воронеже подпольных организаций: жандармы упустили съезд Земли и воли, до конца десятилетия не был раскрыт появившийся в середине 1880-х кружок среди

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 902. Л. 15 об.

² Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж. 2015, С. 257.

рабочих железнодорожных мастерских Воронежа, в котором работали П. П. Мануйлов, В. П. Иваншин¹, а с начала 1890-х – В. Я. Яковлев-Богучарский².

Все это позволило А. А. Куцеволу оценить деятельность ВГЖУ как малоэффективную, тем более что губернию неоднократно посещали незамеченными известные революционеры: Г. В. Плеханов, А. И. Желябов, А. А. Квятковский, А. И. Баранников, М. Ф. Фроленко, – чувствовавшие себя в Воронеже, по словам исследователя, в безопасности³.

На наш взгляд, в 1880-е гг. ряд объективных факторов (незначительные штаты жандармской полиции, отсутствие должной постановки и финансирования агентурной работы и др.) не позволял требовать от ВГЖУ молниеносной ликвидации всех появляющихся в зоне его ответственности антиправительственных организаций и арестов всех посещающих регион революционеров.

Наибольшая активность воронежского подполья была связана с деятельностью в регионе ссыльных и находящихся под полицейским надзором. В 1889 г. народнический кружок в Воронеже организовал бывший студент Киевского университета С. А. Петровский. С 1890 г. свою деятельность в губернии продолжил возвратившийся из ссылки, в которой он пребывал с 1885 г., В. Я. Яковлев-Богучарский⁴.

Из политических отчетов начальника ВГЖУ Н. В. Васильева следует, что во второй половине 1895 – первой половине 1896 гг. негласно поднадзорные группировались в «интимные» кружки вокруг известных в регионе общественных деятелей: городского секретаря И. А. Прозоровского, служащего секретарем по городским и земским делам присутствия И. В. Городнянского и других. Общий вывод заключался в том, что проживающие в Воронеже неблагонадежные лица, даже находясь под надзором полиции,

¹ Салтык Г. А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923 гг. М., 2002. С. 111.

² Искра Л. М. Революционный народник В. Я. Яковлев-Богучарский // Страницы истории и историографии отечества. Воронеж, 2007. Вып. 4. С. 17.

³ Куцеволов А. А. Эсеры в Воронежской губернии... С. 231.

⁴ Там же. С. 229.

будучи ссыльными не оставляют дела революционной пропаганды и поддерживают отношения со своими единомышленниками, сплачиваясь вокруг авторитетных лидеров. Начальник ВГЖУ указывал на наличие действующих антиправительственных кружков, которые еще не до конца организованы: не имеют ни определенного революционного направления, ни четкой политической программы. Среди них Н. В. Васильев выделял как наиболее сплоченные и опасные для властей организацию железнодорожных рабочих, кружки военной и учащейся молодежи¹.

Можно предположить, что в 1895–1896 гг. ВГЖУ все же не до конца смогло установить размах деятельности губернской центральной антиправительственной организации. В 1895 г. высланный из Вятки под надзор полиции Е. В. Барамзин организовал в Воронеже «Центральный кружок социал-демократов», в который входили И. В. Крапп, Г. А. Рыбаков, И. Я. Жилин, Н. Н. Исполатов, Н. А. Ряховский. Они проводили занятия на политические темы с рабочими в трех созданных в железнодорожных мастерских кружках и даже организовали 1 мая 1897 г. в Архиерейской роще первую массовку воронежских рабочих, в которой приняло участие до 50 человек².

Таким образом, отдельные кружки уже имели достаточно четкие идеологические установки и налаживали связи друг с другом. И все же большая часть местной оппозиции собиралась «без различия партийных оттенков» и проводила время в беседах на политические темы, за чтением и обсуждением революционной литературы³.

По результатам наблюдения, в том числе и агентурной работы, за 1896–1897 гг. полковник ВГЖУ Н. В. Васильев заключил, что руководство пропагандой революционных идей в Воронежской губернии принадлежит сравнительно незначительному кругу лиц, которые, пользуясь своим

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 14–15.

² Курсанова А. В. Искровские организации и искровцы в Воронеже. Воронеж, 1966. С. 15, 19.

³ Мануйлова Л. Я. Печали и радости моей жизни. М., 1922. С. 40.

известным общественном положением, остаются в тени и поддерживают активных деятелей. В этот круг, по мнению жандармского полковника, входили управляющий воронежской казенной палатой действительный статский советник Г. С. Вашкевич, председатель общества вспомоществования учащимся, председатель комитета публичной библиотеки и член совета комиссии народных чтений, председатель губернской земской управы В. И. Колюбакин, старший врач губернской земской больницы действительный статский советник К. В. Федяевский, почетный член губернского статистического комитета К. К. Федяевский, товарищ председателя комиссии народных чтений, председатель Кольцовской библиотеки и библиотеки имени Никитина (обе являлись отделениями Воронежской публичной библиотеки) Ф. А. Щербина, помощник инспектора воронежской духовной семинарии С. Н. Лебедянский и др. Особый акцент Н. В. Васильев делал на том, что «лица, заведующие библиотеками и выдачей книг, не заслуживают ни малейшего доверия»¹.

Таким образом, в эти годы ВГЖУ значительное внимание уделяло местным либералам, которых начальник управления считал чуть ли не одними из вдохновителей молодежи на путь революционной борьбы.

В августе 1897 г. в Воронеже состоялся съезд южных организаций социалистов-революционеров. Принимающей стороной выступила воронежская группа под руководством А. О. Сыцялко. На съезде было принято решение о том, что местные эсеры займутся составлением программного документа будущей партии. В очередной раз, как это уже было во время Воронежского съезда Земли и воли, ВГЖУ упустило важное событие оппозиционной жизни при том, что сам А. О. Сыцялко незадолго перед этим вернулся в Воронеж после 15 летней ссылки в Сибири и должен был находиться под наблюдением полиции².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 86, 86 об., 88.

² Мануйлова Л. Я. Указ. соч. С. 57.

Тем не менее, после того как в Москве был арестован руководитель воронежского кружка А. Г. Вотяков, позже охарактеризованного ВГЖУ как «объединение русских революционеров всех мастей для совместной «решительной борьбы с существующим строем», под подозрение жандармов попал А. О. Сыщанко. Он подвергся аресту в ночь с 8 на 9 декабря 1897 г. и покончил с собой 8 февраля 1898 г. в воронежской тюрьме. Вместе с А. О. Сыщанко под стражей оказались 22 человека – так была разгромлена местная антиправительственная организация. В ходе обыска у ее членов жандармы обнаружили одну из первых редакций программы ПСР¹. С 5 по 13 января 1899 г. в Воронеже было арестовано пятеро социал-демократов².

Подводя итоги этой работы, начальник ВГЖУ указал, что после ареста наиболее активных и энергичных революционеров (Сыщанко, Барамзина и др.) поддерживавшие их лица затихли и лишь помогают семьям задержанных материально. Между тем, по словам полковника Н. В. Васильева, революционно настроенные лица проникли во все сферы общественной жизни и не собираются отречься от своих взглядов, хотя последняя полицейская кампания и послужила для них уроком³.

В отчете за 1900 г. начальник ВГЖУ сообщил, что во главе антиправительственного движения губернии стоит некий «Главный штаб», «члены которого, как и раньше, выступают отчасти инспираторами и всегда верховными руководителями и пособниками в деле преступной пропаганды, но практическое осуществление революционных задач перешло в руки новых деятелей, причем последние при достаточной энергии проявили большую предусмотрительность и осторожность, не бросаясь очертя голову, непосредственно в «наказ» среди рабочих, а медленно и настойчиво подготавливая почву для явной пропаганды, отложив ее до более удобного времени, расширяя количественно кружок вербовкой новых адептов». Однако, несмотря на проявляемую осторожность, все 34 члена «Главного

¹ Куцеволов А. А. Эсеры в Воронежской губернии... С. 234.

² Курсанова А. В. Указ. соч. С. 20.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 193–194.

штаба» (в него входило семейство Махновец, чета Прозоровских, Перелешиных, Руднев и др.) во главе с центральной фигурой А. Сазоновым находились под пристальным вниманием ВГЖУ – за ними велось наружное наблюдение, в самой организации имелась агентура¹.

Интересные выводы по наблюдению за настроениями населения уездов Воронежской губернии делали в своих аналитических отчетах помощники начальника ВГЖУ. В обзоре за 1900 г. помощник начальника ВГЖУ в Острогожском, Коротоякском, Валуйском и Бирюченском уездах ротмистр Н. К. Байков указал на спокойствие населения в политическом отношении за отчетный период: на отсутствие крестьянских волнений, благонадежность земских служащих, спокойствие в войсках и учебных заведениях. При этом отмечались столкновения между крестьянами и помещиками по поводу земельного вопроса. Ротмистр глубоко проанализировал эту проблему и выделил основные факторы, вызывающие недовольство у населения. Во-первых, многие общинные наделы или подходы к ним были со всех сторон окружены землями помещиков, в результате чего при прогоне скота из сел на пастбища нередко случались невольные потравы. Помещики этим пользовались и удерживали скот, требуя оплату штрафов за его возвращение. Во-вторых, в конце XIX в. воронежские помещики увеличили доли скотоводства в своем хозяйстве, поэтому многим арендаторам земли было отказано в предоставлении участков или потребована у них большая арендная плата. Из-за этого в губернии даже происходили народные волнения в Евстратовской, Лизиновской и Семейской волостях Острогожского уезда².

Схожим по содержанию оказался и обзор помощника начальника ВГЖУ в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах подполковника Д. С. Померанцева. Офицер наблюдал отрицательные настроения среди крестьян в связи с малоземельем и притеснениями со

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 41. Л. 362–364, 404.

² Там же. Оп. 2. Д. 82. Л. 15 об. – 16 об.

стороны помещиков. Указывалось на наличие немалого количества объективно недовольных, которые склонны винить в своих бедствиях «в том числе правительство и его распоряжения», что может стать отличной почвой для революционной агитации. Такой вывод мог сделать, действительно, грамотный офицер после вдумчивого изучения обстановки на подведомственной территории. Также подполковник сообщал в Воронеж о единственном случае забастовки рабочих в уездах, которая произошла на стеклянном заводе Когана в Задонском уезде. Администрация предприятия не захотела выплачивать компенсацию рабочим-сдельщикам за вынужденный простой, произошедший по вине самой администрации. Однако сразу после заявления о начале забастовки руководство под нажимом фабричной инспекции полностью удовлетворило требования мастеровых. В этом событии самый большой интерес представляет оценка подполковника Д. С. Померанцева: «Приведенный случай на заводе Когана хотя и не имел, благодаря своевременному вмешательству чинов полиции и фабричной инспекции, серьезных последствий, тем не менее он указывает, что общепринятый в настоящее время способ борьбы фабричных и заводских рабочих с предпринимателями – забастовка не безызвестен даже и в таком захолустье, как деревня Благодатная Землянского уезда»¹.

Отдельное внимание государственной полиции обращало на себя распространение идей учения Л. Н. Толстого в Воронежской губернии. Во многом это объяснялось тесным знакомством писателя с местным помещиком В. Г. Чертковым. Отдельные чины общей полиции напрямую называли толстовцев революционной организацией, потому что те не признавали православную церковь, вели пропагандистскую деятельность против нее, что воспринималось как выступление против государства². В конце концов, В. Г. Чертков был выслан из России³, а другие выявленные в

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 82. Л. 99–102; см. Приложение 6.

² Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 42.

³ Гайворонский А. И. Золотые архивные россыпи. Воронеж, 1971. С. 157.

Воронежской губернии адепты этого учения попали под негласный надзор полиции¹.

Таким образом, в отчетах за 1890-е гг. офицеры государственной полиции также обращали внимание на широкий круг экономических и социальных проблем, не ограничивая свою наблюдательную деятельность исключительно состоянием революционного движения. При этом жандармы по сравнению с прежними годами фиксировали объединение всех оппозиционных сил в общий кружок, лидерами в котором были люди, занимающие высокое общественное положение в губернии и придерживающиеся либеральных взглядов.

Из отчетных ведомостей ВГЖУ о деятельности по производству дознаний и наблюдательной части в 1900 г. следует, что в этом году в губернии жандармами было произведено 14 дознаний (по которым проходило 14 обвиняемых) по ст. 1035 Уст. Уг. Судопр. и расследовано одно дело с 5 обвиняемыми в порядке Положения о государственной охране от 14 августа 1881 г. Под негласным полицейским надзором ВГЖУ находилось 59 человек постоянно и 26 временно².

Вопрос о степени осведомленности местных властей в деятельности революционного подполья достаточно сложен. С одной стороны, воронежские жандармы не заметили съезд Земли и воли 1879 г. и собрание южных эсеров в 1897 г. С другой стороны, в период 1870–1890-х гг. несомненной заслугой ВГЖУ стала ликвидация большинства возникавших в Воронежской губернии революционных кружков. В целом нет ни одного повода к предположению, что воронежские жандармы справлялись с обязанностями хуже своих коллег из других провинциальных регионов.

§ 2. Борьба с политической преступностью и нейтрализация других угроз стабильности в регионе в 1901–1904 гг.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 210.

² Там же. Оп. 2. Д. 81. Л. 16–17.

Период конца 1890-х – начала 1900-х гг. характеризуется новым подъемом революционно-освободительного движения в России и активной деятельностью либеральной оппозиции. Радикальные организации формируют революционные партии, которые буквально начинают террористическую войну с самодержавием. Определенной точкой отсчета этого процесса считается убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина, совершенное 2 апреля 1902 г. членом Боевой организации Партии социалистов-революционеров С. В. Балмашевым. После этого именно ПСР стала восприниматься царским правительством в качестве силы, представляющей наибольшую угрозу для государственной безопасности.

Основной отличительной чертой нового периода в революционном движении стало образование большого количества разных радикальных групп в регионах Российской империи, которые к началу XX в. организовались в местные подпольные ячейки революционных партий. Эти группы координировали свои действия с крупными центрами, располагающимися в наиболее развитых городах страны. А центры в свою очередь получали инструкции от заграничных партийных органов. Такая централизация, конечно, выводила революционно-освободительное движение на новый более высокий уровень организованности, что делало его еще более опасным для властей.

Общественно-политическая ситуация в Воронежской губернии накануне Первой российской революции вполне соответствовала общей для российской провинции тенденции. Первые сведения о воронежском подполье появляются в жандармских отчетах с середины 1890-х гг. До этого ВГЖУ, конечно, также фиксировало различные сообщества политических преступников. Арестам подвергались многие подпольщики. В 1876 г. и вовсе была разгромлена крупная революционная организация «Наши». Однако именно начиная с 1895 г., жандармское управление начинает слежку за объединенным кружком оппозиционеров разных политических взглядов в

Воронеже и проводит в конце 1897 – начале 1898 гг. первую крупную ликвидацию, сопряженную с массовыми арестами и обысками.

О незаурядном характере этого события указала в своих воспоминаниях В. И. Дмитриева. По ее впечатлениям, «переполох [от полицейской операции] был страшный, в жандармское управление потянулись жены, матери, невесты заключенных, около тюрьмы стояли очереди с передачами, теплыми вещами, подушками. Как всегда, шли разговоры о предателях и провокаторах»¹.

Оправившиеся после арестов 1897–1898 гг. местные антиправительственные элементы вновь спланировались в кружки, которые становятся более организованными и осторожными. Местных борцов с самодержавием посещали революционные деятели всероссийского масштаба. Например, летом 1901 г. в Воронеже находился будущий руководитель боевой организации ПСР Г. А. Гершуни². Очередной волной регион захлестнула антиправительственная агитация. Серьезной угрозой для местных властей стало нарастающее рабочее движение и крестьянские выступления. Данное положение требовало от ВГЖУ активной работы. При этом особенностью жандармской работы за этот период становится стремление к одновременным массовым арестам подозреваемых с целью ликвидации революционных групп целиком, а не погоня за отдельными политическими преступниками.

Осенью 1900 г. в Воронеже сформировалась марксистская организация, имевшая конспиративное название группа «американцев». Активное участие в ней принимали А. И. Любимов, Л. Я. Карпов, В. А. Носков³. Эта группа стала идейным и организующим центром «Северного

¹ Дмитриева В. И. Указ. соч. С. 194.

² Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 27.

³ Шамаев В. Г. Во имя спокойствия... С. 173.

рабочего союза», II съезд которого проходил в январе 1902 г. в Воронеже. На нем был избран ЦК «Союза», приняты его программа и устав¹.

В поле зрения ВГЖУ данная группа попала еще до того момента, как начала активную деятельность и приобрела организованный характер. Во второй половине 1901 г. у жандармов под подозрением в революционной деятельности находился 21 человек. Среди них фигурировали мещане А. И. Любимов, В. А. Рутковский (Александров), Н. Н. Кардашев, Н. Д. Богданов, бывшие студенты Л. Я. Карпов, В. А. Носков, Н. Н. Попов, Ф. И. Кривобоков, Н. И. Кулаков, сын коллежского советника Д. В. Кастеркин, дочь надворного советника Ю. П. Махновец, личный почетный гражданин В. А. Ершов, вдова статского советника А. П. Кравцова, жена почетного гражданина З. А. Нарочницкая, мещанки П. И. Лалаянц, Н. И. Губарева и другие. По данным жандармского наблюдения, все они, несмотря на разные профессии и занятия, были знакомы друг с другом и собирались вместе. Полиция не располагала сведениями о наличии какой-либо антиправительственной организации в губернии, однако, по мнению начальника ВГЖУ полковника П. П. Глобы, все эти неблагонадежные лица составляли кружок по революционным интересам².

Руководство «спецслужб» понимало, что местное подполье отдельных губерний имеет налаженные связи друг с другом, поэтому в декабре 1901 г. по решению ДП МВД была создана группа, в которую входили управления политической полиции нескольких регионов. Им была поставлена задача подготовить операцию по разгрому революционных организаций Юга России. При этом общее направление розыскной деятельности Департамент оставил за собой, а полномочия распределять силы между отдельными губерниями и определять общую дату ликвидаций получил начальник Киевского ГЖУ генерал-майор В. Д. Новицкий³. Сохранились его

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 135. Л. 7–15.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 37.

³ Там же. Л. 37 об. – 38.

воспоминания, в которых имеются упоминания и об этом деле. Они были опубликованы в 1991 г.¹.

Таким образом, еще до создания сети РОО по распоряжению ДП МВД образовывались подобные группы из нескольких ГЖУ, руководство общей работой которых осуществлял начальник одного из управлений – равный с остальными коллегами по занимаемой должности, но, по всей видимости, выделявшийся за счет более высокого воинского звания и своих профессиональных качеств.

Еще до революции 1905 г. власти понимали, что местные группы радикальных партий координируют свою деятельность друг с другом и что одновременная ликвидация целого ряда подпольных ячеек нанесет революционерам куда более ощутимый урон, чем отдельные полицейские операции, не выходящие за рамки губерний.

К середине января 1902 г. воронежские жандармы знали о каждом проводимом собрании группой «американцев» и обладали полными характеристиками входивших в нее лиц². Возможно, именно это позволило достаточно быстро выявить приехавшего в феврале 1902 г. в Воронеж Н. Э. Баумана, который был арестован 12 числа в с. Хлевном Задонского уезда³.

В марте 1902 г. в ДП МВД было расшифровано перехваченное по почте письмо секретаря редакции «Искры» Н. К. Крупской из Мюнхена в Самару И. Е. Рябову (Г. М. Кржижановскому), что стало видным успехом в деятельности перлюстрационных пунктов или «черных кабинетов»⁴. В письме содержались конспиративные имена, пароли, адреса, позволявшие полиции провести ликвидацию «Северного рабочего союза».

Бывшему революционеру, завербованному полицией, а в 1902 г. чиновнику особых поручений при Московском охранном отделении Л. П.

¹ Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма М., 1991.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 135. Л. 7–15.

³ Курсанова А. В. Указ. соч. С. 45.

⁴ Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015. С. 448.

Меньщикову было поручено вступить в контакт с воронежской группой «американцев» и через нее выйти на «Северный рабочий союз». Не вызвав никаких подозрений, сотрудник полиции вошел в доверие к воронежским социал-демократам¹. Он познакомился с одним из лидеров «американцев» А. Н. Любимовым и получил от него необходимые явки, с помощью которых встретился с социал-демократами Ярославля, Костромы и Владимира, раскрыв их личности для последующих арестов². Об успехе Л. П. Меньщиков лично отчитался в телеграмме начальнику Особого отдела ДП МВД Л. А. Ратаеву.

Проведя необходимую подготовительную работу, руководитель рабочей группы полицейских учреждений начальник Киевского ГЖУ В. Д. Новицкий определил время проведения арестов и обысков – ночь на 31 марта 1902 г. (27 числа сообщение об этом получил начальник воронежской жандармерии). В указанное время ВГЖУ провело 18 обысков и арестовало 7 человек: изначально по предварительно собранным уликам полковник П. П. Глоба принял решение поместить под стражу Л. Я. Карпова, А. И. Любимова и Д. В. Кастеркина, в результате обысков арестам подверглись еще четверо – В. А. Рутковский, Н. Н. Кардашев, Ю. П. Махновец и Н. И. Губарева³.

В целом полицейская операция затронула Воронеж, Владимир, Кострому, Ярославль и Москву. К дознанию был привлечен 51 человек, включая Ф. И. Дана⁴.

На допросах задержанные лица отрицали любые обвинения, а по поводу выявленной у них при обысках нелегальной литературы заявили, что получили материалы для личного ознакомления от неизвестных лиц. Экспертиза изъятой печатной продукции показала, что обнаруженное у Л. Я. Карпова, Д. В. Кастеркина, А. И. Любимова и В. А. Рутковского не является

¹ Шамаев В. Г. Во имя спокойствия... С. 175–177.

² Меньщиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Часть 2. Вып. 2. М., 1929. С. 142.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 37 об., 38, 487 об.

⁴ Измозик В. С. Указ. соч. С. 452.

антиправительственной литературой. Не имея времени вникать в подробности содержания, полицейские в ходе обыска изъяли исторические и теоретические работы по политэкономике, которые не могли быть восприняты как доказывающие вину улики¹. Выявленная литература у Н. Н. Кардашева, Ю. П. Махновец и Н. И. Губаревой давала возможность проводить дознание по 4 ч. 251 ст. и 4 ч. 252 ст. Уложения о наказаниях (хранение без цели распространения нелегальной печатной продукции). За это обвиняемым лицам грозило от 7 дней до 3 месяцев ареста с последующим помещением под полицейский надзор на срок от одного до трех лет².

Высочайшим распоряжением 6 августа 1903 г. это дело было решено в административном порядке. Из семи арестованных преследованию подверглись Н. И. Губарева, которая была выслана за пределы Воронежской губернии на 3 года, и Ю. П. Махновец, помещенная под административный арест³.

Итог тщательно спланированной операции оказался скромным. Начальник ВГЖУ полковник П. П. Глоба не смог доказать участие задержанных в какой-либо антиправительственной организации, в том числе в «Северном рабочем союзе». Обращает на себя внимание, что не было выявлено никаких доказательств против тех лиц, которые, по сведениям жандармского управления, являлись лидерами местного подполья. Зато хоть какому-то наказанию подверглись считавшиеся рядовыми деятелями Н. И. Губарева и Ю. П. Махновец, арест которых не был predetermined заранее, а стал результатом проведенных у них обысков.

В то время, когда проводилось расследование по делу «Северного рабочего союза», в Воронеж поступили сведения из Уфимского ГЖУ об обнаружении у арестованного там бывшего студента Московского университета Е. Сазонова конспиративных адресов в Воронеже: помощника

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 488 об., 489.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.). СПб., 1904. С. 257.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 488 об., 489, 548.

присяжного поверенного М. Лапкина, конторщицы Л. Марченко-Назарко и мещанина Н. Саввина. Жандармы провели обыски на этих квартирах и обнаружили массу нелегальной литературы, доказывающей, по мнению П. П. Глобы, тесную связь воронежского и уфимского подполья. Проведенная экспертиза показала, что обнаруженные у Н. Саввина 94 экземпляра толстовской брошюры «Николай Палкин» были гектографированы с переписанной рукописи рукой И. Гульбинского¹. После завершения предварительного дознания ДП МВД уведомил ВГЖУ, что, согласно Высочайшему повелению от 6 августа 1903 г., это дело также должно быть решено административным путем: И. Гульбинский был выслан на 4 года, а Н. Саввин на 3 года в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции².

Результаты этого дознания, проведенного на основании обнаруженных в ходе обысков улик у людей, которых воронежские жандармы не подозревали в незаконной деятельности, оказались даже большими, чем результаты широкой полицейской операции, спланированной заранее и далеко выходящей за рамки Воронежской губернии.

Пример ликвидации группы «американцев» в очередной раз показывает, с какой сложностью офицерам политической полиции приходилось проводить дознания по государственным преступлениям при том порядке, когда полученные от секретной агентуры сведения не воспринимались в судах в качестве доказательств, а других улик просто не было. Во-вторых, в указанном случае проявилась негативная сторона широких полицейских операций. Генерал-майор В. Д. Новицкий назначил время ликвидации, руководствуясь общими стратегическими соображениями и ориентируясь на результаты предварительной работы участвовавших ГЖУ в целом в то время как начальник Воронежского управления, видимо,

¹ В будущем известный советский литературовед уроженец Воронежской губернии И. В. Владиславлев (Гульбинский) написал воспоминания, в которых, в частности, рассказывал о знакомстве с находившимися в Воронеже политическими ссыльными и о своем аресте. См.: И. В. Владиславлев. Из воспоминаний // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2014. Вып. 21. С. 230, 240–241.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 198. Л. 488, 490.

несколько отстал от своих коллег в работе по сбору улик. Если бы полковник П. П. Глоба обладал полной самостоятельностью в принятии решений, он мог отложить аресты и обыски на некоторое время, чтобы собрать более основательные материалы к обвинению.

Тем не менее в середине августа 1903 г. П. П. Глоба был смещен с должности начальника ВГЖУ и переведен на ту же должность в Орловскую губернию. Во многом, данное решение было связано именно с этой неудачной операцией¹.

В октябре 1902 г. избежавшие ареста и освобожденные от преследования полиции искровцы образовали вторую социал-демократическую группу в Воронеже – «Кассу борьбы». Активное участие в создании организации принял сосланный в Воронеж Ф. И. Кривобоков (известный под псевдонимом В. И. Невский, будущий историк и партийный деятель). «Касса борьбы» была ликвидирована ВГЖУ в ночь на 19 февраля 1904 г. В ходе обыска полицейские изъяли гектограф и печатный материал. Во многом этот успех «спецслужб» связан с деятельностью секретного агента П. А. Гридина, которому удалось внедриться в организацию и передавать ВГЖУ нужные сведения².

В книге А. Д. Халимонова указывается, что осенью 1902 г. в Острогожском уезде сформировался ряд социал-демократических кружков, которые объединились в начале 1904 г. в организацию «Воля». ВГЖУ, видимо, не смогло обнаружить их сразу. Автор сообщает, что в июле 1905 г. члены «Воли» объезжали села уезда и занимались агитацией крестьян³.

В 1903 г. жандармы вели наблюдение за несколькими антиправительственными кружками: группой Ц. Витенберг, в которую входили ученицы Воронежской губернской земской фельдшерской школы (большая часть – еврейки), кружком И. Э. Россоловского – В. Н. Лосева, участниками собраний под предводительством ученицы Мариинской

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 41–42 об.; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1217. Л. 1–3.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 143. Л. 57.

³ Халимонов А. Д. Указ. соч. С. 29.

гимназии Н. И. Минаевой, рабочим кружком Н. Н. Мандельштама и еще одной группой учениц фельдшерской школы, возглавляемой М. Л. Кароницкой. Агентура ВГЖУ наблюдала за их деятельностью, сводившейся к чтению и обсуждению антиправительственной литературы. Жандармы вели списки участников этих сходов, выясняли даты собраний. По результатам проделанной работы полковник П. П. Глоба докладывал в ДП МВД. Суть докладов сводилась к тому, что жандармы располагали всей полнотой сведений об указанных кружках и готовились к их ликвидации¹.

Полицейская операция состоялась 14 марта 1903 г. Было проведено 18 обысков, в результате которых жандармы поместили под арест 5 человек: обер-офицерского сына А. Н. Анисимова, мещанина Н. Н. Иванова, крестьян Н. А. Городничева, А. Т. Ширкина и М. С. Арефьева «в виду имеющихся указаний об их политически предосудительной деятельности». После детального осмотра вещественных доказательств 21 марта было принято решение оставить под стражей только Н. А. Городничева и Н. Н. Иванова. У первого нашли значительное количество литературы ПСР и РСДРП, что позволило возбудить против него дознание по 2 ч. 251 т 2 ч. 252 ст. Уложения о наказаниях (хранение с целью распространения незаконной литературы). У второго была изъята толстовская литература, а также переписка с высланным за пределы Российской империи В. Г. Чертковым – другом и ярким сторонником идей Л. Н. Толстого. В мае 1903 г. Н. А. Городничев был освобожден из тюрьмы и помещен под особый надзор полиции, так как ВГЖУ не смогло доказать, что он не просто хранил, но и распространял незаконную литературу, в то время как срок его предварительного ареста уже был сопоставим с максимальным наказанием за хранение преступных материалов без цели распространения. Полковник П. П. Глоба даже был вынужден дать свое согласие на восстановление Н. А. Городничева в фельдшерской школе².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 121. Л. 22–25, 32–34.

² Там же. Оп. 1. Д. 247. Л. 35, 72, 209.

16 августа 1903 г. начальник ВГЖУ П. П. Глоба отчитался перед ДП МВД об итогах операции. Сообщалось об изъятии пяти копировальных устройств, необходимых к ним принадлежностей и массы нелегальной литературы. При этом полковник жандармерии был вынужден констатировать, что в условиях отказа обвиняемых от дачи показаний, сведения о них удалось собрать лишь агентурным путем. Главным результатом операции, по мнению начальника ВГЖУ, стало прекращение крестьянских беспорядков в губернии, а также выявление широкого круга неблагонадежных лиц. Особенно был выделен Н. Н. Иванов как главный распространитель преступных сочинений толстовцев в регионе, через которого они поступали от В. Г. Черткова из лондонской редакции. Однако весомых доказательств вины обвиняемых в распоряжении жандармской полиции не было, поэтому 5 ноября 1904 г. ВГЖУ прекратило расследование¹.

Заметным проявлением антиправительственного движения выступало распространение нелегальной печати. В начале XX в. разбрасывание листовок с революционным содержанием и рассылка прокламаций по почте на случайные адреса приобретают массовый характер в Воронежской губернии. Пропагандистская кампания набирала обороты на фоне новой волны аграрного движения.

В качестве основной причины недовольства крестьян отечественная историография традиционно рассматривает аграрный голод. Рост численности сельских жителей при невозможности расширения пашни экстенсивным путем вызвал проблему «оскудения» крестьянских наделов. При неуклонном увеличении населения страны (если в 1862 г. в Воронежской губернии проживало 1.9 млн. человек, то в 1897 г. количество жителей составило уже 2.5 млн., в 1905 г. – 3.2 млн., а в 1914 г. превысило 3.7 млн.) сокращались средние душевые крестьянские наделы. В то время как в 1861 г. воронежский землепашец пользовался в среднем 4.8 десятинами, к

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 247. Л. 331, 665.

1905 г. размеры участков сократились до 2.6 десятин¹. Таким образом, накануне XX в. в стране нарастал серьезный аграрный кризис, найти выход из которого было не так-то просто. А сама ситуация носила взрывоопасный характер, потому что недовольные крестьяне уже гораздо более внимательно относились к революционной пропаганде, чем в 1870–1880-е гг.

Кстати, данная проблема не осталась незамеченной жандармами. В отчетах ВГЖУ за 1890-е – начало 1900-х гг. не раз упоминалось о «столкновениях между крестьянами и местными помещиками из-за земельного вопроса». Отмечалось, что нередко объективно недовольные люди начинают винить в своих бедствиях не только помещиков, но и царское правительство с его распоряжениями².

Взрывы недовольства не заставили себя ждать. Весной – осенью 1902 г. крестьянские беспорядки пронесли по Воронежской, Волынской, Курской, Полтавской, Подольской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Херсонской, Харьковской, Черниговской губерниям и на Кубани³. В целом только в Воронежской губернии с 1900 по 1904 гг. произошло 83 аграрных выступления, выразившихся в форме незаконных потрав помещичьих угодий, отказа от исполнения требований властей, а иногда и поджогов⁴.

Эти события послужили поводом к образованию новой полицейской структуры – уездной полицейской стражи, введенной по закону от 5 мая 1903 г. поэтапно в 46-ти губерниях Европейской России: в 1903–1904 гг. в 15 регионах, включая Воронежскую губернию, и с 1905 по 1908 гг. в остальных местностях⁵.

¹ Карпачев М. Д. «Усиленного разврата не замечалось». Куда шла столыпинская реформа в Воронежской губернии? // Родина. 2012. № 4. С. 69.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 82. Л. 15, 102.

³ Степанова Е. И. К вопросу о становлении полицейской стражи Курской губернии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). Режим доступа – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-standovlenii-politseyskoj-strazhi-kurskoj-gubernii>. (дата посещения: 20.04.2016).

⁴ Салтык Г. А. Указ. соч. С. 131.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1881–1913. Т. 23. № 22906.

Во время крестьянских волнений 1902 г., как и прежде, помощь местным властям в наведении порядка оказывали военные части. Начальник Воронежской губернии П. А. Слепцов, например, использовал для этих целей 4 армейские роты дислоцированных в регионе резервных батальонов. Роль ВГЖУ в развивающихся событиях сводилась к обнаружению зачинщиков беспорядков. Отдельное беспокойство у жандармов вызывало возможное участие подстрекателей от революционных организаций, так как неподалеку от охваченных волнениями местностей полиция обнаружила агитационные листовки. В феврале 1902 г. в ряде сел Задонского уезда были распространены эсеровские прокламации, весной же в соседних с Задонским уездах произошли первые за этот год крестьянские выступления¹.

Тем не менее, глубоко проанализировав природу народного недовольства, начальник ВГЖУ П. П. Глоба сообщил в отчете ДП МВД от 24 июня 1902 г., что даже, несмотря на выявленные следы агитации среди крестьян, главной причиной беспорядков оставался экономический фактор: малоземелье, бедность, притеснения со стороны помещиков и др. В подстрекательстве же полковник жандармерии обвинил высланных из Москвы по политическим мотивам, большое количество которых было сосредоточено в губернии. Политическая полиция фиксировала, что они продолжают свою нелегальную деятельность и оказывают вредное влияние на местное население. Поэтому П. П. Глоба сделал вывод о том, что «административно высланные лица – крайне опасный и нежелательный элемент в провинции»².

Борьба с распространением нелегальной литературы, рассылкой и разбрасыванием агитационного материала, начиная с начала XX в., стала одним из приоритетных направлений работы политической полиции. Преступники действовали в двух направлениях: оставаясь незамеченными, подпольщики раскидывали листовки в местах скопления людей, или, чтобы

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 100. Д. 1ч. 53. л. В. Л. 9–11.

² Там же. Л. 36, 60, 90.

не быть вычисленными властями, отправляли чаще всего из-за границы на случайные адреса письма с прокламациями. В прежние годы революционеры не распространяли незаконные воззвания в таких объемах.

Если кто-либо обнаруживал революционную листовку и сообщал об этом в полицию, на место, где был разбросан агитационный материал, выезжал унтер-офицер ГЖУ. Тем не менее исследование указанной территории не давало жандармам новых улик. Свидетели также чаще всего не могли сообщить чего-либо важного. Поэтому в большинстве случаев при отсутствии возможности расследования подобных преступлений они оставались в ведении общей полиции. Затем по результатам проделанной работы уездные исправники отчитывались начальникам ГЖУ¹.

Ярким примером подобного дела стало обнаружение 11 июня 1902 г. разбросанных у железнодорожной станции Лиски листовок, призывающих солдат и рабочих бунтовать против правительства. На место происшествия прибыл жандармский унтер-офицер, но не смог узнать ничего существенного помимо самого факта распространения агитационного материала².

Расследование рассылок писем с революционным содержанием было не менее сложной задачей. 12 февраля 1902 г. инспектор Воронежской гимназии М. И. Высоцкий получил гектографированную копию воззвания «К студентам от Санкт-Петербургских гимназистов». Об этом 27 числа директор учебного заведения М. П. Григоровский поставил в известность начальника ВГЖУ. В подобных случаях жандармы действовали в определенной последовательности. Прежде всего, получивший письмо М. И. Высоцкий был подвергнут проверке на предмет выявления политической неблагонадежности, которую он прошел без нареканий. Текст воззвания был отправлен в Санкт-Петербург для пополнения библиотеки революционных изданий, которую собирал ДП МВД, чтобы власти оставались в курсе изменений в революционном лагере. Затем жандармы приступали к

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 195. Л. 80–82.

² Там же. Л. 39–41.

выяснению личности отправителя, на чем обычно расследование заканчивалось, так как выявить не только составителей прокламаций, но и тех лиц, которые их распространяли, было очень сложно. Уже в донесении от 2 марта 1902 г. П. П. Глоба отчитался о полной невозможности расследовать это преступление¹.

Таким же образом в феврале 1902 г. ВГЖУ отреагировало на заявление директора Воронежского реального училища Г. П. Каченовского о том, что на его адрес пришло письмо с революционной брошюрой «Ко всем киевским работницам и рабочим». Убежденные в своей безопасности революционеры позволяли себе писать анонимные письма даже жандармам. 26 ноября 1902 г. полковник П. П. Глоба получил письмо от эсеров с требованием выпустить из тюрьмы двух политических арестантов. Снова выяснить личность отправителей не получилось, так как письмо было направлено из-за границы².

Только в 1902 г. ВГЖУ зарегистрировало от 40 до 50 подобных случаев распространения нелегальной печати в Воронежской губернии. Около четверти примеров были связаны с обнаружением разбросанных листовок. В большинстве же случаев прокламации рассылались по почте, что, по всей видимости, было гораздо проще и безопаснее³.

Часто местные власти узнавали о наличии у себя в регионе антиправительственной группы как раз после обнаружения пропагандистских материалов. Например, 28 декабря 1902 г. П. П. Глоба сообщил в ДП МВД об обнаружении прокламации «Ко всем воронежским рабочим» за подписью Воронежского комитета РСДРП. При этом жандармский полковник указал, что, по его данным, материалы были отпечатаны в Ростове-на-Дону, а потом распространены в Воронеже ссыльными рабочими. В ответ на это директор ДП МВД А. А. Лопухин потребовал приложить все возможные усилия для поиска и ликвидации

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 195. Л. 4.

² Там же. Л. 120.

³ Там же. Л. 1–170.

воронежского комитета, признаки наличия которого оказались налицо¹. Тем не менее даже в сообщении в ДП МВД от 5 июня 1903 г. П. П. Глоба настаивал на отсутствии в Воронежской губернии нелегальных типографий и на принадлежность ростовским революционерам прокламаций, рассылаемых от имени Воронежского комитета РСДРП, хотя наличие последнего полковник уже не оспаривал².

В конце 1904 г. власти стали обнаруживать листовки местных социал-демократических групп: в Бирюченском, Воронежском и Острогожском уездах³.

Полицейские руководители прекрасно понимали сложность расследования таких дел, поэтому 17 июля 1903 г. было издано циркулярное распоряжение возбуждать формальные дознания по ним, когда есть информация о личности распространителей, при обнаружении большого тиража незаконной печатной продукции со схожим содержанием, в случае агитации в сельской местности и в воинских частях. При других обстоятельствах ДП МВД разрешал местным розыскным органам осуществлять наблюдение без выполнения формальных следственных действий⁴.

Также столичное ведомство нацелило местные жандармские управления на выявление и закрытие нелегальных типографий, в которых выпускалась печатная продукция революционных организаций. Это принесло положительные результаты. 13 мая 1902 г. ВГЖУ ликвидировало эсеровскую печатную мастерскую в доме Л. И. Чернышева. В ночь на 27 июня при обыске на квартире служащего земской управы Г. Н. Яковлева полиция выявила типографию толстовцев⁵. В июле во время ареста

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 195. Л. 167, 167 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 117. Л. 20.

³ Степынин В. А. Листовки большевиков в деревне Воронежской губернии в период Революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 7.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 8, 8 об.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 149. Л. 8.

острогужской группы ПСР жандармы изъяли гектограф и все необходимые материалы для распространения листовок¹.

Первые за XX в. сведения о местных рабочих кружках поступили в ВГЖУ в 1903 г., когда стало известно о возникновении рабочей организации на заводе Веретенникова и К.² Такой же кружок действовал и на заводе Гаусмана-Бухонова. Деятельность обеих организаций освещалась жандармской агентурой³. Не смотря на хорошую осведомленность о рабочем движении в Воронежской губернии, в 1901–1904 гг. в регионе имело место открытое выступление на предприятии. В день 1 мая 1904 г. произошел митинг мастеровых завода Столля. Это мероприятие не носило массового характера, было быстро прекращено, а его зачинщики либо просто уволены, либо еще и высланы из губернии. После событий на заводе Столля было устроено полицейское расследование, в результате которого ВГЖУ обнаружило и ликвидировало рабочий кружок бригадира П. Гольберта, арестовав вместе с ним рабочих железнодорожных мастерских Ф. и А. Архиповых, В. Попова и др. В их отношении было проведено дознание по статьям 251 и 318 за принадлежность к незаконному обществу и распространение прокламаций⁴.

С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. ВГЖУ помогало общей полиции охранять порядок в ходе проведения призывных и мобилизационных мероприятий. Основной задачей политической полиции при этом являлось недопущение к призывникам агитаторов революционных партий. Однако, судя по донесениям ВГЖУ, подобных попыток в 1904 г. местное подполье не предпринимало⁵.

Об интенсивности работы жандармов за этот период свидетельствуют статистические материалы. В 1904 г. ВГЖУ провело 52 дознания по

¹ Куцеволов А. А. Эсеры в Воронежской губернии... С. 246.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141. Л. 29.

³ Там же. Д. 143. Л. 3, 4.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 200. Д. 2071. Л. 1–3; ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 3.

⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 518. Л. 1–13.

политическим делам в порядке ст. 1035 Уст. Уг. Суд. и 3 дела в порядке «Положения...» 14 августа 1881 г.¹ Около 120 человек становились объектами наружного наблюдения². В мае того же года воронежские жандармы проводили следственные действия в отношении 81 обвиняемого, причем 4 из них находились в бегах. К декабрю число подследственных сократилось до 54 человек (1 из них скрывался от полиции)³. Под полицейским надзором (гласным и негласным) в целом в 1904 г. находилось 190 человек⁴.

В данный период одним из тех, за кем осуществлялся негласный надзор, был литератор, мемуарист и педагог Н. Ф. Бунаков, который 26 августа 1902 г. позволил себе выступить с обличительной антиправительственной речью во время заседания Воронежского уездного комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. За это по распоряжению министра внутренних дел В. К. Плеве он был отправлен под гласный полицейский надзор на 3 года в свое имение в Воронежской губернии. После убийства министра его преемник П. Д. Святополк-Мирский 26 августа 1904 г. снял все ограничительные меры, однако 8 ноября Н. Ф. Бунаков умер в Санкт-Петербурге. 15 числа воронежские «антиправительственные элементы» провели по нему панихиду, причем во время нее допускались выкрики «Долой монархию!» и «да здравствует Конституция!». Рапорт об этом был составлен вахмистром ВГЖУ Д. Ивановым, а информация передана в ДП МВД начальником управления В. З. Тарховым⁵.

Большая часть расследований касалась обвинений в заочном оскорблении кого-либо из членов царской семьи. Эти дела не рассматривались в качестве серьезных политических преступлений даже

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 173. Л. 96–97.

² Там же. Оп. 1. Д. 523. Л. 8–46.

³ Там же. Д. 446. Л. 392–499.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 173. Л. 96–97.

⁵ Похороны Н. Ф. Бунакова. Новые материалы / подг. А. Н. Акиншин // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 3. Воронеж, 1994. С. 144–146.

сотрудниками государственной полиции. Поэтому в целом до 1905 г. общественно-политическая ситуация в Воронежской губернии не вызывала беспокойства жандармов.

Многие дознания по фактам оскорблений царской особы проводились на основании ложных доносов и вообще не имели в себе состава преступления. В качестве примера можно снова обратиться к уже рассмотренной ранее жандармской переписке, проводимой ВГЖУ с 16 августа по конец октября 1902 г., о священнике хутора Богачевки Валуйского уезда Автономове, который был оклеветан псаломщиком Васильевым.

Нередко жандармам приходилось проводить дознания по фактам оскорблений, имевших срок давности более одного года. В таких случаях не всегда удавалось собрать доказательства, а зачастую и найти самого обвиняемого. 7 ноября 1900 г. белгородский мещанин Кишин в волостном правлении слободы Уразово Валуйского уезда при чтении биржевых ведомостей о состоянии здоровья императора позволил себе выразиться, что «государь был пьян, туда его мать, у него голова болит с похмелья». Опомнившись, мещанин попросил прощения у свидетелей и объяснил свои слова состоянием опьянения. 28 января 1902 г. об этом происшествии узнал жандармский унтер-офицер Коломейцев и доложил руководству. Несмотря на то, что в ходе проверки благонадежности мещанина не было обнаружено никаких компрометирующих его сведений кроме склонности к алкоголю, в феврале на Кишина завели дознание, а 26 июня воронежские жандармы направили в ДП МВД ходатайство о включении обвиняемого в списки разыскиваемых политических и уголовных преступников, которые периодически рассылались по губерниям из столицы. Однако до 15 января 1903 г. обвиняемый не был включен Департаментом в розыскной циркуляр. По всей видимости, в столице это дело посчитали недостойным внимания следственных органов. 16 января начальник ВГЖУ П. П. Глоба закрыл

производство по причине отсутствия сведений о местонахождении обвиняемого¹.

В 1901–1904 гг. ВГЖУ столкнулось с широкой волной антиправительственной агитации, распространяющейся на фоне крестьянских беспорядков. В то же время в губернии появляются крупные объединения радикалов.

При этом стоит обратить внимание на то, что до событий 1905–1907 гг. местные революционные организации обозначались воронежскими жандармами термином «антиправительственный кружок». О том, что в губернии действует партийный комитет РСДРП, ВГЖУ узнало в декабре 1902 г. из подписей на распространяемых подпольщиками прокламациях. В материалах жандармерии вовсе не упоминается Воронежский комитет ПСР, возникший в 1903 г. По мнению Г. А. Салтык, он был хорошо организован и законспирирован своими руководителями С. А. Витковичем и И. А. Прозоровским, что позволило ему, избегая полицейских ликвидаций, просуществовать до 1906 г.²

В начале XX в. многие дела о политических преступлениях приходилось разрешать административным путем в порядке чрезвычайного законодательства, так как после арестов не всегда получалось собрать необходимые доказательства, чтобы привлечь революционеров к уголовной ответственности. Эта временная мера давала лишь небольшую передышку властям, так как, возвращаясь из ссылки, подпольщики вновь приступали к антиправительственной деятельности. Данная проблема была характерна не только для ВГЖУ, но и для большинства провинциальных учреждений государственной полиции.

Однако на фоне определенных трудностей с расследованием преступлений и доведением дел до суда стоит отметить, что воронежские жандармы адекватно оценивали общественно-политическую обстановку в

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 165. Л. 3, 6–9, 13.

² Салтык Г. А. Указ. соч. С. 133–134.

регионе. В отчетах ВГЖУ большое внимание уделялось недовольству крестьян малоземельем и притеснениями со стороны помещиков, указывалось, что это ведет к росту протестных настроений среди широких слоев населения губернии.

§ 3. Работа воронежской жандармерии в условиях революции 1905–1907

гг.

Революция 1905–1907 гг. стала настоящей проверкой на прочность для российских властей. Впервые за всю историю империи правительство столкнулось с массовыми выступлениями, затронувшими всю страну. Причины революции крылись в глубоких противоречиях в экономике, политической и социальных сферах общества. А непосредственным катализатором для взрыва недовольства стало «кровавое воскресенье» – расстрел 9 января 1905 г. демонстрации рабочих в Санкт-Петербурге прямо на площади у Зимнего дворца и крайне жестокое подавление других манифестаций, проходивших в тот момент в столице.

Однако в условиях массовых протестов властям удалось сохранить контроль над силовыми структурами: «спецслужбами», полицией и, самое главное, армией. Путем насилия и уступок, главной из которых стало осуществление программы реформ, декларированной Манифестом 17 октября 1905 г., правительство смогло стабилизировать общественно-политическую обстановку в стране и подавить революцию, продлив существование Российской империи еще на десять лет.

Основной отличительной особенностью периода революции 1905–1907 гг. в истории российских органов политического сыска служит то, что в данное время государственная полиция при неизменном материальном и финансовом обеспечении, с тем же количеством сотрудников столкнулась с резким возрастанием объемов работы.

В обстановке массовых беспорядков «спецслужбы» зачастую уходили в тень, уступая пальму первенства местным властям, общей полиции и призываемым для подавления акций протеста военным командам. Тем не менее именно этот период наиболее ярко характеризует эффективность политической полиции, потому что показывает, как она проявляла себя в экстремальных условиях.

Первостепенной задачей «спецслужб» в данное время выступало обеспечение безопасности представителей власти. С самого начала XX в. террористы радикальных партий в первую очередь ПСР развернули настоящую охоту на высших государственных чиновников и военачальников. В годы революции от рук боевиков погибли генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, московский градоначальник граф П. П. Шувалов, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г. П. Чухнин, командир Семеновского полка Г. А. Мин, петербургский градоначальник В. Ф. фон дер Лауниц и многие другие.

В Воронежской губернии местные революционеры, как и везде в стране, угрожали политическими убийствами и терактами в отношении первых лиц региона. В конце января – в начале февраля 1905 г. ВГЖУ получило ряд агентурных сообщений о подготовке покушения на губернатора С. С. Андреевского. Об этом начальник ВГЖУ В. З. Тархов предупредил воронежского полицмейстера А. О. Бернатовича, руководство ДП МВД и лично министра внутренних дел. Также были приняты дополнительные меры охраны главы региона¹.

Послание с угрозой расправы, датированное 23 февраля 1905 г., было отправлено и воронежскому архиепископу Анастасию (Добрадину). Архиепископу предлагалось самому удавиться, в противном случае авторы послания – члены «Исполнительного комитета по оказанию помощи угнетенным» – обещали взорвать его динамитом, причем возлагая в этом случае на епископа всю полноту ответственности за сопутствующие жертвы.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 253. Л. 14.

ВГЖУ не смогло обнаружить следов данной преступной группы. Впрочем, само покушение так и не состоялось¹.

Неоднократно письма с угрозами получали и руководители полиции Воронежской губернии: общей, ВГЖУ и различных отделений ЖПУ ж. д. Не раз совершались покушения на чиновников уездной администрации. Например, 22 августа 1907 г. был ранен в ногу валуйский исправник М. З. Тархов². Всего за время революции 1905 г. было совершено 10 покушений на сотрудников общей полиции, а 7 апреля 1907 г. члены боевого отряда эсеров застрелили вахмистра Воронежского ЖПУ ж. д. И. Снурникова³. Без потерь не обошлось и в самом жандармском управлении – 13 июня 1907 г. при розыске участников крестьянского братства Грачева и Шабанова был убит унтер-офицер ВГЖУ Ф. Каверин⁴.

В апреле 1906 г. осведомители Воронежского ЖПУ ж. д. выяснили, что среди железнодорожных рабочих имеется преступная группа, планирующая взорвать канцелярию ВГЖУ и все три управления полицейских частей города с целью отомстить за увольнения и аресты после недавних забастовок⁵. Правда, эта информация не подтвердилась.

Ярким началом череды революционных потрясений в Воронежской губернии послужила масштабная демонстрация в Воронеже, которая началась 4 февраля 1905 г. с того, что мастера воронежских железнодорожных мастерских прекратили все работы и предъявили управляющему Юго-Восточной железной дорогой список экономических требований (сокращение рабочего дня, повышения заработной платы), а также декларировали свое намерение бороться за политические права и свободы. На следующий день к стачке присоединились рабочие других воронежских заводов. Состоялся многочисленный митинг, на котором среди

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 253. Л. 19–21.

² Там же. Д. 350. Л. 38, 190.

³ Квасов О. Н. Революционный терроризм... С. 146, 208.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 17.

⁵ Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 44.

прочих выступили агитаторы революционных партий. Полиция предприняла попытку разогнать демонстрацию, однако это не увенчалось успехом. В итоге после упорного сопротивления со стороны демонстрантов правление ЮВЖД и администрация воронежских заводов пообещали пойти на уступки¹.

После завершения активных рабочих выступлений последовало полицейское расследование, основной целью которого стал поиск не выявленных рабочих кружков и установление их связей с революционными партиями. На эту работу были брошены основные силы ВГЖУ, а за ее ходом пристально следили в ДП МВД.

В результате жандармы выявили и провели ликвидацию возникшего в начале 1905 г. в Воронеже социал-демократического «рабочедельческого» кружка, ключевые позиции в котором занимали Ю. П. Махновец и Н. И. Попов. О работе нелегалов жандармы узнали в марте 1905 г. К июлю ВГЖУ обладало значительным объемом полученных в большей степени агентурным путем сведений об их деятельности.

Организация под руководством Ю. П. Махновец и помогающего ей семинариста Н. И. Попова действовала на частных заводах Гаусмана и Веретенникова, а также в мастерских ЮВЖД. Они проводили сходки рабочих, распространяли нелегальную литературу, преследуя цель организации полномасштабного восстания. С 7 марта по 29 апреля 1905 г. нелегальные собрания проводились регулярно на конспиративных квартирах – 13 раз в 7 местах. В частности, 20, 23 и 24 апреля состоялись сходки в лесу за Ботаническим садом, где решался вопрос об организации в Воронеже первомайской демонстрации².

1 мая 1905 г. Н. И. Попов был совершенно случайно задержан общей полицией на подступах к Кольцовскому скверу. Он попался с поличным, так как у него был изъят красный флаг с надписями «Российская социал-

¹ Панова В. И. История Воронежского края. Воронеж, 2008. С 132–133.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 219. Л. 106–107.

демократическая рабочая партия» и «Пролетарии всех стран – соединяйтесь»¹.

За остальными участниками кружка было установлено секретное наблюдение. Очередное собрание «рабочедельцев» 28 мая 1905 г. в саду у дома жены врача Мартыновой проходило уже под негласным контролем полиции².

24 июня 1905 г. полковник В. З. Тархов подписал постановление об арестах и обысках в порядке положения 14 августа 1881 г. Начальник ВГЖУ констатировал, что «...радикальные идеи и революционные тенденции, нашедшие доступ себе в среду местных жителей, за последнее время получили значительное развитие, причем более определенное и решительное направление их выразилось в деятельности нескольких лиц, сгруппировавших около себя единомышленников». Поэтому арест этого революционного ядра позволял надеяться на снижение радикальных настроений в обществе. Такими соображениями обосновывалась достаточно поспешная операция. К тому же решение о ликвидации было принято полковником В. З. Тарховым не совсем самостоятельно. 16 июня 1905 г. от заведующего Особым отделом ДП МВД Л. П. Меньщикова поступило предложение в самое скорое время пресечь деятельность социал-демократических агитаторов в Воронеже, так как, на основании отчетов ВГЖУ, был сделан вывод о том, что деятельность рабочего кружка Ю. П. Махновец «за последнее время значительно развилась и, видимо, имеет заметный успех...»³.

В ночь на 25 число были проведены аресты и обыски у 23 лиц, включая дочь надворного советника Ю. П. Махновец⁴. По материалам дела 29 июня было возбуждено формальное дознание по предусматривающим наказание сроком до 8 лет каторжных работ 126, 127 и 130 ст. Уголовного

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 219. Л. 107 об.

² Там же. Л. 108 об.

³ Там же. Д. 241. Л. 1, 1 об., 4 об.

⁴ Там же. Д. 219. Л. 1, 1 об.

уложения¹. Вел его помощник начальника ВГЖУ в Воронежском и других уездах подполковник В. Д. Самойлов².

В результате обысков 25 июня у Ю. П. Махновец нашли целый перечень нелегальной литературы, прокламаций Воронежского комитета РСДРП и различных оппозиционных брошюр, причем в достаточно большом количестве экземпляров. Еще у троих были обнаружены отдельные копии антиправительственных воззваний. Обыск у остальных подозреваемых не принес результатов³.

К делу Ю. П. Махновец был добавлен еще один эпизод. В распоряжении ВГЖУ имелись агентурные сведения об ее участии в заседании Воронежского отдела Русского общества охранения народного здоровья, которое состоялось 27 мая в помещении Воронежской городской управы. Во время обсуждения доклада о прививке против холеры Ю. П. Махновец попросила слово и перевела дискуссию на острые политические вопросы, включая проблему положения рабочих. После завершения своего выступления, которое нашло отклик у участников собрания, продолжавшегося до поздней ночи, социалистка устроила сбор денег на нужды революции в России⁴.

Попытка привлечь Ю. П. Махновец к уголовной ответственности за сбор денег и срыв конференции врачей 27 мая 1905 г. не увенчалась успехом, несмотря на твердую уверенность в ДП МВД, что воронежскому управлению не составит затруднения найти доказательства ее вины. ВГЖУ не смогло уговорить ни одного из свидетелей дать показания против этой отважной женщины⁵.

Формальное дознание в отношении участников «рабочедельческого» кружка велось до 30 сентября 1905 г. Обвиняемыми проходили 3 человека,

¹ Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 26–29.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 241. Л. 55.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Д. 219. Л. 134.

⁵ Там же. Л. 136.

еще 13 содержались под арестом в порядке Положения об охране. В конце концов, дело развалилось по причине недостаточного объема улик. Все арестованные в порядке Положения 14 августа 1881 г. вышли на свободу, а три основных фигуранта, включая Ю. П. Махновец и Н. И. Попова, были высланы за пределы Воронежской губернии¹.

По результатам дела В. З. Тархов получил взыскание от ДП МВД, потому что ВГЖУ не смогло довести казавшееся перспективным дознание до судебного рассмотрения². Ему поставили в вину отсутствие улик и то, что к концу второго месяца следственных работ удалось обнаружить лишь одну свидетельницу, не отказавшуюся от дачи показаний³. В большей степени дело основывалось на агентурных данных и сведениях наружного наблюдения, которые не учитывались судьями как весомые улики.

В ходе расследования в очередной раз перед государственной полицией стоял выбор: либо не торопясь собирать улики и подготавливать необходимые материалы для проведения арестов и обысков, затем в быстрые сроки завершать дознание и передавать в судебные органы, либо немедленно проводить ликвидацию, пресекая возможность революционерам осуществлять свою антиправительственную деятельность. И в прежние годы ВГЖУ (зачастую под определенным нажимом ДП МВД) тяготело ко второму варианту. В условиях массового недовольства населения и непрекращающихся беспорядков выбор в сторону поспешных ликвидаций был еще более очевиден. В результате многие дела не доходили до судебного рассмотрения, и вместо получения длительных сроков каторги обвиняемые лишь высылались в другие регионы Российской империи, где продолжали подпольную деятельность. Либо сбегали обратно в Воронеж, как, например, та же Ю. П. Махновец.

Дополнительным фактором, влиявшим на эффективность следственной работы политической полиции, являлась сложность ведения

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 241. Л. 148.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 144. Л. 3–8.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 241. Л. 147.

дел о государственных преступлениях. Главная трудность заключалась в поиске свидетелей, готовых дать показания против обвиняемых. Во-первых, о деятельности революционеров зачастую могли свидетельствовать лишь их товарищи по организации, которые, если и шли на это, то только в качестве секретных агентов, показания которых не учитывались судьями. Другие свидетели очень редко изъявляли желание выступать на заседаниях, потому что оставшиеся на свободе товарищи революционеров их запугивали, а зачастую и убивали. Например, 21 августа 1907 г. был застрелен бывший волостной старшина И. В. Шмелев, служивший в 1903–1906 гг. и оказывавший поддержку розыску, разгоняя беспорядки и выступая на политических процессах против революционеров¹. Даже в относительно спокойном 1909 г. воронежскими эсерами была организована расправа над крестьянином И. Толмачевым, который в 1908 г. был осведомителем станового пристава Семенова и помогал полиции в поиске вооруженных банд экспроприаторов в Бобровском, Павловском и Новохоперском уездах². Это значительно усложняло ведение формальных дознаний и оправдывало выбор в пользу производства дел по «Положению...» 14 августа 1881 г.

В целом можно согласиться с мнением О. Н. Квасова о том, что жандармские управления стремились как можно быстрее провести повальные аресты революционеров, чтобы потом, уже изолировав политических преступников, собирать против них достаточные для судебного производства улики и пытаться добиться от них признательных показаний. Однако при такой тактике за решеткой обычно оказывались рядовые подпольщики, в то время как их лидеры и террористы оставались на свободе³.

После февральской стачки и ликвидации «рабочедельческого» комитета забастовки рабочих Воронежа не прекратились. С меньшей интенсивностью они продолжились и в апреле – июне 1905 г.⁴ В октябре

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 350. Л. 132.

² Квасов О. Н. Революционный терроризм... С. 79.

³ Там же. С. 164.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 180. Л. 5, 6.

1905 г. в рамках объявленной в Москве всеобщей политической забастовки на улицы вышли практически все слои населения. С 12 числа митинговали рабочие воронежских железнодорожных мастерских, заводов Иванова-Веретенникова и Столля. По принуждению митингующих прекратили работу телеграфисты, рабочие и служащие казенного винного склада, работники управления ЮВЖД.

Ежедневно на митингах присутствовало от 3 до 7 тыс. человек. На следующий день к забастовке присоединились служащие губернской и уездной земских управ. Было образовано Делегатское собрание, в состав которого входили 5 социал-демократов и 4 эсера. К концу октября на улицах находились учащиеся, типографские работники, аптекари и др. – забастовка приобрела всеобщий характер. В этих условиях ВГЖУ не могло оказывать серьезное влияние на ход событий и выступало лишь как наблюдатель, выявляя основных зачинщиков акций протеста и подстрекателей к демонстрациям со стороны революционного подполья. 21–22 октября в городе произошел еврейский погром, после которого 25 октября Делегатское собрание само постановило о прекращении всеобщей забастовки¹.

Касаясь еврейских погромов, в историографии, особенно в советский период, неоднократно выдвигались гипотезы о причастности к их организации сотрудников царских «спецслужб». В последнее время эти предположения не раз опровергались. Очередным свидетельством служит телеграмма П. А. Столыпина от 12 июня 1906 г. на имя начальника ВГЖУ В. З. Тархова. Сообщалось, что 18 числа воронежские черносотенцы планируют устроить погром, начало которого требовалось не допустить «в самом зародыше»².

7 декабря 1905 г. Делегатское собрание объявило очередную забастовку с 8 числа. Акции протеста полностью парализовали работу железнодорожной сети на территории губернии. Бастующие пропускали

¹ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 55–57.

² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 76–77.

только эшелоны с солдатами, возвращавшимися с фронтов русско-японской войны. Протестовали рабочие и учащиеся. Отряды народной милиции и дружинников заняли телеграф, вокзал и другие ключевые объекты. 15 декабря губернатор С. С. Андреевский запретил все публичные мероприятия и собрания. На следующий день Воронежская губерния была объявлена на военном положении. В регионе прошла волна арестов. Восстановлением порядка местные власти занимались при помощи войск¹.

В 1906 г. и в последующие годы сопоставимых по масштабам акций протеста в губернии больше не наблюдалось, и ВГЖУ в целом принимало более активное участие в борьбе с революцией. С весны 1906 г. жандармы еще тщательнее наблюдали за воронежскими рабочими. Любые сведения о незаконных собраниях и кружках незамедлительно сообщались властям региона.

Например, 29 апреля 1906 г. начальник ВГЖУ В. З. Тархов сообщил назначенному в январе губернатору М. М. Бибикову о пустом доме, в котором собираются железнодорожные рабочие в количестве до 100 человек. Пускали туда по паролю, и вокруг здания находилась охрана. Эта информация вызвала тревогу властей, которые готовились к массовым рабочим выступлениям 1 мая 1906 г., но серьезных демонстраций так и не состоялось. Лишь на заводе Столля в этот день собирался кружок модельщика Громова, члены которого пели революционные гимны и читали прокламации².

Несмотря на революционное время, определенные экономические требования рабочих признавались справедливыми даже офицерами ВГЖУ. В условиях острого кризиса «спецслужбы» не только преследовали радикалов, но и стремились к пониманию подлинных причин выступлений, грамотно оценивая экономическую и общественно-политическую ситуацию в стране.

¹ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 58, 59.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 185. Л. 15, 16.

Например, в конце июня 1906 г. в очередной раз бастовал завод Столя. Отслеживая настроения сотрудников предприятия, полковник В. З. Тархов признал, что «при настоящих нищенских окладах и возрастающей дороговизне» лишь существенное повышение оплаты труда может предотвратить всеобщую забастовку и указывал на необходимость повышения расценок рабочим и конторщикам минимум на 20 %, а не на 5 %, как сделало правление завода. По сведениям жандармов, это минимальное повышение было воспринято в качестве насмешки и вызвало общее негодование¹.

Помощь жандармам в наблюдении за рабочим движением оказывало и столичное полицейское ведомство. В связи с падением производства и общим экономическим кризисом в конце 1906 г. последовали сокращения на конфетной фабрике в имени Ольденбургских в Рамони. Это вызвало определенные брожения на предприятии. 17 февраля 1907 г. начальнику ВГЖУ В. З. Тархову поступило сообщение из ДП МВД с просьбой осветить ситуацию вокруг фабрики, на которой, по данным столичного полицейского ведомства, действовала революционная организация. В ответ 4 марта 1907 г. жандармский полковник отчитался, что в декабре 1906 г. им был внедрен агент, но в связи с тем, что его устройство на работу совпало с массовыми сокращениями, рабочие отнеслись к нему подозрительно и не делились нужной информацией. Через некоторое время полицейский осведомитель был убран с предприятия. ВГЖУ, тем не менее, удалось выяснить, что на фабрике действует «рабочий союз партии социалистов-революционеров», в котором состоят от 8 до 10 рабочих².

Борьба с рабочим движением являлась одним из главных направлений работы ВГЖУ в 1905–1907 гг. Полицейские понимали, что массовые выступления и прекращение работ является результатом деятельности агитаторов, которые, пользуясь недовольством людей своим материальным

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 92.

² Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 288. Л. 25, 25 об.

положением, подталкивают их к беспорядкам, во время которых наряду с экономическими требованиями выдвигаются и политические. Пресечь это можно было только путем выявления и ликвидации партийных ячеек революционеров и одновременно с этим удовлетворения некоторых справедливых требований рабочих.

К началу 1905 г. в Воронежской губернии существовали три социал-демократические группы. С 1898 г. действовали т. н. «Старый комитет», возглавляемый семьей Махновец, Воронежский комитет РСДРП (ВК РСДРП) – бывшая «Касса борьбы», и социалистическая группа среди учащейся молодежи. Они не имели тесных связей друг с другом, что, по всей видимости, и позволило ВГЖУ достаточно быстро с ними справиться.

Уже в январе 1905 г. Воронеж был вынужден покинуть один из организаторов «Старого комитета» Д. С. Постоловский и ряд его соратников по борьбе с правительством. Они попали в поле зрения полиции и находились под наблюдением. 9 февраля 1905 г. ВГЖУ арестовало типографию ВК РСДРП, парализовав агитационную работу социал-демократов. (Последней крупной акцией этой типографии стала печать трех видов прокламаций, составленных воронежскими социал-демократами и разбросанных 14 января 1905 г. на улицах находящихся рядом с Воронежем Ямской и Троицкой слобод. Тогда было поднято и передано полиции 146 листовок¹). Летом 1905 г. был разгромлен «рабочедельческий» кружок Ю. П. Махновец и Н. И. Попова, о котором уже было сказано выше. 25 мая 1905 г. состоялось первое собрания «Союза борьбы» – рабочего кружка, подконтрольного большевикам И. Я. Жилину и Д. И. Часовникову. Однако в декабре 1905 – январе 1906 г. последовала массовая волна арестов лидеров воронежских социал-демократических организаций: И. Я. Жилина, Н. Н. Исполатова, Н. Н. Кардашева и др. (ВК РСДРП), Н. А. Городничева, М. Е. Казимилова, П. Славгородского и др. (меньшевистский комитет); Л. П. и Ю.

¹ Степынин В. А. Листовки большевиков в деревне Воронежской губернии в период Революции 1905–1907 гг. // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 7.

П. Махновец, М. П. Михайлова – (новый рабочедельческий комитет). Аналогичному разгрому подверглось и Делегатское собрание¹.

В августе 1906 г. произошла ликвидация военной организации при ВК РСДРП: была арестована типография и более 200 активистов. Сама группа возникла в ноябре 1905 г., а к июлю 1906 г. насчитывала уже 200–300 участников и 1.5–2 тыс. сочувствующих. Во всех воинских частях губернии, особенно в 1-м пехотном Невском полку, действовали комитеты вплоть до батальонных, велась агитационная работа, шел выпуск газеты «Жизнь казарм»².

Главным фактором успешного проведения полицейской операции послужила информация, предоставленная тайным агентом Е. Е. Пелем, на квартире которого собирались революционеры. Арестован он был вместе со всеми при ликвидации военной организации в начале августа 1906 г., но уже 19 числа отпущен из-под стражи якобы по причине «недостаточности данных о возбуждении формального дознания» против него³. Однако 22 декабря 1906 г. Е.Е. Пель был убит революционерами за предательство⁴.

В ноябре 1907 г. жандармы провели ликвидацию военной организации при ПСР. Дознание по делу завершилось 5 июня 1908 г. Полицейские установили, что кружок действовал с лета 1907 г. среди нижних чинов 4-го запасного кавалерийского полка, расквартированного около станции Лиски. В организацию входили руководитель кружка студент М. А. Устинов, пятеро рядовых полка и трое гражданских лиц. Они вели пропаганду в части, устраивали собрания для солдат, на которых Устинов выступал в качестве оратора⁵.

Таким образом, несмотря на значительные успехи антиправительственной пропаганды, ВГЖУ все-таки смогло обезвредить

¹ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 110–117, 121, 126, 127.

² Там же. С. 130–131.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 287. Л. 720.

⁴ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 132.

⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 282. Л. 138, 143, 145.

военные организации революционных партий и в 1907 г. значительно снизить угрозу возникновения вооруженного солдатского мятежа.

По свидетельству источников, влияние анархистов в Воронежской губернии в 1905–1907 гг. не было сильным. Об их деятельности в регионе в годы революции практически нет никаких сведений, а жандармы неизменно доносили в столицу об отсутствии в Воронежской губернии анархистских групп. Тем не менее И. В. Шауров, возглавлявший боевую организацию при Воронежском комитете ПСР, называл серию экспроприаций летом – осенью 1906 г. именно акциями анархистов, которые действовали совместно с эсерами¹.

Столичные власти указывали на тенденцию к увеличению популярности анархистов среди народа. Например, в циркуляре от 13 декабря 1906 г. заведующий Особым отделом ДП МВД А. Т. Васильев сообщал о том, что социалистические партии, уменьшающие темпы боевой работы, теряют доверие у рабочих и крестьян. Анархисты, «боевое учение коих наиболее соответствует настоящему возбужденному состоянию духа», наоборот приобретают широкую поддержку народа². Это заставляло воронежскую государственную полицию следить за возможным проявлением деятельности анархистов в губернии.

ВГЖУ, по всей видимости, не удалось обнаружить воронежскую организацию ПСР в 1905 г., хотя эсеровские группы также как и комитеты социал-демократов действовали среди рабочих, служащих и учащихся города³. К 1905 г. эсеры проявляли себя почти во всех уездах губернии. Наиболее сильными являлись Бобровская, Валуйская, Новохоперская и Острогожская организации⁴.

¹ Квасов О. Н., Разиньков М. Е. Анархисты в Воронежской губернии в начале XX в.: к постановке проблемы // Воронежский вестник архивиста. Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 78–79, 84.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 266. Л. 1.

³ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 136.

⁴ Савченко В. Л. Возникновение воронежской эсеровской организации, ее структура и деятельность // Страницы истории и историографии Отечества. Воронеж, 1999. С. 140.

С 31 июля по 1 августа 1905 г. в Москве проходил Учредительный съезд Крестьянского союза. С 14 по 15 августа в Воронеже в помещении губернской земской управы состоялось собрание под председательством видного экономиста и статистика В. А. Кильчевского, на котором обсуждался вопрос об открытии в губернии филиала этой организации¹. Однако 15 августа в зал заседания ворвалась полиция. Санкционированный ВГЖУ обыск выявил агитационную литературу ПСР. Также полицейские обнаружили комнату книжно-комиссионного отдела губернской земской управы, в которой печаталась эсеровская литература. На основании полученных улик был арестован заведующий типографией эсер Клюпков, председатель собрания Кильчевский и еще 6 человек².

Осенью 1906 г. ВГЖУ нанесло эсерам целый ряд серьезных ударов. 14 октября были арестованы стоявшие во главе организации еще с 1903 г. руководители ВК ПСР: И. А. Прозоровский и С. А. Виткович. ВГЖУ установило наружное наблюдение за эсером Н. В. Коростинным, на квартире которого 15 ноября состоялось собрание ученических кружков партии. 17 ноября Н. В. Коростин был арестован. В ходе обыска у него оказалось изъято 10 винтовок и 360 экземпляров антиправительственных газет и брошюр. Для восстановления губернского комитета в Воронеж пришлось приехать представительнице ЦК партии – Е. К. Брешко-Брешковской³.

5 декабря 1905 г. на квартире земца Д. А. Перелешина было объявлено об очередной попытке создания Воронежского отделения Всероссийского Крестьянского союза. Участники собрания образовывали сельские ячейки, перераставшие иногда в крестьянские братства. Но в январе – феврале 1906 г. последовала волна арестов руководителей этих нелегальных групп⁴. Таких успехов добивались жандармы в беспокойное для страны время.

¹ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 92.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250. Л. 1–9.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 93–96.

В революционные годы государственная полиция готовилась к любому развитию событий. Ожидая всеобщее восстание летом 1906 г., директор ДП МВД М. И. Трусевич в сообщении от 1 июля 1906 г. потребовал от жандармов и общей полиции проверить местонахождения всех находящихся под негласным надзором людей, особенно главарей революционных ячеек. Их подлежало арестовать немедленно в случае начала массовых беспорядков. Для безопасности самих полицейских требовалось еще раз убедиться в наличии и исправности личного оружия, поменять служебные квартиры для предотвращения ночных нападений на стражей закона и их семьи, спрятать в наиболее безопасные места ценности и секретные документы полицейских учреждений. Предлагалось позаботиться о способах сообщения между различными властными структурами при отсутствии работающего телефона, почты и телеграфа, обсудить совместные действия с военными властями по защите частей от пропаганды и по разгону массовых выступлений¹. В этих экстремальных условиях Воронежские жандармы добивались значительных результатов, ликвидируя ячейки революционных партий, закрывая нелегальные собрания и предотвращая государственные преступления.

Несомненно, в 1905–1907 гг. социалистические партии воспринимались властями как наиболее угрожающая государству сила, однако либералы также находились под пристальным вниманием политической полиции.

По состоянию на май 1906 г. в Воронежской губернии находилось 70 членов партии Народной свободы (кадетов), что может говорить о ее сравнительной непопулярности среди населения региона. Тем не менее, например, нижедевицкий исправник сообщал начальнику ВГЖУ, что жители уезда с интересом следят за этой организацией и в целом поддерживают программу кадетов, которая нашла отклик в сердцах людей².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 586. Л. 17–18.

² Там же. Д. 281. Л. 9–17 об., 19.

После роспуска в июле 1906 г. Первой Государственной думы и принятия большой группой депутатов Выборгского воззвания с призывом к гражданскому неповиновению часть воронежских либералов, ярким авторитетом среди которых был известный публицист и земский деятель А. И. Шингарев, призвала к отказу платить налоги и служить в армии, в то время как официально воронежские либералы Выборгское воззвание не поддержали. Это послужило поводом к определенным гонениям на них со стороны воронежских властей. Летом 1907 г. по распоряжению губернатора М. М. Бибикова газета была закрыта, а А. И. Шингарев был уволен со службы в губернской земской управе за политическую неблагонадежность¹.

К 1908 г. жандармы констатировали упадок деятельности воронежских кадетов. ВГЖУ указывало, что «со времени закрытия издававшегося в городе органа партии газеты «Воронежское слово» таковая организация значительно сократилась. Интенсивность деятельности, по агентурным данным, следует считать приходящей в совершенный упадок, и за последнее время никаких незаконных проявлений со стороны организации и отдельных ее членов в губернии не наблюдалось»².

Политическая полиция не упускала из виду депутатов Государственной думы. 11 июня 1907 г. из столицы последовал сигнал о том, что члены думской фракции РСДРП установили преступные связи с местными ячейками партии. От региональных полицейских властей требовалось проверить эту информацию и собрать необходимые улики. ВГЖУ подобные факты в Воронежской губернии не обнаружило, однако в ходе обыска у бывшего выборщика от РСДРП во II Государственную думу И. Быкова полиция выявила 3 письма к депутатам социал-демократической фракции³.

ВГЖУ следило за благонадежностью земских служащих. Например, 29 июня 1906 г. В. З. Тархов сообщил губернатору М. М. Бибикову о том, что

¹ Шамаев В. Г. Во имя спокойствия и безопасности... С. 192.

² Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 197.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 161, 166.

в сл. Ольховатке Острогожского уезда в помощь заведующему столовыми Общеземской организации назначен студент Н. М. Ульянищев, который по своей политической неблагонадежности не просто не должен быть допущен к должности, но и вообще подвергнут административной высылке из губернии за вредную антиправительственную деятельность среди крестьян¹.

В 1907 г. в Воронежской губернии числилось 8 легально зарегистрированных профсоюзов. При этом, по подсчетам А. Н. Татарчукова, к началу 1908 г. в их состав входило около 800–850 человек². Жандармская полиция наблюдала за деятельностью данных организаций, но ничего предосудительного за ними не обнаружила. Ни один из образованных профсоюзов не был закрыт властями³.

ВГЖУ анализировало реакцию общественности на те или иные решения, принятые правительством. Наибольший резонанс, конечно, вызвал Манифест 17 октября 1905 г. Его обнародование вызвало определенные опасения у многих провинциальных чиновников. Например, исправник Валуйского уезда Воронежской губернии указал в своем отчете, что известие, о котором узнали 18 числа, вызвало стихийное собрание. В нем принимало участие до 400 человек. Подавляющее большинство из местного общества оценило дарование манифеста положительно. Недовольство высказал только учитель Гуков, который доказывал необходимость насильственного отчуждения помещичьих земель, критиковал власти, но быстро прекратил свое выступление, так как был освистан. Подводя итоги обзору настроений жителей уезда, валуйский исправник указывал, что «общее настроение весьма возбужденное, можно с уверенностью сказать, что при малейшей попытке со стороны интеллигентной публики устроить какую-либо уличную манифестацию, будет общее избиение интеллигенции, а

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 9ч. 12 (1906 г.). Л. 4.

² Татарчуков А. Н. Исторический очерк профессионального движения в Воронежской губернии. Ч. 1 (до октября 1917 г.). Воронеж, 1921. С. 46.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 14ч. 9. Л. 12.

потому в предупреждение всяких беспорядков следовало бы иметь наготове хоть сотню казаков»¹.

Подобные сообщения и обзоры политической обстановки на местах поступали из уездов в ВГЖУ, обрабатывались жандармами и в виде подробных отчетов направлялись в ДП МВД.

Характерной чертой социально-политической обстановки в Воронежской губернии являлось острое недовольство среди сельского населения, перерастающее в аграрные беспорядки. К понятию «беспорядки» относились любые противозаконные действия крестьян: поджоги помещичьих усадеб, разграбление имений, потравы частновладельческих лугов и угодий, вырубка помещичьего леса и невыполнение требований властей.

В 1905 г. произошло 326 выступлений, в 1906 г. – 358, в 1907 г. – 139². Пик крестьянского движения пришелся на ноябрь 1905 г. В 129 случаях, которые можно отнести к аграрным волнениям, было убито 21 и ранено 64 крестьянина³. За 1905 г. общая сумма экономического ущерба от незаконных действий крестьян составила 1018314 руб. По этим показателям Воронежская губерния заняла 7 место в списке 19 наиболее пострадавших регионов от аграрных беспорядков⁴.

По количеству аграрных беспорядков, прогремевших в июне – июле 1906 г. Воронежская губерния вовсе заняла лидирующее место среди 17 охваченных крестьянскими выступлениями регионов. Во время 219 случаев беспорядков, в которых участвовали жители 150 селений, было убито по официальным данным 23 крестьянина и более 40 человек ранено⁵.

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 171–172 об.

² Очерки истории Воронежского края... С. 370.

³ Там же. С. 367–368.

⁴ Перепелицын А. В., Кудинова Ю. В. Крестьянское движение в Воронежской губернии в годы первой русской революции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 8 (151). Т. 26. 2013. С. 121.

⁵ Очерки истории Воронежского края... С. 367–368.

Отслеживая ситуацию в уездах, жандармы и местные власти указывали на склонность крестьян к самоуправству – к потравам, выпасу скота на частных лугах, незаконной вырубке леса. Указывалось на общее возбуждение среди народа, которое разогревалось революционной агитацией. Все это беспокоило администрацию, поэтому уездные исправники запрашивали у губернатора дополнительные полицейские силы и воинские команды¹.

В документах ВГЖУ этого периода практически не встречается упоминаний о попытках как-то предотвратить крестьянские волнения. Низкие штаты, большая загруженность работой, острая обстановка в регионе не позволяли отправлять сотрудников политической полиции для наблюдения в уезды. Офицеры и унтер-офицеры уездных управлений также оставались в уездных городах. Поэтому всю необходимую информацию о крестьянском движении в регионе жандармы получали от губернской администрации.

В годы революции 1905–1907 гг. дополнительным фактором, подталкивающим крестьян к разгрому помещичьих усадеб, выступила деятельность крестьянских братств ПСР – небольших законспирированных групп революционеров, состоящих из местных крестьян. В наибольшей степени она проявилась с конца 1906 г. В Воронежской губернии в этот момент только в пяти уездах находилось 49 эсеровских ячеек. В июне 1907 г. в девяти уездах губернии действовало 64 братства. Местные отряды координировались воронежским комитетом ПСР, однако действовали они зачастую по своему усмотрению, иногда и вовсе не поддерживая связей с воронежским центром². По сведениям Г. А. Салтык, за годы революции 1905–1907 гг. в 75 селах Воронежской губернии существовали крестьянские эсеровские организации: братства, кружки и группы³.

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 171.

² Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 151.

³ Салтык Г. А. Указ. соч. С. 174.

После роспуска Государственной думы 3 июня 1907 г. эсеры сделали окончательную ставку на крестьянские братства. Резолюцией 1 ноября 1907 г. ЦК ПСР постановил образовывать боевые отряды крестьян с армейской организацией и дисциплиной. Они должны были защищать создаваемые в сельской местности ячейки.

О состоянии этих вооруженных формирований свидетельствуют материалы статьи А. И. Пеленкина об истории революционного движения крестьян в Валуйском уезде в годы революции, на которые ссылается Г. А. Салтык. Автор указывает, что боевая дружина валуйских крестьян насчитывала 500 человек. Они проводили систематические занятия с имеющимся у них оружием, готовили самодельные взрывные устройства и даже смогли договориться с казаками, которые обещали примкнуть к вооруженному восстанию и предоставить 1200 винтовок с 20 тыс. патронов при условии устранения офицеров. Точно так же в 1906 г. готовили вооружение и учились им пользоваться крестьяне из братства в селе Красном Нижнедевицкого уезда¹.

Членами крестьянских братств считались все согласные с программой ПСР местные жители. Боевые группы должны были смещать неудобных сельских старост и заменять своей администрацией, организовывать забастовки, препятствовать выходу из общины и не допускать покупку земель через крестьянский банк. Революционные ячейки подчинялись волостным комитетам, которые руководили боевой работой. После победы революции братства должны были стать органами местного самоуправления².

Деятельность крестьянских боевых групп, проявлявшаяся в подстрекательстве к поджогам и разгрому помещичьих усадеб, в убийствах и грабежах, требовала скорейших ответных мер со стороны властей. Во 2-й половине 1907 г. в Новохоперский уезд был командирован и. д. адъютанта

¹ Салтык Г. А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923 гг. М. 2002. С. 174, 177–178.

² ГАВО. Ф. И-277. Оп. 1 Д. 30. Л. 2, 16–19 об.

ВГЖУ поручик Знаменский, который организовал там работу агентуры. Это дало свои плоды: были выявлены крестьянские братства в с. Троицком и в с. Макарове, вычислены организаторы, очерчен примерный круг участников. Например, в с. Троицком в качестве организатора выступала женщина-врач Сорокина, а само братство насчитывало более 100 членов, а также около 700 человек, которые оказывали им поддержку, не являясь прямыми участниками. Вскоре В. З. Тархов принял решение об аресте наиболее ярких деятелей крестьянских братств Новохоперского уезда (всего под стражей оказалось 25 человек) и позаботился об усилении агентуры в уезде¹. Однако это лишь ненадолго снизило уровень преступности в уезде.

В 1907 г. обстановка в регионе уже позволяла ВГЖУ активно заниматься борьбой с ячейками социалистических партий и различными боевыми группами революционеров в уездах, однако основная тяжесть борьбы с крестьянскими братствами все равно лежала на общей полиции. По причине низкого штата сотрудников (особенно в уездах), ограниченных финансовых возможностей, слабой агентуры в сельской местности ВГЖУ с трудом выявляло эсеровские группы. В ходе инспекции жандармского управления в 1907 г. чиновниками ДП МВД было отмечено, что воронежские «спецслужбы» в тот момент имели своих секретных агентов лишь в сл. Россошь Острогожского уезда и в с. Анна Бобровского уезда. Еще в 8 уездах агентура приобреталась только в момент этой инспекции².

К беспорядкам крестьян подталкивали помимо влияния революционной пропаганды экономические проблемы и природные катаклизмы. Поэтому ВГЖУ следило за урожаями, скотоводством и распространением ветеринарных или сельскохозяйственных болезней. В течение 1905 г. начальнику ВГЖУ поступали сведения от его помощников о

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 350. Л. 490–498.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 180ч. 13. Л. 5.

недородах в отдельных уездах. Отмечалось, что в ряде уездов свирепствует ящур и поедающие посевы хорьки¹.

На фоне разгула революционных беспорядков в деревне основной силой властей выступали военные команды, а не полиция, сотрудников которой не хватало для успокоения населения. Часто крестьяне даже предпринимали успешные попытки отбить у властей арестованных, захватывая тюрьмы и органы власти.

Например, когда в Валуйском уезде жандармы арестовали одного из руководителей крестьянского движения Мерецкого и направили его в тюрьму в г. Валуйках, вокруг здания собралось около 7 тыс. крестьян, которые силой освободили арестованного. В с. Пески Новохоперского уезда крестьяне захватили администрацию и пленили всех представителей власти. Вызволять волостного старшину, полицейского стражника и сельских старост пришлось казакам с артиллерией².

В одном из циркуляров, в документе от 8 марта 1907 г., воронежский губернатор М. М. Бибиков раскритиковал эффективность полиции в борьбе с выступлениями и беспорядками в сельской местности. Он указал исправникам, что в течение целого ряда лет (особенно в 1905 и 1906 гг.) аграрные беспорядки не удавалось предупредить, «вследствие неосведомленности полиции о настроениях населения и деятельности агитаторов». «Агитаторы обнаруживались только тогда, когда беспорядки уже произошли, не смотря на то, что преступная деятельность их продолжалась годами; чины полиции не обращали на таковую должного внимания, или допускали преступную бездеятельность, вследствие чего агитаторы действовали почти открыто»³.

Одной из основных забот воронежских жандармов в 1905–1907 гг. было недопущение революционной пропаганды в воинских частях. ВГЖУ осуществляло наблюдение за настроениями нижних чинов и офицеров, за

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 1–4.

² Панова В. И. Указ. соч. С. 136–138.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 67. Л. 62.

воинской дисциплиной, но в то же время и фиксировало злоупотребления армейского начальства, которые могли привести к брожению в солдатской среде. Для ведения такой работы требовалась большая ответственность и известная осторожность, так как данные жандармского наблюдения передавались через ДП МВД военному руководству, которое затем проводило проверки и наказывало виновных. Если командование частей узнавало, что причиной разбирательства послужило жандармское донесение, это могло нанести серьезный вред отношениям ВГЖУ и армейских офицеров, что было чревато конфликтами и прекращением сотрудничества.

Интересно, что утечку информации допускали не ГЖУ, а, казалось бы, наиболее компетентный в деле конспирации ДП МВД. В донесении в штаб ОКЖ от 11 июня 1906 г. полковник В. З. Тархов жаловался на Департамент, откуда копии его донесений напрямую попадали в Военное министерство, которое в свою очередь перенаправляло их командирам воронежских частей. Это приводило «к нежелательным недоразумениям и объяснениям» между начальником ВГЖУ и офицерами гарнизонных частей. Ситуация дошла до того, что в нарушение служебных инструкций В. З. Тархов прекратил отправлять в ДП МВД донесения о настроениях в войсках, а вел переписку по данному вопросу только со штабом ОКЖ и шефом жандармов¹.

Поведение воронежских частей в годы революции неоднократно вызывало беспокойство у сотрудников ВГЖУ. 25 мая 1906 г. унтер-офицер дополнительного штата К. Малышев в своем донесении предоставил начальнику управления собранные негласным путем сведения о брожениях в 1-м пехотном Невском полку. Нижние чины жаловались на тесное размещение в казармах, получение не в полном объеме вещевого содержания и амуниционного денежного довольствия. Стесненные в бытовых условиях люди делали опасные для властей выводы, что «солдатом тогда только нуждаются, когда необходимо идти под пули. В остальное же время на него смотрят как

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250. Л. 31.

на ненужную и недостойную внимания вещь». Сверхсрочные полка требовали разъяснить им приказ от 6 декабря 1905 г., по которому в связи с заключением мира с Японией проводилась демобилизация этой категории рядовых. Военное начальство до нижних чинов приказ не довело, а солдаты узнали о нем от революционных агитаторов. Также К. Малышев отмечал, что рядовые возлагают определенные надежды на Государственную думу, особенно по поводу решения аграрного вопроса и улучшения условий солдатского быта. Другой примечательный случай произошел на Троицу, когда командир полка приказал завершить строительство полевого лагеря. Однако нижние чины на работы в праздничный день не вышли. Заканчивая рапорт, унтер-офицер пишет, что, несмотря на возрастающее брожение, полковое начальство старается сохранить подобные случаи в тайне, не принимая никаких мер¹.

Донесением от 28 мая 1906 г. К. Малышев доложил о том, что солдаты воронежского гарнизона, находясь в увольнительных, пьянствуют, слоняются по городу с продажными женщинами и провоцируют драки². От ВГЖУ не скрылись и факты неповиновения распоряжениям начальства нижних чинов 8 роты 224-го Скопинского полка. 5 июня 1906 г. они проигнорировали приказ о выходе на работы, сославшись на неудовлетворительное качество пищи. Однако вскоре подчинились уговорам командира части, и дело удалось замять³. ВГЖУ придавало важное значение таким эпизодам, так как именно под предлогом плохой пищи в ноябре 1905 г. в Воронеже прогремело восстание дисциплинарного батальона. 23 августа 1906 г. ВГЖУ агентурным путем установило факты пения революционных гимнов в лазарете дисбата, где при полном отсутствии офицеров за больными наблюдали лишь врач и дежурный солдат. Об этом были поставлены в известность начальник гарнизона и губернатор⁴.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 768. Л. 5–6.

² Там же. Л. 7.

³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250. Л. 25.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 768. Л. 111.

2 июля 1906 г. в 223-м Коротоякском полку на построении одной из рот некоторые солдаты высказали командиру подразделения о нежелании служить с фельдфебелем Долиным. Военные, не разбираясь в причинах конфликта, занялись поиском этих недовольных. В свою очередь, жандармский унтер-офицер в ходе опроса солдат установил, что Долин был с рядовыми груб, иногда бил, а обращаясь к нему как к ближайшему начальнику помочь не мог «в виду неразвитости и глупости»¹.

Неоднократно В. З. Тархов сообщал напрямую командованию воронежскими частями о проникновении в казармы агитаторов, о посещении революционных сходок нижними чинами и офицерами, что происходило беспрепятственно в виду «отсутствия должного наблюдения со стороны войскового начальства за окрестностями лагерного и казарменного расположения полков и батарей»².

Таким образом, факты свидетельствовали о падении дисциплины в армии. Наблюдая за воинскими частями губернии, воронежские жандармы делали неутешительные выводы. 11 июня 1906 г. В. З. Тархов рапортовал командующему ОКЖ, что расквартированные в Воронеже 224-й пехотный Скопинский и 1-й Невский полки все больше и больше подпадают под влияние революционной пропаганды, пресечь которую не представляется возможным, так как ее ведут не посторонние агитаторы, а сами солдаты, особенно вольноопределяющиеся, которые имеют свободный доступ в город, так как им разрешено ночевать дома. Начальник ВГЖУ указал, что в условиях столкновения с бунтовщиками подразделения этих частей могут переметнуться на сторону революционеров³.

Несмотря на это, во многом благодаря жандармскому наблюдению и своевременной реакцией на выявленные недочеты, в 1905–1907 гг. в Воронежской губернии не произошло ни одного крупного вооруженного

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 768. Л. 86 об. – 87.

² Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 84, 109.

³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250. Л. 30.

восстания в армейских частях за исключением мятежа 18–19 ноября 1905 г. в Воронежском дисциплинарном батальоне.

В организации восстания приняла непосредственное участие Ю. П. Махновец, которая в тот момент должна была находиться в ссылке в Москве, но ускользнула из-под полицейской опеки. Вины ВГЖУ в этом не было, так как из-под надзора она скрылась именно в Москве, куда ее сослали после проведенной воронежскими жандармами ликвидации «рабочедельческого» комитета социал-демократов¹. В ночь на 18 ноября она залезла на дерево и, пробравшись по крыше, проникла на территорию казармы, где приняла участие в подготовке выступления².

Определенные предпосылки к выступлению жандармы обнаружили заранее. Еще 16 числа полковник В. З. Тархов предупредил о признаках брожения в части³. Но командир дисциплинарного батальона полковник В. Н. Александровский не придавал этому значения. В результате проявленной халатности наружу вырвалось около 800 вооруженных арестантов. Их удалось блокировать на Чернавском мосту на подступах к Воронежу, однако у властей не нашлось сил полностью окружить и разоружить восставших. Лишь примерно 100 человек сдались, а остальные разбрелись по сл. Придача. Из отчета В. З. Тархова командиру ОКЖ от 26 ноября 1905 г. следовало, что в Придаче арестанты обнаружили казенную винную лавку и разграбили ее. Пьяные вооруженные люди устраивали различные бесчинства, грабежи и насилия. Начались столкновения с местным населением⁴.

Ситуацию резко осложнил мятеж в воронежской городской тюрьме, начавшийся также 18 ноября. заключенные отобрали у надзирателей оружие

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 241. Л. 164.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 39.

³ Деша начальника ВГЖУ командующему корпусом жандармов от 16.11.1905 г. // Сокут К. Вооруженное восстание Воронежского дисциплинарного батальона в 1905 году. Воронеж, 1930. Приложение.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. Л. 131, 135, 147; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 667. Л. 1–4.

и забаррикадировались в стенах здания¹. Поэтому властям пришлось оттянуть часть сил туда, что не позволило вести более активные действия против арестантов дисциплинарного батальона. Это событие также было устроено революционерами, о чем свидетельствуют воспоминания социал-демократа И. И. Корсакова. В то время как Ю. П. Махновец готовила восстание в сл. Придача, он со своими товарищами занимался организацией мятежа в тюрьме².

Когда пьяные арестанты дисциплинарного батальона уснули после разгрома Придачи, местное население самоорганизовалось и, уже не ожидая помощи со стороны войск и полиции, само занялось наведением порядка. Утром придачинцы стали отбирать у сонных бунтовщиков оружие, избивать их и передавать властям. Произошли даже столкновения. Например, близ станции Отрожка было захвачено около 30 арестантов после ожесточенной перестрелки с местными жителями³.

Утром 19 ноября около 8.00 сдалась тюрьма. К 11 часам из 800 арестантов дисциплинарного батальона властям были переданы или сами пришли с повинной около 500 человек. Остальные, переодевшись в гражданские одежды, разошлись по окрестностям и «предавались пьянству и грабежу». Придача была занята правительственными войсками только к 15.00⁴.

После подавления мятежа возникла проблема размещения арестантов. Казармы дисциплинарного батальона сгорели, и деть людей было некуда. Из донесения В. З. Тархова следует, что «солдаты свободно бродят по улицам города, настойчиво вымогая у мирных жителей деньги, угрожая побоями, ругаясь площадной бранью, а затем, набрав таким образом деньги, шатаются по улицам пьяные, расхлестанные и разнузданные вместе с падшими

¹ Революционное движение в Воронежской губернии 1905–1907гг.: Сборник документов и материалов. Воронеж, 1955. С. 235.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 39.

³ Там же. Д. 187. Л. 147–148; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 552. Л. 6; Д. 667. Л. 6, 6 об.

⁴ Там же. Л. 125–127, 132, 136.

женщинами. Устранить же эти омерзительные сцены нет никакой возможности за неимением соответствующего помещения и слишком недостаточного для того в городе Воронеже гарнизона». Начальник ВГЖУ указал на необходимость немедленного удаления арестантов из города в специально приспособленные для их содержания казармы, в противном случае «ни на одну минуту нельзя поручиться за безопасность в городе, не исключая и возможности уничтожения его пожарами»¹.

Эти эпизоды показывают, насколько тяжелой была обстановка в вооруженных частях, расквартированных в пределах Воронежской губернии. Поэтому работа жандармов по отслеживанию обстановки в частях и обнаружению злоупотреблений военных приносила реальную пользу, а отказ от нее угрожал безопасности государства, особенно в условиях массовых беспорядков.

Одной из самых радикально настроенных категорий населения в годы революции 1905–1907 гг. выступала учащаяся молодежь. Подогреваемая революционной пропагандой или руководимая своими товарищами – членами антиправительственных организаций – она принимала активное участие в демонстрациях, что обуславливало необходимость пристального наблюдения за учебными заведениями со стороны ВГЖУ.

21 декабря 1907 г. попечитель Харьковского учебного округа обратил внимание директора воронежской 2-й гимназии на то, что, по сообщению ДП МВД, его подопечные неприлично ведут себя в общественных местах, ходят группами по 10–15 человек и пристают к женщинам, иногда продолжая подобные прогулки после 9–11 часов вечера. Среди учащихся распространяются антиправительственные листовки, они собирают деньги на нужды местных революционеров. Обеспокоенный этим сообщением директор 2-й гимназии 30 декабря 1907 г. обратился к В. З. Тархову с разъяснениями, но тот убедил его, что у ВГЖУ не имеется сведений, указывающих на распущенность воспитанников 2-й Воронежской мужской

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 187. Л. 151.

гимназии. Начальник жандармского управления наоборот отметил приличное поведение гимназистов в общественных местах по сравнению с воспитанниками других учебных заведений Воронежа, особенно семинарий и реальных училищ. Оказалось, что именно воронежские жандармы 6 ноября 1907 г. отчитались в ДП МВД о неблаговидном поведении воспитанников средних учебных заведений г. Воронежа, а уже там ошибочно восприняли эту критику в адрес одной только 2-й гимназии¹.

Во второй половине 1906 г. под влиянием партийных агитаторов произошло несколько забастовок учащихся, 14 января 1907 г. на улицы вышли ученики Воронежского реального училища². Однако, пожалуй, наиболее опасными для правительства оставались воронежские семинаристы. В 1905 г. они образовали «Бюро забастовавших семинаристов», отметились (вместе с воспитанниками фельдшерской школы и реальных училищ) массовым шествием по Большой Дворянской улице 21 сентября с пением революционных гимнов. В семинарии действовал «Революционный комитет», учащиеся вступали в ряды РСДРП³. В 1906 г. дважды, 26 апреля и 7 мая, была взорвана семинарская печь⁴. 21 февраля 1907 г. Александр Карманов (сын псаломщика) стрелял в инспектора духовного учебного заведения М. Романовского и ранил его в щеку⁵. Это покушение заставило власти усилить надзор за семинарией, благодаря чему полиция пресекла созыв в Воронеже очередной сессии «Всероссийского общесеминарского союза».

В целом характеризуя положение в Воронежской губернии в 1907 г., инспекция от ДП МВД указывала на крайнюю распущенность учебных заведений губернии (всех за исключением технического железнодорожного училища и частной женской гимназии Нечаевой), сильную пропаганду

¹ Шамаев В. Г. Во имя спокойствия и безопасности... С. 154–155.

² Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 59–60.

³ Иконников С. А. Указ. соч. С. 288, 292.

⁴ Квасов О. Н. Революционный терроризм... С.208.

⁵ Иконников С. А. Указ. соч. С. 293.

революционных партий. Обращая внимание на учреждения, ученики которых были наиболее настроены против властей, ревизор отмечал в качестве самых революционизированных Воронежскую духовную семинарию, реальное училище, 1-ю классическую гимназию, Мариинскую женскую гимназию, учительскую семинарию, фельдшерские школы, Острогожскую мужскую и женскую гимназии¹.

Рассматривая революционные 1905–1907 гг., можно говорить о том, что все социальные слои участвовали в антиправительственном движении. ВГЖУ приходилось тщательно следить даже за духовенством. Например, организаторами Рогачевского крестьянского союза ПСР являлись псаломщики села Рогачевки Воронежского уезда А. И. Попов и К. М. Рязанов (сын священника, семинарист)².

В ноябре 1905 г. на епархиальном съезде в Воронеже духовенство определило свое отношение к текущим событиям: священники должны быть против кровопролития, но и «против огульного порицания освободительного движения», выступая за улучшение жизни крестьян, а также за реорганизацию церкви. Священники присутствовали на митингах, выступали с проповедями на общественно-политические темы. Конечно, все это не могло не попасть в поле зрения ВГЖУ. К маю – июню 1907 г. жандармы наблюдали за 66 представителями духовенства, которые в 1905–1906 гг. агитировали крестьян. Хотя в 1907 г., как отмечалось в жандармском отчете, они уже ничем себя не проявляли и лишь выписывали оппозиционные газеты³.

В целом размах революционного движения в губернии можно оценить по количеству находившихся в производстве в ВГЖУ политических дознаний и по общему числу арестованных за беспорядки в губернии. В 1905 г. в ВГЖУ в январе под следствием находился 51 человек, из которых четверо были в бегах. Вплоть до августа эта цифра колебалась между 50–60

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 180ч. 13. Л. 4 об.

² Иконников С. А. Указ. соч. С. 260.

³ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 68, 91.

арестованными, но в сентябре под стражей находилось уже 65 человек, еще двое разыскивались¹.

Всего по политическим статьям к концу 1905 – началу 1906 г. в Воронежской губернии было арестовано 2799 человек, включая участников аграрных беспорядков, проходивших по линии общей полиции, а не ВГЖУ².

В 1906 г. ВГЖУ провело 136 дознаний в порядке ст. 1035 Уст. Уг. Суд. и 219 переписок на основании Положения 14 августа 1881 г.³. В письме от 5 августа 1906 г. В. З. Тархов сообщал прокурору Воронежского окружного суда, что «успешность производства дознаний парализуется малочисленностью состава чинов [жандармского] управления и недостатка лиц прокурорского надзора, наблюдающих за производством этих дознаний»⁴.

Общее количество арестованных за крестьянские беспорядки и по политическим преступлениям отражено в таблице.

Таблица 3. Количество арестованных
по политическим статьям в 1906–1907 гг.⁵

по состоянию на:	всего под арестом	
	при общей полиции	в ведении ВГЖУ
27.08.1906	665	75
27.09.1906	552	90
21.12.1906	269	75
01.01.1907	194	16

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 725. Л. 1–101.

² Панова В. И. Указ. соч. С. 137.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 980. Л. 42 об.

⁴ Там же. Д. 571. Л. 230.

⁵ Там же. Д. 868. Л. 1–33 об.; Д. 980. Л. 25–169 об.

01.02.1907	72	16
01.03.1907	71	20
01.04.1907	43	12
01.05.1907	32	14
01.06.1907	36	33
01.07.1907	77	40
01.08.1907	131	29
01.09.1907	89	57
01.10.1907	94	88
01.11.1907	165	142
01.12.1907	181	76
01.01.1908	194	63
Всего за 1907 год:	1379	606

Из таблицы видно, что к началу 1907 г. ситуация в губернии постепенно нормализуется. К февралю завершается основная масса дел политического характера, не законченных в 1906 г. Тюрмы освобождаются от арестантов. С июля 1907 г. снова намечается подъем революционных беспорядков, однако арестованных уже значительно меньше, чем в прошлом году. Таким образом, ситуация в Воронежской губернии соответствовала общей тенденции по стране.

Из публикации П. П. Тяжелова, ссылающегося на материалы Воронежского и Острогожского окружного судов, следует, что за 1906–1907 гг. в Воронежской губернии за преступления против существующего строя было осуждено 2476 человек. Для сравнения с 1896 по 1900 гг. в среднем за год по тем же статьям было осуждено по 595 человек¹.

Революция 1905–1907 гг. стала самым напряженным периодом в истории ВГЖУ. В Воронежской губернии она проявилась в первую очередь

¹ Тяжелов П. П. Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905-1907 г. Воронеж, 1947. С. 25.

мощными волнами аграрных беспорядков, но не только ими – бастовали рабочие и служащие, выходили на улицу студенты, проявлялось недовольство в армейских частях, возникали даже вооруженные выступления.

Жандармы в условиях дефицита кадров и обеспечения не справлялись с возросшими объемами работы, что влияло на эффективность жандармского наблюдения, которое в эти напряженные годы было ограничено в основном вопросами развития революционного движения, и раскрываемость дел, многие из которых не доводились до судов, а разрешались административным порядком. Однако ВГЖУ ни на один день не прекращало свою работу. Статистика проведенных дознаний и охранных переписок, а также количество арестованных лиц показывает, что революционные потрясения в Воронежской губернии закончились не сами по себе, а во многом в результате работы «спецслужб» и других правоохранительных органов.

§ 4. ВГЖУ в послереволюционный период 1908–1914 гг.

Революция 1905–1907 гг. оказала значительное влияние на дальнейшее общественно-политическое и экономическое развитие Российской империи. При сохранявшей свои устои самодержавной системе в стране появляются демократические институты: легальные общественные организации, политические партии, Государственная дума – регистрируются независимые от властей и не подлежащие предварительной цензуре газеты и журналы. Однако все эти элементы обновляющейся политической системы развивались медленно, так как не были полностью интегрированы в традиционную самодержавную модель власти.

Тем не менее заключение Портсмутского мира с Японией 23 августа 1905 г., провозглашение манифеста 17 октября 1905 г. и принятие целого ряда законов, развивающих его положения, стабилизация отношений

правительства и Государственной думы после установления третьеиюньской системы – все эти шаги способствовали нормализации общественно-политической обстановки в стране. В результате к 1908 г. уже мало кто сомневался в способности властей справиться с революционными потрясениями.

В целом политический курс российского правительства, проводимый премьер-министром П. А. Столыпиным, преследовал две цели: навести порядок в стране, окончательно искоренив радикальные течения в обществе, и затем приступить к широким преобразованиям, направленным на сглаживание противоречий и кризисных явлений, а также на модернизацию широкого круга государственных и социальных институтов.

Однако реализовать все это было невозможно без окончательной стабилизации внутривластного положения. Повсеместно, в том числе и в Воронежской губернии, на свободе оставалось большое количество государственных преступников, продолжались аграрные беспорядки и даже теракты.

В 1908 г. в Воронежской губернии продолжали свою деятельность комитеты революционных партий. Однако самым громким событием стало неудавшееся покушение на губернатора М. М. Бибикова 23 апреля 1908 г., совершенное учительницей народной школы из Области Войска Донского М. М. Федоровой – эсеркой, не принадлежавшей к местному подполью¹. Губернатор остался жив, но был ранен в левую ногу, ухо и правую щеку, его супруга получила контузию. Террористку схватили на месте покушения, и по приговору суда предали казни 14 июля 1908 г.².

В распоряжении ВГЖУ не было никаких данных, с помощью которых это покушение можно было бы предотвратить. Узнав о взрыве, начальник жандармского управления В. З. Тархов лично выехал на место преступления.

¹ См.: Квасов О. Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. 2011. № 27 (1). С. 89–104.

² Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки / ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж, 2015. С. 364.

По его указанию среди толпы зевак ходили филеры и следили за возможным появлением неблагонадежных, прислушивались к разговорам. Было установлено постоянное наблюдение за вокзалом и постоянными дворами, проверены все приехавшие в город 23 числа. Ночью ВГЖУ провело серию обысков у возможных соучастников преступления, что, однако, не принесло результатов¹.

Личность М. М. Федоровой была установлена благодаря сделанной фотокарточке террористки. Ее опознали в Донском ГЖУ 1 мая 1908 г. Интересно, что еще весной 1907 г. она попадала в поле зрения донских жандармов, когда арендовала у С. Г. Кожевникова дом в пос. Зубриловка Николаевской волости Области Войска Донского. Местные крестьяне сообщили в полицию, что у нее хранится бомба, однако в тот раз обыск не дал положительных результатов, а подозреваемые после этого скрылись².

Несомненно, тот факт, что жандармы допустили покушение на губернатора, является серьезным просчетом в их работе. Однако необходимо учесть, что преступление было совершено не местной революционеркой, поэтому предотвратить его было крайне сложно. Отсутствие результатов расследования «по горячим следам» в конце апреля 1908 г. также говорит не о некомпетентности политической полиции, а о том, что преступница действовала самостоятельно и не имела сообщников в Воронеже в виде какой-либо террористической группы. Это, кстати, нашло подтверждение и в историографии.

Громкое политическое преступление, хотя и вызвало широкий резонанс, все же стало одним из последних всплесков проявления революционной деятельности в регионе. В целом в течение 1908–1910 гг. ВГЖУ планомерно ликвидировало местные комитеты радикальных партий и связанные с ними преступные группы. Тех же результатов «спецслужбы» добивались и в целом по стране.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 997. Л. 33–34.

² Там же.

Еще в марте 1908 г. жандармы выявили и разгромили эсеровскую типографию, находившуюся на Большой Алексеевской улице. За решеткой оказались У. Лось, К. Овчаренко, У. Атарь, Н. Рыбакова¹. В мае 1908 г. в Курске был арестован один из наиболее активных членов губернского комитета ПСР И. Д. Смирнов, разделивший участь задержанных в августе 1907 г. сестер Шабановых². В конце 1907 г. было возбуждено большое дознание, освещающее деятельность объединенной группы эсеровских террористов в районе Рославль – Брянск – Воронеж – Борисоглебск – Тамбов – Саратов. Расследование по этому делу велось помимо ВГЖУ жандармскими управлениями Тамбовской, Курской, Харьковской и Киевской губерний. Однако, несмотря на разработку полицией, эта группа смогла провести ряд покушений и экспроприаций. Самой известной их акцией как раз и стало покушение на губернатора М. М. Бибикова. Однако уже в течение августа-сентября 1908 г. вместе с арестом И. П. Смолякова, Т. Ф. Трощенко, Е. М. Шабановой и др. эсеровские террористические группы были ликвидированы. В ночь на 14 сентября в Воронеже подверглась разгрому организация максималистов. Всего было арестовано 23 человека (один из них в Киеве, еще один – в Харькове), среди которых были достаточно известные в местных революционных кругах лица, такие как А. Житный, В. Гайлевич и др.³. К апрелю 1908 г. в Воронежской губернии было ликвидировано полицией 83 крестьянских братства – создаваемых эсерами сельских комитетов, которые состояли из местных жителей и должны были после успеха революции стать первичными органами самоуправления⁴.

Аресты продолжались и в дальнейшем, что подорвало деятельность Воронежской организации, которая фактически оказалась парализованной к началу 1909 г., когда за принадлежность к Воронежской группе ПСР было

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 161. Л. 4, 6 об.

² Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии (конец XIX в. – 1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2007 (далее – Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров...). С. 83.

³ Там же. С. 91–93.

⁴ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 151.

арестовано еще 19 человек. 10 марта 1909 г. ВГЖУ задержало четверых эсеров-максималистов¹. В течение 1909–1910 гг. жандармы ликвидировали 8 крестьянских братств партии социалистов-революционеров, арестовав 150 человек².

После этой череды полицейских операций воронежские эсеры больше не проявляли себя. Тем не менее, по сведениям ВГЖУ, осколки воронежской организации ПСР сохранялись в уездах и даже в самом губернском центре. 28 февраля 1909 г. сотрудники ВГЖУ зафиксировали факт достаточно большого собрания воронежских эсеров, на котором присутствовало 22 человека. Кроме этого в сводках Особого отдела ДП МВД постоянно появлялись сведения о вооруженных нападениях эсеров на казенные винные лавки и на отдельные имения землевладельцев в Воронежской губернии. Но более всего властей беспокоило настроение местного населения, продолжавшее оставаться весьма возбужденным. Дело в том, что арестованные эсеры, большей частью местные крестьяне по происхождению, приобретали ореол мучеников, поэтому пользовались сочувствием и поддержкой у населения³.

По состоянию на 1911 г. ВГЖУ установило наблюдение за рядом эсеровских групп в селах губернии. 23 мая 1911 г. был арестован возглавлявший губернскую организацию Ф. А. Веденев. Начиная с лета 1911 г. в полицию стали поступать сведения о возникновении среди крестьян слухов о предстоящем, будто бы, в 1912 г. переделе земли за счет казенной и помещичьей собственности. Воронежский губернатор С. И. Голиков располагал сведениями о таких слухах в Задонском, Землянском, Острогожском и Нижнедевицком уездах. ВГЖУ удалось задержать распространителей этих слухов (принадлежавших к кругам ПСР Андрея,

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 303. Л. 1, 8.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 63. Л. 16 об.

³ Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров... С. 144–145.

Анну и Марию Щербаченко, Петра Виниченко и др.) только к концу декабря 1912 г.¹.

Даже в 1913 г. деятельность воронежского комитета ПСР и несвязанных с ним ячеек эсеров освещали 23 осведомителя: 7 интеллигентов и 16 крестьян. Правда, следов деятельности самой организации они так и не обнаружили, ограничиваясь предоставлением сведений об отдельных неблагонадежных элементах, которые уже ничем не проявляли своих антиправительственных взглядов. В основном это были бывшие члены партии, возвратившиеся из ссылок или отметившиеся участием в революционном движении 1905–1907 гг. Но на наличие в Воронежской губернии эсеровской организации и безусловную необходимость освещать ее деятельность агентурным путем напоминало столичное руководство².

В целом, несмотря на сохранение эсеровских организаций после 1908 г., их деятельность сводилась лишь к внутрипартийной работе. Интересно, что, по сведениям ДП МВД, Воронежская губерния была фактически единственной, где к концу 1911 г. оставались активно действовавшие первичные крестьянские ячейки партии эсеров³. Они существовали в селе Ивановке и слободе Алексеевке Бирюченского уезда, в сл. Россошь и с. Поповке Острогожского уезда, сл. Азовке, Пчелиновке и Козловке Бобровского уезда. Евстратовское крестьянское братство просуществовало даже до февраля 1917 г., хотя и занималось преимущественно организационной работой⁴.

Успешной можно назвать борьбу воронежских властей с социал-демократами. Несмотря на проведенные в 1906–1907 гг. в Воронежской губернии аресты ряда руководителей и рядовых членов, отдельные группы РСДРП продолжили свою антиправительственную деятельность. В телеграмме от 25 мая 1908 г., например, В. З. Тархов отчитался в ДП МВД об

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1852. Л. 7, 24.

² Там же.; Оп. 2. Д. 995. Л. 13.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1852. Л. 7, 24.

⁴ Салтык Г. А. Указ. соч. С. 238.

аресте пятерых участников студенческой социал-демократической организации и об изъятии у них 200 экземпляров нелегальных брошюр. До конца лета 1908 г. количество арестованных членов группы учащихся РСДРП выросло до 12 человек¹.

Первые упоминания об ученической организации социал-демократов датируются в жандармских сводках 1905 годом. Однако уже летом она была разгромлена ВГЖУ. Тем не менее группа была восстановлена и попала в поле зрения политической полиции в январе 1908 г.².

Исходя из ежемесячных отчетов ВГЖУ по деятельности нелегальных партий в губернии, в 1911 г. местный комитет РСДРП уже ничем не проявлял себя, отсутствовали или бездействовали и уездные ячейки, не было типографий, лабораторий, складов оружия и т. д. Однако в среде бывших участников партии и прочих неблагонадежных действовала агентура: один интеллигент и один рабочий. В агентурных сводках фигурировали отдельные лица, но устанавливаемое за ними наружное наблюдение не подтверждало никаких преступных связей и незаконной деятельности подозреваемых³. В целом жандармы указывали на наличие в губернии определенной организации социал-демократов, но констатировали ее полное бездействие⁴. Этот вывод воронежских «спецслужб» не оспаривался в историографии, поэтому его вполне можно считать правильным.

В 1912 г. ВГЖУ характеризовало местных социал-демократов точно таким же образом. Агентура указывала только на отдельные проявления несвязанных друг с другом политически неблагонадежных элементов. Например, с 25 марта по 25 апреля велось наблюдение за А. А. Романовым, М. Н. Корчагиным и Х. Г. Радонским. Но обнаружено было только то, что они периодически заходили в контору и цеха завода Столя, а первый – еще

¹ Воронежские большевики в трех революциях, 1905–1917 / [Г. В. Бердников и др.]. Воронеж, 1985 (далее – Воронежские большевики...). С. 58.

² Демидов Р. Г. Начало большого пути. Воронежская молодежь в революционном движении (1872–1919 гг.). Воронеж, 1961. С. 17–18, 26.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1150. Л. 1, 1 об., 2–15.

⁴ Там же. Д. 1151. Л. 1–20.

и в Вигелевский приют. Агенты указывали на хранящуюся у подозреваемых нелегальную литературу¹.

В то же время, несмотря на то, что В. З. Тархов поместил указанных лиц в сводку по РСДРП, в партийную принадлежность некоторых из них не поверило даже столичное руководство. По мнению начальника ВГЖУ, принадлежность М. Н. Корчагина к социал-демократам доказывалась тем, что на его имя пришла партия нелегальной литературы, а сам он изучал эсперанто. Чтобы признать подозреваемого социал-демократом, по мнению начальника Харьковского ГЖУ (руководившего розыском по Юго-Восточному району), этих данных не хватало, поэтому впредь информацию по этому человеку В. З. Тархову предлагалось помещать в агентурную сводку с графой «разное». К слову, неблагонадежность М. Н. Корчагина в следующий раз проявилась лишь в том, что 12 августа он вмешался в разговор двух людей о дороговизне хлеба и сказал им, что в росте цен виноваты не лавочники, а царские чиновники².

В 1913 г. агентура также предоставляла информацию лишь об отдельных неблагонадежных личностях. Тем не менее воронежские социал-демократы стремились поддерживать связь с партийной верхушкой. Известно, что в конце 1913 г. в Воронеже находился В. И. Невский (Ф. И. Кривобоков). Ему удалось встретиться с местными социал-демократами, довести до них сведения о решениях, принятых партией в 1912–1913 гг., распространить среди соратников газету «Правда». В жандармских документах информация об этом не обнаружена, так что, скорее всего, В. И. Невский побывал в Воронеже незаметно от политической полиции³.

Характеризуя состояние антиправительственного подполья губернии, агент «Кротов» (Н. И. Ларионова) сообщала в донесении от 25 сентября 1913

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1217. Л. 5, 6, 8, 9.

² Там же. Д. 1218. Л. 26, 45 об.

³ Курсанова А. В. Связь воронежских большевиков с В. И. Лениным в годы нового революционного подъема (1910–август 1914) // Воронежское краеведение: опыт и проблемы: материалы II Воронежск. обл. краевед. науч.-практ. конф. Воронеж, 1990. С. 58.

г., что в Воронеже отсутствует какая-либо партийная работа. «Имеются лишь отдельные лица крайнего направления. Почти все эти лица по убеждениям социал-демократы. Много их в губернской земской управе (почти все кроме председателя Томановского), много их среди представителей либеральных профессий, но все эти лица на почве какого-либо партийного дела не объединены». Агент указывала на спокойствие в среде учащейся молодежи, которое прежде нарушалось наличием небольших ныне бездействующих кружков¹. Эти выводы также не были опровергнуты ни современниками, ни исследователями последующих лет. Так что сотрудники ВГЖУ верно оценивали состояние социал-демократического подполья в губернии, характеризуя его как глубоко кризисное.

После революции 1905–1907 гг. продолжалась активность воронежских анархистов. Они занимались грабежами на территории губернии. Вероятно, именно анархистами была организована объединявшая более двух десятков учеников фельдшерской школы молодежная группа «Лига красного шнура», которая в начале 1908 г. провела ряд экспроприаций. В уставе Лиги ее цели определялись следующим образом: «...преследуя свое личное благосостояние, мы попутно с этим вносим деморализацию в существующий государственный строй, не разбираясь в средствах, стремимся к его ниспровержению».² Как видно из вышеописанного устава, Лигу красного шнура можно смело назвать обычной бандитской шайкой, которая прикрывалась революционной символикой.

28 февраля 1908 г. были произведены аресты участников Лиги. Причем у них были изъяты 9 незаряженных бомб и принадлежности для их изготовления. В качестве руководителей организации суд назвал Н. Кулаева, Г. и А. Огарковых и скрывшегося Н. Киселева, который впоследствии продолжил боевую деятельность и сыграл видную роль в организации

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1303. Л. 21 об.

² Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 156, 157.

борисоглебских максималистов Тамбовской губернии. В дальнейшем крупных анархических организаций в Воронеже не возникало¹.

Помимо подпольной деятельности революционные организации стремились оказывать влияние и на легальные стороны общественной жизни, в частности, на деятельность различных обществ. Появление государственных преступников в составе участников разрешенных общественных организаций настораживало полицию. 18 ноября 1910 г. воронежский полицмейстер уведомил начальника ВГЖУ об установлении надзора за деятельностью общества народных университетов и профессионального общества рабочих механических заводов и мастерских. Он заявил, что на эти организации должно быть обращено особое внимание, так как в их состав входят лица, принадлежащие к разным партиям антиправительственного направления, и «...названные общества, имея в своем составе и даже во главе их таких лиц, естественно, прилагают все старания, чтобы под видом просветительных целей стать среди населения популярными и завоевать к себе доверие, каковое затем использовать во вред существующему порядку...»².

Летом – осенью 1912 г. политическая полиция активно наблюдала за деятельностью в стране обществ эсперантистов после того, как в мае того же года начальник ВГЖУ В. З. Тархов направил в ДП МВД написанный на этом языке устав союза эсперантистов «Звезда свободы». Документ был обнаружен у политически неблагонадежного воронежского семинариста Н. Устиновского и содержал в себе социалистическую пропаганду³. В Воронеже кружок эсперантистов действовал до осени 1913 г., пока его заседания не были запрещены губернатором. Хотя, по сведениям освещавшего их деятельность агента ВГЖУ «Митрофанова», местные эсперантисты не проявляли революционной деятельности, а проводили занятия по изучению

¹ Разиньков М. Е., Рылов В. Ю., Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 157.

² Воронежские большевики... С. 63.

³ Туманова А. С. Указ. соч. С. 240.

языка, которые посещали в основном рабочие завода им. Столя и железнодорожных мастерских¹.

Одной из важных составляющих работы государственной полиции оставалось пресечение революционной агитации в воинских частях Российской империи. 15 июня 1909 г. директор ДП МВД Н. П. Зуев приказал местным подразделениям жандармской полиции и охранным отделениям обратить особое внимание на обнаружение и разгром военных организаций революционных партий². Распоряжением правительства с 30 декабря 1909 г. из запаса армии увольнялись офицерские кадры, чья политическая благонадежность вызывала сомнение. Выявлением и проверкой таких лиц должны были заниматься ГЖУ³.

Через год в распоряжении органов государственной безопасности оказалась информация о прошедшей в октябре 1910 г. в Цюрихе конференции, на которой присутствовали представители всех революционных сил России. Было решено объединить усилия, не взирая на идеологические различия, и направить их в сторону подготовки всеобщего вооруженного восстания в воинских частях в 1912 г. Для этого предлагалось усилить пропаганду, особенно в среде офицеров⁴. 30 октября 1910 г. Н. П. Зуев распорядился усилить присутствие секретных агентов полиции в частях, при этом «вести таковую самым осторожным образом, отнюдь не допуская сотрудников ни к организационной деятельности, ни к пропаганде, а лишь направляя агентуру для освещения действительной революционной работы в воинских частях»⁵. Дополнительное беспокойство вызвали революции в Турции в 1908–1909 гг. и Португалии в 1910 г., в которых принимали участие солдаты и офицеры. В 1911–1912 гг. завершались сроки ссылки по приговорам 1905–1907 гг. Среди них было много людей призывного

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 997. Л. 10 об.

² Хутарев-Гарнишевский В. В. Указ. соч. С. 122.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 63.

⁴ Хутарев-Гарнишевский В. В. Указ. соч. С. 122.

⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 193, 193 об.

возраста, а их появление в частях давало хорошую почву для революционной пропаганды¹.

Особые распоряжения руководства о принятии дополнительных мер по обеспечению безопасности воинских частей от агитаторов следовали до 1912 г. Особое внимание в них уделялось партии социалистов-революционеров, так как именно они, по мнению ДП МВД, вели самую интенсивную работу в казармах².

События подтвердили опасения властей. В ряде губерний России в армейских подразделениях выявлялись очаги антиправительственной пропаганды. В одном только 1910 г. ГЖУ провели более 100 дознаний по революционным брожениям среди солдат и офицеров. Ликвидации подверглись несколько военных организаций радикальных партий³. За решеткой оказалось большое количество людей, против многих из которых не было нужных улик, чтобы выдвинуть обвинение. В данных обстоятельствах полицейские власти традиционно прибегали к административной высылке, но к военным эта мера не применялась. Поэтому солдаты возвращались обратно в казармы, еще больше наслушавшись революционной пропаганды от других политических арестантов. В результате циркуляр ДП МВД от 18 ноября 1912 г. потребовал наносить более точные удары и заключать под стражу лишь тех, вину которых можно будет доказать в суде⁴.

Информация о действующей военной организации революционных партий в Воронежской губернии в 1909–1912 гг. отсутствует. Однако известно, что за положением в частях гарнизона наблюдали секретный агент ВГЖУ «Госпитальный», чье вознаграждение составляло 10 руб. в месяц, и штучник «Карабанов», получавший деньги в зависимости от важности

¹ Хутарев-Гарнишевский В. В. Указ. соч. С. 122.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 6. Л. 195–201.

³ Хутарев-Гарнишевский В. В. Указ. соч. С. 121.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 392.

предоставляемой информации¹. То есть воронежские жандармы отслеживали положение в местных гарнизонных частях.

Несмотря на прекращение студенческих протестов, ВГЖУ продолжало следить за настроениями молодежи. 24 апреля 1909 г. в общежитии Воронежского железнодорожного технического училища был обнаружен сверток с 8 фунтами гремучего студня – мощной взрывчатки². Под подозрение полиции попал семинарист М. Морозов, подговаривавший своих товарищей к бунту. При обыске у него была обнаружена нелегальная литература, поэтому его выслали из губернии в административном порядке. В целом типичными для Воронежской губернии являлись настроения новохоперской учащейся молодежи, описанные в жандармской характеристике. Указывалось, что «среди местных жителей и, в частности, в гимназии революционно настроенных лиц, которые бы проводили свои идеи в населении или среди учеников местных заведений не наблюдается, но особой дисциплиной и вполне добропорядочным поведением гимназисты не отличаются». Документ был составлен после того, как 10 октября 1913 г. новохоперский инспектор мужской гимназии С. П. Горохов получил письмо с угрозой его взорвать, если он не заплатит 500 рублей. Несмотря на подписанное письмо неким «Союзом четырех», ВГЖУ быстро вычислило отсутствие в этом деле следов революционных организаций, а под подозрение попали исключенные гимназисты, желавшие нажиться путем шантажа³.

В годы революции властям приходилось вступать в отношения с монархическими организациями. В декабре 1907 – январе 1908 г., когда воронежские члены Союза русского народа (СРН) хотели создать добровольные отряды из местных жителей по охране города, собранные в поддержку этой инициативы подписи не были приняты губернатором,

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 65. Л. 312, 339, 396.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 303. Л. 17.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1313. Л. 40, 57.

который на просьбу о выдаче оружия ответил, что «обыватели друг друга перестреляют»¹.

Однако в 1909–1914 гг. воронежская администрация поддерживала тесные отношения с правыми. Губернатор, полицейское и даже жандармское начальство не только были в курсе дел СРН, но и принимали участие в совместных мероприятиях. 20 августа 1909 г. состоялась панихида по скончавшемуся камергеру двора действительному статскому советнику графу В. Ф. Дорреру, курскому черносотенцу, руководителю фракции правых в Третьей Государственной думе (1908–1909 гг.). На собрании присутствовали вице-губернатор П. Н. Апраксин, начальник ВГЖУ В. З. Тархов, воронежский полицмейстер и другие важные лица².

Гораздо хуже к правым относились уездные и сельские власти. Например, 1 июля 1912 г. ячейка СРН с. Никольского Воронежского уезда обратилась к губернатору с просьбой разрешить пронести знамена из Воронежа крестным ходом. Разрешение на эту акцию было получено. Однако когда они пришли в родное село, земский начальник разогнал акцию, сами союзники были избиты, а их знамена изъяты. Шестеро активистов оказались под арестом на трое суток, а во время допросов по невыясненным причинам умер монархист П. Гончаров³.

Центральные власти и администрация на местах опасались повторения событий 1905–1907 гг., поэтому ДП МВД неизменно настаивал на принятии губернаторами профилактических мер против возможных беспорядков, особенно в канун памятных дат. Например, накануне 1 мая 1912 г., на фоне известных событий на Ленских приисках, воронежский губернатор С. И. Голиков издал строгое постановление, предписывающее начальникам полиции и уездным исправникам «принять самые решительные меры к недопущению ставших традиционными выступлениями революционных

¹ Рылов В. Ю. Правое движение в Воронежской губернии, 1903–1917. М., 2002. С. 60.

² Там же. С. 80–81.

³ Там же. С. 92.

организаций и вообще каких-либо демонстраций и беспорядков в дни 18 апреля и 1 мая». Губернатор потребовал следить, чтобы никто не распространял агитационный материал, установить наблюдение за пригородными лесами, рощами и другими удобными для устройства митинга местами¹. Свою обеспокоенность этим проявляло и ВГЖУ. Тем не менее, в 1912 г. никаких оппозиционных акций в губернии не состоялось². Единственное исключение – 1 мая 1912 г. некоторые рабочие завода Столля пели за станками революционные гимны³.

С 1913 г. в ДП МВД поступала информация из местных жандармских управлений о «неспокойном» состоянии рабочих. 3 октября 1913 г. начальник Санкт-Петербургского охранного отделения сообщил о явных признаках «нарастающей широкой стачечной волны». Было указано на склонность рабочих к забастовкам даже «по самому малейшему поводу». При этом полиция отчасти признавала свое бессилие изменить ситуацию. Автор донесения констатировал, что в условиях роста протестных настроений, характеризуемых начальником охраны как «психоз», «ликвидация профессиональных организаций может только ускорить взрыв забастовочного движения»⁴.

Подтверждением этих слов послужила начавшаяся 23 июля 1913 г. забастовка рабочих товарного и пассажирского цехов отроженских железнодорожных мастерских. Недовольные новыми расценками мастерские прекратили работы и организованно уехали в Воронеж. Для разрешения конфликта была организована встреча делегатов от рабочих и руководства мастерских. На встрече присутствовал начальник Воронежского отделения Воронежского ЖПУ ж. д., исполнявший функцию посредника. На этом совещании был достигнут консенсус и забастовка прекратилась. ВГЖУ не

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1916. Л. 13–14 об.

² Там же. Д. 1920. Л. 1–36.

³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 185. Л. 27–28.

⁴ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 332.

проводило расследование, так как забастовка была признана экономической и не сопровождалась нарушениями общественного порядка¹.

Настоящим испытанием для политической полиции России стали юбилейные торжества по случаю 300-летия установления династии Романовых. Были приняты беспрецедентные меры безопасности, но торжества по всей стране прошли спокойно. В частности, в Воронежской губернии в 1913 г. происшествий антиправительственного характера не было². Первая половина 1914 года также выдалась спокойной³.

Общественно-политическую ситуацию в губернии осложняло появление ссыльных, прибывающих из других регионов. За ними устанавливался негласный надзор полиции. Только весной 1909 г. прибыло 12 лиц данной категории⁴.

С осени 1907 и до конца 1908 г. начальник ВГЖУ В. З. Тархов неизменно отчитывался в ДП МВД о том, что «ничего тревожного в настроении населения губернии замечено не было». Причем после этой формулировки обычно перечислялись произошедшие в регионе отдельные преступления (поджоги помещичьих усадеб, убийства, в том числе и полицейских). Особенно значительным среди них стал бунт в воронежской городской тюрьме, который произошел летом 1908 г. и был подавлен силой, в результате чего четверо арестантов погибли, а один получил ранения. Одним из застреленных стал арестант Ножин, участвовавший в убийстве унтер-офицера ВГЖУ Ф. Каверина⁵.

Однако в ответ на эти донесения из ДП МВД шли крайне тревожные отзывы, где, ссылаясь на те же перечисленные В. З. Тарховым факты преступлений, столичные чиновники указывали на то, что положение в Воронежской губернии вовсе не выглядит спокойным. И все же в феврале

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1970. Л. 1, 2, 12 об.

² Там же. Л. 45.

³ Там же. Д. 407. Л. 1–88.

⁴ Там же. Д. 251. Л. 106, 106 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 161. Л. 18–22.

1908 г. после разгрома Лиги красного шнура В. З. Тархов указал в донесении, что на ближайшее время революционеры в Воронежской губернии полностью разгромлены¹.

В отчете от 27 января 1908 г. нижедевицкий исправник сообщал о крестьянских братствах в ряде сел уезда, которые не проявляли свою деятельность после волны проведенных арестов. Между тем, указывалось на «непрекращающееся брожение» в крестьянской среде: на агитацию, ожидание земельных приращений, отказ платить подати и продолжающиеся нападения на частные владения².

Отчеты уездных исправников о положении дел в губернии говорят, что в целом в губернии с сентября по конец 1909 г. выдающихся происшествий, связанных с деятельностью оппозиции, не было³. Тем не менее, касаясь расследования грабежей, уездные исправники сообщали о тревожных тенденциях, что в момент нападений на усадьбы и предприятия частных владельцев их сотрудники не пытались оказать какого-либо сопротивления преступникам и не проявляли заинтересованности в их розыске. Поэтому полиция не могла в ходе расследования рассчитывать на помощь местного населения⁴.

Наиболее отчетливо это проявилось после нападения на хутор Паника вдовы генерал-майора М. Г. Раевской в Новохоперском уезде. В полицейском рапорте было указано, что охранявшие экономию 40 человек с винтовками и револьверами не оказали никакого сопротивления восьмерым грабителям и даже отдали им 10 ружей и 5 револьверов⁵.

Расследуя дело и занимаясь поиском предполагаемых преступников во главе с Д. Грачевым⁶, унтер-офицеры ВГЖУ фиксировали в донесениях

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 108ч. 10. Л. 1–15, 31, 31 об.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 349. Л. 16.

³ Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 223. Л. 1–382.

⁴ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 576. Л. 37.

⁵ Квасов О. Н. Революционный терроризм... С. 34.

⁶ Подробнее об этом деле см.: Подлесных С. Н. Банда Грачева на территории Новохоперского и Бобровского уездов в 1908–1909 гг. // Битюг. 2016. № 3. С. 14–24.

летом 1909 г., что «настроение населения этих местностей в настоящее время хотя никаких преступных действий не проявляет, но крайне враждебно настроено в особенности против помещиков и крупных землевладельцев, в виду того, что как помещики, так равно и землевладельцы в настоящее время неизмеримо повысили арендную плату за свои земли: от 20 р. до 30 р. за десятину тридцатной меры за один посев», а некоторые из них совсем перестали отдавать земли в аренду. Служащие экономии Раевской также были недовольны высокими штрафами, тяжелыми условиями труда и низким жалованием. В результате жандармы констатировали нежелание местного населения способствовать властям в поиске грабителей. Люди считали преступную деятельность возмездием за свои притеснения¹.

На это дело власти обратили пристальное внимание. В циркулярном письме от 27 июня 1909 г. директор ДП МВД Н. П. Зуев просил воронежского губернатора С. И. Голикова «указать вдове генерал-майора Раевской на ненормальное отношение между управлением ее имений и местными крестьянами». Также было добавлено, что «как подтверждается опытом, установление доступных для крестьян арендных цен на землю и упрочение с ними добрососедских отношений приводят помещиков к материальному благосостоянию не худшему, чем у тех землевладельцев, которые взимают хотя и более высокую плату за землю, но за то страдают от поджогов озлобленных крестьян»².

16 июля 1909 г. Д. Грачев был задержан в поезде на ст. Лиски и банда была разгромлена. Несмотря на участие жандармской полиции в поиске этих преступников, банда не рассматривалась как революционная организация. Пожалуй, наиболее точную характеристику группировке Д. Грачева в конце 1909 г. дал начальник Тамбовского ГЖУ. Он указал, что это «шайка разбойников под флагом революционеров»³.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 576. Л. 56, 56 об.

² Квасов О. Н. Переписка воронежского губернатора С. И. Голикова с помещицей М. Г. Раевской // Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2008. Вып. 6. С. 243.

³ Подлесных С. Н. Указ. соч. С. 23.

По отчетам исправников можно судить об отсутствии крупных проявлений общественного недовольства и в следующем 1910 г.¹. Хотя отдельные выдающиеся происшествия все же происходили. 27 августа 1910 г. В. З. Тархов был вынужден телеграфировать командующему ОКЖ о том, что в сл. Уразово Валуйского уезда взбунтовались крестьяне и в ходе погрома сожгли холерный барак. Порядок был восстановлен только после полицейской операции с применением оружия².

30 апреля 1911 г. ВГЖУ ликвидировало воронежскую группу ПСР в Бутурлиновке. В ходе ликвидации было арестовано 6 человек³. Всего в 1911 г. в Воронежской губернии произошло 28 крестьянских выступлений, а в 1913 г. уже 52. В целом же за 1911–1914 гг. состоялось более 137 крестьянских выступлений. Они были связаны, прежде всего, с противодействием реализации столыпинской аграрной реформы⁴. Однако эти выступления редко сопровождались какими-либо беспорядками, и в целом положение в губернии в 1909–1911 гг. уже не беспокоило местные власти. В отчетах о народных настроениях уездные исправники сообщали в ВГЖУ о спокойствии населения за исключением отдельных преступлений неполитического характера⁵.

Наиболее массовым государственным преступлением в этот период оставалось публичное оскорбление представителя царского рода. Часто недовольные тяжелым уровнем жизни люди в сердцах вымещали свою обиду на личности императора и попадали под суд. В августе 1910 г. ВГЖУ завершило дознание по делу крестьянки села Николаевки Краснодолинской волости Землянского уезда Гришаевой и направило материалы в суд. Дело основывалось на доносе, в котором сообщалось, что летом 1907 г. указанная крестьянка во время обеда после работы в поле заявила другим женщинам,

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 309. Л. 1–160.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.

³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 185. Л. 52–54.

⁴ Воронежские большевики... С. 66–67, 72.

⁵ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 223. Л. 1–382; Оп. 2. Д. 309. Л. 1–160; Д. 356. Л. 1–110.

что ее муж и сын лучше бы справились с управлением государством, чем династия Романовых, по крайней мере, раздали бы помещичьи земли крестьянам. При этом она, абсолютно отдавая себе отчет в содеянном, допустила несколько оскорбительных и нецензурных высказываний в адрес царских особ²⁴. Примечательно, что дознание по делу было возбуждено 2 августа 1910 г. то есть спустя 3 года с момента совершения преступления.

Всего в 1909 г. до суда было доведено 35 преступлений по ст. 103 Уголовного уложения¹. В 1910 г. полиция Воронежской губернии расследовала около 40 дел об оскорблении царствующих особ². Правда, до суда в 1910 г. дошло только 25 дел³, в 1912 г. – 29⁴, в 1914 г. – 15 дел⁵.

В целом об интенсивности работы ВГЖУ свидетельствуют статистические материалы. В 1908 г. под гласным надзором полиции находилось не менее 800 человек⁶. За тот же год ВГЖУ провело 46 дознаний (108 обвиняемых) по 1035 ст. Уст. Уг. Суд. и 105 дел (156 обвиняемых) по Положению от 14 августа 1881 г. Было произведено 57 отдельных следственных действий (по ним проходили 14 обвиняемых) по запросу других ведомств государственной полиции. Поток документации по следственной части за это время составил 20600 входящих и 24117 исходящих бумаг⁷.

В 1909 г. в порядке 1035 ст. Уст. Уг. Суд. помощником начальника ВГЖУ в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах было произведено 17 дознаний и 14 производств в порядке «Положения...» 14 августа 1881 г. Под негласным полицейским надзором находилось 103 человека. В 1910 г. тем же помощником начальника ВГЖУ было

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1910 г. Воронеж, 1910. Отд. II Статистический. С. 118.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1111.

³ Памятная книжка ... на 1912 г. Воронеж, 1912. Отд. II Статистический. С. 114–115.

⁴ Памятная книжка ... на 1914 г. Воронеж, 1914. Отд. II Статистический. С. 114.

⁵ Памятная книжка ... на 1916 г. Воронеж, 1916. Отд. II Статистический. С. XXVIII – XXIX.

⁶ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1513. Л. 23–316.

⁷ Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 588. Л. 10.

расследовано 9 возбужденных в этом году дел и 9 производств, оставшихся с 1909 г.¹. Всего в 1910 г. ВГЖУ провело 18 дознаний (по которым проходили 113 обвиняемых) в порядке 1035 ст. Уст. Уг. Суд. и 24 дела (168 обвиняемых) по «Положению...» 14 августа 1881 г. Под негласным наблюдением находилось 800 человек².

Согласно памятной книжки на 1911 г., в 1909 г. в губернии было совершено 74 государственных преступлений: 15 дел по 102 ст. (94 обвиняемых), 35 по 103 ст. (35 обвиняемых), 2 по 125 ст. (2 обвиняемых), 13 по 129 ст. (13 обвиняемых), 1 по 130 ст. (1 обвиняемый) и 8 по 132 ст. (8 обвиняемых)³.

В 1910 г. за 10 преступлений по 102 ст. было осуждено 39 человек, по 103 ст. 25 преступлений (27 преступников), по 125 ст. 1 преступление (1 преступник), по 129 ст. 2 преступления (2 преступника), по 2 п. 132 ст. 4 преступления (5 преступников)⁴.

В 1912 г. было совершено всего 30 государственных преступлений: 1 по 102 ст. (1 обвиняемый), 29 по 103 ст. (29 преступников)⁵.

В следующем году ВГЖУ расследовало лишь два государственных преступления по 103 ст. (2 осужденных)⁶.

По данным Воронежского и Острогожского окружных судов в 1905–1907 гг. в Воронежской губернии не было ни одного казненного преступника по политическим делам. В течение 1908–1910 гг. казни подверглись 14 человек⁷.

Таким образом, главным достижением ВГЖУ в этот период стало то, что в губернии установилось относительное спокойствие. Прекратились массовые революционные выступления, значительно снизилось количество

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 719. Л. 6–48.

² Там же. Д. 817. Л. 31, 32.

³ Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г. Воронеж, 1911. Отд. II Статистический. С. 118.

⁴ Памятная книжка ... на 1912 г. Воронеж, 1912. Отд. II Статистический. С. 114.

⁵ Памятная книжка ... на 1914 г. Воронеж, 1914. Отд. II Статистический. С. 114.

⁶ Памятная книжка ... на 1915 г. Воронеж, 1915. Отд. II Статистический. С. XXVIII.

⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1094. Л. 112, 112 об.

аграрных беспорядков. Статистика проведенных жандармами расследований показала, что данный результат был достигнут не только по причине изменения общественно-политической ситуации в стране в целом, но и благодаря аресту большого количества государственных преступников сотрудниками ВГЖУ и органами общей полиции. В деятельности ВГЖУ за этот период четко прослеживается распределение оппозиционных сил по партийной принадлежности. Наиболее опасными считались эсеры, социал-демократы и анархисты.

Выводы из жандармских отчетов за эти годы говорят об адекватности оценок местной общественно-политической обстановки «спецслужбами». Большинство из них подтверждаются современными исследователями.

§ 5. Особенности работы жандармской полиции в условиях Первой мировой войны

Напряженные 1914–1917 гг. составляют особый этап в деятельности учреждений государственной полиции. Мировая война добавила стражам порядка новые заботы: наблюдение за ходом мобилизационных мероприятий, поиск дезертиров и беглых военнопленных, по-настоящему именно в этот период жандармы стали заниматься борьбой со шпионажем. Сотрудники государственной полиции отслеживали опасные изменения общественных настроений, связанные с вздорожанием цен, дефицитом товаров, неудачами на фронтах, большими человеческими потерями и на фоне этих кризисных тенденций фиксировали новый рост популярности революционных идей. Итоги деятельности политической полиции за данный период представляют особый интерес еще и потому, что именно в эти годы ДП МВД, ОКЖ и их региональные подразделения потерпели свое главное поражение – допустили падение самодержавия и развал государства.

Через неделю после начала Первой мировой войны Воронежская губерния была объявлена на положении чрезвычайной охраны. В связи с

этим губернатор Г. Б. Петкевич немедленно издал постановление, воспрещавшее «оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству». Запрещались несанкционированные демонстрации, забастовки и собрания общественных организаций¹.

Подобные распоряжения отдавались местными властями по всей стране. Таким образом, в условиях военного времени были существенно ограничены политические права и свободы, завоеванные революцией 1905–1907 гг., обещанные манифестом 17 октября 1905 г. и реализованные правительством в последующие годы.

14 июля 1914 г. в регионы был разослан приказ министра внутренних дел Н. А. Маклакова, согласно которому губернаторам, начальникам общей и государственной полиции поручалось исполнять все требования командующих войсками². В результате значительную часть своего рабочего времени «спецслужбы» должны были уделять военным нуждам: обеспечению безопасности мобилизационных мероприятий, охране военнопленных, противодействию иностранным шпионам и диверсантам. Однако при всем при этом политическая полиция должна была продолжать всестороннее наблюдение и защищать безопасность государства от внутренних потрясений.

Характеризуя внутривластительное положение в России летом 1914 г., директор ДП МВД В. А. Брюн де Сент-Ипполит в циркуляре от 2 сентября того же года указал на патриотический подъем, единение всех слоев населения и почти полное отсутствие революционных эксцессов. Тем не менее от местных полицейских властей требовалось не терять бдительности и быть готовыми к возможным кризисным явлениям и даже массовым беспорядкам. При этом главную угрозу руководитель полиции видел именно в либеральном крыле оппозиции, которое «вызывает и поддерживает во всех

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1371. Л. 2.

² Там же. Л. 42 об.

слоях населения оппозиционное настроение по отношению к правительству и создает тем благоприятную в стране почву для пропаганды и агитации явно революционных идей, а также широко снабжает революционные партии материальными средствами...». Исходя из этих соображений В. А. Брюн де Сент-Ипполит указывал на необходимость установления тщательного наблюдения за деятельностью не только явно революционных, но и умеренно оппозиционных либеральных организаций, за общественным движением и профсоюзами, которые директор ДП МВД считал «чисто революционными организациями» и площадками для антиправительственной агитации рабочих и служащих¹.

В условиях Первой мировой войны, учитывая определенные тревоги и предупреждения столичного руководства, офицеры ВГЖУ отсылали в столицу ежемесячные сводки по деятельности революционных партий на территории губернии: ПСР, РСДРП и по «разным организациям». В этих отчетах воронежские жандармы констатировали отсутствие в губернии следов деятельности революционных партий и лишь указывали на проявления отдельных неблагонадежных элементов². Так что в жандармских управлениях все равно приоритетным направлением оставалось наблюдение за социалистическим крылом оппозиции, а не либералами.

Максимальное количество политически неблагонадежных, за которыми ежемесячно в течение 1916 г. следили агентура и филеры ВГЖУ, составило 8 человек – они фигурировали в мартовском отчете воронежского управления. Наиболее известной фигурой из тех, кто был под наблюдением ВГЖУ в 1916 г., стал видный член ПСР, помощник присяжного поверенного в Ростове-на-Дону М. Л. Коган-Бернштейн, высланный под гласный надзор полиции из Ростова в Воронеж в июне 1914 г. Он воссоздал воронежскую эсеровскую организацию, что сразу стало известно ВГЖУ, потому что в эту группу помимо М. Л. Коган-Бернштейна, М. Ф. Гузенко, А. А. Шишкиной,

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д 700. Л. 287–290.

² Там же. Оп. 1. Д. 1558. Л. 1–12.

И. Юнаковского входил секретный сотрудник А. Н. Васильев¹. Он носил агентурный псевдоним «Пенснэ» и был завербован осенью 1915 г., являясь сотрудником под начальством М. Л. Коган-Бернштейна в Азовско-Донском банке². 14 января 1916 г. произошла ликвидация, однако обыск не дал никаких компрометирующих сведений, и до мая все арестованные были отпущены за недостаточностью улик³. Более того, вплоть до февраля 1917 г. М. Л. Коган-Бернштейн издавал вполне легальный журнал «Запросы жизни», зарегистрированный в качестве печатного органа технической секции Воронежского Общества Народных Университетов⁴.

По подсчетам А. С. Поливанова, к началу 1917 г. в Воронеже проживало около 50 бывших или действующих членов РСДРП, которые до падения монархии не проявляли себя, но снова вернулись к активной политической жизни во время Февральской революции⁵.

Проживание бывших участников революционных организаций в Воронежской губернии подтверждается и жандармскими документами. Однако наблюдавшие за ними сотрудники ВГЖУ констатировали, что данные лица не занимаются никакой незаконной деятельностью⁶.

Однако в книге Р. Г. Демидова упоминается еще и о социал-демократической группе учащихся, члены которой в 1915–1916 гг. проводили занятия среди рабочих железнодорожных мастерских⁷.

Во исполнение требований циркуляра ДП МВД от 22 декабря 1915 г. офицеры жандармерии составляли обзоры о наличии монархических организаций в губернии, их составе и влиянии на местное население⁸.

¹ Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров... С. 150.

² Подробнее о А.Н. Васильеве см.: Акиншин А. Н., Ласунский О. Г. Пахарь духовной нивы: Историко-краеведческие этюды. Воронеж, 1996. С. 60–76.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1277. Л. 6, 17–22.

⁴ Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров... С. 151.

⁵ Поливанов А. С. Революционные события в Воронеже в 1917 году. Воронеж, 1967. С. 8.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 108ч. 14. Л. 23.

⁷ Демидов Р. Г. Указ. соч. С. 27.

⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1124. Л. 5.

1 февраля 1916 г. начальник ВГЖУ полковник В. И. Дацевич рапортовал в ДП МВД о состоянии правых организаций на территории губернии. Их характеристика была далеко не лестной. Сообщалось, что в Воронеже существует «Митрофано-Георгиевское общество союза Русского народа». В нем состоит до 46 человек, однако фактически в делах организации принимают участие лишь 15–17 членов, а остальные ничем себя не проявляют и даже не посещают общие собрания. Указывалось, что в 1905–1907 гг. в «Митрофано-Георгиевское общество» входило до 300 человек, у них были свои уездные отделения, а в данный момент филиалы организации имелись лишь в пригородных слободах Ямской и Троицкой. Начальник ВГЖУ констатировал, что «Проявлений существования этой организации почти никаких нет, равно как и деятельности ее». Далее в рапорте приводятся результаты исследования политической благонадежности руководителей общества: председателя Р. М. Карцева и секретаря Н. Н. Пантелеевского¹, а также наиболее видных членов: Ю. И. Кошутского, П. А. Кутепова, В. И. Кутеповой, – которые, впрочем, ни в чем предосудительном замечены не были. Завершая обзор «Митрофано-Георгиевского общества», В. И. Дацевич делает вывод, что никакого влияния на местное население они не имеют и сами признают свое бессилие².

В уездах жандармами были выявлены три монархические организации: «Союз архангела Михаила» в Валуйках, союз «Истинно русских людей» в Острогожском уезде и «Погромский союз Михаила Архангела» в сл. Погромец Валуйского уезда. Они были небольшими по своему составу, так как только в одной из организаций количество участников доходило до 100 человек, а в остальных не превышало

¹ В 1907 г. на Н. Н. Пантелеевского было совершено два покушения: 25 ноября монархиста ранили в ногу, а 17 декабря две пули попали ему в грудь и руку: Квасов О. Н. Революционный терроризм ... С. 73.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1124. Л. 10 об., 11.

нескольких десятков. При этом население относилось к ним скорее отрицательно, во многом из-за нравственных качеств самих правых¹.

Например, председателем валуйской организации «Союз архангела Михаила» состоял местный помещик Г. А. Рябинин, который среди населения пользовался дурной славой, так как для своих 65 лет был слишком пристрастен к женскому полу. Председатель острогожского союза «Истинно русских людей» дворянин А. В. Голушков имел репутацию пьяницы, скандалиста и клязника. По тем же причинам дурной славой у местного населения пользовались и рядовые члены его организации².

Понимая слабость своих организаций, правые стремились приобрести поддержку властей. В ноябре 1915 г. в ДП МВД получили телеграмму от воронежского отделения СРН, в которой указывалось, что «местная печать революционирует школу» и, чтобы этому противодействовать, необходим правый орган, на открытие которого монархисты просили денег у высшего полицейского ведомства³. По всей видимости, эта телеграмма и вызвала у Департамента выраженный в требованиях циркуляра от 22 декабря 1915 г. интерес к правому движению в Воронежской губернии.

В целом в годы мировой войны было очевидно, что неудачи на фронтах и, особенно, экономические трудности гораздо в большей степени влияли на народные настроения, чем агитация революционных партий. Уже в первые месяцы войны воронежские власти наблюдали рост социальной напряженности.

В августе 1914 г. губернатору Г. Б. Петкевичу пришлось заняться расследованием массовых волнений в с. Козловка Бобровского уезда⁴. Жены ушедших на фронт солдат не допустили проведение землеустроительных работ по выделению общинных земель в частные наделы по программе

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1124. Л. 11–12.

² Там же.

³ Там же. Л. 1–3.

⁴ Карпачев М. Д. Волнение крестьян-общинников в Козловке в августе 1914 г. // Из истории воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 131.

Столыпинской аграрной реформы. Поэтому губернатор Г. Б. Петкевич во избежание эскалации конфликта издал распоряжение о временном приостановлении новых землеустроительных операций впредь до окончания войны и возвращения домой мобилизованных крестьян¹.

Донесением 19 ноября 1914 г. начальник ВГЖУ М. А. Конисский проинформировал ДП МВД о распространяемых слухах среди крестьян Задонского и Землянского уездов о том, что после войны им якобы прирежут земли помещиков. Следов антиправительственных агитаторов государственная полиция не обнаружила, поэтому был сделан вывод, что данную информацию распространяют сами крестьяне. Подобные слухи касались и земель немецких помещиков, живущих в России. Над землевладельцами с «немецкой» фамилией нависла угроза погромов, поэтому они вынуждены были обращаться к властям за помощью².

Наблюдая положение в деревне, сотрудники ВГЖУ указывали на ухудшения условий жизни, связанные с тяготами военного времени. Отмечалось, что в крупных семьях мужчины ушли на фронт, а это лишило деревню свободных рук и резко сократило объемы аренды земель у помещиков. По той же причине семьи лишились свободных денег, которые крестьяне ранее зарабатывали в городах. В то же время в этих тяжелых условиях сами помещики сильно подняли арендную плату на землю, желая компенсировать понесенные издержки, что в свою очередь еще больше усугубило кризисную ситуацию³.

Подобные донесения, несомненно, тревожили власти. Однако в целом на фоне патриотического подъема и оптимистичных ожиданий итогов войны общественные настроения населения губернии оставались в норме. С июля по декабрь 1914 г. произошло всего 10 крестьянских выступлений⁴.

¹ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы... С. 397.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 1. Л. 1, 2, 4.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Воронежские большевики... С. 79.

Согласно указу от 13 ноября 1915 г. новым воронежским губернатором был назначен М. Д. Ершов. Отставка Г. Б. Петкевича связана, по-видимому, с тем отрицательным впечатлением безвольного человека, которое он произвел на товарища министра внутренних дел, заведующего полицией В. Ф. Джунковского, посетившего Воронеж в декабре 1914 г. в составе свиты императора Николая II¹.

Еще раз следует отметить, что находясь в Воронеже, царь изволил пригласить и. о. начальника ВГЖУ подполковника Долгова и начальника Воронежского ЖПУ ж. д. полковника Деболи на обед в императорском поезде, во время которого похвалил работу подчиненных им ведомств².

Вступив в свои обязанности, М. Д. Ершов столкнулся с ростом недовольства в сельской местности. Значительные выступления на почве роста цен и спекуляции произошли в это время в Павловском уезде. Беспорядки охватили несколько крупных селений, и прекратились только под угрозой применения военной силы³.

Ухудшение положения на фронте, вздорожание жизни, исчезновение с рынка промышленных товаров, элементарных бытовых предметов вело к росту количества недовольных. В 1915 г. в губернии произошло уже 43 крестьянских выступления, в 1916 г. – 64 случая⁴.

Вздорожание жизни, надвигающийся экономический кризис неизбежно не только сами по себе вели к росту общественного напряжения, но и становились отличным поводом для критики царской администрации оппозиционерами. Власти это прекрасно понимали. В ноябре 1915 г. жандармским управлениям был разослан приказ из штаба ОКЖ, который требовал пресекать деятельность спекулянтов. С лета 1916 г. в регионы поступила серия циркуляров о борьбе с революционерами, которые в своей агитации акцентируют внимание на экономические проблемы. Примерно в

¹ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 468.

² ГАВО. Ф. И-213. Оп. 1. Д. 1. Л. 121 об.

³ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 380.

⁴ Воронежские большевики... С. 79.

это время полицейское руководство стало воспринимать экономические трудности как серьезную угрозу государственной безопасности и окончательно осознало, что революционные идеи снова набирают популярность в определенных кругах населения¹.

В условиях сильного кризиса крестьяне вымещали свою злость на выделявшихся из общины по закону 9 ноября 1906 г. Например, в мае 1916 г. прокатилась волна погромов в с. Нижний Мамон Павловского уезда. Для наведения порядка были вызваны войска, которые, к счастью, не применялись. Проанализировав отчеты государственной полиции о возраставших случаях погромов бывших общинников, в мае 1916 г. министр земледелия приостановил выдел земли из общины до окончания войны уже на территории всей страны².

На наш взгляд, наиболее отчетливым показателем угрозы внутривластной дестабилизации стало распоряжение воронежского губернатора М. Д. Ершова начальникам полиции региона от 27 января 1916 г., в котором «в виду участвовавших случаев разбойных нападений и грабежей, а также усилившейся работы революционных организаций» требовалось принять дополнительные меры предосторожности при перевозке ценностей по территории губернии. Особое внимание следовало уделять охране и транспортировке денежных сумм – отправлять транспорт с особой конспирацией, менять маршруты и способы перемещения³. Учитывая, что Воронежская губерния в годы войны находилась в глубоком тылу, подобные беспрецедентные меры безопасности, вполне сравнимые с операциями в зоне боевых действий, отчетливо указывают на рост преступности и радикализацию общественных настроений.

С другой стороны, в отчетах губернатора и жандармских донесениях сообщалось об определенном благополучии населения губернии. Из отчетов

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 700. Л. 335–336, 413.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 14ч. 1. Л. 1, 2.

³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1988. Л. 12.

Воронежского губернатора Г. Б. Петкевича за 1915 г. следовало, что в течение января 1915 г. среди всех слоев населения Воронежской губернии замечалось то же глубоко-патриотическое настроение, доброжелательное отношение к власти и стремление сохранить образцовый порядок, которое было характерно для начального периода войны. В феврале отмечались случаи выступлений крестьян против землеустроителей. Летом по селам ходили слухи о наделении землепашцев конфискованными у помещиков-немцев землями. Достаточно серьезно ситуация обострилась в период неудач на фронтах войны, когда российская армия отступала под натиском противника. Временные трудности рождали слухи о якобы предательстве генералитета и даже о подготовке покушения на Главнокомандующего. Раздражение вызывало и то, что мобилизованные из семей помещиков проходили службу в основном в тыловых частях, в то время как крестьяне отправлялись на фронт. Несправедливость и опасность подобного положения признал даже сам губернатор. В месячных отчетах за июль – сентябрь Г. Б. Петкевич отмечал нервозность населения, но в целом оптимистичные ожидания от итогов кампании. Стабилизация фронта к сентябрю 1915 г. успокоила жителей губернии, проявлявшиеся ранее пессимистичные настроения исчезли. Подводя итоги, губернатор указывал, что, несмотря на появившееся с ноября недовольство вздорожанием цен, экономическое положение крестьян остается нормальным, в регионе отсутствуют действующие революционные ячейки, а неблагонадежные элементы не проявляют себя с 1913 г.¹

Рапортуя 26 апреля 1916 г. начальнику ВГЖУ В. И. Дацевичу, его помощник в Задонском и др. уездах подполковник П. А. Зякин сообщал: «Относительно материального положения в данное время в среде крестьян надо отметить полное, редкое благополучие, выразившееся в том, что местные ссудно-сберегательные кассы вследствие переполнения деньгами не принимают новых вкладов. Многие крестьянские семьи, получая по

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 108ч. 14. Л. 1–5, 10, 10 об., 18–23.

несколько пайков, делают большие сбережения. В уездах Коротоякском, Задонском и Землянском у весьма многих крестьян стоят скирды хлеба из урожая прошлого года не обмолоченными, что является прямым показателем полного достатка и отсутствия нужды в сбыте хлеба». При этом крестьяне «несут бремя высоких цен только на те продукты в своем обиходе, которые сами не выделывают». О существенном отличии в положении сельского населения и горожан писал начальник ВГЖУ В. И. Дацевич. В донесении директору ДП МВД от 6 ноября 1916 г. он отмечал: «Отношение населения к продовольственному вопросу и к возрастающей дороговизне всех жизненных продуктов следующее. Крестьяне и землевладельцы, благодаря урожаям последних трех годов, не испытывают тяжести продовольственного вопроса, но жалуются на дороговизну остальных продуктов потребления». По этой причине в отдельных местностях губернии уже прокатилась волна беспорядков и погромов мелких лавочников¹.

К концу 1916 г. тон жандармских донесений стал более тревожным. В рапорте своему начальнику от 23 ноября 1916 г. помощник в Острогожском и др. уездах ротмистр Малюгин указывал, что «отсутствие в городах и крупных населенных местах муки, керосину и пр., непомерное их вздорожание и отсутствие надзора по наблюдению за ценами на них везде и в каждую минуту могут вызвать народные беспорядки и погром торговцев»².

Гораздо хуже, считал офицер, то, что очень многие люди винят в своих бедах не только купцов, но и местные власти, не способные или не желающие принять жесткие меры против торговых злоупотреблений. Причем среди администраторов особенно подозревались лица с немецкими фамилиями. В очередном докладе в ДП МВД от 29 ноября 1916 г. В. И. Дацевич доносил, что у многих воронежцев «осталась только надежда на Государственную думу, которая урегулирует и улучшит неустройство в

¹ Карпачев М. Д. Архивные свидетельства о настроении населения Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Воронежский вестник архивиста. Вып. 7. 2009 (далее – Карпачев М. Д. Архивные свидетельства...). С. 125.

² Там же. С. 127.

тылу, уменьшит дороговизну и искоренит немцев. В связи с этим крестьяне и рабочие стали проявлять интерес к Государственной думе, читать газеты и интересоваться ныне происходящими событиями»¹.

В декабре 1916 г. унтер-офицеры ВГЖУ обнаружили распространение слухов о том, что якобы помещики и полиция готовят пулеметы для подавления возможных беспорядков из-за дороговизны цен. Определенное недовольство вызывали задержки выплат компенсаций за реквизиции скота, долгая выдача пайков за мобилизованных в армию, властям даже ставили в вину то, что земства слишком гуманны к военнопленным².

В одном из последних донесений жандармского ротмистра Малюгина – от 28 февраля 1917 г. сообщалось о ситуации в Валуйском уезде. Там, получив на волостных сходах разъяснения о необходимости доставки хлеба для нужд фронта по твердой цене 1 руб. 90 коп. за пуд пшеницы, «многие из крестьян пошли навстречу этому и стали возить хлеб, другие же противились этому и задержали хлеб у себя. Случилось затем так, что откликнувшиеся на предложение властей не успели еще получить деньги за поставленный хлеб, как услышали, что твердая цена на пшеницу поднялась с 1 руб. 90 коп. до 2 р. 50 коп. Таким образом, более патриотично настроенные крестьяне получают за хлеб меньше, чем те, которые попридержали его у себя. Теперь среди крестьян царит такое убеждение, что чем больше задерживать у себя хлеб, тем больше правительство будет увеличивать твердые цены, а земским начальникам не нужно верить, так как они только обманывают народ»³.

Подобные происшествия наносили большой вред, так как приводили к падению престижа и авторитета власти, к росту недоверия народа к правительству и местной администрации. Поэтому жандармы так подробно указывали об этом в своих донесениях.

Но в целом, как фиксировали сотрудники жандармерии, население оставалось спокойным, отсутствовали следы деятельности революционных

¹ Карпачев М. Д. Архивные свидетельства... С. 127.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1249. Л. 1, 6–7, 10.

³ Карпачев М. Д. Архивные свидетельства... С. 128.

организаций и даже экономические трудности воспринимались как временное зло, неизбежное в условиях тяжелой войны¹.

Именно в таком благоприятном ключе звучали общие выводы, сделанные воронежскими жандармами из поступающих в управление противоречивых сведений о положении в Воронежской губернии. Местные «спецслужбы» вполне адекватно оценивали реальное положение дел в регионе, указывая на большое количество проблем. Благоприятные прогнозы на будущее также нельзя считать ошибочными, так как в Воронежской губернии, действительно, до весны-лета 1917 г. крупных антиправительственных выступлений и беспорядков не было.

Неоднократно причиной начинавшихся беспорядков становилась общая безграмотность, суеверность и отсутствие элементарного образования в широких слоях российского крестьянства. В условиях мировой войны эта проблема уже всерьез угрожала государственной безопасности, тем более что подобные выступления начинались стихийно, в них участвовало большое количество людей, и власти совершенно не могли их предотвратить в силу непредсказуемости повода к возникновению беспорядков.

В Воронежской губернии ярким примером подобного стали события, произошедшие осенью 1916 г. 4 ноября в 3-ю земскую школу с. Козловки Бобровского уезда пришла крестьянка Малахина и потребовала у заведующей учительницы Авдеевой отпустить ее детей, так как, по дошедшим до нее слухам, по козловским училищам будет ездить «анчутка» (антихрист) и прикладывать печати ко лбам учеников. Несмотря на продолжительные попытки убедить крестьянку во вздорности подобных слухов, женщина настаивала на своем. На шум собрались местные жители, и в какой-то определенный момент начался погром школы. С криками «бей их!» крестьяне набросились на учителей. Снять напряженность смог только законоучитель священник о. Богатырев².

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1249. Л. 10–29.

² Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2092. Л. 3.

Из-за слухов об антихристе-клеймителе, распространяющимся вплоть до 19 ноября по соседним населенным пунктам, родители забирали детей домой из школ. Об этой истории богучарский уездный исправник рапортовал начальнику ВГЖУ, воронежскому вице-губернатору и владыке Тихону (Никанорову), архиепископу Воронежскому и Задонскому¹.

Тем не менее ситуация в Воронежской губернии до последних дней существования государства находилась под контролем. На фоне определенных тревог шли отчеты уездных исправников и самих жандармов об отсутствии массовых беспорядков и о полном спокойствии и даже проявлениях патриотизма и надежд на успешное окончание войны со стороны широких слоев населения Воронежской губернии.

В 1914–1917 гг. наиболее массовым государственным преступлением являлись случаи оскорбления царской фамилии чаще всего пьяными крестьянами². Их расследованием занимались ГЖУ, хотя сами жандармы не воспринимали подобные случаи в качестве серьезной угрозы политическому режиму³. Степень ответственности за данные преступления во многом зависела от сопутствовавших их совершению обстоятельств.

Например, с 7 ноября 1915 г. по 24 февраля 1916 г. ВГЖУ вело доследственную переписку, проверяя донос служащего в одном из магазинов Воронежа на своего начальника, который якобы при нем назвал императора чертом. Проверив политическую благонадежность подозреваемого, жандармы убедились в его лояльности режиму, но все же выявили, что хозяин лавки придерживается оппозиционных взглядов, которые выражаются в недоверии официальной печати, негативном отношении к патриотическому подъему и различного рода проправительственным

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2092. Л. 3 об. – 5.

² Подробный анализ подобных дел в годы Первой мировой войны был сделан Б. И. Колоницким. См.: Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 277. Л. 3.

демонстрациям. Однако по факту доноса дознание за неимением улик не было возбуждено¹.

Напротив, в кратчайшие сроки было окончено дело крестьянина Поплавского, который в августе 1915 г. неоднократно допускал высказывания против правительства, распространял пораженческие слухи и даже выдвигал обвинение против властей и самого императора, подозревая их в предательстве и намеренной сдаче немцам российских территорий. 23 августа Поплавский был арестован по 1 ч. 103 ст. Уголовного уложения и уже 25 числа отдан под суд².

Всего воронежскими жандармами в 1914 г. по данным статьям было проведено 15 дознаний³, в 1915 и в 1916 гг. – по 24 дела⁴.

В 1914–1917 гг. учащаяся молодежь Воронежа лишь один раз своим поведением обратила на себя внимание ВГЖУ. С 25 января по 1 февраля 1917 г. продолжалась забастовка студентов Сельскохозяйственного института. Агентурным путем жандармы установили причины конфликта, которые заключались в несогласии учащихся с увеличением учебной нагрузки, потому что многие из них совмещали учебу с работой. В феврале директор института К. Д. Глинка отчислил всех учащихся и предложил восстановиться всем тем, кто согласен с новой программой. Рапортуя об этом в ДП МВД, полковник В. И. Дацевич указывал на отсутствие какой-либо политической подоплеки в забастовке и на нежелание обидевшихся студентов восстанавливаться в институте. По мнению офицера жандармерии, студенты вскоре должны будут вернуться к занятиям, так как в противном случае они могут быть мобилизованы на фронт⁵.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1463. Л. 1–20.

² Там же. Д. 1505. Л. 2, 3, 9.

³ См.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. Отд. II Статистический С. XXVIII.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1463, 1492–1495, 1501–1506, 1566, 1586–1619.

⁵ Там же. Д. 1622. Л. 36–38, 42–43.

В начале Первой мировой войны региональные власти получили строгое предписание правительства сохранять общественный порядок на оборонных предприятиях. В середине июля 1914 г. последовало распоряжение министра внутренних дел «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок и покушений на целостность заводов, выполняющих военные заказы»¹. О недопустимости подобных выступлений указывали циркуляры ДП МВД от 13 июля 1915 г., 6 мая 1916 и 20 декабря 1916 гг.².

Все полицейские силы Воронежской губернии занимались выполнением этой работы. В частности, в 1915 г. подавляющее большинство тайных агентов ВГЖУ освещали именно настроения рабочих на оборонных предприятиях города³.

Власти получали оперативную информацию о возможных конфликтах между рабочими и администрацией. При этом полиция стремилась не доводить до забастовок и прекращения работ, стараясь своевременно предупреждать рост числа недовольных. На это указывает ряд примеров.

Полицейский агент на заводе Столль «Понедельников» донес в ВГЖУ, что 7 ноября 1915 г. по причине недостаточного количества энергии встали паровые молоты, из-за чего прекратил работу кузнечный цех. В нем кузнецы работали по сдельной системе оплаты труда, поэтому простой им был крайне невыгоден. Началось недовольство, и депутаты от цеха потребовали у начальства перевести кузнецов на поденную оплату труда. Однако им было отказано и предложено либо работать на имеющихся условиях, либо увольняться с завода. По данному факту ВГЖУ направило запрос губернатору и фабричному инспектору Веретенникову, который распорядился применять на заводе нефтяное топливо вместо угля. На этом конфликт был исчерпан. 20 декабря 1916 г. начальник ВГЖУ уведомил губернатора о том, что 17 декабря 1916 г. во время перерыва не работала ни

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1371. Л. 42.

² Шамаев В. Г. Во имя спокойствия и безопасности... С. 151–153.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1ч. 16 л. Д. (1915 год). Л. 3 об.

одна лавка при заводе Столля, в результате чего рабочие весь день оставались голодными. По требованию властей эта проблема была решена¹.

В октябре 1915 г. ДП МВД поставил задачу воронежским жандармам проверить политическую благонадежность каждого рабочего местных оборонных заводов с целью выявления возможных агитаторов и зачинщиков выступлений². К декабрю были собраны справки на 1200 человек³. Несколько из них вызвали подозрения полиции, тем не менее репрессии следовали только при обнаружении конкретных фактов, свидетельствующих о незаконной деятельности. Хотя на практике хватало даже косвенных улик.

В сентябре 1916 г. начальник ВГЖУ В. И. Дацевич ходатайствовал перед губернатором о выдворении за пределы Воронежа слесаря завода Столля К. П. Тимофеева-Донского, высланного ранее из столицы за призыв рабочих Путиловского завода к забастовке. Губернатор, однако, отказал в просьбе, руководствуясь столичным циркуляром, в котором начальство ДП МВД распоряжалось не применять к ссыльным каких-либо новых мер без наличия веских оснований.

Однако за ссыльными велось достаточно пристальное наблюдение, их списки передавались, в частности, туда, где они работали, чтобы за неблагонадежными лицами следило их руководство. Было достаточно лишь косвенных свидетельств, уличающих ссыльных в преступной деятельности, чтобы в отношении них последовали санкции властей. Например, в октябре 1916 г. начальник застал нескольких одетых в верхнюю одежду рабочих, которые самовольно остановили выполнение заказов и выключили станки. На требование объясниться они ему ответили, что греются. Поскольку среди рабочих находился К. П. Тимофеев-Донской, он был обвинен в подстрекательстве и 19 октября 1916 г. уволен с завода. Выслан за пределы

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 251. Л. 43, 50.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1517. Л. 5.

³ Там же. Д. 1515. Л. 1–300.

губернии рабочих не был лишь потому, что сам уехал в Нижний Новгород до того, как власти успели подготовить необходимые документы¹.

ВГЖУ имело списки лиц с «темным» прошлым участия в выступлениях 1905–1907 гг. Отбыв свои сроки наказаний, люди возвращались к мирной жизни и, в частности, устраивались на заводы. По закону им нельзя было отказать в трудоустройстве только на основании участия в революционных беспорядках в прошлом. Но ВГЖУ составляло списки таких лиц и продолжало вести за ними наблюдение. К декабрю 1916 г. на заводе Столля работало 28, на воронежском трубочном заводе – 31, на литейном заводе Иванова – 6, на заводе Рихарда-Поле – 12 человек данной категории².

Таким образом, среди полицейского руководства и губернской администрации росло понимание необходимости применения превентивных мер при обнаружении признаков недовольства рабочих. Однако избежать забастовки на оборонных предприятиях Воронежа не удалось.

В 1914–1916 гг. произошло 13 забастовок: 2 на заводе Столля (в июле 1914 г. и ноябре 1915 г.), 4 на трубочном заводе (в июле и декабре 1915 г., в начале и конце января 1916 г.), 3 в воронежских (в июне 1915 г., феврале и июле 1916 г.) и 4 в отроженских железнодорожных мастерских (в июне 1915 г. и три в октябре 1916 г.). Все эти предприятия выполняли военные заказы. Трубочный завод изготавливал дистанционные трубки к шрапнельным снарядам и являлся третьим по масштабам данного производства в стране после заводов Петрограда и Самары³. Железнодорожные мастерские, хотя и занимались в первую очередь выпуском и ремонтом вагонов, обслуживанием паровозов (что само по себе немаловажно в военное время), тоже выполняли оборонные заказы: делали штыки, элементы снарядов и др.⁴. Поэтому

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2205. Л. 1–3, 11, 12.

² Там же. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 419. Л. 19–32.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 14ч. 2. Л. 22.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1143. Л. 22.

остановка производства на этих предприятиях, к чему неизбежно приводили забастовки, являлась крайне нежелательной для властей.

Основной причиной рабочих выступлений в Воронеже стал затяжной экономический кризис: рост цен, дефицит товаров и т. д. Забастовки носили экономический характер, продолжались чаще всего 1–2 дня и не сопровождались никакими политическими требованиями и беспорядками. Политической акция была признана властям лишь один раз.

12 июля 1914 г. произошла забастовка на заводе Столля, в которой участвовало 500 человек. Рабочие пели революционные песни, высказывались в поддержку бастующим Петербурга и Баку, что и послужило причиной признания выступления политическим. Однако уже с понедельника 14 июля работы на заводе возобновились¹.

В двух случаях экономические требования сопровождались настоянием уволить ненавистных начальников. По заверению рабочих оба они являлись немецкими шпионами, однако жандармам удалось установить подлинные причины неприязни. Инженер Дамм, убрать которого потребовали рабочие воронежских железнодорожных мастерских в ходе забастовки 22 июня 1915 г., был слишком строгим руководителем. Требование увольнения мастера Гесса звучало во время трех забастовок на трубочном заводе, пока оно не было исполнено администрацией в начале января 1916 г.². Ненависть к «немцу» (на самом деле уроженцу Сувалкской губернии³) вызывала заносчивость последнего и грубое отношение к рабочим. Также на своей должности Гесс заменил пользовавшегося авторитетом мастера Фомичева, уволенного, по мнению мастеровых, несправедливо⁴. Эти примеры показывают, что обвинения в шпионаже зачастую служили лишь поводом к сведению личных счетов.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 2. Л. 4.

² Там же. Оп. 124. Д. 14ч. 2. Л. 7.

³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2036. Л. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 14ч. 2. Л. 41.

В конце января 1916 г. из-за очередной экономической забастовки на трубочном заводе мастера не приступали к работам. 23 числа предприятие закрылось с увольнением всего персонала по причине окончательного выхода из товарищества Столля и перевода в государственную собственность. Рабочие восприняли эту меру как наказание за забастовки, хотя администрация подобного не подразумевала. 1 февраля бывшие сотрудники вернулись на свои места¹.

ВГЖУ выяснило, что на заводе работали беженцы из других губерний, подстрекавшие местных жителей к забастовкам. После вышеизложенных событий рабочие настолько охладели к агитаторам, что последним из-за угроз побоев и выдаче полиции пришлось бежать из города². Других примеров подстрекательства к забастовкам посторонними лицами воронежские власти не зафиксировали.

Во время следствия жандармы самым внимательным образом подошли к изучению причин забастовок. Собирались справки о средних суточных доходах рабочих, что произошло, например, во время остановки работ в воронежских и отроженских железнодорожных мастерских 22-23 июня 1915 г. Изучив эти материалы, начальник ВГЖУ М. А. Конисский признал требования бастующих о повышении заработной платы отчасти обоснованными. Руководствуясь рекомендациями жандармов, воронежский губернатор просил чиновников ДП МВД оказать давление на железнодорожную администрацию, чтобы они повысили оклады. После этого дирекция пошла на уступки и работы возобновились³.

Неоднократно даже в условиях военного времени при расследовании очередной экономической забастовки офицеры государственной полиции частично признавали справедливость требований рабочих и рекомендовали руководству предприятий идти на уступки. Особую заботу о положении

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 14ч. 2. Л. 52.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 251. Л. 117.

³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2037. Л. 1-10.

трудящихся проявлял начальник Воронежского отделения Воронежского ЖПУ ж. д. подполковник Глотов¹.

На самом деле реакция воронежских властей на экономические забастовки рабочих на оборонных предприятиях в 1914–1916 гг. оставалась довольно мягкой. После признанного политическим выступления 12 июля 1914 г. лишь пятерых зачинщиков отправили в двухлетнюю ссылку². В ходе расследования по фактам протестов 22 и 23 июня 1915 г. в воронежских и отроженских железнодорожных мастерских 38 мастеровых подверглись административному аресту на 7 суток, а выявленные зачинщики Гуров и Свистунов были арестованы на полтора месяца³. Серия забастовок в декабре 1915 г. – январе 1916 г. на трубочном заводе привела к тому, что ВГЖУ произвело обыски у 10 рабочих, арестовало 7 из них. В феврале 5 рабочих были высланы из Воронежа⁴. В отношении двоих – Зеленцова и Лахонина – было возбуждено дознание (первое уголовное дело по факту забастовки на оборонном предприятии), но 19 августа 1916 г. его прекратили за отсутствием улик⁵. После остальных рабочих выступлений следствие не проводилось вообще.

В начале 1917 г. столкновения рабочих с полицией и войсками приобретают более ожесточенный характер. Очередную забастовку железнодорожных мастеровых в Отрожке, которая проходила с 10 по 14 января 1917 г., власти подавили силой. Было убито несколько рабочих. После восстановления порядка многие из забастовщиков были уволены, а 250 наиболее активных лишены отсрочки от армии и отправлены на фронт⁶.

Таким образом, ВГЖУ в годы Первой мировой войны активно занималось изучением положения рабочих, старалось не допускать

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 14ч. 2. Л. 1, 3 об., 6, 12 об.

² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1993. Л. 51.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 14ч. 2. Л. 11 об.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1254. Л. 133.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 14ч. 2. Л. 40, 45.

⁶ Поливанов А. С. Революционные события в Воронеже в 1917 году. Воронеж, 1967. С. 13–14.

чрезмерного нарушения их интересов, а в случае начавшихся забастовок и выступлений жандармы, действительно, вникали в подлинные причины конфликтов и старались разрешать их с учетом интересов всех сторон. Более жесткие меры в отношении рабочих воронежские власти стали применять только в начале 1917 г.

Во время мировой войны сотрудничество жандармов и военных приобрело более интенсивный характер. Наличие в губернии запасных и тыловых частей требовало от полиции следить за политической благонадежностью нижних чинов и офицеров, не допускать в части антиправительственную литературу. С этой целью, например, в конце 1914 г. начальник ВГЖУ М. А. Конисский приказал тщательно проверять издания, высылаемые Вольным Экономическим обществом для раненых. Отслеживать настроения в тыловых частях жандармерии было поручено циркуляром ДП МВД от 15 ноября 1915 г.¹

В донесении от 21 января 1916 г. помощник начальника ВГЖУ в Острогожском и других уездах ротмистр Малюгин сообщил начальнику жандармского управления о том, что накануне Рождества из 184 пехотного запасного полка, расквартированного в Острогожске, самовольно ушло 60 солдат, из которых 50 позже вернулись, а 10 – нет. Начальник ВГЖУ потребовал, чтобы было установлено, какие меры предприняло начальство полка к поиску и поимке дезертиров. Казалось бы, расследование жандармами этого случая могло привести к очередным конфликтам сотрудников государственной полиции с военными, так как давало им повод обвинять ВГЖУ во вмешательстве в их внутренние дела. Тем не менее 3 марта 1916 г. уже сами военные обратились к полковнику В. И. Дацевичу с просьбой установления наблюдения за неблагонадежными нижними чинами во время их пребывания вне казарм². В целом в фондах ВГЖУ не

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1371. Л. 77, 95.

² Там же. Л. 100–101, 111.

сохранилось никаких свидетельств об имевших место конфликтах воронежских жандармов с военными в годы Первой мировой войны.

Жандармы в соответствии с требованиями циркуляра от 15 января 1916 г. контролировали численность и следили за тщательностью охраны военнопленных, так как наблюдались частые побеги последних¹. По состоянию на 1 ноября 1916 г. в Воронежской губернии содержалось 20 тыс. военнопленных. Они были заняты на сельских работах, трудились на промышленных предприятиях. Однако по причине частых побегов, правительство сократило число занятых пленными на треть. Эта мера привела к росту возмущения среди крестьян, так как захваченные солдаты противника распределялись по крестьянским владениям, хозяева которых находились на фронте².

В марте 1916 г. воронежские жандармы получили приказ приложить все усилия к борьбе с антивоенной агитацией в армии и в тылу, вызванной информацией о том, что немецкие и австрийские шпионы совместно с антиправительственными силами ведут пацифистскую пропаганду в стране³. ВГЖУ отчиталось об отсутствии революционных кружков и агитации в войсках воронежского гарнизона, однако жандармы отметили повышение интереса солдат к политической жизни государства, участвовавшие случаи критики различных явлений общественной действительности. Начальник жандармского управления В. И. Дацевич фиксировал резкие отзывы на действия правительства, военного начальства и выражения недовольства службой. Замечалось, что «поразительно скоро в этом направлении развиваются молодые солдаты»⁴.

К сожалению, вплоть до последних месяцев существования самодержавной Российской империи воспитательной работой с солдатами занимались только оппозиционные агитаторы. Во многом поэтому

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1547. Л. 5.

² Там же. Л. 21, 21 об.

³ Там же. Д. 1553. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 1329. Л. 23, 23 об.

антиправительственная пропаганда имела определенный успех в частях, так как ей не было альтернативы.

Только летом 1916 г. правительство решило организовать нечто подобное в частях. В приказе Начальника Штаба Московского военного округа по войскам от 27 июня была обозначена необходимость не только изъятия прокламаций у нижних чинов и ареста пойманных агитаторов, а также тщательной проверки личных вещей солдат и их писем, но и проведения офицерами и священниками нравственно-патриотических бесед с нижними чинами, разъяснения им позорности и преступности добровольной сдачи в плен, знакомства с положением на фронтах и литературой патриотического содержания¹.

Важной составляющей в работе ВГЖУ в военные годы стала борьба со шпионажем. Являясь тыловым регионом, Воронежская губерния редко становилась целью иностранных агентов. Самым громким шпионским скандалом здесь стало дело компании «Зингер», которая попала под подозрение властей еще в 1913 г. Циркуляром от 12 июня 1915 г. воронежский губернатор Г. Б. Петкевич распорядился установить полицейское наблюдение за всеми сотрудниками находившихся в пределах Воронежской губернии отделений компании «Зингер», которые подозревались в военном шпионаже на территории региона. 5 ноября 1915 г. пристав 4 стана Богучарского уезда Колодыко рапортовал начальнику ВГЖУ В. И. Дацевичу о подозрительной деятельности заведующего конторой фирмы в сл. Калач М. И. Попко-Кухта и приезжавшего к нему управляющего центральным отделением «Зингер» в г. Курске Г. Н. Монастырского, которые секретно сожгли несколько пудов бумаг по август месяц с. г., а некоторые бумаги <...> отправили посылкой по почте в г. Курск в центральное отделение». 21 и 27 октября были произведены обыски в калачеевской конторе и на квартирах ее служащих. Обнаруженные улики подтвердили шпионскую деятельность сотрудников компании «Зингер», которые

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2092. Л. 135, 135 об.

собирали информацию о настроениях населения губернии, об урожаях, состоянии транспортной сети и др. По факту государственного преступления ВГЖУ возбудило дознание, которое было завершено и передано прокурору Острогожского окружного суда в конце ноября 1915 г. Обвиняемыми в нем фигурировали арестованный 18 ноября 1915 г. М. И. Попко-Кухта и управляющий центральным отделением «Зингер» в г. Курске Г. Н. Монастырский¹.

В целом ВГЖУ редко удавалось встретить настоящего иностранного разведчика, однако постоянные проверки доносов на лиц с «немецкой» фамилией, наведение справок и наблюдение за подозрительными лицами требовали времени и сил, а также отвлекали жандармов от других служебных обязанностей.

В годы Первой мировой войны сотрудники ВГЖУ вели интенсивную следственную работу. В 1914 г. было проведено 15 дознаний по 103 ст. Уголовного уложения, по которым проходили 15 обвиняемых². В порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. ВГЖУ в 1915 г. провело 26 дознаний: 20 дел по 103 ст. Угол. Улож., 4 по 106 ст., 1 по 128 ст. и 2 по 129 ст. В 1916 г. – 31 дело: 21 по 103 ст., по 3 дела по 2 ч. 106 ст., 129 ст., 131 ст., 1 дело по 2 ч. 108 ст.³.

Таким образом, в 1914–1917 гг. сотрудники ВГЖУ вели следственную работу по достаточно большому количеству дел о государственных преступлениях. И, тем не менее, эти цифры сохранялись на уровне или были меньшими, чем количество дознаний по государственным преступлениям, проведенных ВГЖУ в довоенный период: 74 дознания – в 1909 г., 42 дела – в 1910 г., 30 – в 1912 г.⁴. При этом большая часть дел касалась статей об

¹ Перегудов А. В. Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1 (далее – Перегудов А. В. Военный шпионаж...). С. 112.

² См.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. Отд. II Статистический С. XXVIII.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1532. Л. 1–12.

⁴ См.: Памятная книжка ... на 1911 г. Воронеж, 1911. Отд. II Статистический С. 118; Памятная книжка ... на 1912 г. Воронеж, 1912. Отд. II Статистический С. 114; Памятная книжка ... на 1914 г. Воронеж, 1914. Отд. II Статистический С. 114.

оскорблениях царской особы, которые не воспринимались в качестве серьезной угрозы режиму.

С целью показать динамику следственной работы ВГЖУ, статистические материалы по расследованию политических преступлений за время деятельности жандармского управления в начале XX в. сведены в общую таблицу в приложении¹.

Наблюдая за положением в губернии, сотрудники ВГЖУ, руководствуясь столичными циркулярами, были вынуждены уделять большое внимание отсутствующим в регионе комитетам социалистических партий. Эта работа отвлекала агентуру жандармов, сотрудников наружного наблюдения и требовала ведения большой бумажной работы. Важным направлением наблюдения государственной полиции было положение на оборонных предприятиях, отслеживание настроений в тыловых частях, расквартированных в регионе, и выявление агентов иностранных разведок.

Освещая настроения населения Воронежской губернии, нижние чины и офицеры ВГЖУ указывали на отдельные серьезные экономические трудности, которые воспринимались как временные, но, тем не менее, могли привести к определенным брожениям и даже беспорядкам. Однако ни в документах ВГЖУ, ни в столичных распоряжениях, касающихся провинциальных управлений государственной полиции, не было ни намека на ожидание революционного взрыва.

¹ См. Приложение 7.

Заключение

Органы государственной безопасности, несомненно, являются важным элементом правоохранительной системы любой страны. В истории Российской империи со второй половины XIX в. до падения самодержавия в 1917 г. их значение было еще большим с учетом существовавшей тогда общественно-политической обстановки, связанной с деятельностью антиправительственных элементов, которая периодически перерастала в мощные волны социального протеста, беспорядки, политические убийства и теракты.

В этот период базовым звеном политической полиции России служили губернские жандармские управления, образованные по «Положению о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г. В отличие от охранных отделений и РОО они просуществовали до последних дней самодержавия. Находясь в большинстве регионов страны, во многих местах они оставались единственными учреждениями политического сыска. Таким, например, было Воронежское губернское жандармское управление.

ВГЖУ являлось элементом сложной и запутанной системы правоохранительных органов империи. Подчинение Департаменту полиции одновременно с вхождением в Отдельный Корпус жандармов не только увеличивало бумажную волокиту. Чины двух ведомств постоянно должны были налаживать отношения друг с другом, сохраняя сплоченность, без которой нарушался порядок работы. Эта проблема не теряла своей актуальности даже несмотря на то, что с 1882 г. директор ДП МВД подчинялся командиру ОКЖ – товарищу министра внутренних дел, а глава министерства был шефом жандармов¹.

Руководство ДП МВД, требуя от чинов жандармской полиции выполнения какой-либо работы по сыскной или следственной части,

¹ Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 196.

практически не оказывало на них прямого влияния, так как сотрудники ГЖУ получали свое содержание и назначались на службу в ОКЖ. Поэтому, когда возникала необходимость наложения определенного взыскания, руководство ДП МВД должно было договариваться с командованием ОКЖ, которое чаще всего защищало своих подчиненных.

Жандармские управления обладали независимостью от губернаторов за исключением выполнения отдельных обязанностей. В частности, с 1906 г. начальники ГЖУ стали инспекторами уездной полицейской стражи. Об этой работе они отчитывались перед главами регионов. Вместе с тем жандармские чины не могли распоряжаться общей полицией, что требовало от начальников ГЖУ и губернаторов умения договариваться друг с другом.

Таким образом, ВГЖУ существовало в рамках централизованной системы органов политической полиции, в которой, однако, не было абсолютного единоначалия, что в свою очередь вносило в ее функционирование определенную разобщенность.

По роду своей деятельности жандармам постоянно приходилось взаимодействовать с другими государственными структурами: с армией, почтой, институтом образования, тюремным ведомством и т. д. Их взаимоотношения при этом не всегда оставались гладкими. Главным образом это объясняется тем, что по роду своей деятельности жандармы осуществляли негласное, часто и агентурное наблюдение за другими органами, что, конечно, редко вызывало у них понимание.

При изучении штата ВГЖУ главным остается вопрос о том, был ли он достаточным или нет. При ответе на него следует отталкиваться от обязанностей жандармской полиции, которые в целом сводились к наблюдению практически за всеми сторонами общественной жизни региона, к выявлению государственных преступников и незаконных сообществ, их задержанию и проведению следственной работы по «политическим» статьям (ст. 241–261 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (с 1866 г.),

ст. 99–107, 120–137 Уголовного уложения 1903 г.¹⁾ уголовного законодательства. Политическая полиция не задумывалась как сила, способная остановить толпу. Ее задачей являлось предотвращение беспорядков. Их подавлением занималась общая полиция, полицейская стража и армия. Исходя из этого, штаты ГЖУ не предполагалось делать большими.

При исследовании вопроса о достаточном или недостаточном количестве сотрудников ВГЖУ следует учитывать мнение самих жандармов. Первые тревожные донесения о том, что офицеры и нижние чины ВГЖУ не справляются с нагрузкой, стали поступать от начальников Воронежского управления уже с начала 1880-х гг. Невозможность справиться с резко возросшей нагрузкой в 1905–1907 гг. приводила к превышению сроков заключения под предварительным арестом, другим нарушениям, ослаблению жандармского надзора и снижению эффективности следственной работы. Следует констатировать, что за все годы существования ВГЖУ его отдельные обязанности исполняла общая полиция, особенно в сельской местности. Она осуществляла наблюдение за настроением населения, заводила агентуру и наблюдала за политически неблагонадежными. Полицейские с санкции ГЖУ выполняли отдельные следственные действия и даже полностью вели расследования ряда категорий государственных преступлений. Подобный порядок вещей не всегда отвечал требованиям законодательства и ведомственных инструкций, однако встречался повсеместно.

На наш взгляд, одной из причин недостаточного количества сотрудников в жандармских управлениях (помимо ограниченного финансирования) стало двоевластие над ними со стороны ДП МВД и ОКЖ. В то время как Департамент наделял ГЖУ новыми обязанностями, штаб

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. Изд. 4. М., 1872. С. 59–66; Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 21–23, 26–31.

Корпуса, возможно, не понимал, насколько возрастает нагрузка на местные управления и поэтому не корректировал штаты подразделений. В результате, в относительно спокойное время сотрудники ГЖУ справлялись со своими обязанностями, однако в нестабильные кризисные годы штаты жандармерии явно не соответствовали их обязанностям.

Касаясь личности офицеров ВГЖУ, следует заметить, что это были достойные люди, имевшие государственные награды, участвовавшие в боевых действиях, но по своему образованию, мировоззрению, отношению к жизни они оставались военными, а не полицейским. И вряд ли на эту ситуацию серьезно влияли непродолжительные жандармские курсы.

Нижние чины ГЖУ также комплектовались из числа военнослужащих. Полицейскому делу они обучались в момент прохождения службы, внутри своих управлений. Поэтому качество подготовки унтер-офицеров зависело от степени компетентности офицерских чинов и обстановки в регионах, так как при возрастающих объемах работы на обучение кадров просто не хватало времени.

Финансирование и материальное обеспечение ВГЖУ осуществлялось по линии двух министерств: Военного и Внутренних дел. В первом случае ВГЖУ обеспечивалось по предусмотренным армейским нормам как воинская часть. МВД компенсировало издержки на наружное наблюдение, агентуру, служебные экспертизы и фотографирование, разъезды по сыскной необходимости и прочие расходы на проведение следственной работы.

В жандармских архивах недовольство финансовым и материальным обеспечением встречается гораздо реже донесений о недостаточном количестве сотрудников. Тем не менее большим оно тоже не было. Поэтому во время определенных всплесков антиправительственного движения (речь идет не только о революции 1905–1907 гг.), которые закономерно повышали интенсивность работы ГЖУ, этих средств уже не хватало, что с особой силой влияло на агентурные сети и эффективность наружного наблюдения.

Определенные трудности вызывало внедрение на местах технических новинок полицейской работы: дактилоскопического оборудования, фотолабораторий и т. д. Еще большие сложности вызывало их освоение чинами провинциальных управлений жандармской полиции. Преодолению этой проблемы способствовало составление различных инструкций и памяток по использованию технических новинок, которые в большом количестве рассылались в регионы и отложились в жандармских архивах.

Оплата труда сотрудников политической полиции несколько превышала оклады их коллег на смежных должностях в других правоохранительных органах, что позволяет судить об определенном достатке защитников государственной безопасности. Но снабжавшееся в целом по военным нормам жандармское управление не имело чрезмерно высокого финансирования и материального обеспечения.

С момента образования жандармских управлений и до последних лет их существования они постоянно получали дополнительные полномочия и новые обязанности. «Положением о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г. ГЖУ были задуманы как наблюдательные органы, негласно контролирующие обстановку в регионах. В дальнейшем функции жандармерии были скорректированы в сторону приобретения всей полноты полицейских полномочий по делам о государственных преступлениях. Это нашло отражение в таких нормативных актах, как закон 19 мая 1871 г. «О порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений», «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., «Положение о негласном полицейском надзоре» от 9 апреля 1882 г. После утверждения 8 июня 1911 г. военным министром В. А. Сухомлиновым «Положения о контрразведывательных отделениях» жандармская полиция стала заниматься борьбой с военным шпионажем. Особую интенсивность эта работа

приобрела в годы Первой мировой войны¹. Путем издания инструкций и циркуляров ДП МВД постоянно совершенствовал такие направления деятельности жандармов, как наблюдение за общественно-политической обстановкой, проведение дознаний по государственным преступлениям, агентурная работа и наружное наблюдение.

Жандармское наблюдение предполагало решение настолько широкого круга вопросов, что в условиях имевшихся штатов управлений полное их освещение не представлялось возможным. На практике применялись два способа выхода из сложившегося положения. Либо в помощь ГЖУ привлекались чины общей полиции, которые не имели должной подготовки и поэтому исполняли обязанности по наблюдению не совсем качественно. Либо работа сводилась к формальным отпискам или слепому копированию обзоров уездных исправников, которые затем преподносились начальству как отчеты о результатах деятельности ГЖУ.

На эффективность жандармского наблюдения влияло распыление внимания «спецслужб» на слишком широкий круг вопросов, слежку за представителями умеренной оппозиции даже за депутатами Государственной думы. Это отвлекало и так ограниченные ресурсы жандармерии от главной задачи – поиска и нейтрализации террористов и радикалов, стремящихся к насильственному свержению действующей власти.

Расследование государственных преступлений стало главной задачей для ГЖУ, начиная с 1870–1880-х гг. Политический сыск осуществлялся либо в порядке «Положения...» 14 августа 1881 г. – административным путем, либо жандармы вели формальные дознания в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства, которые затем подлежали судебному рассмотрению.

В ходе проведения анализа источников было выявлено, что многие жандармские расследования основывались на показаниях секретной агентуры и наружного наблюдения, которые в судах не учитывались в

¹ Перегудов А. В. Военный шпионаж... С. 110.

качестве доказательств. Из-за слабой юридической и полицейской подготовки чинов ОКЖ, в условиях специфики государственных преступлений поиск весомых улик был затруднен, поэтому многие дела даже не доходили до стадии судебного рассмотрения. По этой причине жандармские управления предпочитали завершать расследования в административном порядке.

Отрицательная сторона этого была очевидна. Во-первых, страну наводняло большое количество ссыльных, которые, появляясь на новых местах, продолжали свою незаконную деятельность и становились головной болью для местной государственной полиции. В частности, офицеры Воронежского ГЖУ неоднократно фиксировали всплески антиправительственного движения в губернии именно в момент появления в регионе политических ссыльных.

Во-вторых, неоднократно сбегавшие из ссылки, ускользавшие из-под полицейского надзора и от судебного преследования политические преступники чувствовали свою безнаказанность и продолжали подрывную деятельность.

Даже в условиях максимального обострения внутривнутриполитического кризиса в 1905–1907 гг. государственная полиция продолжала свою деятельность, не выходя за рамки правового поля. Введение военно-полевых судов, конечно, является исключением. Однако участие офицеров политического сыска ограничивалось в них тем, что они готовили и предоставляли судьям следственные материалы. Юрисдикции трибуналов подлежали лишь наиболее опасные категории преступников: в основном убийцы и террористы, и, как показала практика, через военно-полевые суды прошла незначительная доля революционеров.

Исследование показало, что агентурная работа ВГЖУ как типичного провинциального управления велась с рядом недостатков: ощущалась нехватка агентов, их материальное вознаграждение было низким, постоянные сведения поступали в основном из Воронежа и тех уездных городов, где

имелись канцелярии офицеров ВГЖУ. При этом качество работы с секретной агентурой Воронежского жандармского управления в целом соответствовало среднему уровню провинциальных ГЖУ и оценивалось Санкт-Петербургским руководством как невысокое. Но вызвано это было не только инертностью местных чинов политической полицией, но и объемами отпускаемого на секретные нужды финансирования.

Такие нарушения как использование провокаторских приемов в агентурной работе, превышение сроков содержания под стражей имели место в отдельных случаях, но не носили массового характера. Они преследовались столичным руководством и в целом ВГЖУ действовало, в строгом соответствии с законодательством.

Все годы своего существования ВГЖУ вело наблюдение за населением губернии: особенно пристальное внимание уделялось настроению крестьянства, рабочих, студенчества, служащих земских органов. Выводы в отчетах и донесениях по этому направлению работы свидетельствуют о том, что многие жандармы обладали достаточным кругозором, чтобы глубоко анализировать явления общественной жизни и изменение народных настроений.

ВГЖУ контролировало деятельность политически неблагонадежных элементов в губернии, выявляя и ликвидируя местные антиправительственные организации и ячейки революционных партий. Следило за положением в войсках и не допускало проникновение в части агитаторов.

До 1905 г. в поле зрения воронежских жандармов находились все местные антиправительственные группы. При этом не раз государственная полиция упускала из виду важные события революционной жизни, связанные с посещением Воронежа столичными подпольщиками. Незамеченными для ВГЖУ остались Воронежский съезд Земли и воли, появление видных эсеров в момент зарождения партии. Политическим ссыльным, находившимся в Воронежской губернии под полицейским надзором, неоднократно удавалось

образовывать и развивать антиправительственные группы. После ликвидаций подпольных организаций местные революционеры, избежав серьезного наказания, вновь возвращались к подрывной работе. Однако эти недочеты были свойственны не только Воронежской жандармерии. Подобная ситуация прослеживалась и в других регионах.

В годы революции 1905–1907 гг. ВГЖУ столкнулось с резким возрастанием количества государственных преступлений. К этому воронежское управление не было готово. Отсюда допускалось нарушение сроков содержания под предварительным арестом, проведения дознаний. Страдало качество исполнения многих обязанностей по наблюдательной и следственной частям, а определенные полномочия жандармы просто передавали общей полиции.

Однако после революции жандармерия вернула утраченные позиции. Можно констатировать, что в целом к 1910–1911 г. в Воронежской губернии были ликвидированы или загнаны в глубокое подполье все ячейки революционных партий, была пресечена деятельность агитаторов, а большинство совершаемых государственных преступлений были связаны с оскорблением особ царской семьи, совершаемых чаще всего в состоянии опьянения. Обращает на себя внимание то, что, направляя деятельность местных учреждений политической полиции ДП МВД, подталкивал их заниматься поиском местных групп революционных партий, что отвлекало немногочисленные силы ГЖУ от других более насущных проблем.

Первая мировая война потребовала от ВГЖУ выполнения несвойственной управлению работы, в первую очередь, бороться с военными шпионами и диверсантами, заниматься поиском дезертиров, наблюдать за военнопленными. Вместе с тем жандармы тщательно отслеживали изменения общественных настроений и отношения к войне. Замечалось определенное недовольство ростом цен, люди тревожно реагировали на временные неудачи на фронтах. Однако падение самодержавия оказалось неожиданным событием для чинов ВГЖУ, как и в целом для политической полиции,

которая так и не смогла выполнить свою главную историческую задачу – предотвратить революцию и распад Российской империи.

Данное исследование показало, что ВГЖУ являлось типичным учреждением провинциальной политической полиции. Обнаруженные при его изучении тенденции были характерны и для жандармских управлений других регионов. При этом на Воронежских полицейских оказывала огромное влияние специфика Воронежской губернии как аграрного региона с его политическими, экономическими, социальными и другими особенностями.

Список использованных источников и литературы

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.

Опись 77. Д. 53.

Опись 78. Д. 11ч. 2, 16ч. 7.

Опись 80. Д. 88ч. 31, 1026.

Опись 81. Д. 25ч. 6, 59ч. 21.

Опись 83. Д. 9ч. 5.

Опись 87. Д. 43ч. 1.

Опись 100. Д. 1ч. 53. л. В.

Опись 116. Д. 14ч. 9, 108ч. 10.

Опись 118. Д. 108ч. 14.

Опись 122. Д. 14ч. 2, 14ч. 6.

Опись 123. Д. 14ч. 1, 14ч. 2.

Опись 124. Д. 14ч. 2, 108ч. 14.

Опись 125. Д. 14ч. 1, 14ч. 2, 108ч. 10.

Опись 200. Д. 2071.

Опись 232. Д. 9ч. 47.

Опись 236. Д. 9ч. 12., 828 ч. 12.

Опись 237. Д. 180ч. 13.

Опись 316. Д. 1ч. 16 л. Д. (1910), 1ч. 16 л. Д. (1911), 1ч. 16 л. Д. (1914), 1ч. 16 л. Д. (1915), 1ч. 16 л. Е. (1915), 395ч. 27.

Фонд 109. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Опись 1а. Д. 631, 686.

Опись 3а. Д. 1475, 2085.

Опись 43. Д. 5ч. 25.

Опись 44. Д. 5ч. 41.

Опись 45. Д. 5ч. 2.

Опись 48. Д. 33.

Опись 158. Д. 218.

Опись 159. Д. 173.

Опись 160. Д. 173ч1, 173ч2.

Опись 161. Д. 129.

Опись 162. Д. 109.

Опись 163. Д. 83.

Опись 164. Д. 20.

Опись 165. Д. 71.

Фонд 110. Штаб Отдельного Корпуса жандармов.

Опись 1. Д. 16, 101, 197, 279, 390.

Опись 2. Д. 18562, 19779.

Опись 6. Д. 80, 576, 979, 1083, 1156, 1217, 1503, 1610, 1645, 2425.

Опись 14. Д. 83.

Опись 21. Д. 94–113.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

Фонд И-1. Воронежское губернское жандармское управление.

Опись 1. Д. 1, 2, 5, 6, 13, 27, 32, 33, 41, 43, 44, 66, 67, 162, 165, 171, 181, 187, 195, 198, 227, 247, 250, 277, 348, 349, 394, 432, 438, 445-447, 450, 466, 491, 492, 514, 518, 523, 528, 532, 534, 552, 557, 558, 571, 630, 635, 643, 652, 667, 691, 725, 739, 741, 760, 768, 769, 771, 797, 833, 845, 846, 868, 873, 881a, 882, 917, 932, 936, 951, 952, 980, 989, 990, 991, 995, 997, 1015, 1100, 1107, 1111, 1116, 1150, 1151, 1216-1218, 1302-1308, 1311, 1313, 1329, 1371, 1419, 1447, 1449, 1463, 1492-1495, 1501-1506, 1515, 1517, 1532, 1543, 1545, 1547, 1553, 1558, 1566, 1586-1619, 1622, 1623, 1676, 1991.

Опись 2. Д. 2, 7, 20, 22, 58, 61, 74, 81, 82, 90, 96, 117, 121, 129, 135, 146, 154, 173, 186, 198, 201, 210, 219, 241, 251, 253, 266-268, 277, 279-283, 286-288, 300, 301, 303-305, 320, 321, 336, 348-350, 371, 400, 419, 449-451, 464, 521, 548, 553, 559, 560, 568, 572, 573, 575, 576, 580, 586, 588, 589, 654, 655, 662, 673, 675, 697, 700, 709, 711, 712, 719, 778, 779, 806, 808, 809, 814, 817, 818, 820, 834-836, 842, 849, 862, 869, 902, 916, 918, 951, 952, 986, 993, 995-997, 1045, 1094, 1108, 1109, 1124, 1129, 1130, 1138, 1143, 1150, 1151, 1240-1242, 1247, 1249, 1250, 1254, 1260, 1264, 1265, 1277, 1282, 1292, 1333, 1515, 1517.

Опись 3. Д. 1, 2, 4, 5, 7, 10, 17, 24, 26, 33, 34, 51, 52, 56, 60, 63, 65, 73, 85, 97, 112, 133, 158, 164, 185, 234, 326, 394.

Фонд И-6. Канцелярия Воронежского губернатора.

Оп. 1. Д. 223, 442, 578, 691, 692, 720, 773, 790, 985, 1023, 1046, 1048, 1049, 1302, 1340а, 1513, 1524, 1706, 1804, 1852, 1916, 1920, 1970, 1979, 1988, 1993, 2036, 2037, 2092, 2205.

Оп. 2. Д. 118, 129, 147, 166, 187, 201, 223, 235, 236, 309, 356, 407, 451.

Оп. 3. Д. 78, 93, 121.

Фонд И-213. «Воронежское жандармское полицейское управление железных дорог».

Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Фонд И-277. «Борисоглебское отделение Воронежского жандармского полицейского управления железных дорог. г. Борисоглебск, Тамбовской губернии».

Оп. 1. Д. 23, 24, 30, 61.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО)

Фонд 5. «Истпартотдел Воронежского обкома ВКП(б)».

Оп. 1. Д. 135, 141-144, 149, 180, 181, 185, 187, 200, 207, 250, 251, 263, 277, 278, 303.

*Опубликованные источники***Нормативные правовые акты**

Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. В. И. Добряков. – СПб.: Тип. Штаба Отд. Копр. Жандармов, 1903. – 650 с.

Полное собрание законов Российской империи – Собр. 2–е. – СПб.: Гос. тип., [1830–1884] – 55 т.

Полное собрание законов Российской империи – Собр. 3–е. – СПб.: Гос. тип., [1885–1916] – 33 т.

Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск: Приказ по Воен. ведомству 1887 г. за № 17, доп. всеми изменениями, объявл. за последние семь лет в приказах по Воен. ведомству, циркулярах Гл. штаба и разъяснениях по воен. окр. / изд. В. А. Березовский. – Изд. 2–е, неофиц. – СПб., 1894. – 104 с.

Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск: Приказ по Воен. ведомству 1897 г. за № 135, доп. всеми законоположениями и разъяснениями, относящ. к полков. хоз-ву / ред. И. Защук. – Изд. 2–е, неофиц. – Варшава: Тип. окружн. штаба, 1904. – 192 с.

Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов / сост. И. П. Залесский. – СПб.: Тип. штаба Отдельн. корпуса жандармов, 1910. – 288 с.

Сборник узаконений для руководства чинов полиции и корпуса жандармов: при исследовании преступлений по судебным уставам 20 ноября 1864 года и правилам, высочайше утвержденным 19 мая 1871 года / сост. В. П. Мордухай-Болтовской. – СПб.: тип. Ретгера и Шнейдера, 1872. – 168 с.

Свод военных постановлений 1869 года. – Кн. 7. Прохождение службы по Воен. вед-ву. – Изд. 2-е (по 1 янв. 1907 г.). – СПб.: Гос. тип., 1907. – 396 с.

Свод законов Российской империи. Неоф. изд. / ред. И. Д. Мордухай-Болтовский. – СПб.: Рус. кн. тов-во «Деятель», 1912. – 16 т.

Уголовное уложение: [Высоч. утвержд. 22 марта 1903 г.] – СПб.: Сенат. тип., 1903. – 144 с.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. (Дополнено по Продолжению 1868 г. и позднейшим узаконениям): С разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. Изд. 4-е. – М.: Тип. В. Готье, 1872. – 563 с.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. 12-е, пересм. и доп. – СПб.: Н.С. Таганцев: Гос. тип., 1904. – 958 с.

Статистические издания, сборники документов и материалов

Агентурная работа политической полиции Российской империи: Сб. док. 1880–1917 / сост. И. Е. Щербакова; под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 384 с.

Воронежский телеграф. – 1917. – № 66. – 24 марта.

Два архивных документа / сост. и авт. вступ. ст. Н. И. Третьяков; науч. ред. А. Н. Акиншин. – М.: Изд-во Олега Пахмутова, 2014. – 126 с.

Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. – В 7 т. – Л.: Госиздат, 1925–1927.

Памятные книжки Воронежской губернии / сост. под ред. Д. Г. Тюменева. – Воронеж: Типолитограф. губернского правления, 1902–1916.

Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. – М.-Л.: Московский рабочий, 1927. – 390 с.

Политическая полиция и политический терроризм в России: вторая пол. XIX – нач. XX в.: Сб. док. / Отв. ред. Е.И. Щербакова. – М.: АИРО–XX, 2001. – 520 с.

Похороны Н. Ф. Бунакова. Новые материалы [подг. А. Н. Акиньшин] // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 3. – Воронеж, 1994. – С. 144–149.

Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: Документы, воспоминания / Сост. А. В. Литвинов, Н. Д. Литвинов, А. Я. Мазуренко. – Воронеж, 2000. – 531 с.

Революционное движение в Воронежской Губернии 1905–1907 гг.: Сборник документов и материалов / Арх. отд. УМВД Воронеж. обл. Госуд. архив Воронеж. обл.; Под ред. И. Г. Воронкова; А. А. Шеховой; Сост. Г. В. Антюхин; М. Г. Чечуро. – Воронеж: Книгоиздат, 1955. – 506 с.

Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX века: Хрестоматия / Сост. и вступит. ст. Ю. Н. Старилова. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. – 624 с.

«Россия под надзором»: Отчеты III Отделения 1827–1869 гг.: Сб. документов / Сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. – М.: Российский Фонд Культуры, Российский Архив, 2006. – 702 с.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исп. по 1 июля 1915 г. – Пг.: Тип. Штаба Отд. Корп. Жанд., 1915. – 807 с.

Справочник-список офицерского и рядового состава, жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России. М.: Главное архивное управление НКВД Союза ССР, 1940. – 323 с.

Террор и агентура в Российской империи. 1861–1917. Сборник документов, материалов, воспоминаний / Авт.-сост. Н. Д. Литвинов; Общонац. центр «Антитеррор». – Воронеж, 2007. – 484 с.

Шумахер П. В. Стихотворения. Л., 1968. № 247. Режим доступа – URL: http://az.lib.ru/s/shumaher_p_w/text_0010.shtml.

Источники личного происхождения

Брешко-Брешковская Е. К. Скрытые корни русской революции: Отречение великой террористки / пер. с англ. А. А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 336 с.

Владиславлев И. В. Из воспоминаний / И. В. Владиславлев // Из истории Воронежского края. – 2014. – Вып. 21. – С. 220–241.

Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания быв. начальника Петроград. охран. отд-ния. / З. И. Перегудова; [сост. З. И. Перегудова, Дж. Дейли, В. Г. Маринич] – М.: Рос. полит. энцикл., 2009. – 519 с.

Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917: Воспоминания. Мемуары / А. И. Деникин. – Минск: Харвест, 2002. – 463 с.

Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. / В. Ф. Джунковский; Под общ. ред. А. Л. Паниной; Предисл. и прим. И. М. Пушкаревой и З. И. Перегудовой. Т. 1. – М., 1997. – 733 с.

Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. / В. Ф. Джунковский; Под общ. ред. А. Л. Паниной; Предисл. и прим. И. М. Пушкаревой и З. И. Перегудовой. Т. 1. – М., 1997. – 685 с.

Дмитриева В. И. Так было. (Путь моей жизни) / В. И. Дмитриева. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 416 с.

Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта: Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. – М.: Изд-во В. М. Саблина, 1907. – 69 с.

Мануйлова Л. Я. Печали и радости моей жизни / Л. Я. Мануйлова. – М.: Государственное изд-во, 1922. – 160 с.

Меньщиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существующих за время самодержавия. / Л. П. Меньщиков. – М.: Изд-во политкаторжан, [1925–1932]. – 3 т.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма: [Репр.] / В. Д. Новицкий. – М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1991. – 254 с.

«Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. Т. 1. – 509 с.

«Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. Т. 2. – 598 с.

Спиридович А. И. Записки жандарма / С предисл. и коммент. С. А. Пионтковского; репринт. изд. 2003 г. – Харьков: изд-во «Пролетарий», 1928. – 205 с.

Спиридонова М. А. Из воспоминаний о Нерчинской каторге / М. А. Спиридонова. – М.: Изд-во ВОПиС, 1926. – 88 с.

Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары / В. А. Сухомлинов; ред., предисл., коммент. А. М. Лукашевича. – Минск: Харвест, 2005. – 623 с.

Литература

Акиньшин А. Н., Ласунский О. Г. Пахарь духовной нивы: Историко-краеведческие этюды / А. Н. Акиньшин, О. Г. Ласунский. – Воронеж: «Петровский сквер», 1996. – 85 с.

Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия: 1903–1917 гг. / Н. Н. Ансимов. – Свердловск: Изд. Уральского университета, 1989. – 152 с.

Белецкий С. П., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России / С. П. Белецкий, П. Руткевич. – СПб.: тип. МВД, 1913 – 127 с.

Белявский И. Н. Полицейское право: Конспект лекций / И. Н. Белявский. – Юрьев, 1904. – 333 с.

Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I / Г. Н. Бибиков. – М.: Три квадрата, 2009. – 407 с.

Богучарский В. Я. Государственные преступления в России в XIX в. (1825–1876 гг.) / В. Я. Богучарский. – СПб.: Русская скоропечатня, 1906. – 348 с.

Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70–80-х годах XIX века / В. Я. Богучарский. – М.: Книгоиздательство «Русская мысль», 1912. – 485 с.

Богучарский В. Я. Третье отделение о самом себе / В. Я. Богучарский // Вестник Европы. – 1917. – № 3. – С. 85–126.

Брачев В. С. Мастера политического сыска дореволюционной России / В. С. Брачев; науч. ред. С. Н. Полторак. – СПб.: Нестор, 1998. – 109 с.

Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами: репринтное издание / В. Л. Бурцев. – М.: Современник, 1989. – 267 с.

Бухбиндер Н. А. Зубатовщина и рабочее движение в России / Н. А. Бухбиндер. – М.: Изд-во политкаторжан, 1926. – 63 с.

Вельский М. Как «стряпали дела» охранки / М. Вельский // Известия Воронежского Губкома РКП(б). 1922. – № 8. – С. 77–78.

Волков С. В. Русский офицерский корпус / С. В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2003. – 413 с.

Воронежские большевики в трех революциях, 1905–1917 / Г. В. Бердников [и др.]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. – 172 с.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы, 1710–1917: Историко-биограф. очерки / ред.-сост. А. Н. Акиншин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 422 с.

Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность: Учеб. пособие / С. А.

Воронцов; Под общ. ред. С. В. Степашина. – М.; Ростов-на-Дону: АСТ: Феникс, 1999. – 700 с.

Вязьмитинов М. Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. / М. Н. Вязьмитинов // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1. – С. 89–93.

Гайворонский А. И. Золотые архивные россыпи: Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII – начало XX в.) / А. И. Гайворонский. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1971. – 264 с.

Гейфман А. В сетях террора: Дело Азефа и Русская революция / А. Гейфман; Пер. с англ. И. С. Давидян. – М.: АИРО-XX, 2002. – 255 с.

Гессен В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. – СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1908. – 418 с.

Гессен В. М. О неприкосновенности личности / В. М. Гессен. – СПб., 1908. – 65 с.

Глинский Б. Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1912. – Т. 127. – № 2. – С. 667 – 690.

Гомонова С. А. Политическая полиция России конца XIX – нач. XX в. в отечественной историографии // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 11. – № 6. – 2009. – С. 84–89.

Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. / Р. А. Городницкий. – М.: Росспэн, 1998. – 239 с.

Гредескул Н. А. Террор и охрана / Н. А. Гредескул. – СПб.: т-во «Общественная польза», 1912. – 34 с.

Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь российских жандармов / Б. Н. Григорьев, Б. Н. Колоколов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 851 с.

Демидов Р. Г. Начало большого пути. Воронежская молодежь в революционном движении (1872 – 1919 гг.) / Р. Г. Демидов. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1961. – 45 с.

Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. Пособие для студентов / В. Ф. Дерюжинский. – 2-е изд., доп. – СПб.: Сенат. Тип., 1908. – 552 с.

Дмитриев Г. М. Организация «Наши» и ее деятельность / Г. М. Дмитриев // История СССР. – 1968. – № 3. – С. 188–193.

Дмитриев Г. М., Карпачев М. Д. Революционное движение в Воронежском крае в землевольческий период (вторая половина 1870-х гг.) / Г. М. Дмитриев, М. Д. Карпачев // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. – Воронеж, изд-во воронежского университета, 1983. – С. 40–51.

Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и В. Ф. Джунковский / А. Ю. Дунаева. – М.: Объедин. ред. МВД России, 2012. – 320 с.

Елецких В. Л. Мундиры голубые. Из архивов воронежской жандармерии / В. Л. Елецких // Шеф. – 2013. – № 1. – С. 30–32.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.

Жандармы России: Полит. розыск в России. XV–XX в. / сост. В. С. Измозик. – СПб.: Изд. д. «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 640 с.

Жухрай В. М. Провокаторы / В. М. Жухрай. – М.: Роман-газета, 1993. – 124 с.

Жухрай В. М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы / В. М. Жухрай. – М.: Политиздат, 1991. – 333 с.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х – нач. 90-х гг. / П. А. Зайончковский. – М.: «Мысль», 1970. – 444 с.

Зверев В. О. Иностраный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.): монография / В. О. Зверев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 360 с.

Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство / А. А. Зданович. – М.: Крафт+, 2004. – 240 с.

Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века: монография / В. С. Измозик. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 696 с.

Искра Л. М. Революционный народник В. Я. Яковлев-Богучарский / Л. М. Искра // Страницы истории и историографии отечества Воронеж: изд-во Воронежского государственного университета, 2007. – Вып. 4. – С. 3–22.

История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов / [под ред. Мулукаева Р. С.]. – М.: NOTA VENE Медиа Трейд Компания, 2005. – 336 с.

История полиции России: Краткий ист. очерк и основные документы: Учеб. пособие / [под ред. Курицына В. М.]. М.: ЩИТ-М, 1998. – 199 с.

Казанцев С. М. История царской прокуратуры / С. М. Казанцев. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. – 216 с.

Карпачев М. Д. Архивные свидетельства о настроении населения Воронежской губернии в годы Первой мировой войны / М. Д. Карпачев // Воронежский вестник архивиста. – Вып. 7. – 2009. – С. 117–131.

Карпачев М. Д. Волнение крестьян-общинников в Козловке в августе 1914 г. / М. Д. Карпачев // Из истории воронежского края: сб. статей. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – Вып. 8. – С. 129–139.

Карпачев М. Д. Воронежское жандармское управление об общественных настроениях в губернии в годы Первой мировой войны / М. Д. Карпачев // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия.

Материалы 8 региональной научной конференции. – М.: Истоки, 2014. – С. 162 – 167.

Качкин А. Н. Формирование Владивостокской крепостной жандармской команды / А. Н. Качкин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – № 1. – 2013. – С. 61–65.

Квасов О. Н., Разиньков М. Е. Анархисты в Воронежской губернии в начале XX в.: к постановке проблемы / О. Н. Квасов, М. Е. Разиньков // Воронежский вестник архивиста. – Вып. 2. – Воронеж, 2004. – С. 77–86.

Квасов О. Н. «Истинный сын революции Иван Голощапов», или судьба «анархиста-мстителя» / О. Н. Квасов // Воронежский вестник архивиста. – Вып. 7. – Воронеж, 2009. – С. 223–233.

Квасов О. Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора / О. Н. Квасов // Новый исторический вестник. – 2011. – № 27 (1). – С. 89–104.

Квасов О. Н. Переписка воронежского губернатора С. И. Голикова с помещицей М. Г. Раевской / О. Н. Квасов // Воронежский вестник архивиста. – Вып. 6. – Воронеж, 2008. – С. 240–251.

Квасов О. Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.) / О. Н. Квасов. – Воронеж: Воронеж гос. ун-т., 2005. – 234 с.

Кознов А. П. Борьба большевиков с подрывной агентурой в период реакции (1907–1910 гг.) / А. П. Кознов // Вопросы истории КПСС. – 1986. – № 12. – С. 66–70.

Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты: среди охранников, жандармов и провокаторов / Б. П. Козьмин. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 144 с.

Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове. Жизненный путь руководителя личной охраны Николая II / Б. Г. Колоколов. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 582 с.

Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий; С.-Петербург. ин-т

истории РАН, Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 657 с.

Коновалов Ф. Я. Совершенствование методов работы провинциальных органов российской политической полиции после революции 1905–1907 гг. (на примере Вологодского губернского жандармского управления) / Ф. Я. Коновалов // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 3 апреля 2014 г.). – Вологда, 2014. – С. 78–86.

Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX в. / Н. А. Коновалова // Вестн. Ом. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 42–47.

Королев В. И. Действовать энергично и по закону: История полит. полиции Крыма / В. И. Королев. – Симферополь: Антиква, 2007. – 196 с.

Пашков А. М. А. С. Пругавин: от революционных кружков до изучения старообрядчества (1869–1881 гг.) / А. М. Пашков // Вестник РГГУ. Серия: история, филология, культурология, востоковедение. – 2010. – № 7 (50). – С. 43–55.

Курсанова А. В. Искровские организации и искровцы в Воронеже / А. В. Курсанова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1966. – 184 с.

Курсанова А. В. Искровцы и искровские организации губерний Черноземного центра: (Воронежской, Курской, Тамбовской) / А. В. Курсанова; науч. ред. Я. Р. Волин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. – 184 с.

Курсанова А. В. Связь воронежских большевиков с В. И. Лениным в годы нового революционного подъема (1910–август 1914) / А. В. Курсанова // Воронежское краеведение: опыт и проблемы: материалы II Воронежск. обл. краеве. науч.-практ. конф. – Воронеж, 1990. – С. 56–59.

Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров среди крестьянства Воронежской губернии (90-е гг. XIX в. – 1917 г.) / А. А.

Куцеволов // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. / Под ред. Г.Н. Мокшина. – Воронеж, 2012. – С. 139–160.

Ласунский О. Г. Педагог К. Н. Вентцель в Воронеже / О. Г. Ласунский // Воронежский вестник архивиста. – Вып. 2. – Воронеж, 2004. – 256 с. С. 95–100.

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: По подлинным делам Третьего отделения собств. е. и. величества канцелярии / М. К. Лемке. – Изд. 2-е. – СПб.: С. В. Бунин, 1909. – 614 с.

Лукьянов С. А. Роль МВД дореволюционной России в регулировании религиозных отношений: Учеб. пособие / С. А. Лукьянов, А. Я. Малыгин. – М.: Моск. ун-т МВД России, 2003. – 80 с.

Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России, 1649–1917 – Изд. 2-е, исп. / Ф. М. Лурье. – М.: ТЕРРА, 1998. – 353 с.

Михалев О. Ю. Воронежская администрация в борьбе против либеральной оппозиции в 1906–1907 г. / О. Ю. Михалев // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2000. – Вып. 8. – С. 110–114.

Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р. С. Мулукаев. – М., 1964. – 434 с.

Мыциков В. В. Из истории жандармского полицейского надзора на ЮВЖД / В. В. Мыциков // Российская цивилизация: история и современность. Межвуз. сб. науч. ст. Воронеж, 1998. – Вып. 1. – С. 129–143.

Николаевский Б. И. История одного предателя: террористы и полит. полиция: о Е. Азефе / Б. И. Николаевский. – М.: Политиздат, 1991. – 384 с.

Овченко Ю. Ф. Безопасность империи. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия, 1880–1917 гг. / Ю. Ф. Овченко. – М.: Техинформ, 2012. – 370 с.

Овченко Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. / Ю. Ф. Овченко. – М.: ИНСОФТ, 2010. – 232 с.

Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России, 1826–1880 / И. В. Оржеховский. – М.: Мысль, 1982. – 207 с.

Очерки истории Воронежского края. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1961. – 521 с.

Очерки истории органов внутренних дел России: Учеб. пособие / С. О. Гонюхов, В. И. Горобцов; М-во внутр. дел Рос. Федерации. – Красноярск: Изд-во Высшая школа, 1998. – 51 с.

Очкур Р. В. Полиция России. Век XVIII– век XX / Р. В. Очкур. – М.: Полиграфиздат; СПб.: Астель-СПб, 2010. – 510 с.

Панова В. И. История Воронежского края: учебно-методическое пособие / В. И. Панова; отв. ред. А. П. Валагин. – Изд. 4-е, доп. – Воронеж: Родная речь, 2008. – 286 с.

Перегудов А. В. «... В самое ближайшее время перевести архив и все дела жандармского управления в такое помещение, где они были бы в большей безопасности» / А. В. Перегудов // Воронежский вестник архивиста. Научно-информационный ежегодник. – Вып. 11–12. – Воронеж: Цифровая типография «Фортуна», 2013–2014. – С. 196–201.

Перегудов А. В. Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны / А. В. Перегудов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – № 1. – С. 109–115.

Перегудов А. В. Воронежское губернское жандармское управление: структура, численность, кадровый состав / А. В. Перегудов // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2013. – Вып. 20. – С. 146–158.

Перегудов А. В. Источники по истории органов политического сыска Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX века (по материалам Государственного архива Воронежской области) / А. В. Перегудов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2012. – № 2. – С. 145–148.

Перегудов А. В. К вопросу об уровне жизни губернского жандарма в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. В. Перегудов // Школа-

конференция молодых ученых ИРИ РАН: [сайт]. – URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=103/> (дата обращения: 2.05.2014).

Перегудов А. В. Критерии отбора нижних чинов на службу в Губернское жандармское управление в начале XX века (на материалах Воронежского управления) / А. В. Перегудов // Electronic scientific and educational journal «History». – 2012. – Вып. 7(15). – [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <http://history.jes.su/s207987840000214-4-2-ru> (дата обращения: 17.03.2015).

Перегудов А. В. Об образовании Воронежского губернского жандармского управления и его первом руководителе / А. В. Перегудов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 145–148.

Перегудов А. В. От осведомителя до провокатора один шаг: из истории борьбы жандармов и революционеров на рубеже 1870–1880 гг. / А. В. Перегудов // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. / Под ред. Г. Н. Мокшина. – Воронеж, 2012. – С. 57–78.

Перегудов А. В. Русские жандармы в Первой мировой войне: от подвига к дискриминации (на примере Воронежской губернии) / А. В. Перегудов // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 9. – С. 44–49.

Перегудов А. В. Санаторий Отдельного корпуса жандармов: необходимость учреждения и опыт функционирования / А. В. Перегудов // История: факты и символы. – 2016. – № 8. – [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <https://historic-journal.ru/2016/sanatorij-otdelnogo-korpUSA-zhandarmov-istoriya-i-neobxodimost/> (дата обращения: 12.01.2017).

Перегудов А. В. Сыскная полиция города Воронежа. Страницы истории / А. В. Перегудов. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. – 107 с.

Перегудова З. И. Политический сыск России, 1880–1917 / З. И. Перегудова; Гос. арх. Рос. Федерации. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 518 с.

Перепелицын А. В., Кудинова Ю. В. Крестьянское движение в Воронежской губернии в годы первой русской революции / А. В. Перепелицын, Ю. В. Кудинова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – № 8 (151). – Т. 26. – 2013. – С. 120–124.

Подлесных С. Н. Банда Грачева на территории Новохоперского и Бобровского уездов в 1908–1909 гг. / С. Н. Подлесных // Битюг, 2016. – № 3. – С. 14–24.

Полиция Курской губернии: история становления и деятельности (1864–1917) / Г. А. Салтык [и др.]. – Курск: Изд-во КГУ, 2007. – 319 с.

Поливанов А. С. Революционные события в Воронеже в 1917 году / А. С. Поливанов. – Воронеж: ВПИ, 1967. – 112 с.

Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы / Л. Г. Прайсман. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 432 с.

Проскуряков Ф. И. Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов, составленное старшим учителем законоведения в С.-Петербургской Ларинской гимназии, кандидатом прав Ф. Проскуряковым / Ф. И. Проскуряков. – 2-е изд. с изм. и доп. Ч. 1–3. – СПб.: тип. Мор. м-ва, 1856. – 923 с.

Пыльнев Ю. В. Воронежская губернская (1-я мужская) гимназия / Ю. В. Пыльнев. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – 139 с.

Разиныков М. Е. Воронежская губерния в первой российской революции (1905–1907 гг.) / М. Е. Разиныков, В. Ю. Рылов, О. Ю. Михалев. – Воронеж: Истоки, 2006. – 312 с.

Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.) / Ю. А. Реент. – Рязань, 2001. – 236 с.

Российские спецслужбы. История и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке. 1997–2000 гг. / ред. А. А. Зданович, М. Н. Петров, В. Н. Хаустов. – М.: X-History, 2003. – 280 с.

Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка 16: Политический сыск при царях / Ч. А. Рууд, С. А. Степанов. – М.: Мысль, 1993. – 430 с.

Рылов В. Ю. Правое движение в Воронежской губернии, 1903–1917 / В. Ю. Рылов; Воронеж. гос. ун-т. Каф. новейшей отечеств. истории и историографии. – М., 2002. – 190 с.

Савченко В. Л. Возникновение воронежской эсеровской организации, ее структура и деятельность / В. Л. Савченко // Страницы истории и историографии Отечества. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 131–150.

Салтык Г. А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923 гг. / Г. А. Салтык. – Москва: Изд-во «Прометей», МПГУ. – 2002. – 575 с.

Сватиков С. Г. Заграничная агентура Департамента полиции / С. Г. Сватиков. – М., 1941. – 152 с.

Севастьянова Т. М. Революционерки Воронежа / Т. М. Севастьянова. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. – 116 с.

Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917 / И. Симбирцев. – М.: Центрполиграф, 2006. – 427 с.

Симбирцев И. Третье Отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской Империи. 1826–1880 гг. / И. Симбирцев. – М.: Центрполиграф, 2006. – 381 с.

Сокут К. А. Вооруженное восстание Воронежского дисциплинарного батальона в 1905 году / К. Сокут. – Воронеж: Коммуна, 1930. – 15 с.

Соловьев М. Е. Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции II Государственной думы / М. Е. Соловьев // Вопросы истории. – 1966. – № 8. – С. 124–129.

Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи, 1903–1914 / Б. А. Старков. – СПб.: Питер, 2006. – 304 с.

Степанова Е. И. К вопросу о становлении полицейской стражи Курской губернии / Е. И. Степанова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3 (15). – Режим доступа. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-standovlenii-politseyskoy-strazhi-kurskoy-gubernii> (дата посещения: 20.04.2016).

Степынин В. А. Крестьянство Черноземного центра в революции 1905–1907 годов / В. А. Степынин; Науч. ред. М.Д. Карпачев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 166 с.

Степынин В. А. Листовки большевиков в деревне Воронежской губернии в период Революции 1905–1907 гг. / В. А. Степынин // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – С. 6–19.

Степынин В. А. Хроника революционных событий в деревне Воронежской губернии (1861–1917 гг.) / В. А. Степынин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. – 174 с.

Тарадин И. П. Отголоски 1 марта 1881 года в Воронежской губернии (к 45-летней годовщине) / И. П. Тарадин // Известия Воронежского краеведческого общества. – 1926. – № 7–9. – С. 5–10; № 10–12. – С. 1–6.

Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права / И. Т. Тарасов. – М.: Печатня С. П. Яковлева, 1887. – 718 с.

Татарчуков А. Н. Исторический очерк профессионального движения в Воронежской губернии. Ч. 1: До октября 1917 г. / А. Н. Татарчуков. – Воронеж, 1921. – 101 с.

Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866–1895 / Н. А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979. – 348 с.

Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы, 1871–1880 гг. / Н. А. Троицкий. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 408 с.

Трофимов Ж. Старший брат Ильича: Документальное повествование об Александре Ульянове / Ж. Трофимов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 256 с.

Троцкий И. М. III Отделение при Николае I: [Сборник / И. М. Троцкий; Вступ. ст. Я. Гордина]. – Л.: Лениздат, 1990. – 285 с.

Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб / редкол.: В. К. Былинин (гл. ред.) [и др.]. – М.: Кучково поле, 2006. – Т. 1. – 2006. – 294 с.

Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб / редкол.: В. К. Былинин (гл. ред.) [и др.]. – М.: Кучково поле, 2006. – Т. 2. – 2006. – 366 с.

Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России, 1905–1917 годы / А. С. Туманова; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; Науч. ред. А. Е. Иванов. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 487 с.

Тяжелов П. П. Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 г. / П. П. Тяжелов. – Воронеж: Тип. УИиП, 1947. – 40 с.

Урысон И. С. Агент-provokator по действующему уголовному праву / И. С. Урысон // Право. – 1907. – № 32, 33. – Стб. 2196–2202.

Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России / У. Фуллер; [авториз. пер. с англ. М. Маликовой]. – М.: Новое лит. обозрение, 2009. – 373 с.

Халимонов А. Д. Острогожск / А. Д. Халимонов. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1978. – 175 с.

Хутарев-Гарнишевский В. В. «Осиное гнездо провокации». Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой / В. В. Хутарев-Гарнишевский // Родина. – 2010. – № 10. – С. 120–122.

Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники по данным Комиссии по обеспечению нового строя / С. Б. Членов. – М.: Отд. печати москов. сов. Р. и К.Д., 1919. – 92 с.

Чудакова М. С. Жандармско-полицейские управления железных дорог и их роль в борьбе с оппозицией в конце XIX – начале XX в. (на примере

Ярославской губернии) / М. С. Чудакова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 39–43.

Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825-1855 гг. / А. Г. Чукарев; О-во изуч. истории отечест. спецслужб. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – 701 с.

Шамаев В. Г. Во имя спокойствия и безопасности Державы: страницы истории службы государственной безопасности Воронежского края / В. Г. Шамаев; под общ. ред. А. Б. Андреева. – Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 605 с.

Шамаев В. Г. На страже государственной безопасности: из истории Воронежского губернского жандармского управления / В. Г. Шамаев; под общ. ред. А. Б. Андреева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 204 с.

Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы / П. Е. Щеголев; Гос. публ. истор. б-ка России; авт. предислов. Т. К. Мищенко. – М.: ГПИБ, 2004. – 457 с.

Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма: Структура, функции, реакц. сущность, связь с другими м-вами: Учебное пособие / Д. И. Шинджикашвили. – Омск: Ом. ВШМ, 1974. – 111 с.

Шинджикашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма / Д. И. Шинджикашвили. – Омск.: Ом. ВШМ, 1973. – 67 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том ХІА (22). Евреиновы – Жилон. – СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1894. – 511 с.

Эренфельд Б. К. Дело Малиновского / Б. К. Эренфельд // Вопросы истории. – 1965. – № 7. – С. 106–116.

Эренфельд Б. К. Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью царской тайной полиции / Б. К. Эренфельд // Вопросы истории КПСС. – 1979. – № 12. – С. 84–94.

Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно / А. Н. Ярмыш; Союз юристов Украины. – Киев: Юринформ, 1992. – 191 с.

Schleifman N. Undercover agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party 1902 – 1914 / N. Schleifman. – Hong-Kong: Macmillan, 1988. – 222 pg.

Zuckerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880 – 1917 / F. Zuckerman. – New York: Palgrave macmillan, 2003. – 277 pg.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Алексеева М. А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867-1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Алексеева. – Великий Новгород, 2007. – 23 с.

Бакшт Д. А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880 – 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Д. А. Бакшт. – Красноярск, 2015. – 261 с.

Баранова Н. О. Социал-демократические организации Воронежской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. О. Баранова. – Воронеж, 2010. – 23 с.

Белова А. В. Тамбовское губернское жандармское управление: структура, деятельность, кадры: 1867–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Белова. – Тамбов, 2008. – 331 с.

Бойко С. И. Казанское губернское жандармское управление в 1880 – 1917 гг.: Организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. И. Бойко. – Чебоксары, 2013. – 23 с.

Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX в.: 1902 – февраль 1917 г. (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Е. Гладышева. – Саратов, 2006. – 22 с.

Гончарова Е. А. Местные органы политической полиции России в 1902–1914 гг.: на материалах Саратовской и Самарской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Гончарова. – Саратов, 2008. – 34 с.

Дорохов В. Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Дорохов. – Кемерово, 2005. – 29 с.

Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – нач. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Н. Иванцов. – М., 2009. – 21 с.

Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: дис. ... канд. ист. наук / С. А. Иконников. – Воронеж, 2015. – 416 с.

Квасов О. Н. Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.): дисс. ... док. ист. наук / О. Н. Квасов. – Воронеж, 2015. – 513 с.

Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии (конец XIX в.-1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Куцеволов. – Воронеж, 2007. – 23 с.

Овченко Ю. Ф. Московское охранное отделение в борьбе с революционным движением в 1880–1904 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. Ф. Овченко. – М., 1989. – 28 с.

Сенина Н. В. Отдельный Корпус жандармов в конце XIX - начале XX вв.: организация, кадры, деятельность (по материалам Тульской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: Тула, 2007. – 23 с.

Хутарев–Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Хутарев–Гарнишевский. – М., 2011. – 28 с.

Ярмыш А. Н. Политическая полиция Российской империи (1880-1904 гг.): автореферат дис. канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. Н. Ярмыш. – Харьков, 1978. – 21 с.

Приложения

Приложение 1

Сообщения начальника ВГЖУ полковника В. З. Тархова руководителям местной власти о положении в губернии и деятельности революционеров

Начальник

Совершенно секретно

Воронежского

губернского

жандармского

управления

17 июня 1906 г.

№ 6852

г. Воронеж

За последние дни усилилась деятельность местной военной революционной организации, руководители которой решили употребить все силы на то, чтобы возможно успешнее вести пропаганду в войсках. Для этой цели ежедневно командируются в лагеря и в казармы по несколько человек, переодетых в военную форму, так как солдаты с большим доверием относятся к агитаторам из воинских чинов, чем к штатским. С этой целью на происходящих почти ежедневно загородных митингах (массовках) выступают некоторые ораторы, одетые в военную форму, к которым нижние чины особенно внимательно прислушиваются.

Полковник Тархов

Воронежскому Губернатору.

Начальник

секретно.

Воронежского

губернского

По полученным сведениям, обещанная железнодорожным рабочим юго-восточных железных дорог 5% надбавка жалования принята как насмешка и

жандармского
управления
29 июня 1906 г.
№ 7218
г. Воронеж

вызвала общее негодование. Рабочие не верят никаким словесным обещаниям и требуют письменного объявления, что, безусловно, необходимо сделать, ибо иначе с 1-го июля может начаться общая забастовка. Необходимо прибавить младшим рабочим и конторщикам по крайней мере 20%, иначе за спокойствие при настоящих нищенских окладах и возрастающей дороговизне поручиться нельзя.

Полковник Тархов

Воронежскому Губернатору.

Начальник
Воронежского
губернского
жандармского
управления
21 июля 1906 г.
№ 7871
г. Воронеж

Копия.
Секретно.

По имеющимся у меня сведениям, члены военной организации при объединенном Воронежском Комитете Р.С.Д.Р.П. и С.Р. ведут самую энергичную противоправительственную агитацию среди чинов воинских частей, расположенных в гор. Воронеже, и, между прочим, свободно проникают в лагеря и казармы для свидания со склоненными уже ими нижними чинами и распространения при посредстве их запрещенных прокламаций и брошюр. Для исполнения этого агитаторы появляются преимущественно после 9 часов вечера в ближайšie к расположению частей местности, куда к ним выходят сочувствующие им нижние чины и там последним передаются прокламации и проч., что проделывается легко и свободно за отсутствием должного

наблюдения со стороны войскового начальства за окрестностями лагерного и казарменного расположения полков и батарей. Независимо от этого агитаторами легко подкидываются в казарменные помещения и в лагерях прокламации и всегда остаются незамеченными дежурными и дневальными по частям.

Нижние чины также посещают происходящие в окрестностях гор. Воронежа запрещенные митинги и сборища революционных деятелей, происходящие преимущественно в лесах накануне праздников и в праздничные дни, оставаясь там до позднего времени, а иногда до утра следующего дня.

Об изложенном доношу на Ваше усмотрение.

Подписал и верно: Полковник Тархов

Военному Начальнику Воронежского района.

Источник: ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 691. Л. 84, 92, 109.

ОТЧЕТ

**Воронежского Губернского Жандармского Управления, в
израсходовании денег на секретную агентуру за первую половину марта
месяца 1912 года.**

№№ по порядку	Кличка или №	Организация	Время, с коего состоит на службе: год, месяц	Полу- чаемое в ме- сяц воз- нагр.	Уплачен о за отчет- ный месяц.	Кто руководит сотрудниками и штучниками.
Секретные сотрудники.						
1.	Ильин	П.С.Р.	Ноябрь 1908 г.	35 р.	17р.50к	Заведываю- щий розыском в губернии Помощник Начальника Управления Подполковни к Арцыбашев под наблюдением Начальника Управления
2.	Клокачев	П.С.Р.	Февр. 1910 г.	50 р.	25р.00к	
3.	Бобер	Кр-ские Бр. п.с.р.	Июнь 1910 г.	10 р.	5р.00к	
4.	Купцов	тоже.	Июнь 1910 г.	10 р.	5р.00к	
5.	Лишин	Семинарски й союз п.с.р.	Март 1911 г.	15 р.	7р.50к	

6.	Северяков-ский	П.С.Р.	Июнь 1911 г.	25 р.	12р.50к	Полковника Тархова.
7.	Семидесят-ный	П.С.Р.	тоже.	10 р.	40р.60к	
8.	Ивановский	Кр-ские Бр. п.с.р.	тоже.	15 р.	5р.00к	
9.	Волухов	П.С.Р.	Сент. 1911 г.	10 р.	5р.00к	
10.	Кочетков	Кр-ские Бр. п.с.р.	Ноябрь 1911 г.	10 р.	5р.00к	
11.	Бородин	тоже.	Тоже.	10 р.	5р.00к	
12.	Митрофанов	Семинарски й союз п.с.р.	Янв. 1912 г.	25 р.	12р.50к	

Итого.....145р. 16к.

Примечание: сотруднику Семидесятному за отчетный период кроме жалования, выдано 30 р. 16 к. по счету, утвержденному подполковником Ломиашвили в бытность в гор. Воронеже.

Подписал и верно:

Начальник Управления,

Полковник Тархов

Источник: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 65. Л. 105.

**Именной список
чинам Воронежского Губернского Жандармского Управления,
изъявившим желание отчислить ежемесячно по 1% получаемого
содержания на усиление флота в России и другие военные надобности до
окончания войны с Японией.**

№№ по поряд- ку.	Наименование чинов.	Сумма получаемого содержания.	Размеры пожертвованн ой суммы.
1	Начальник Управления Полковник Тархов	348р.42к.	3р.48к.
2	Помощник Начальника Управления Подполковник Самойленко	240р.33к.	2р.40к.
3	Помощник Начальника Управления Ротмистр Кравцов	206р.25к.	2р.06к.
Нижние чины: Вахмистра.			
4	Дмитрий Иванов	30р.	30к.
5	Семен Кондратьев	30р.	30к.
6	Степан Сиволапов	30р.	30к.
Унтер-офицеры:		25р.	25к.
7	Василий Малюков	25р.	25к.

8	Георгий Минаков	25р.	25к.
9	Касьма Малышев	25р.	25к.
10	Зиновий Проскурин	25р.	25к.
11	Василий Коломейцев	25р.	25к.
12	Георгий Ситников	25р.	25к.
13	Федор Каверин	20р.	20к.
14	Василий Крошин	20р.	20к.
15	Василий Кленов	20р.	20к.
16	Владимир Васильев	20р.	20к.
17	Дионисий Перепелица	20р.	20к.
18	Семен Чуканов	15р.	15к.
19	Стефан Ермольев	15р.	15к.
20	Илья Клейменов	15р.	15к.
21	Андрян Хрюкин	15р.	15к.
22	Иван Кузнецов	15р.	15к.
23	Иван Решетов	15р.	15к.
24	Александр Логвиненко	15р.	15к.
25	Григорий Толстун	15р.	15к.
26	Дмитрий Юркин	15р.	15к.
27	Гордей Бондарев	15р.	15к.

28	Сергей Нестерков	15р.	15к.
29	Алексей Равин	15р.	15к.
Писаря:			
30	Дмитрий Ермолаев	3р.	3к.
31	Михаил Друндин	3р.	3к.
	Итого	13р.20к.	

Подписал и верно: Начальник Управления, Полковник Тархов.

[В 1905 г. отчет направлялся в штаб Отдельного корпуса жандармов ежемесячно. Этот документ за февраль. С марта был назначен новый адъютант ВГЖУ штабс-ротмистр Фон-Гоерц с жалованием 112р.16к.]

Источник: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 26. Л. 38, 38 об.

Приложение 4

**Предложения начальника ВГЖУ М. А. Конисского по поводу новой
дислокации жандармского управления на 1914 год**

Секретно.

№ 14441. В Штаб Отдельного Корпуса Жандармов.

часть наблюдают.

Ноября 9 дня 1913 г.

г. Воронеж

Рапорт

С представлением	Представляя при сем новую дислокацию вверенного мне управления, составленную согласно
---------------------	--

<p>новой дислокации Управления.</p>	<p>указаний, изложенных в предписании штаба Корпуса от 25 минувшего октября за № 17136, ходатайствую об утверждении означенной дислокации с назначением помощника моего в г. Воронеже подполковника Арцыбашева – помощником в г. Воронеже и Воронежском уезде и помощника моего в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах подполковника Пастрюлина – помощником в Задонском, Землянском, Нижнедевицком, Коротоякском, Бобровском и Новохоперском уездах.</p> <p>К изложенному присовокупляю, что основания, по коим мною было сделано распределение унтер-офицеров в губернии, помещенное в рапорте моем от 4 октября сего года за № 13019, являются следующими:</p> <p>По принятии мною Воронежского губернского жандармского управления, в видах упорядочения работы в канцелярии управления, таковая была разделена на три отдела: агентурный, справочный и секретный, строевой и хозяйственный.</p> <p>1. Отдел агентурный.</p> <p>Предметы ведения: переписка, касающаяся агентурного розыска в губернии и наружной наблюдательной службы, и ведение денежной отчетности по агентуре, на которую расходуется по мелочам 12 тысяч в год.</p> <p>В отделе согласно Положения о районных охранных отделениях ныне заведены совершенно особые</p>
-------------------------------------	--

от прочих отделов журналы входящих и исходящих бумаг, денежные книги, дела и регистратура.

Состав отдела: 1. старший филер, заведующий филерской командой; 2. филер, ведущий агентурную переписку, агентурные алфавиты по партиям и домовые алфавиты и денежную отчетность по агентуре. Оба филера кроме того исполняют по городу поручения по агентуре управления и требования, поступающие от розыскных органов других губерний; 3. унтер-офицер – переписчик на пишущей машине, ему же поручается переписка более важных бумаг и по другим отделам; 4. унтер-офицер в форме для установок по городу по данным агентурного наблюдения справок по полицейским участкам и для справок по адресному столу.

Из числа остальных 10-ти филеров ежедневно два находятся на дежурстве на вокзале, один находится в имении Ольгино Воронежского уезда для охраны имеющих там пребывание ВЫСОЧАЙШИХ Особ и семь в проследках по городу.

Итого состав отдела:

унтер-офицеров 2 и филеров 12.

2. Отдел справочный и секретный.

В этом отделе:

один унтер-офицер наводит справки по розыскным карточкам Департамента полиции и по

листкам на дугах общей регистрации управления.

два унтер-офицера занимаются составлением и переписыванием бумаг: ответов по справкам и бумаг по секретной части: по дознаниям и охранным перепискам, донесения о происшествиях, по исполнению требований других жандармских управлений;

один унтер-офицер занят наклейкой розыскных карточек Департамента полиции на картон и регистрацией листков общей регистрации на дугах и карточек Департамента полиции;

и два унтер-офицера занимаются в архиве управления, изготовляя листки на дуги по текущей переписке управления и составляя алфавитные указатели к каждому делу, что является необходимым для предстоящей большой работы отдела по переходе с листового дугового алфавита на карточный. Означенное является необходимым, во-первых, в виду общих указаний Департамента полиции по этому предмету и, во-вторых, в виду того, что существующий листовый дуговой алфавит управления не в должном порядке, приведение же этого алфавита в порядок – работа почти равная работе по созданию нового общего алфавита управления, но уже, как это надлежит, карточного.

В ведении отдела находится еще архив фотографических карточек лиц разыскиваемых и привлекавшихся к делам управления и библиотека революционных изданий.

Работа справочного и секретного отдела выражается в сумме до 15 тысяч номеров исходящих бумаг в год.

В день поступает бумаг с запросами о справках на 50-100 человек. Короткий срок, предоставленный Губернатором для ответов на запросы, каждый из коих направляется в жандармское управление и срочность запросов дворцовых, войсковых и по комплектованию сводного полка делают службу этого отдела особо напряженной.

Состав отдела – унтер-офицеров 6-ть.

3. Отдел строевой и хозяйственный.

Занимается ведением журналов входящих и исходящих по секретной и справочной части и по строевой и хозяйственной, ведением денежных хозяйственных книг, составлением и переписыванием строевых и хозяйственных бумаг и денежных и вещевых требований и перепиской по полицейской страже в губернии.

Состав отдела: унтер-офицер 1, унтер-офицер-машинист 1 и писарей 2.

Вахмистр управления заведует надзором за унтер-офицерской командой управления, цейхгаузом управления, занимается хозяйственными распоряжениями по постройке мундирной одежды, по отоплению и освещению канцелярии управления и заведует получениями денег из казначейства и

исполнением разных хозяйственных поручений по городу.

Означенное распределение унтер-офицеров и послужил основанием к тому, что при составлении новой дислокации при управлении было намечено 1 вахмистр, 10 унтер-офицеров, 12 филеров и 2 писаря.

Надлежит затем отметить, что продуктивность работы унтер-офицеров и отсюда количество их в канцелярии находится в прямой зависимости от степени интеллигентности унтер-офицеров, знания ими грамоты, но в этом отношении в Воронежском губернском жандармском управлении чувствуется ущерб. Унтер-офицеры в большинстве недостаточно грамотны, как вообще все полковые строевые унтер-офицеры, к канцелярской работе особой способности они не имеют и малограмотны. Имеющиеся в управлении хорошие работники – это только бывшие войсковые писаря. Они, несравненно, более интеллигентны, чем унтер-офицеры из строя, дисциплинированность же тех и других, совершенно, одинакова.

Что же касается до наблюдательной службы, то в воронежском управлении мало унтер-офицеров годных для производства расследований и агентурных поручений по губернии. Причинами этому, как выше упомянуто малограмотность и невысокий уровень развития большинства унтер-офицеров. В большинстве же для командировок в наблюдательных целях по губернии служат филеры, коим, как переодетым, легче исполнять

всякие конспиративные поручения по розыску.

В видах повышения качественного состава управления в будущем освобождающиеся унтер-офицерские вакансии будут мною замещаться только унтер-офицерами хорошо грамотными и развитыми.

Являлось бы существенно необходимым принять для канцелярии управления несколько писарей из частей войск, сверх нормы, установленной циркуляром Штаба Корпуса от 4 марта 1875 года за № 17. Это дало бы возможность уменьшить число унтер-офицеров в канцелярии, так как продуктивность работы унтер-офицеров из писарей неизмеримо выше работы унтер-офицеров из строя. Безусловно, писари могли бы быть подобраны с самыми безукоризненными аттестациями своего строевого начальства и перед переводом могли бы быть о них наведены самые тщательные всесторонние справки. Такие тщательно подобранные, развитые люди оказались бы как нельзя более пригодными и для наблюдательных целей.

Вторая мера, уже предпринятая – это занятия грамотностью с нынешним унтер-офицерским составом управления. Адъютанту управления мною предписано вести занятия с унтер-офицерами, обучая их грамматике, диктанту и каллиграфическому письму. К сожалению на эти занятия приходится уделять слишком мало времени, так как, во 1-ых, с унтер офицерами мною предписано вести кроме того и строевые занятия и обучение их обще-жандармским сведениям и, во 2-ых, унтер-офицеры

	находятся на ежедневной работе в канцелярии управления с 10 часов утра и до 5-6 иногда и 7-ми часов вечера.
--	---

ПРИЛОЖЕНИЕ: новая дислокация управления.

Верно:

Полковник Конисский.

**Проектируемая новая дислокация Воронежского Губернского
Жандармского Управления.**

Начальник Управления

Адъютант Управления

вахмистр 1, унтер-офицеров 17, писарей 2

кв. г. Воронеж.

Помощники:

1) в гор. Воронеже и Воронежском уезде

унтер-офицеров 2

кв. г. Воронеж.

2) в Задонском, Землянском, Нижнедевицком, Коротоякском,
Бобровском и Новохоперском уездах.

вахмистр 1, унтер-офицеров 4.

кв. гор. Воронеж

3) в Острогожском, Валуйском, Бирюченском, Павловском и Богучарском уездах

вахмистр 1, унтер-офицеров 4.

кв. гор. Острогожск.

Начальник Воронежского Губернского
Жандармского Управления,

Полковник Конисский

Копия.

Начальник

В Штаб Отдельного Корпуса Жандармов.

Воронежского

Губернского

Жандармского

Управления.

По части строевой.

апреля 21 дня 1914 г.

№ 609

г. Воронеж

Рапорт

В виду выяснившейся необходимости в усилении в некоторых пунктах Воронежской губернии наблюдения за местным населением, мною этот вопрос был обсужден с г. Воронежским Губернатором и в результате было признано крайне желательным учреждение унтер-офицерских пунктов в нижеследующих местах губернии:

1) В селении Касторное, Землянского уезда, находящимся при узловой станции того же наименования Московско-Киево-Воронежской жел. дор. и Елец-Валуйской линии юго-восточных железных дорог.

Касторное – большое, имеющее до 3-х тысяч жителей село, с периодическими ярмарками, на которые съезжаются покупатели из Воронежской, Курской и Орловской губерний.

Необходимость в учреждении в Касторном наблюдательного жандармского пункта обуславливается тем, что Касторное находится в центре района, где в Воронежской губернии развивает со своими сообщниками преступную деятельность, оперирующий в трех губерниях известный бандит Иван Иванов Голощапов, обвиняемый по 102 ст. упол. и 1435 ст. упол. о наказ., разыскиваемый циркуляром Департамента полиции от 21 мая 1909 года за №151028 – 44 ст. 13058.

Назначение унтер-офицерского пункта в селе Касторное – приискание соответствующей агентуры для розыска бандита Голощапова и непрерывное общение как с имеющей быть для сего приобретенной там агентурой, так и с уже существующей.

Пункт этот временный до розыска и задержания Голощапова, неуловимого уже 9-й год и его сообщников. В дальнейшем надобности в сохранении этого пункта не встречается.

2) В гор. Валйки (на Харьковско-Балашевской линии юго-восточных жел. дор.).

Валуйский уезд в период освободительного движения особо выделился из числа других уездов Воронежской губернии. В 1905 и 1906 гг. в гор. Валуйках существовал Валуйский железнодорожный забастовочный комитет. В уезде имелись крестьянские братства и революционное движение в Валуйском уезде имело особо сильный характер (был ранен исправник и убит пристав).

Ныне в уезде спокойно, но крестьянское население нуждается в бдительном за собой надзоре. Земство в Валуйках левое, и замечается тенденция принимать на службу в земство лиц преимущественно левого направления.

Жандармский пункт поможет развить агентуру как на линии жел. дор., так и в городе Валуйках и уезде.

3) В гор. Новохоперске (на Харьково-Балашевской линии юго-восточных жел. дор.).

Новохоперский уезд – центр сектантства в губернии, в уезде находятся сектанты разных толков, главным образом баптисты. Близ Новохоперска находится с. Пески, в котором до 20 тысяч жителей, из них до 5 тысяч сектантов, преимущественно баптистов. В пески проживает один из баптистских главарей Стефанов, сектант-фанатик, редактор сектантского левого направления журнала «Друг молодежи».

Во времена освободительного движения, в уезде действовали разъездные агенты партии социалистов-революционеров, было много крестьянских братств и оперировали разбойные шайки Шабанова и Грачева, многие члены каковых шаяк были по суду казнены.

13 июня 1907 года в уезде разбойником Шабановым был убит жандармский унтер-офицер Ф. Каверин.

За населением уезда, среди которого масса хулиганствующих, где случаи разбоев до сих пор время от времени повторяются и где растет сектантство, требуется особо бдительный надзор.

4) В слоб. Калач (на самостоятельной ветке юго-восточных жел. дор.).

Слобода Калач представляет собой в сущности город, в котором имеется свыше 20 тысяч жителей и находится много промышленных заведений.

Население слободы нуждается в надзоре в виду того, что большинство жителей там – мастеровые и рабочие. В 1907 году там был социал-революционный комитет.

и 5) в имени Ольгино ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Имение Ольгино расположено на железно-дорожной ветке, проведенной от ст. Графская юго-восточн. жел. дорог. Близ имения находится село Рамонь, где рафинадный завод. В недалеком расстоянии от Ольгино находятся два других имения ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА Старо-Животинное и Ново-Животинное (первое в 12 верстах от Ольгино и второе в 15-ти верстах).

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ и ЕЯ супруг ЕГО ВЫСОЧЕСТВО Принц Петр Александрович Ольденбургский ежегодно лето, иногда до поздней осени проводят в Ольгино.

Дворец в Ольгино охраняется постами полицейской стражи и кроме того от вверенного мне управления командируются в имение для охраны два филера. Эти филеры постоянно находятся в Ольгино. ИХ ВЫСОЧЕСТВ в прогулках по окрестностям почти никогда не сопровождают, так как эти прогулки в большинстве совершаются в автомобиле.

Желательность учреждения унтер-офицерского пункта обуславливается тем, что, во 1-х, ныне в управлении филеры-унтер-офицеры заменены филерами вольнонаемными, число их сокращено на 1/3 и количество филеров ныне едва хватает для надобностей наружного наблюдения в Воронеже, во 2-х, для целей охраны и для организации агентурного наблюдения в Ольгино и окрестных имениях и селе Рамонь безусловно более подходящим будет назначение опытных унтер-офицеров, чем филеров из недавно только сформированной филерской команды и, в 3-х, учреждение унтер-офицерского пункта особых расходов для казны не требует, командировка же филеров вызывает до 100 рублей ежемесячного расхода из сумм Департамента полиции.

Унтер-офицерский пункт в Ольгино – временный – с весны по осень. Унтер-офицеры пункта, если это будет признано необходимым, могут в имении быть в штатском платье.

Состав пунктов и их подчинение:

1) В селе Касторное (временный – до задержания бандита Голощапова) – 2 унтер-офицера

и 2) в г. Новохоперске (постоянный) – 1 унтер-офицер; подчиняются помощнику начальника в Задонском, Землянском и других уездах и выделяются на пункты из состава команды этого помощника, находящейся в г. Воронеже.

3) В имении Ольгино (временный – ежегодно на летнее время) – 2 унтер-офицера, подчиняются помощнику начальника в г. Воронеже и Воронежском уезде и выделяются на пункте из состава команды этого помощника, находящейся в г. Воронеже.

4) В г. Валуйки (постоянный) – 1 унтер-офицер

и 5) в слоб. Калаче (постоянный) – 1 унтер-офицер, подчиняются помощнику начальника в Острогожском, Валуйском и других уездах и выделяются на пункты из состава команды этого помощника, находящейся в г. Острогожске, для чего эту команду надлежит увеличить на 1 унтер-офицера за счет управления.

Докладывая об изложенном, ходатайствую об учреждении означенных пунктов. Подписал и верно:

Полковник Конисский

[В очередном рапорте от 4 июля 1914 г. Конисский предложил учредить еще один постоянный унтер-офицерский пункт в слободе Россошь Острогожского уезда как в населенном пункте, где было сильное революционное движение в 1905–1908 гг.].

Источник: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 11–13, 15–18.

Ведомость о вооружении ВГЖУ на 1 января 1909 г.

В Московское Окружное Артиллерийское Управление.

Ведомость

О состоянии оружия в Воронежском Губернском Жандармском Управлении к 1-му Января 1909 года.

Название оружия.	Положено.	Состоит.	Откуда и когда получено.
А) Оружие, состоящее на руках револьверов системы Нагана образца 1895 г.	30	30	От Московского Артиллерийского Скл.: 28 июня 1902 – 28, 9-го сентября 1904 г. – 1, 19 июля 1906 г. – 4, 20 сентября 1906 г. – 1 и 13 мая 1908 г. – 1.
Шашек драгунского образца 1891 г. без гнезд для штыка.	30	30	От Харьковск. Артил. Скл. 1891 г. Апр. 8 – 19, от Московск Губерн. Жанд. Упр. 1896 сент. 1-4, от Моск. Окруж. Артил. Скл. 1897 г. нояб.

			30 – 3, от того же склада 1902 г. нояб. 11 – 1, от того же склада 12 июля 1906 г. – 4.
Винтовок казачьих 3-х линейных боевых	24	24	От Моск. Окружн. Артил. Скл. мая 24 1906 г. – 21 и 12 июля того же года – 3.
Б) Запасное оружие: Револьверов системы Нагана	2	2	От того же склада 1902 г. июня 28 – 1 и 12 июля того же года – 1.
В) Учебное оружие: Револьверов системы Нагана образца 1895 г.	3	3	От того же склада 1902 г. июня 28.

Примечание: из числа показанных в 4-й графе 33 револьвера и 31 пашек в действительности состоит по 30 штук, так как одна пашка получена в замен сломанной, сданной согласно отношения Московского Окружного Артиллерийского склада от 11-го ноября 1902 г. за № 24546 в Тульский Отдел того Склада при отношении от 25-го ноября того же года за № 706; один револьвер вместо убитого на унтер-офицере Терновце, переведенном в особую жандармскую команду при полевом управлении Маньчжурской

армии, один револьвер взамен утерянного унтер-офицером Дмитрием Юркиным, при нападении на него толпы крестьян во время поездки по делам службы, и согласно уведомления Московского Окружного Артиллерийского Управления от 22-го августа 1906 года за № 10251 один револьвер был выслан вторично взамен утерянного унтер-офицером Дмитрием Юркиным, согласно уведомления Московского Окружного Артиллерийского Управления от 13-го мая 1908 года за № 6198.

Начальник Управления,
Полковник Тархов

Источник: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 654. Л. 2, 2 об.

Политический обзор
Воронежского, Задонского, Землянского и Нижнедевицкого уездов за
1899 год.

Результаты имевшегося в течение 1899 года наблюдения за настроением умов и образом мыслей населения Воронежского, Задонского, Землянского и Нижнедевицкого уездов, точно так же как и в 1898 году, не дают достаточных оснований сомневаться в политической благонадежности общей массы населения означенного района. Имевшие в отчетном году место три случая проявления со стороны крестьян названной местности преступных деяний, предусмотренных 246 – 248 ст. Улож. о Нак., являются ничтожным исключением из общего правила, тем более, что, как было установлено формальными дознаниями, означенные преступные деяния были совершены людьми грубыми, невежественными и при том, в момент совершения таковых, находившимися в состоянии опьянения.

Более или менее вызывающим сомнение в политической благонадежности элементом в названных уездах являются единичные личности, по развитию и даже по происхождению своему принадлежащие к интеллигентному классу населения названной местности. Но лица эти, в силу ли своего экономического положения (землевладельцы) или же благодаря материальной своей зависимости от службы (врачи и чиновники), – крайне сдержаны в сношениях с местными обывателями, а потому и предосудительные воззрения их туго проникают в общую массу населения уездов.

Большим местом почти для всего сельского населения является земельный вопрос. Он болен, как для крестьянина, так и для барина –

землевладельца, он порождает между ними ненормальные и нередко враждебные отношения, из-за него часто враждуют между собою крестьяне одного и того же сельского общества, он же, наконец, сплошь и рядом вызывает крестьянское население на такие преступные деяния, как нежелание подчиниться административным и даже судебным постановлениям.

Большую частью топографическое положение крестьянских земельных наделов является крайне не удобным для крестьян: наделные земли большей части сельских обществ или окружены помещичьими или по отношению к последним находятся в таком положении, что крестьяне, чтобы попасть на свою землю, должны пользоваться дорогой, пролегающей через помещичью землю. Отсюда неизбежны столкновения крестьян с помещиками – землевладельцами, хотя бы из-за того, что при малейшем недосмотре скот крестьян переходит на землю помещиков. Последние, благодаря вообще далеко не блистательному за последние годы сельскохозяйственному положению, напрягая все силы к поддержанию хозяйства и удержанию за собою, принадлежащей им недвижимости, пользуясь стесненным положением крестьян, нередко проявляют стремление превратить их в даровых для себя работников, а при невозможности достичь этого – «донимают» их штрафами за потравы. Рождается ненормальность отношений и взаимные неприязненные действия.

...

Недостаточность размеров (от 1 до 3 дес.) душевых земельных наделов для крестьян в высшей степени ощутительна. Этим объясняются те нередкие явления, что излишне попавший в крестьянскую семью земельный надел передается ею другому, имеющему более на него прав, лицу не иначе, как по принуждению. Почти в каждом сельском обществе встречаются семьи, владеющие большим количеством душевых земельных наделов, чем им причитается по наличному числу душ, не смотря на то, что некоторые из членов того же общества совсем не имеют земли и крайне нуждаются в ней.

Возникающая по этому поводу борьба между имущими и неимущими, не говоры уже о том, что она порождает вражду между членами одного и того же общества, – иногда вызывает со стороны имущих, желающих, не взирая на всю неправоту, отстаять свои интересы, преступные деяния, выражающиеся в нежелании подчиниться судебным постановлениям и даже в сопротивлении властям.

...

В заводском деле в отчетном году ненормальность отношений между рабочими и предпринимателями замечена была только на стеклянном заводе Когана при деревне Благодати, Краснодолинской волости, Землянского уезда. Вопрос по найму рабочих на упомянутом заводе поставлен так: контора завода нанимает только мастеров, а эти последние уже от себя на счет завода, нанимают себе помощников – рабочих и денежный расчет с ними ведут непосредственно сами. При такой постановке дела администрация завода, совершенно устраняя себя от расчетов с рабочими, находит возможным не выдавать мастерам денег на расплату с рабочими за те дни, когда работы на заводе приостанавливаются по вине самой администрации. Такое отношение администрации завода Когана к рабочим в феврале месяце отчетного года вызвало забастовку со стороны последних.

... Забастовка продолжалась до тех пор, пока администрация завода, под давлением фабричного инспектора, не удовлетворила требования рабочих.

Приведенный случай на заводе Когана хотя и не имел, благодаря своевременному вмешательству чинов полиции и фабричной инспекции, серьезных последствий, тем не менее он указывает, что общепринятый в настоящее время способ борьбы фабричных и заводских рабочих с предпринимателями – забастовка – не безызвестен даже и в таком захолустье, как деревня Благодатная Землянского уезда.

Все вышеизложенное является достаточным свидетельством того, что в Воронежском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах в среде

крестьянства не мало лиц, которым из-за своего далеко не приглядного существования приходится вести неравную борьбу. Лица эти в неудачах своей борьбы нередко склонны винить правительственные распоряжения и вообще правительство, якобы поставившее их в такое положение. Таким образом, в силу само собой сложившихся обстоятельств, рождается контингент недовольных, самим положением вещей, вполне подготовленных к восприятию антиправительственных воззрений. Этот контингент недовольного крестьянства, бесспорно, может представлять собою широкое поле для деятельности лиц, стремящихся привить свои преступные, противоправительственные воззрения общей массе населения.

...

Помощник Начальника Воронежского Губерн.

Жандармского Упр-ния в Воронежск.,

Задон., Землян. и Нижнедевицком уездах,

Подполковник Померанцев

Источник: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 82. Л. 99–103.

Количество производимых ВГЖУ расследований по политическим преступлениям и число арестованных (1900–1916 гг.)

год	количество расследований	число арестованных
1900	15	19
1904	55	не менее 81
1906	355	–
1907	–	606
1908	151	264
1909	74	153
1910	42	281
1912	30	30
1914	не менее 15	не менее 15
1915	26	–
1916	31	–

Источник: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 392–499; Д. 868. Л. 1–33 об.; Д. 980. Л. 25–169 об.; Д. 1532. Л. 1–12; Оп. 2. Д. 81. Л. 16–17; Д. 173. Л. 96–97; Д. 588. Л. 10; Д. 817. Л. 31, 32; Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г. Воронеж, 1911. Отд. II Статистический. С. 118; Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж, 1914. Отд. II Статистический. С. 114; Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. Отд. II Статистический С. XXVIII.